ИЗЪ ИСТОРІИ

ПОЛИТИЧЕСКОЙ СВОБОДЫ

О. Ф. 35 г.

Другія работы проф В. Ѳ. Дерюжинскаго:

Habeas Corpus Актъ и его пріостановка по англійскому праву. Очеркъ основныхъ гарантій личной свободы въ Англіи и ихъ временнаго ограниченія. Юрьевъ (Дерптъ). 1895 г. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Выдающіеся англійскіе дѣятели XIX вѣка.—Характеристики Брайса (Лордъ Биконсфильдъ — Гладстонъ. — Парнель. — Гринъ.— Фриманъ —Лордъ Актонъ). Спб. 1904 г. Цѣна 60 коп.

Полицейское право (Право передвиженія.—Союзы и собранія.— Печать —Чрезвычайныя мѣры безопасности —Санитарная и медицинская полиція —Полиція правовъ.—Народное образованіе.—Общественное призрѣніе и благотворительность —Фабричное законодательство). Спб. 1903 г. Цѣна 3 руб.

Общественное призрѣніе у крестьянъ. Спб. 1899 г. Цѣна 25 коп.

Судебные дѣятели объ университетской подготовкѣ молодыхъ юристовъ. Спб. 1902 г. Цѣна 25 коп.

Международная борьба съ торговлею женщинами. Спб. 1903 г Цѣна 30 коп.

А. Эсменъ.—Общія основанія конституціоннаго права Переводъ съ французскаго подъ редакціей проф. В. Ѳ. Дерюжинскаго. Спб 1898 г.

Г Джефсонъ.—Платформа, ея возникновеніе и развитіе Исторія публичныхъ митинговъ въ Англіи. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей проф. В. Ѳ. Дерюжинскаго. Спб. 1901 г. Два тома.

ИЗЪ ИСТОРІИ

ПОЛИТИЧЕСКОЙ СВОБОДЫ

ВЪ

АНГЛІИ И ФРАНЦІИ

В. Ѳ. ДЕРЮЖИНСКАГО
Профессора С.-Петербургскаго Университета

ОБОН 10

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28

1906

ОК

БИБЛІОТЕКА
ЛЕНИНГРАДСКАГО
ОТДѢЛЕНІЯ
АКАДЕМІИ
Д29
3t

3508

Въ этой книгѣ собраны статьи, напечатанныя авторомъ въ нѣсколькихъ періодическихъ изданіяхъ, а именно въ журналахъ „Вѣстникъ Европы“, „Русская Мысль“ и „Юридическій Вѣстникъ“ и въ газетѣ „Русскія Вѣдомости“, въ 80-хъ и 90-хъ годахъ [1]).

Написанные въ мрачный періодъ расцвѣта реакціонной политики, задержавшей и извратившей спокойный ходъ нашего общественнаго развитія, очерки эти, при всемъ разнообразіи ихъ темъ и предметовъ, проникнуты единствомъ мысли и стремленій. Авторъ исходилъ изъ твердаго убѣжденія въ томъ, что знакомство съ политическою исторіею другихъ народовъ составляетъ одну изъ главныхъ потребностей русскаго общества и что изъ области политической исторіи особеннаго вниманія заслуживаетъ развитіе политической свободы въ ея различныхъ видахъ и проявленіяхъ.

---

[1]) Въ *Вѣстникѣ Европы*. „Публичные митинги въ Англіи (1893 г.)—Въ *Русской Мысли*: „Клемансо“ (1893 г.).—Въ *Юридическомъ Вѣстникѣ*: „Монтескье какъ историкъ и публицистъ“ (1889 г.),—„Верхняя палата во Франціи“ (1887 г.), „Печать во Франціи при Наполеонѣ I“ (1883 г.).—Въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*: „Свобода печати и судъ присяжныхъ въ Англіи“ (1888 г.), „Парнелль и Ирландія“ (1891 г.), „Гладстонъ“ (1889 г.), „Конституція Третьей Республики“ (1888 г.), „Буланже и Буланжизмъ“ (1891 г.).

Издавая свои очерки „Изъ исторіи политической свободы въ Англіи и Франціи“, авторъ рѣшается думать, что въ настоящее время, когда мы безповоротно вступили на путь свободнаго политическаго развитія, книга эта окажется не лишнею въ нашей еще небогатой политической литературѣ.

В Дерюжинскій.

12 октября 1905 г
С.-Петербургъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр
Монтескье какъ историкъ и публицистъ . .	1
Публичные митинги въ Англіи. . . .	20
Свобода печати и судъ присяжныхъ въ Англіи .	109
Парнелль и Ирландія	129
Гладстонъ.	184
Верхняя палата во Франціи	199
Печать во Франціи при Наполеонѣ I	243
Конституція Третьей Республики.	269
Буланже и буланжизмъ	298
Клемансо	307

МОНТЕСКЬЕ

КАКЪ ИСТОРИКЪ И ПУБЛИЦИСТЪ [1])

---

[6]/18 января 1889 года исполнилось два столѣтія со времени рожденія Монтескье.

Съ теоріею раздѣленія властей неразрывно связано значеніе этого знаменитаго имени въ исторіи политическихъ и юридическихъ наукъ. Но въ дѣятельности великаго мыслителя были еще другія важныя заслуги; и напомнить о нихъ умѣстно по случаю юбилейнаго празднества, посвященнаго его памяти.

Одною изъ величайшихъ заслугъ Монтескье въ научной области по справедливости считается тотъ глубокій переворотъ, который произвели его сочиненія въ пріемахъ историческаго изслѣдованія. Онъ впервые созналъ и примѣнилъ на дѣлѣ (главнымъ образомъ въ своихъ Considérations sur les causes de la grandeur des Romains et de leur décadence) великій принципъ, по которому ходъ исторіи опредѣляется общими причинами, широкими теченіями и постоянными

---

[1]) Статья эта была прочитана авторомъ въ засѣданіи Московскаго Юридическаго Общества. 16 января 1889 года, посвященномъ чествованію двухсотлѣтія со времени рожденія Монтескье.

тенденціями и лишь въ слабой степени испытываетъ на себѣ вліяніе отдѣльныхъ событій и отдѣльныхъ личностей.

«Существуютъ — говоритъ Монтескье [1]) — причины общія, нравственныя и физическія, которыя дѣйствуютъ въ каждомъ государствѣ, возвышаютъ его, поддерживаютъ или разрушаютъ; всѣ отдѣльные случаи подчинены этимъ причинамъ; и если случайность какой-нибудь битвы, т.-е. причина частная, разрушила какое-нибудь государство, то, значитъ, была какая-нибудь общая причина, которая дѣлала то, что это государство должно было погибнуть отъ одного сраженія. Однимъ словомъ, главное теченіе влечетъ за собою всѣ отдѣльные случаи».

Прежніе историки имѣли склонность объяснять многія важныя и крайне сложныя событія вліяніемъ или образомъ дѣйствій отдѣльныхъ личностей, которыя и сосредоточивали на себѣ преимущественное вниманіе. Отдѣливъ исторію отъ біографіи, Монтескье впервые показалъ, что главное вниманіе историка должно быть обращено на изученіе не индивидуальныхъ особенностей, а общаго строя того общества, въ которомъ эти особенности проявляются. Стремясь раскрыть истинныя причины сложныхъ историческихъ явленій, какъ, напр., паденія римской республики, онъ сдѣлалъ значительный шагъ впередъ сравнительно съ тѣми пріемами, при помощи которыхъ люди прежде довольствовались объясненіемъ себѣ хода міровыхъ событій,—съ идеями неисповѣдимыхъ велѣній Провидѣнія или случайныхъ прихотей безсознательнаго рока.

Въ связи съ этою великою заслугою Монтескье въ области философіи исторіи нельзя не остановиться на немъ, какъ на авторѣ первой попытки научнаго построенія сравнительной теоріи политики и права. Онъ твердо усвоилъ себѣ безспорную теперь истину, что она не можетъ быть по-

[1]) *Considérations*, и т. д., изд. Firmin-Didot, P. 1879, стр. 133.

строена при помощи абстрактныхъ умозрѣній и произвольныхъ комбинацій съ воображаемыми людьми, не принадлежащими ни къ какой опредѣленной расѣ или странѣ. Въ основу своей политической философіи онъ положилъ историческій опытъ и наблюденіе дѣйствительной жизни, общественныхъ и политическихъ учрежденій. Къ изученію ихъ онъ впервые приложилъ сравнительный методъ и далъ попытку обозрѣнія большого количества соціальныхъ явленій въ ихъ причинахъ и взаимоотношеніяхъ. Огромное значеніе слѣдуетъ признать и за его попыткою изслѣдованія вліянія физическихъ условій страны на ея общественный и политическій строй, хотя справедливость требуетъ оговорить, что подобная попытка была сдѣлана значительно ранѣе его Боденомъ въ его трактатѣ о республикѣ.

Многія теоріи Монтескье не выдерживаютъ критики, нѣкоторыя построенія произвольны, исполненіе не всегда было такъ удачно, какъ концепція, напр., хотя бы въ той же попыткѣ построенія теоріи вліянія климата и другихъ физическихъ условій. Это и неудивительно, если принять во вниманіе, что въ распоряженіи Монтескье для построенія и провѣрки многихъ обобщеній не было достаточныхъ средствъ: такія науки, какъ метеорологія, химія, физіологія были еще слишкомъ мало разработаны, а политическая экономія и статистика, столь важныя для изслѣдователя общественныхъ явленій, были еще лишь въ зародышѣ. Какъ бы то ни было, его попытки не прошли безслѣдно. Онъ указалъ правильный путь изслѣдованія общественныхъ явленій и далъ сильный толчекъ научному движенію въ этой области. Безъ преувеличенія можно сказать, что отъ него ведетъ свое начало господствующее въ настоящее время направленіе въ разработкѣ исторіи права и учрежденій—направленіе, уже давшее многіе блестящіе результаты и много обѣщающее въ будущемъ.

Отмѣченная мною попытка построенія теоріи политики

и права была сдѣлана Монтескье въ его капитальномъ трудѣ — *Духъ законовъ*. Предпринимая это изслѣдованіе, Монтескье исходилъ изъ той мысли, что «въ безконечномъ разнообразіи законовъ и нравовъ люди руководствуются не единственно своими фантазіями» [1]. «Люди — говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ — находятся подъ дѣйствіемъ многихъ факторовъ: климата, религіи, законовъ, принциповъ управленія, примѣровъ прошлаго, нравовъ, обычаевъ» [2]... Эти элементы, подъ дѣйствіемъ которыхъ образуются человѣческія общества, связаны между собою, солидарны. Законы—это какъ бы нервы общественнаго организма. «Необходимо, чтобы они были въ соотношеніи съ природою и принципомъ того государственнаго строя, который установленъ или который желаютъ установить»... «Они находятся въ соотношеніи съ физическими условіями страны, съ климатомъ, качествомъ территоріи, родомъ жизни населенія, со степенью свободы, которую допускаетъ конституція, религіею жителей, ихъ наклонностями, ихъ богатствомъ, ихъ числомъ, ихъ торговлею, нравами, обычаями. Наконецъ, они находятся въ соотношеніи между собою, съ ихъ происхожденіемъ, съ порядкомъ вещей, для которыхъ они установлены. Ихъ слѣдуетъ разсматривать со всѣхъ этихъ точекъ зрѣнія. Это-то я и имѣю въ виду,—говоритъ Монтескье,—сдѣлать въ своемъ сочиненіи. Разсмотрю всѣ эти отношенія; въ совокупности своей они составляютъ то, что называютъ *духомъ законовъ* [3]».

Выполняя поставленную такимъ образомъ задачу, Монтескье охватываетъ самые разнообразные предметы — «безконечное количество предметовъ», по его выраженію [4],— черпая изъ исторіи различныхъ временъ и народовъ факты,

[1]) *Esprit des Lois*, préface.
[2]) Ib., книга XIX, гл. IV.
[3]) Ibid., кн. I, гл. III.
[4]) Ibid., предисловіе.

могущіе служить разъясненію интересующихъ его вопросовъ. Не имѣя въ виду дать полный анализъ содержанія *Духа законовъ*, постараюсь указать главный характеръ этого изслѣдованія и намѣтить въ общихъ чертахъ тѣ доктрины Монтескье, которыя имѣли особенное значеніе. Въ виду характерности стиля и пріемовъ Монтескье, я буду вести изложеніе, стараясь передавать его идеи по возможности его же собственными словами.

Главный предметъ изслѣдованія Монтескье и главную задачу, которую онъ преслѣдовалъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, составляетъ выясненіе вопроса о государствѣ и наилучшей формѣ правленія. Еще въ одномъ изъ *Персидскихъ писемъ* [1]) онъ словами Узбека говоритъ: «я часто задумывался, какое изъ всѣхъ правленій наиболѣе согласно съ разумомъ», и тутъ же даетъ отвѣтъ на этотъ вопросъ: «мнѣ кажется, что наиболѣе совершенное есть то, которое идетъ къ своей цѣли съ наименьшими жертвами и что такимъ образомъ то, которое ведетъ людей путемъ, наиболѣе отвѣчающимъ ихъ стремленіямъ и склонностямъ, есть и наиболѣе совершенное».

Вопросъ о возможно лучшихъ условіяхъ государственнаго строя интересовалъ его не только съ теоретической стороны, но и съ практической, какъ гражданина того государства, которое успѣло въ то время показать всю свою неудовлетворительность. Въ памяти Монтескье свѣжо было представленіе о темныхъ сторонахъ царствованія Людовика XIV; онъ съ опасеніемъ смотрѣлъ на вырожденіе французской монархіи въ деспотизмъ. «Большинство европейскихъ государствъ,—говоритъ онъ въ *Персидскихъ письмахъ* [2]),—монархическія или скорѣе такъ называются, ибо я не знаю, существовали ли когда-либо таковыя; по край-

---

[1]) Письмо LXXXI.

[2]) CIII.

ней мѣрѣ, невозможно, чтобы они существовали долгое время; это — грубое состояніе (état violent), которое всегда вырождается въ деспотизмъ или республику».

Говоря это, онъ разумѣлъ прежде всего Францію. Сознаніе ея темныхъ сторонъ выступаетъ и въ слѣдующей иронической характеристикѣ Людовика XIV, которую онъ вставляетъ въ одно изъ *Персидскихъ писемъ* [1]): «Король французскій самый могущественный государь въ Европѣ. Правда, у него нѣтъ золотыхъ розсыпей, какъ у испанскаго короля, его сосѣда, но у него больше богатствъ, такъ какъ онъ черпаетъ ихъ въ тщеславіи своихъ подданныхъ, болѣе неисчерпаемомъ, чѣмъ розсыпи. Не разъ видѣли, какъ онъ предпринималъ и велъ большія войны, не имѣя другихъ фондовъ, кромѣ продажныхъ почетныхъ титуловъ и, чудомъ человѣческой спеси (par un prodige d'orgueil humain), войска его были оплачены, крѣпости защищены, флотъ экипированъ. Впрочемъ, этотъ король великій магъ: онъ проявляетъ свою власть даже на умы своихъ подданныхъ; онъ заставляетъ ихъ думать такъ, какъ ему захочется. Если у него въ казнѣ одинъ милліонъ экю, а ему нужно два, то стоитъ ему убѣдить ихъ, что одинъ экю стоитъ два, и они вѣрятъ ему. Если ему нужно вести трудную войну и у него нѣтъ денегъ, то стоитъ ему вбить имъ въ голову, что клочекъ бумаги есть деньги, и они тотчасъ же убѣждаются; онъ доходитъ даже до того, что заставляетъ ихъ вѣрить, будто онъ можетъ исцѣлять отъ всякаго рода болѣзней своимъ прикосновеніемъ,—такъ велика сила и власть его надъ умами».

Монтескье — страшный врагъ деспотизма, темныя стороны котораго онъ ярко изображаетъ въ разныхъ мѣстахъ своихъ сочиненій. Ему ненавистенъ не только грубый деспотизмъ азіатскихъ народовъ, но и тотъ утонченный де-

[1]) XXIV.

спотизмъ, который водворилъ Августъ въ Римѣ послѣ своего торжества. «Онъ, говоритъ Монтескье [1]), установилъ порядокъ, т.-е. продолжительное рабство; ибо когда въ свободномъ государствѣ узурпирована верховная власть, называютъ порядкомъ то, что̀ можетъ упрочить безграничную власть одного, и называютъ безпорядкомъ, смутою, дурнымъ управленіемъ все то, что̀ можетъ сохранить достаточную свободу подданныхъ». Въ *Духѣ законовъ*, въ главѣ XIII книги V—«идея деспотизма»—онъ выражаетъ ее въ двухъ строкахъ: «когда дикари Луизіаны хотятъ достать плодъ, они срубаютъ дерево подъ корень и срываютъ плодъ. Вотъ деспотическое правленіе». «Карлъ XII—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ [2]),—будучи въ Бендерахъ и встрѣтивъ какое-то сопротивленіе въ шведскомъ сенатѣ, написалъ, что онъ пошлетъ ему командовать свой сапогъ. Этотъ сапогъ повелѣвалъ бы какъ деспотическій король». «Такъ какъ принципъ деспотическаго правленія есть страхъ, то цѣль его—спокойствіе: но это не миръ, это молчаніе тѣхъ городовъ, которые готовъ занять непріятель» [3]).

Въ рѣшеніи вопроса о лучшей формѣ правленія Монтескье исходитъ изъ той точки зрѣнія, что основною задачею государственнаго строя должно быть обезпеченіе политической и индивидуальной свободы. Тщательное изслѣдованіе природы и основныхъ принциповъ различныхъ государственныхъ формъ приводитъ его къ тому заключенію, что наиболѣе обезпечена свобода въ Англіи, монархіи съ представительнымъ правленіемъ. Эта форма правленія и является въ его глазахъ наиболѣе совершенною [4]), хотя онъ, слѣдуетъ замѣтить, категорически этого не утверждаетъ, что̀ впрочемъ легко объяснить, вспомнивъ стѣсни-

[1]) *Considérations*, и т. д.

[2]) *Esprit des Lois*, кн. V, гл. XIV.

[3]) Ibid

[4]) См. особенно кн. XI, гл. VI и кн. XIX, гл. XXVII.

тельныя условія печати въ ту эпоху, когда появился въ свѣтъ *Esprit des Lois*.

Въ ряду вопросовъ, особенно глубоко захваченныхъ и разработанныхъ въ *Духѣ Законовъ*, находится вопросъ о рабствѣ, противъ котораго Монтескье одинъ изъ первыхъ поднялъ свой авторитетный голосъ. Этотъ институтъ, нынѣ рѣшительно осужденный цивилизованнымъ человѣчествомъ, въ то время существовалъ и находилъ себѣ защитниковъ. Существованіе его рѣшались оправдывать такіе свѣтлые умы, какъ Гроцій, Боссюэ, Локкъ. Аргументы въ защиту или оправданіе рабства нашли себѣ страшнаго врага въ гуманномъ Монтескье. Нѣкоторые основывали рабство на правѣ войны, которое, будто бы, разрѣшаетъ побѣдителю убить плѣннаго; если жизнь плѣннаго принадлежитъ ему, то тѣмъ болѣе его свобода; отвести его въ рабство, значитъ оказать ему милость. «Не правда, — говоритъ на это Монтескье,— что позволительно убивать на войнѣ, иначе какъ въ случаѣ крайней необходимости; но разъ одинъ человѣкъ дѣлаетъ другого рабомъ, нельзя сказать, чтобы онъ былъ въ необходимости убить его, такъ какъ онъ этого не сдѣлалъ». Иногда основываютъ рабство на какомъ-то договорѣ; такъ, римское право разрѣшало неисправнымъ должникамъ продавать себя. «Не вѣрно—говоритъ на это Монтескье,—чтобы свободный человѣкъ могъ продавать себя. Продажа предполагаетъ цѣну; если рабъ продаетъ себя, все его имущество переходитъ въ собственность господина: такимъ образомъ господинъ не даетъ ничего, а рабъ не получаетъ ничего... Если непозволительно убивать себя, непозволительно и продавать себя. Свобода каждаго гражданина есть часть свободы политической... Если свобода имѣетъ цѣну для того, кто покупаетъ ее, то она безцѣнна для того, кто ее продаетъ». Вмѣстѣ съ этимъ падаетъ и третье оправданіе рабства, вслѣдствіе рожденія. Если человѣкъ не могъ продать себя, тѣмъ болѣе не могъ онъ продать своего сына,

который еще не былъ рожденъ. Если военноплѣнный не можетъ быть отведенъ въ рабство, то еще менѣе его дѣти» [1]). Въ другомъ мѣстѣ, говоря о рабствѣ негровъ [2]), онъ поражаетъ его ѣдкой ироніей: «сахаръ былъ бы слишкомъ дорогъ, если бы растеніе, его производящее, не заставляли воздѣлывать рабовъ. Тѣ, о комъ идетъ рѣчь, черны съ ногъ до головы, и у нихъ такіе сплющенные носы, что почти невозможно сожалѣть ихъ. Нельзя себѣ представить, чтобы Богъ, существо высокоразумное, могъ вложить душу, особенно душу добрую, въ совершенно черное тѣло... Доказательство, что негры не имѣютъ здраваго смысла, это—что они стеклянное ожерелье предпочитаютъ золоту, которое у образованныхъ націй имѣетъ такое огромное значеніе. Невозможно предположить, что бы они были люди, ибо если мы сочтемъ ихъ за людей, то придется думать, что мы не люди. Мелкіе умы черезчуръ преувеличиваютъ несправедливость по отношенію къ африканцамъ: ибо, если бы она была столь велика, какъ они говорятъ, то неужели не пришло бы въ голову европейскимъ государямъ, которые заключаютъ между собою столько безполезныхъ договоровъ, заключить одинъ общій въ духѣ милосердія и состраданія?»...

Въ вѣкъ, который всюду еще видѣлъ проявленія религіозной нетерпимости, Монтескье выступаетъ горячимъ защитникомъ религіозной свободы. Говоря въ разныхъ мѣстахъ своихъ сочиненій о религіозныхъ преступленіяхъ, крайностяхъ въ ихъ преслѣдованіи, злоупотребленіяхъ духовенства, онъ высказалъ рядъ мыслей, имѣвшихъ огромное значеніе въ подготовкѣ окончательнаго торжества началъ свободы совѣсти.

Въ *Персидскихъ письмахъ* находимъ по этому вопросу

---

[1]) *Esprit des Lois*, кн. XV, гл. II.

[2]) Ibid., кн XV, гл. V.

нѣсколько страницъ, наполненныхъ крайне ѣдкими замѣчаніями о папѣ, духовенствѣ, инквизиціи, что̀, впрочемъ, ни мало не исключаетъ глубины и серьезности самыхъ мыслей. «Папа» [1]) — это старый идолъ, которому поклоняются по привычкѣ... онъ называетъ себя наслѣдникомъ одного изъ первыхъ христіанъ, по имени Петра; и это очевидно хорошее наслѣдіе, ибо онъ имѣетъ несмѣтныя сокровища и большую страну подъ своимъ владычествомъ. Епископы— люди закона, подчиненные папѣ; они имѣютъ подъ его верховенствомъ двѣ весьма различныхъ функціи. Когда они собраны вмѣстѣ, они, какъ и онъ, составляютъ правила вѣры. Когда же они въ отдѣльности, то у нихъ нѣтъ другой функціи, какъ освобождать отъ исполненія этихъ правилъ. Извѣстно, что христіанская религія наполнена безконечными, очень тяжелыми обрядами; полагая, что исполнять свои обязанности не такъ легко, какъ имѣть епископовъ, освобождающихъ отъ нихъ, предпочли послѣднее ради общей пользы: такъ, если не хотятъ совершать рамазанъ, если не хотятъ подчиняться брачнымъ формальностямъ, если желаютъ отказаться отъ данныхъ обѣтовъ, если хотятъ вступить въ бракъ вопреки законнымъ запрещеніямъ, иногда даже когда желаютъ нарушить присягу, то идутъ къ епископу или папѣ, который тотчасъ даетъ свое разрѣшеніе. Епископы не составляютъ правилъ вѣры по собственному своему побужденію; существуетъ безконечное число докторовъ, большею частью дервиши, которые поднимаютъ между собою тысячи новыхъ религіозныхъ вопросовъ; имъ предоставляютъ долго спорить, и война продолжается до тѣхъ поръ, пока ее не закончитъ какое-нибудь рѣшеніе. Могу тебя увѣрить, что никогда не было государства, въ которомъ было бы столько междоусобицъ, какъ въ царствѣ Христа. Тѣ, кто высказываютъ какую-

[1]) Письмо XXIX.

нибудь новую мысль, прежде всего объявляются еретиками. Каждая ересь имѣетъ свое названіе, которое служитъ сигналомъ объединенія прикосновенныхъ къ ней... Я слышалъ, что въ Испаніи и Италіи есть нѣкоторые дервиши (монахи инквизиціи), которые не понимаютъ шутки (raillerie) и которые жгутъ людей, какъ солому... Другіе судьи обыкновенно презюмируютъ, что обвиняемый невиновенъ, эти всегда предполагаютъ его виновнымъ. Въ сомнѣніи они принимаютъ за правило склоняться въ пользу большей строгости, очевидно потому, что они считаютъ людей злыми» [1]). «Въ католическихъ странахъ не только культура земли заброшена, но и образованіе тамъ находится въ ужасномъ положеніи; оно состоитъ лишь въ обученіи пяти—шести словамъ на мертвомъ языкѣ; разъ человѣкъ овладѣетъ этими знаніями, ему нечего безпокоиться о своей судьбѣ; онъ находитъ въ монастырѣ спокойную жизнь, которая въ міру стоила бы ему и трудовъ и страданій. Это не все; дервиши держатъ въ своихъ рукахъ почти всѣ государственныя богатства. Это—общество людей алчныхъ, которые всегда берутъ и никогда ничего не даютъ»...

Въ *Esprit des Lois* мы не встрѣчаемъ такихъ рѣзкостей, но и въ этомъ произведеніи, высказывая глубокое уваженіе къ религіи, Монтескье остается вѣренъ своимъ либеральнымъ принципамъ. Онъ возстаетъ противъ жестокихъ законовъ о религіозныхъ преступленіяхъ, продукта нетерпимости, и, вполнѣ признавая необходимость охраненія достоинства религіи отъ преступныхъ покушеній, рѣшительно высказывается противъ преслѣдованія внутреннихъ убѣжденій. «Въ вещахъ, нарушающихъ спокойствіе или безопасность государства, скрытыя дѣйствія (actions cachées) могутъ подлежать человѣческому правосудію; но въ тѣхъ, которыя оскорбляютъ божество, тамъ, гдѣ нѣтъ публичнаго

[1]) Письмо XXIX.

дѣйствія, нѣтъ мѣста преступленію: все здѣсь происходитъ между человѣкомъ и Богомъ, который знаетъ мѣру и время своего отмщенія» [1]).

Аргументы свои противъ жестокости и несправедливости религіозныхъ преслѣдованій Монтескье высказываетъ въ формѣ импровизированнаго имъ увѣщанія, съ которымъ лиссабонскій еврей обратился къ инквизиторамъ Испаніи и Португаліи. Приведу нѣкоторыя мѣста изъ этихъ краснорѣчивыхъ страницъ въ защиту религіозной терпимости. «Вы жалуетесь — говоритъ онъ инквизиторамъ — что японскій императоръ велитъ жечь на медленномъ огнѣ всѣхъ христіанъ, которые окажутся въ его владѣніяхъ; но онъ вамъ отвѣтитъ: мы обращаемся съ вами, которые вѣруете не такъ, какъ мы, точно такимъ же образомъ, какъ вы сами обращаетесь съ тѣми, которые вѣруютъ неодинаково съ вами... Мы заклинаемъ васъ не могущественнымъ Богомъ, которому служимъ мы и вы, но Христомъ, который, какъ вы говорите, принялъ человѣческій образъ для того, чтобы дать вамъ примѣры, которымъ вы могли бы слѣдовать; мы заклинаемъ васъ поступать съ нами такъ, какъ Онъ поступалъ бы, если бы Онъ былъ еще на землѣ. Вы хотите, чтобы мы были христіанами, а сами вы не хотите ими быть. Но если вы не хотите быть христіанами, то будьте, по крайней мѣрѣ, людьми: поступайте съ нами такъ, какъ вы поступали бы, если бы вы не имѣли религіи для руководства и откровенія для просвѣщенія, а лишь тѣ слабые проблески справедливости, которые даетъ намъ природа... Вы живете въ вѣкъ, когда просвѣщеніе болѣе чѣмъ когда-либо живо, когда философія просвѣтила умы, когда нравственныя ученія вашего Евангелія стали болѣе извѣстны, когда лучше установлены взаимныя права людей другъ къ другу, власть одной совѣсти надъ другою. Если

[1]) *Esprit des Lois*, кн XII, гл IV.

вы не откажетесь отъ вашихъ старыхъ предразсудковъ, которые легко обращаются въ страсти, то нужно будетъ признать, что вы неисправимы, неспособны къ просвѣщенію, и несчастна та нація, которая ввѣряетъ власть такимъ людямъ, какъ вы... Мы должны предупредить васъ объ одномъ: если кто-либо современемъ осмѣлится сказать, что въ вѣкъ, въ который мы живемъ, народы Европы были образованы, на васъ будутъ указывать въ подтвержденіе того, что они были варвары; понятіе, которое составится о васъ, запятнаетъ вашъ вѣкъ и пробудитъ ненависть ко всѣмъ вашимъ современникамъ» [1]).

Рядомъ съ этою краснорѣчивою защитою религіозной терпимости, въ *Духѣ законовъ* мы видимъ также установленіе истинныхъ началъ свободы мысли и слова. «На законахъ лежитъ обязанность карать лишь внѣшнія дѣйствія [2])... Слова сами по себѣ не образуютъ состава преступленія, они остаются лишь въ идеѣ... Не слова должны быть наказуемы, а совершенныя дѣйствія, если они находятся въ зависимости отъ употребленныхъ словъ. Они становятся преступленіемъ лишь тогда, когда они подготовляютъ, сопровождаютъ преступное дѣяніе или слѣдуютъ за нимъ» [3]). Говоря это, Монтескье очевидно находился подъ впечатлѣніемъ тѣхъ наблюденій, которыя ему пришлось сдѣлать, во время его путешествій, надъ положеніемъ печати въ Англіи. Отъ него не ускользнула основная, характеристичная гарантія свободы этой печати, а именно тотъ принципъ, по которому люди подлежатъ тѣмъ или другимъ ограниченіямъ въ своей свободѣ или наказаніямъ не потому, что они могутъ нарушить законы, а лишь потому и только тогда, когда они дѣйствительно нарушаютъ законы.

---

[1]) *Esprit des Lois*, кн. XXV, гл. XIII.
[2]) Ibid., кн. XII, гл. XI.
[3]) Ibid., кн. XII, гл. XII.

совершаютъ какое-либо опредѣленное, предусмотрѣнное закономъ преступленіе.

Вѣрный своимъ гуманнымъ принципамъ, Монтескье ратуетъ противъ жестокости уголовныхъ наказаній, отъ свойства которыхъ въ его глазахъ «главнымъ образомъ зависитъ гражданская свобода» [1]). «Болѣе или менѣе жестокія наказанія въ государствѣ»—говорится въ одномъ изъ *Персидскихъ писемъ* [2]),—«не дѣлаютъ того, что тамъ болѣе повинуются законамъ. Въ странахъ, гдѣ наказанія умѣренны, ихъ боятся такъ же, какъ и въ тѣхъ, гдѣ они—тираничны и ужасны». Жестокія наказанія не только излишни, но они прямо вредны, развивая въ населеніи грубость нравовъ. «Есть два рода извращенія»,—говоритъ онъ въ *Духѣ законовъ* [3]),—одинъ, когда народъ не повинуется законамъ; другой, когда народъ развращается законами: зло неисправимое, ибо оно лежитъ въ самомъ лекарствѣ».

Монтескье ратуетъ за гуманные и справедливые принципы въ формахъ уголовнаго процесса и высказывается противъ пытки [4]), съ восторгомъ привѣтствуя отмѣну ея въ Англіи. На ряду съ идеями о суровости наказаній, оказавшими самое благотворное вліяніе на реформу уголовныхъ законодательствъ, онъ одинъ изъ первыхъ указалъ великій принципъ, что хорошій законодатель долженъ придавать большее значеніе предупрежденію преступленій, чѣмъ ихъ наказанію [5]).

Сознавая необходимость для государства, въ нѣкоторыхъ случаяхъ [6]), прибѣгать къ исключительнымъ мѣрамъ огра-

---

[1]) *Esprit des Lois*, кн. XII, гл. II

[2]) Письмо LXXXI.

[3]) *Esprit des Lois*, кн. VI, гл. XII.

[4]) Ibid., кн VI, гл. XVII.

[5]) Ibid, кн. VI, гл. IX.

[6]) „Бываютъ случаи, когда нужно на нѣкоторое время (pour un

жденія его цѣлости и спокойствія, Монтескье рекомендуетъ умѣренность въ примѣненіи этихъ мѣръ. «Когда республикѣ»,—говоритъ онъ,—«удается покончить съ тѣми, кто стремился низвергнуть ее, необходимо поспѣшить положить предѣлъ отмщенію, карамъ и даже наградамъ. Нельзя совершать великія кары, а слѣдовательно и большія перемѣны безъ того, чтобы не надѣлить нѣкоторыхъ гражданъ широкою властью. Въ этомъ случаѣ лучше прощать много, чѣмъ много карать, изгонять мало, чѣмъ изгонять много, сохранять имущества, чѣмъ умножать конфискаціи. Подъ предлогомъ отмщенія за республику можетъ установиться тираннія отмстителей... Нужно какъ можно скорѣе возвратиться къ обычному теченію управленія, при которомъ защищаютъ все и ни противъ кого не вооружаются» [1]).

Въ связи съ этимъ Монтескье осуждаетъ и исключительные суды, которые, по его словамъ, являются вещью самою безполезною для государя, тогда какъ они «уменьшаютъ свободу въ монархіяхъ». Припоминая эпоху Генриха VIII въ Англіи, онъ замѣчаетъ по поводу коммиссаровъ (исключительныхъ судей): «государь такъ мало извлекаетъ изъ нихъ пользы, что для этого не стоитъ измѣнять обычный порядокъ вещей. Несомнѣнно, что въ немъ духъ честности и справедливости болѣе силенъ, чѣмъ у коммисаровъ, которые всегда себя достаточно оправдываютъ его повелѣніями, туманнымъ государственнымъ интересомъ, избраніемъ ихъ и даже своими собственными опасеніями» [2]).

Рѣзкое осужденіе встрѣчаетъ въ Монтескье и шпіонство. «Это»,—говоритъ онъ,—«не обычная практика хорошихъ государей». Когда человѣкъ вѣренъ законамъ, онъ исполняетъ

---

moment) набросить на свободу покрывало, какъ нѣкогда покрывали статуи боговъ" (E. d. L., кн. XII, гл. XX).

[1]) Ibid., кн. XII. гл. XVIII.

[2]) Ibid. кн. XII. гл XXII.

свой долгъ по отношенію къ государю. Нужно, по крайней мѣрѣ, чтобы домъ его былъ для него убѣжищемъ и вообще, чтобы онъ чувствовалъ себя въ безопасности. Шпіонство было бы, можетъ быть, терпимо, если бы оно могло осуществляться людьми честными; но необходимая безчестность лица вынуждаетъ заключить о безчестности самаго дѣла» [1])...

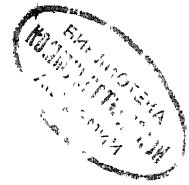
Ратуя за широкое примѣненіе справедливости, свободы и законности во внутренней жизни государствъ, Монтескье является провозвѣстникомъ гуманныхъ началъ и въ области международныхъ отношеній. Уже въ *Персидскихъ письмахъ* Монтескье не разъ затрогиваетъ вопросы о войнахъ, постоянныхъ войскахъ, правѣ завоеванія и т. п. Постоянныя войска, въ глазахъ Узбека, письма котораго особенно ярко выражаютъ собственныя мысли Монтескье,—оружіе обоюдоострое, которымъ нерѣдко злоупотребляютъ. «Мнѣ говорили»,—пишетъ онъ [2]),—«что одно изобрѣтеніе бомбъ уничтожило свободу у всѣхъ европейскихъ народовъ. Государи, не будучи болѣе въ состояніи ввѣрять защиту крѣпостей горожанамъ, которые съ первою бомбою сдались бы, получили поводъ содержать обширные корпуса регулярныхъ войскъ, при помощи которыхъ они съ теченіемъ времени стали притѣснять своихъ подданныхъ. Ты знаешь, что со времени изобрѣтенія пороха нѣтъ болѣе неприступныхъ крѣпостей, т.-е. нѣтъ болѣе на землѣ убѣжища отъ несправедливости и насилія. Я боюсь, какъ бы въ концѣ концовъ не дошли до открытія какого-нибудь секрета, который доставилъ бы еще болѣе простой способъ истреблять людей, уничтожать народы и цѣлыя націи»... Въ отвѣтъ на это письмо другой персъ говоритъ [3]): «ты боишься, какъ бы не изобрѣли какого-нибудь еще болѣе ужаснаго способа

---

[1]) Ibid., кн. XII, гл. XXIII.

[2]) Письмо CVI.

[3]) Письмо CVII.



разрушенія. Нѣтъ, если бы и появилось такое ужасное изобрѣтеніе, оно скоро было бы запрещено международнымъ правомъ; единодушное соглашеніе народовъ похоронило бы такое открытіе»... Невольно при чтеніи этихъ словъ приходятъ на память современныя открытія по части человѣкоистребленія, всевозможные динамиты, мелиниты и пр., и скажешь себѣ—какъ еще, при всѣхъ завоеваніяхъ прогресса, далеки мы отъ высокихъ культурныхъ идеаловъ.

Узбекъ скептически относится къ международному праву, которое должно регулировать отношенія между отдѣльными государствами. «Это право, какъ оно существуетъ теперь»,—говоритъ онъ [1]),—«есть наука, поучающая правителей, до какой степени они могутъ нарушать справедливость, не шокируя своихъ интересовъ». Онъ признаетъ лишь два рода справедливыхъ войнъ: однѣ, которыя ведутся, чтобы отразить нападающаго врага, другія—чтобы помочь атакованному союзнику» [2]). Войны изъ-за частныхъ пререканій между государями, изъ-за оскорбленнаго самолюбія и другихъ личныхъ соображеній, столь частыя въ прежнее время, объявляются несправедливыми. Въ *Духѣ законовъ* Монтескье устанавливаетъ слѣдующій принципъ, который долженъ лежать въ основѣ международныхъ отношеній: «различныя націи должны дѣлать другъ другу въ мирѣ—возможно больше добра, въ войнѣ—возможно меньше зла, безъ вреда своимъ истиннымъ интересамъ» [3]).

Закончу этотъ очеркъ слѣдующими соображеніями Монтескье о вредѣ и опасности милитаризма. Мысли его по этому вопросу тѣмъ болѣе замѣчательны, что въ его время это бѣдствіе далеко еще не приняло тѣхъ ужасающихъ размѣровъ, до которыхъ оно дошло въ наше время. «Новая

---

[1]) Письмо XCV.

[2]) Письмо XCVI

[3]) *Esprit des Lois*, кн. I, гл. III.

болѣзнь распространилась въ Европѣ», говоритъ онъ въ *Духѣ законовъ* [1]): „она поразила нашихъ государей, заставляя ихъ содержать безмѣрное количество войскъ. По временамъ она усиливается и становится заразительною по необходимости, ибо какъ только одно государство увеличиваетъ свои войска, другія немедленно же увеличиваютъ свои, и въ результатѣ это приводитъ лишь ко всеобщему разоренію. Каждый монархъ держитъ наготовѣ столько войскъ, сколько онъ могъ бы выставить, если бы его народу угрожала опасность истребленія; и это состояніе усилій всѣхъ противъ всѣхъ называютъ миромъ. Въ концѣ концовъ Европа оказывается настолько разоренною, что если бы частнымъ лицамъ пришлось быть въ такомъ положеніи, въ какомъ теперь находятся три могущественнѣйшія державы нашей части свѣта, то имъ не на что было бы жить. При всѣхъ богатствахъ и міровой торговлѣ мы бѣдны, и скоро у насъ не будетъ ничего, кромѣ солдатъ, мы обратимся въ татаръ... Послѣдствіемъ такого положенія является безпрестанное увеличеніе налоговъ, и—что особенно безотрадно—въ затратахъ на военное дѣло уже не ограничиваются доходами, а употребляютъ на нихъ самый капиталъ. Теперь нерѣдко можно видѣть, какъ государства, даже въ мирное время, разстроиваютъ свои фонды и употребляютъ, для своего разоренія, средства, которыя они называютъ экстраординарными и которыя дѣйствительно такъ экстраординарны, что ихъ съ трудомъ могъ бы представить себѣ членъ самой разоренной семьи»...

Я указалъ лишь основные принципы, которыми проникнуто ученіе Монтескье, намѣтилъ лишь наиболѣе важныя доктрины и идеи, высказанныя имъ въ его произведеніяхъ. О великомъ значеніи Монтескье въ научномъ отношеніи я уже говорилъ въ началѣ своего очерка. Нужно ли говорить

---

[1]) Книга XIII, гл. XVII.

о вліяніи его доктринъ въ сферѣ практической жизни, общественной и политической? Въ этомъ отношеніи достаточно указать на тотъ великій переворотъ, который совершился въ теченіе послѣдняго столѣтія въ общественномъ бытѣ и государственномъ строѣ европейскихъ народовъ. Въ этомъ водвореніи принциповъ свободы, законности и гуманности на мѣсто прежде повсемѣстно царившихъ насилія, произвола и грубости—роль Монтескье велика и незабвенна. Въ дѣлѣ упроченія въ Западной Европѣ политической свободы онъ вліялъ и непосредственно своими сочиненіями, и черезъ то широкое и плодотворное движеніе въ области теоретической мысли и практической жизни, сильный толчекъ и руководство которому далъ онъ своими глубокими и благородными идеями.

ПУБЛИЧНЫЕ МИТИНГИ

ВЪ АНГЛІИ

Всякому, даже поверхностно знакомому съ политическою жизнью Англіи, хорошо извѣстно, какую значительную роль играютъ въ ней нынѣ публичные митинги или собранія. Они представляютъ тамъ собою одно изъ самыхъ обычныхъ проявленій общественной самодѣятельности, — настолько обычныхъ, что даже такія собранія, въ которыхъ участвуютъ чуть не сотни тысячъ, заносятся въ хронику текущихъ событій, какъ факты почти заурядные, не заключающіе въ себѣ ничего чрезвычайнаго. Рѣдкій день проходитъ безъ того, чтобы въ какомъ-нибудь пунктѣ Великобританіи не состоялось болѣе или менѣе многолюдное собраніе, созванное для обсужденія какого-либо вопроса, касающагося интересовъ либо всего населенія, либо болѣе или менѣе значительной группы его. Публичные митинги такъ глубоко укоренились въ нравахъ англійскаго общества, что оно съ трудомъ можетъ представить себѣ время, когда ихъ не было, или когда они встрѣчали себѣ рѣшительное противодѣйствіе, и уже совершенно не могло бы вообразить себя въ такихъ условіяхъ, при которыхъ общество было бы лишено возможности свободно осуществлять свои привычныя стремленія къ совмѣстной дѣятельности.

Вникнувъ въ подробности политическаго строя Англіи, не трудно понять, почему въ населеніи ея такъ велика эта привычка, и почему оно такъ дорожитъ правомъ устройства публичныхъ митинговъ, считая его однимъ изъ своихъ коренныхъ неотъемлемыхъ правъ.

Митинги являются прежде всего выразителями нуждъ и интересовъ народа, который при посредствѣ ихъ заявляютъ о томъ, что́ въ данное время тяготитъ, безпокоитъ или волнуетъ его. Если населеніе или извѣстная доля его ощущаетъ вредныя послѣдствія какихъ-либо законоположеній, если какія-нибудь особенныя обстоятельства пагубно отражаются на его положеніи, если въ общественномъ сознаніи созрѣваетъ потребность возбудить какой-нибудь новый вопросъ, — собираются митинги, на которыхъ и обсуждаются эти нужды, интересы и потребности. Все это такимъ образомъ становится извѣстнымъ и обществу, и правительству, которое вслѣдствіе этого получаетъ возможность имѣть всегда отчетливое представленіе о нуждахъ населенія и сообразно съ ними дѣйствовать не ощупью, а вполнѣ сознательно направлять свою дѣятельность въ ту или иную сторону. Эта функція публичныхъ митинговъ тѣсно связана съ основными задачами дѣятельности народныхъ представителей, засѣдающихъ въ Парламентѣ: митинги даютъ матеріалъ и опору для предложеній, вносимыхъ ими въ законодательное собраніе, служатъ важнымъ аргументомъ и хорошею иллюстраціею своевременности или настоятельности тѣхъ или другихъ вопросовъ, возбуждаемыхъ въ Парламентѣ. Еще бо́льшее значеніе имѣютъ митинги, организуемые въ тѣхъ кругахъ населенія, которые или вовсе не представлены, или представлены слабѣе другихъ въ законодательномъ собраніи; въ такихъ случаяхъ митинги служатъ главнымъ орудіемъ въ дѣлѣ мирной борьбы обездоленныхъ классовъ за свои права.

Въ тѣсной связи съ указаннымъ значеніемъ публичныхъ

митинговъ находится другое, не менѣе важное: не ограничиваясь заявленіемъ о своихъ нуждахъ, населеніе на публичныхъ митингахъ подвергаетъ эти нужды подробному обсужденію. И эта роль ихъ нимало не уменьшается отъ того, что дѣятельное обсужденіе текущихъ вопросовъ совершается и другими путями,—особенно въ печати. Въ этомъ отношеніи оба указанные органа общественнаго мнѣнія—пресса и митинги—взаимно другъ друга дополняютъ, другъ другу помогаютъ. Иногда печать выдвигаетъ на очередь вопросы, которые затѣмъ даютъ поводъ къ оживленнымъ проявленіямъ общественнаго движенія въ формѣ митинговъ; иногда же митингамъ принадлежитъ иниціатива въ возбужденіи вопросовъ, которые становятся темою дѣятельнаго обсужденія на столбцахъ и страницахъ періодической и не-періодической печати. Въ дѣлѣ выясненія и дебатированія различныхъ вопросовъ на сторонѣ митинговъ нерѣдко оказывается значительное преимущество передъ печатью въ томъ отношеніи, что они являются болѣе непосредственнымъ и, такъ сказать, болѣе внушительнымъ выраженіемъ взглядовъ и желаній населенія. Особенно рельефно выступаетъ это преимущество въ тѣхъ случаяхъ, когда митинги служатъ ареною для выясненія тѣхъ или другихъ вопросовъ руководителями и видными дѣятелями общественныхъ группъ или политическихъ партій, когда ораторами передъ многолюднымъ собраніемъ выступаютъ Гладстонъ, Морлей или Сольсбёри и Бальфуръ, стараясь выяснить справедливость и общественную пользу того или другого рѣшенія какого-нибудь важнаго вопроса. Такіе митинги представляютъ собою вѣрнѣйшій путь для всесторонняго разъясненія текущихъ вопросовъ, подготовляя болѣе правильное ихъ рѣшеніе сообразно съ дѣйствительными интересами и желаніями населенія.

Необходимо, далѣе, отмѣтить еще одно существенное значеніе публичныхъ митинговъ въ Англіи. Они служатъ

тамъ лучшимъ органомъ контроля страны надъ управленіемъ какъ внѣшними, такъ и внутренними дѣлами. Облекая своего представителя въ Парламентѣ обширными полномочіями участія въ рѣшеніи жизненныхъ вопросовъ, населеніе подвергаетъ его предварительному испытанію, которое и совершается главнымъ образомъ при посредствѣ публичныхъ митинговъ: избиратели даютъ свои голоса тому изъ кандидатовъ, программа котораго полнѣе и вѣрнѣе выражаетъ ихъ интересы и стремленія, на котораго они спокойнѣе могутъ возложить защиту этихъ интересовъ. Ввѣривъ ее своему представителю, избиратели и впослѣдствіи зорко слѣдятъ за его дѣятельностью въ Парламентѣ; по крайней мѣрѣ однажды въ годъ каждый членъ Палаты Общинъ считаетъ своимъ долгомъ отдать своимъ избирателямъ отчетъ въ своемъ образѣ дѣйствій, что́ и совершается опять-таки на публичныхъ митингахъ. Контролируя своихъ представителей и вліяя на нихъ, населеніе этимъ самымъ имѣетъ постоянный надзоръ надъ дѣйствіями Парламента, а слѣдовательно и всей правительственной системы, сила которой покоится на довѣріи страны; въ оцѣнкѣ же степени этого довѣрія наибольшую роль играютъ именно публичные митинги.

Такова въ общихъ чертахъ роль публичныхъ митинговъ въ системѣ англійскихъ политическихъ учрежденій—роль существенная и достаточно объясняющая, почему англійское общество такъ дорожитъ ими и почему оно такъ привыкло къ нимъ. Но привычка эта—явленіе сравнительно новое; публичные митинги въ современномъ ихъ значеніи составляютъ результатъ новѣйшаго періода въ развитіи англійскихъ политическихъ учрежденій—того періода, который характеризуется процессомъ постепенной „демократизаціи“ этихъ учрежденій. Въ историческомъ же ходѣ этого процесса,—очень сложнаго,—публичные митинги играли роль одного изъ наиболѣе замѣтныхъ, опредѣ-

ляющихъ факторовъ. Ихъ исторія есть въ значительной степени исторія англійской демократіи; успѣхи и неудачи, постигавшіе ихъ, знаменовали собою успѣхи и задержки демократическаго развитія Англіи.

Несмотря на столь важное значеніе института публичныхъ митинговъ, въ англійской политической литературѣ до послѣдняго времени не было сочиненія, спеціально посвященнаго развитію этого института. Онъ, конечно, не былъ вовсе оставляемъ безъ вниманія: ни одному историку послѣдняго столѣтія англійскаго политическаго развитія, ни одному біографу того или другого изъ видныхъ государственныхъ дѣятелей съ конца XVIII в. нельзя было такъ или иначе не коснуться публичныхъ митинговъ, какъ важнаго проявленія общественныхъ движеній, какъ вліятельнаго органа и выразителя общественнаго мнѣнія. Но о нихъ говорилось въ связи съ другими факторами и явленіями политической жизни Англіи, такъ сказать—попутно, между прочимъ—Тѣмъ бо̀льшій интересъ представляетъ появившееся недавно обширное сочиненіе Джефсона [1]), всецѣло посвященное исторіи публичныхъ митин-

---

[1]) The Platform; its Rise and Progress. By Henry Jephson. London, 1892 (Macmillan and C°). Два тома: XX+586 и 625 стр.—Въ предисловіи авторъ между прочимъ замѣчаетъ: „Трудно дать вполнѣ удовлетворительное опредѣленіе „платформы“. Опредѣляя ее въ широкомъ смыслѣ, я скажу, что всякая политическая рѣчь на какомъ-нибудь публичномъ собраніи, исключая только рѣчи, произносимыя съ церковной каѳедры и въ судахъ, входитъ въ понятіе платформы“. Изъ дальнѣйшихъ замѣчаній Джефсона видно, что въ это опредѣленіе онъ вводитъ и политическія рѣчи на публичныхъ банкетахъ, и публичныя чтенія, лекціи, на политическія темы. Терминъ „платформа“ съ начала текущаго столѣтія (по словамъ Джефсона, впервые въ 1820 г.) служилъ для обозначенія мѣста, съ котораго ораторы на митингахъ обращались къ своимъ слушателямъ. Впослѣдствіи же онъ вошелъ въ болѣе частое употребленіе и мало-по-малу подъ нимъ стали разумѣть не только мѣсто, съ котораго произносится рѣчь, но и „во-

говъ въ Англіи и ссвѣщенію ихъ роли со времени ихъ возникновенія до новѣйшей эпохи. Авторъ отнесся къ своей задачѣ вполнѣ добросовѣстно и на пространствѣ двухъ объемистыхъ томовъ далъ обильный и весьма интересный матеріалъ по политической исторіи Англіи за періодъ времени съ конца XVIII ст. до послѣднихъ лѣтъ [1]). Для своей работы онъ воспользовался нѣкоторыми до сихъ поръ неизданными рукописями, а также періодическою прессою за старые годы, преимущественно ежедневными газетами, изъ которыхъ почерпнулъ не мало любопытныхъ подробностей для характеристики митинговъ въ болѣе отдаленныя отъ насъ времена.

Въ виду того интереса, какой представляетъ тема, избранная Джефсономъ, и значительной новизны ея, мы намѣрены познакомить читателей съ содержаніемъ его сочиненія и, на основаніи его, дать очеркъ исторіи публичныхъ

обще всякое словесное выраженіе общественнаго мнѣнія внѣ стѣнъ Парламента". Въ виду же того, что главною формою внѣ-парламентскаго выраженія общественнаго мнѣнія въ Англіи служатъ именно публичные митинги, и что въ сочиненіи Джефсона рѣчь идетъ исключительно о нихъ (изрѣдка упоминается о политическихъ банкетахъ, публичныхъ чтеніяхъ), авторъ настоящей статьи не счелъ нужнымъ вводить въ свое изложеніе новый для насъ терминъ „платформа", а предпочелъ держаться термина „публичные митинги",—тѣмъ болѣе, что въ нашемъ литературномъ языкѣ онъ уже давно получилъ право гражданства и вполнѣ ясно обозначаетъ собою институтъ, развитію котораго посвящена эта статья.

[1]) Авторъ не касается, однако, почти вовсе роли публичныхъ митинговъ въ Ирландіи и ничего не говоритъ о новѣйшемъ гомрулерскомъ движеніи. А между тѣмъ онъ, въ качествѣ лица, занимавшаго постъ приватнаго секретаря при Форстерѣ и Тревильянѣ, могъ бы сообщить не мало интереснаго для исторіи этого движенія. Надо думать, что воздержался онъ отъ этого главнымъ образомъ потому, что вопросъ о гомрулѣ еще не получилъ своего окончательнаго рѣшенія, и потому трудно дѣлать его предметомъ объективнаго историческаго освѣщенія.

митинговъ въ Англіи въ связи съ тою ролью, какую играли они въ политическомъ ея развитіи.

I.

Возникновеніе публичныхъ митинговъ въ Англіи трудно пріурочить къ какому-нибудь опредѣленному періоду ея исторіи. Обычай устройства ихъ развивался постепенно и сначала очень медленно. Уже въ очень отдаленныя эпохи можно подмѣтить нѣкоторые случаи болѣе или менѣе многолюдныхъ собраній, на которыхъ произносились рѣчи и дебатировались различные интересы и заботы дня. Чаще всего происходило это въ годы какихъ-либо особенныхъ волненій и движеній; но вообще такія собранія представлялись лишь отдѣльными, случайными явленіями, не имѣвшими характера постояннаго, привычнаго института. Да они и не могли, конечно, получить замѣтное развитіе до тѣхъ поръ, пока политическія права были монополизированы въ рукахъ аристократіи, а прочіе классы общества удалены отъ какого бы то ни было участія въ политическихъ дѣлахъ страны. Лишь тогда, когда въ средѣ этихъ классовъ стало развиваться сознаніе своей политической безправности и начало расти и зрѣть убѣжденіе въ необходимости выйти изъ этого безправнаго положенія,—лишь тогда могла возникнуть и потребность въ митингахъ, какъ одномъ изъ способовъ заявлять о своихъ нуждахъ и желаніяхъ и подвергать совмѣстному обсужденію свои интересы.

Болѣе замѣтно эта потребность въ митингахъ стала выражаться не ранѣе начала второй половины XVIII вѣка, и потому только съ этого времени слѣдуетъ вести исторію публичныхъ митинговъ въ Англіи. Развитію ихъ въ сильной степени помогли, конечно, нѣкоторые элементы англійской общественной и государственной жизни, какъ она

уже сложилась въ теченіе предшествовавшихъ періодовъ. Зародыши публичныхъ митинговъ можно замѣтить частью въ тѣхъ собраніяхъ мѣстныхъ жителей, которые созывались иногда органами мѣстнаго управленія приходовъ и графствъ; но особенное значеніе въ этомъ отношеніи имѣли тѣ случаи, когда англичане обращались къ осуществленію права подачи петицій Королю и Парламенту. Это право населенія заявлять и ходатайствовать о своихъ нуждахъ, объ устраненіи тѣхъ или другихъ несправедливостей или тягостей, существовало въ Англіи съ древнѣйшихъ временъ; но оно часто подвергалось чрезмѣрнымъ стѣсненіямъ и окончательную санкцію и прочную гарантію получило лишь въ знаменитомъ Биллѣ о правахъ 1689 года. Осуществленіе этого права, къ которому съ теченіемъ времени англичане стали прибѣгать все чаще, не могло не вызывать необходимости въ собраніяхъ для собесѣдованія по поводу тѣхъ предметовъ, которые порождали мысль о петиціи Королю или Палатѣ Общинъ.

Въ связи съ этимъ нельзя не упомянуть также объ обычаѣ представлять Королю привѣтственные адресы по поводу какихъ-либо особенныхъ событій (такъ, восшествіе на престолъ Георга III въ 1760 г. сопровождалось поднесеніемъ ему очень значительнаго числа адресовъ, въ которыхъ выражалось соболѣзнованіе по поводу смерти его дѣда и вѣрноподданническія чувства); этотъ обычай до извѣстной степени также развивалъ въ населеніи привычку къ митингамъ.

Болѣе важнымъ факторомъ въ развитіи послѣднихъ были парламентскіе выборы, на свободу которыхъ даже наиболѣе реакціонныя правительства не рѣшались накладывать руку. Особенно важную роль играли избирательные митинги въ тѣхъ округахъ, гдѣ являлось нѣсколько кандидатовъ, изъ которыхъ каждый считалъ своимъ долгомъ обратиться къ избирателямъ съ рѣчью. Слѣдуетъ, однако,

имѣть въ виду, что даже въ половинѣ XVIII вѣка парламентскіе выборы представляли собою нѣчто совершенно отличное отъ того, что́ мы видимъ теперь при общихъ и даже частичныхъ выборахъ. Тогда они происходили гораздо спокойнѣе, но далеко не къ выгодѣ ихъ и тогдашняго общества: спокойствіе это обусловливалось незначительностью числа избирателей, такъ какъ избирательныя права принадлежали лишь немногочисленному контингенту высшихъ зажиточныхъ классовъ, а многіе округа прямо даже составляли собственность отдѣльныхъ лицъ, которыя и «ставили» своихъ кандидатовъ, такъ что о выборахъ въ нихъ не могло быть и рѣчи. Къ тому же самые выборы происходили гораздо рѣже, чѣмъ въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій: обыкновенно Парламенты доживали сплошь свой семилѣтній періодъ, а случаи роспуска ихъ до истеченія законнаго срока ихъ полномочій представляли собою исключенія. Какъ бы то ни было, указанныя явленія въ значительной степени подготовили однако почву для позднѣйшаго развитія публичныхъ митинговъ.

На ряду съ этими явленіями Джефсонъ вполнѣ основательно указываетъ на религіозное движеніе, происходившее въ Англіи въ первой половинѣ XVIII вѣка и приведшее къ основанію извѣстной секты «методистовъ». Проповѣдь Веслея и Вайтфильда велась съ большимъ увлеченіемъ и увлекала массы населенія. «Въ то время,—говоритъ Джефсонъ,—впервые въ нашей исторіи великіе ораторы вошли въ непосредственное соприкосновеніе съ большими массами народа и расшевелили нѣкоторыя изъ самыхъ сильныхъ и горячихъ чувствъ человѣческой души. Народъ тогда впервые почувствовалъ обаятельное увлеченіе горячимъ словомъ и понялъ могучую силу его. Это были первыя дѣйствительно многолюдныя собранія, и участіе въ нихъ развивало въ присутствующихъ сознаніе общности интересовъ, связывавшихъ ихъ съ другими со-

гражданами. Быть можетъ также и то, что когда собравшимися тысячами овладѣвало увлеченіе, во многихъ изъ нихъ порождалось, хотя и смутное, предчувствіе огромной силы, скрытой въ народѣ. То были опыты, которые не могли быть забыты: они въ то время ограничивались сферою религіознаго ученія и увлеченія, но они служили примѣромъ, прецедентомъ подобнаго же образа дѣйствій въ сферѣ политики». А для того, чтобы судить о размѣрахъ указаннаго движенія, достаточно отмѣтить, что Веслею не разъ приходилось говорить передъ десятками тысячъ лицъ, какъ, напр., въ Kennington Common, когда слушать его собралось отъ 30.000 до 40.000 человѣкъ.

Георгъ III, уже вскорѣ по вступленіи на престолъ, доказалъ, что онъ не намѣренъ допускать «какихъ-либо проявленій независимости со стороны народа ни въ области публичнаго выраженія взглядовъ населенія на политическія мѣропріятія, ни тѣмъ болѣе какихъ-либо активныхъ стремленій». Популярный ветеранъ партіи виговъ, старшій Питтъ, котораго Георгъ засталъ во главѣ управленія, счелъ себя вынужденнымъ подать въ отставку, и мѣсто его занялъ рьяный тори и любимецъ короля, лордъ Бьютъ. Такое личное настроеніе монарха и его перваго министра находило сильную поддержку и въ Палатѣ Пэровъ, и въ Палатѣ Общинъ, въ которой большинство, благодаря неудовлетворительной системѣ представительства, составляли покорные слуги министерства или наслѣдственныхъ пэровъ, «гнилыя мѣстечки» которыхъ они представляли. За этимъ большинствомъ терялась немногочисленная тогда группа депутатовъ независимыхъ и сочувствовавшихъ дѣлу народной свободы. Среди нихъ были люди выдающіеся по талантамъ и по тому уваженію, какимъ они пользовались въ обществѣ; но они были все-таки безсильны передъ тѣсно сплоченнымъ союзомъ Короля, Лордовъ и большинства членовъ Палаты Общинъ.

Въ Англіи въ ту эпоху снова наступилъ критическій періодъ, грозившій исказить основы ея политическаго строя, затормозить дальнѣйшій естественный ростъ его свободныхъ началъ. Обстоятельства, однако, показали, что устои эти слишкомъ прочно укоренились, и что общественное самосознаніе созрѣло настолько, чтобы выступить на защиту интересовъ свободы противъ реакціи. Долго продолжалась эта борьба, много неудачъ постигло ея руководителей, но въ этой борьбѣ еще болѣе крѣпли силы общественныя, развивалась самодѣятельность. Окончаніе ея слѣдуетъ отнести уже ко второй четверти XIX-го столѣтія, когда въ политическомъ строѣ Англіи совершены были коренныя реформы, устранившія прежнія аномаліи и обезпечившія благопріятныя условія дальнѣйшаго прогрессивнаго развитія страны. Важнѣйшими орудіями въ этой борьбѣ явились именно печать и митинги, при посредствѣ которыхъ общество отстаивало свои интересы.

Какъ на первое по времени и особенно замѣтное общественное движеніе въ формѣ общественныхъ митинговъ Джефсонъ указываетъ на агитацію противъ налога на сидръ, который министерство лорда Бьюта провело въ 1763 году. Особенное недовольство возбудили въ населеніи тѣ широкія права, которыя были предоставлены акцизнымъ чиновникамъ по части производства во всякое время дня и ночи обысковъ всюду, гдѣ можно было предположить храненіе сидра, даже въ частныхъ домахъ обывателей. Движеніе противъ этого налога, въ мѣстностяхъ производства сидра, приняло значительные размѣры и выразилось въ рядѣ демонстративныхъ собраній, на которыхъ населеніе заявляло свою признательность депутатамъ за ихъ оппозицію биллю, а отъ новыхъ кандидатовъ требовало рѣшительной борьбы въ пользу отмѣны «несправедливаго» закона. Недовольство имъ было такъ велико, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ угрожала серьезная опасность обще-

ственному спокойствію, и правительство рѣшилось даже прибѣгнуть къ военной силѣ. Послѣ нѣкотораго затишья, агитація снова оживилась, и въ 1766 г. Палатѣ Общинъ представлено было нѣсколько петицій отъ различныхъ графствъ объ отмѣнѣ акта. И онъ дѣйствительно въ томъ же году былъ отмѣненъ безъ особенно сильной оппозиціи. Само по себѣ несущественное, движеніе это имѣло большое значеніе, какъ прецедентъ, важный по своимъ результатамъ.

Еще бо̀льшій интересъ представляетъ агитація, возникшая въ 1768 г. въ связи съ общими парламентскими выборами. Депутатомъ отъ Миддльсекса былъ избранъ Джонъ Вилькъсъ, противъ котораго за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ возбуждено было преслѣдованіе за нападки въ печати на правительство, и который уже въ этомъ процессѣ показалъ себя энергическимъ борцомъ противъ произвола. Между прочимъ, когда въ 1764 г. Вилькъсъ уѣхалъ во Францію для поправленія здоровья, сторонники правительства, пользуясь его отсутствіемъ, провели въ Палатѣ Общинъ, членомъ которой онъ былъ, постановленіе объ исключеніи его изъ Палаты за написаніе «оскорбительнаго и возмутительнаго пасквиля» (онъ, впрочемъ, не былъ напечатанъ и былъ выкраденъ изъ его дома по внушенію одного изъ министровъ). Когда въ 1768 г. Вилькъсъ снова былъ избранъ депутатомъ отъ Миддльсекса, Палата большинствомъ голосовъ опять постановила объ изгнаніи его. Въ округѣ назначены были новые выборы, и Вилькъсъ снова былъ избранъ. Палата признала эти выборы недѣйствительными въ виду своего прежняго постановленія и назначила новые выборы, на которыхъ кандидатомъ выступилъ сторонникъ министерства, полковникъ Лутрель. Несмотря на то, что послѣдній получилъ только 296 голосовъ, а за Вилькса подано было 1.143 голоса, Палата рѣшила признать Лутреля законно избраннымъ представителемъ отъ Миддльсекса.

Вотъ на этой-то почвѣ и возникла борьба обществен-

наго мнѣнія съ Парламентомъ. Борьба эта получила важный принципіальный характеръ, такъ какъ рѣчь шла объ оскорбленныхъ правахъ избирателей: Миддльсексъ избралъ своимъ депутатомъ человѣка, которому ни одинъ изъ существующихъ законовъ не препятствовалъ быть избраннымъ, но котораго Палата не допускала занять мѣсто, опираясь на свою резолюцію и дѣйствуя въ угоду министерству. «Но,—восклицалъ передъ своими избирателями Вилькъсъ,—если министерству будетъ предоставлена возможность указывать избирателямъ, кого они не должны избирать, то слѣдующимъ шагомъ будетъ указаніе, кого они должны выбирать».

16-го апрѣля 1769 года Палата Общинъ признала полковника Лутреля правильно избраннымъ, а уже на слѣдующій день болѣе 880 миддльсекскихъ избирателей собрались на митингъ, съ цѣлью обсудить мѣры къ обезпеченію свободы выборовъ и защитѣ своихъ правъ. Черезъ нѣсколько дней созванъ былъ новый митингъ, на которомъ и вотированъ былъ пространный адресъ Королю. Въ этомъ адресѣ сдѣланъ былъ длинный перечень различныхъ обидъ и несправедливостей, испытываемыхъ подданными Короля, указывалось на произвольное вторженіе въ область личной свободы гражданъ, на неправильное отношеніе и невниманіе къ петиціямъ населенія, на нарушеніе свободы выборовъ, на то, что резолюціямъ одной изъ Палатъ законодательнаго собранія придается не принадлежащая имъ сила закона, и т. д. Въ заключеніе составители адреса обращаются къ Королю съ ходатайствомъ «удалить тѣхъ дурныхъ и вредныхъ совѣтниковъ, внушенія которыхъ клонятся къ отнятію у народа самыхъ дорогихъ и существенныхъ правъ его».

Черезъ посредство газетъ, напечатавшихъ полный текстъ этого адреса-петиціи и давшихъ описаніе митинговъ, важный конституціонный вопросъ сдѣлался предметомъ внима-

нія далеко за предѣлами непосредственно заинтересованнаго округа. Ворчестерскіе избиратели, собравшись на митингъ, заявили, что возникшій вопросъ касается интересовъ всѣхъ избирателей Великобританіи, такъ какъ всѣ они могутъ оказаться въ положеніи миддльсекскаго округа. Протестъ противъ дѣйствій министерства и послушной ему Палаты получилъ характеръ повсемѣстнаго энергическаго движенія: въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ семнадцати графствахъ и многихъ городахъ и мѣстечкахъ состоялись многолюдные митинги, вотированы были петиціи, подъ которыми въ общей сложности подписались свыше 65.000 избирателей—цифра огромная въ виду незначительности въ то время общаго числа избирателей.

Впечатлѣніе отъ этого движенія было очень велико; оно проявилось тотчасъ по открытіи парламентской сессіи, отсроченной противъ обыкновенія. Во время преній въ Палатѣ Лордовъ по отвѣтному адресу на тронную рѣчь лордъ Чатамъ въ энергическихъ выраженіяхъ приглашалъ обратить вниманіе на единодушныя жалобы населенія, на необходимость устранить указанныя злоупотребленія. «Оно не вернется къ спокойному состоянію до тѣхъ поръ, пока его жалобы не будутъ удовлетворены; да по моему убѣжденію, милорды,—я это смѣло заявляю—населенію и не слѣдуетъ отступать, такъ какъ ему лучше погибнуть въ благородной борьбѣ за свои права, чѣмъ купить рабское спокойствіе цѣною хоть единой іоты конституціи». Еще болѣе знаменательно было заявленіе одного изъ членовъ правительства, лорда Кэмдена, занимавшаго тогда постъ лорда-канцлера. «Въ теченіе нѣкотораго времени, — говорилъ онъ, — съ молчаливымъ негодованіемъ онъ смотрѣлъ на произвольныя мѣры, принятыя министерствомъ; но теперь рѣшился открыто и смѣло выразить свои чувства. На постановленіе Палаты Общинъ онъ смотритъ какъ на прямое покушеніе противъ основныхъ началъ конституціи, и если

бы онъ, какъ судья, принялъ въ уваженіе это или какое-либо другое голосованіе Палаты Общинъ, нарушающее основные законы страны, то онъ счелъ бы себя измѣнникомъ своему долгу, врагомъ страны. Министерство своимъ насильственнымъ и тиранническимъ образомъ дѣйствій отвратило народныя чувства отъ правительства его величества, вслѣдствіе чего духъ недовольства разлился по всѣмъ уголкамъ королевства и съ каждымъ днемъ все болѣе возростаетъ». Палата, однако, отвергла внесенную лордомъ Чатамомъ поправку къ адресу.

Въ Палатѣ Общинъ по этому поводу также произошла упорная борьба между сторонниками правительства и оппозиціей. Первые отнеслись къ выраженію общественнаго мнѣнія съ циническимъ презрѣніемъ, говоря, что агитація эта—дѣло подонковъ общества; что въ ней не принимала участія даже и ничтожная доля тѣхъ, кого можно назвать настоящими джентльменами (styled gentlemen); они доказывали, что разъ Палата избрана, дѣйствія ея уже не могутъ подлежать никакому контролю со стороны какого бы то ни было числа лицъ, ее избравшихъ; это было бы подкапываніемъ подъ самыя коренныя основы конституціи. Такіе доводы вызвали, однако, энергическій отпоръ со стороны оппозиціи. Сэръ Сэвиль, популярный представитель Іоркшира, торжественно заявилъ, что «Палата пренебрегла законными правами избирателей. Народъ вовсе не такъ невѣжественъ, какимъ представляютъ его нѣкоторые мудрецы. Онъ понимаетъ свои права и свои интересы сознаетъ не менѣе насъ. Повторяю—Палата пренебрегла правами своихъ избирателей». Маркизъ Грэнби, занимавшій высокій постъ главнокомандующаго войсками, напомнилъ о томъ, что онъ вотировалъ за полковника Лутреля, и сказалъ, что «объ этомъ вотумѣ онъ всегда будетъ сожалѣть и смотритъ на него какъ на величайшее несчастіе своей жизни». Знаменитый Эдмундъ Боркъ, въ отвѣтъ на пре-

зрительныя замѣчанія лорда Норта по поводу агитаціи, замѣтилъ: «онъ увѣряетъ насъ, что народу навязаны были жалобы печатью, митингами, рѣчами; но если ошибочно проводить убѣжденія путемъ печати, митинговъ и рѣчей, то пусть же онъ повѣдаетъ намъ лучшіе способы убѣжденія. Если печать, митинги и рѣчи говорятъ объ обидахъ и злоупотребленіяхъ, то вѣдь порождаетъ ихъ не то. Если обыкновенно немногіе способны усмотрѣть грядущій гнетъ и подмѣтить угрозы свободѣ, то развѣ отсюда слѣдуетъ, что никогда нѣтъ опасности этого гнета или покушеній на свободу? Если тѣ немногіе, которые, понимая вещи въ ихъ причинахъ и значеніи, открываютъ глаза другимъ, если тѣ, кто, видя нарушеніе правъ избранія въ Миддльсексѣ, выясняютъ значеніе этого событія въ интересахъ избирателей отдаленныхъ графствъ, то есть ли основаніе считать ихъ поэтому руководителями мятежа, дѣйствующими подъ вліяніемъ личныхъ и корыстныхъ мотивовъ?»

Министерское большинство было, однако, настолько велико, что и въ Нижней Палатѣ поправка къ адресу была отвергнута. Торжествуя свою побѣду, Король уволилъ и лорда Кэмдена, и маркиза Грэнби — за ихъ строптивость. Но торжество это было неполное,—настоящимъ побѣдителемъ въ борьбѣ по поводу миддльсекскаго избранія оказалось общество. Когда на слѣдующихъ выборахъ, въ 1774 г., Вилькъсъ снова былъ избранъ отъ Миддльсекса, «Король и правительство, умудренные опытомъ прошлаго и не желая возбуждать новую агитацію, предоставили ему спокойно занять его мѣсто въ Палатѣ Общинъ».

Отмѣтивъ двѣ главныя черты пережитого движенія, а именно: 1) что въ немъ участвовали главнымъ образомъ низшіе слои населенія, и 2) что велась эта агитація главнымъ образомъ подъ руководствомъ и покровительствомъ вожаковъ партіи виговъ,—Джефсонъ въ слѣдующихъ словахъ резюмируетъ значеніе ея: „въ политической жизни

страны явился новый факторъ; это была не только новая форма выраженія общественнаго мнѣнія, но и новый элементъ или источникъ общественнаго мнѣнія, вполнѣ отличный отъ печати, болѣе осязаемый и обладающій бо́льшимъ вѣсомъ, какой придаетъ выраженному мнѣнію личное присутствіе многихъ. Отнынѣ государственнымъ дѣятелямъ придется считаться съ фактомъ, что ихъ политика, ихъ дѣйствія подвергаются публичному обсужденію и критикѣ въ присутствіи значительныхъ собраній народа».

Но для дальнѣйшаго спокойнаго развитія этого новаго фактора условія того времени были весьма неблагопріятны. Автократическія стремленія Георга III-го становились все болѣе рѣшительными и находили большую поддержку въ людяхъ, стоявшихъ у власти и въ Парламентѣ, въ которомъ вліяніе короны достигло небывалыхъ размѣровъ. Они стремились управлять внѣ какого бы то ни было контроля со стороны общественнаго мнѣнія, а между тѣмъ послѣднее развивалось, крѣпло и все болѣе сознавало свою силу. Вотъ почему для правительства было крайне непріятно видѣть все болѣе укоренявшійся обычай публиковать въ газетахъ отчеты о парламентскихъ преніяхъ. Въ письмѣ къ лорду Норту, ставшему во главѣ министерства, Король категорически заявлялъ «въ высокой степени необходимымъ, чтобы этому странному и незаконному обыкновенію публиковать пренія въ газетахъ былъ положенъ конецъ». Противъ газетныхъ издателей дѣйствительно возбуждено было преслѣдованіе, а Палата Общинъ, послѣ горячихъ и продолжительныкъ дебатовъ по вопросу объ оглашеніи ея преній въ печати, постановила арестовать издателей и заключить ихъ въ тюрьму. Но на защиту ихъ выступила вліятельная корпорація лондонскаго Сити, и коммиссары Палаты, которымъ было поручено арестовать издателей, сами были арестованы городскими властями. Тогда Палата рѣшилась прибѣгнуть къ еще болѣе энергической мѣрѣ и

заключила въ Тоуэръ лондонскаго лорда-мэра и одного изъ ольдерменовъ. Вскорѣ, однако, послѣдовалъ перерывъ парламентской сессіи, и заключенные были освобождены. Ихъ освобожденіе было привѣтствовано шумными демонстраціями лондонскаго населенія, которое въ теченіе этой борьбы Парламента съ печатью не разъ заявляло себя всецѣло на сторонѣ послѣдней. При возобновленіи сессіи правительство не сочло возможнымъ снова вызывать конфликтъ, и съ тѣхъ поръ (1771 г.) печать уже не встрѣчала особенныхъ преградъ къ оглашенію парламентскихъ дебатовъ, хотя нужно замѣтить, что и донынѣ это право остается безъ утвержденія его какимъ-либо спеціальнымъ закономъ.

А между тѣмъ завоеваніе этого права имѣло огромное значеніе для политическаго развитія Англіи, и въ частности для успѣшнаго развитія публичныхъ митинговъ. Благодаря оглашенію парламентскихъ преній, общественное вниманіе все болѣе сосредоточивалось на политическихъ дѣлахъ страны; свободное слово въ Парламентѣ развивало привычку и стремленіе къ свободной рѣчи и за стѣнами его; вопросы, обсуждавшіеся въ Парламентѣ, давали толчокъ къ дѣятельному обсужденію ихъ и внѣ Парламента, а аргументы, которыми пользовались парламентскіе ораторы, давали обществу матеріалъ для мышленія, будили и просвѣщали его. Сверхъ того, оглашеніе парламентскихъ дебатовъ сдѣлало болѣе постоянною связь избирателей съ ихъ представителями и помогло установить болѣе дѣятельный контроль надъ ними, благодаря чему господствовавшія прежде идеи о безусловной независимости и безотвѣтственности представителей, разъ они избраны, начали постепенно уступать свое мѣсто идеямъ болѣе тѣснаго общенія населенія съ его депутатами.

II.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ послѣ агитаціи по поводу миддльсекскихъ выборовъ въ Англіи не было особенно замѣтныхъ проявленій общественнаго движенія. Но оно не замедлило оживиться подъ вліяніемъ тѣхъ невзгодъ и тягостей, которыя постигли населеніе вслѣдствіе продолжительныхъ войнъ съ Франціей и Испаніей и въ особенности—борьбы съ американскими колоніями. Эта борьба, стоившая Англіи очень дорого, была не вездѣ популярна. Во многихъ слояхъ населенія ее признавали излишнею, слишкомъ обременительною. А между тѣмъ налоги возростали; цѣны на жизненные продукты поднимались все выше; въ администраціи обнаружены были значительныя злоупотребленія. На почвѣ недовольства подъ вліяніемъ этихъ причинъ возникло новое движеніе.

Починъ въ этомъ движеніи сдѣланъ въ Іоркширѣ—графствѣ, населеніе котораго давно уже стало проявлять большую независимость. По иниціативѣ нѣсколькихъ уважаемыхъ гражданъ, въ концѣ 1779 г., въ Іоркѣ созванъ былъ митингъ, на которомъ собрались многіе представители мѣстнаго землевладѣльческаго класса—gentry и freeholders—и духовенства. Занятія митинга открылись рѣчью одного изъ членовъ духовенства, который и предложилъ вотировать петицію, заключавшую въ себѣ перечень различныхъ злоупотребленій, вызывавшихъ протестъ. Въ петиціи указывалось на долголѣтнюю, разорительную и неудачную войну, на увеличеніе государственнаго долга, повышеніе налоговъ и замѣтный упадокъ торговли и промышленности; убѣжденные въ необходимости, при столь тяжкомъ положеніи страны, установить во всѣхъ отрасляхъ государственнаго управленія строгую бережливость, петиціонеры, однако, «съ прискорбіемъ замѣчаютъ, что, несмотря на

бѣдственное положеніе націи, значительныя суммы тратятся безразсудно, что многія лица пользуются синекурами, получая огромное содержаніе и пенсіи, ничѣмъ не заслуженныя, и что, благодаря этому, корона пріобрѣла большое и неконституціонное вліяніе, которое, если не будетъ сдержано, вскорѣ можетъ оказаться гибельнымъ для свободы страны»; принимая во вниманіе, что по конституціи охраненіе національной казны ввѣрено Палатѣ Общинъ, петиціонеры взываютъ къ чувству справедливости ея и настоятельно просятъ, чтобы Палатою были приняты дѣйствительныя мѣры къ разслѣдованію и устраненію злоупотребленій въ расходованіи общественныхъ денегъ, къ уничтоженію синекуръ и незаслуженныхъ пенсій и къ употребленію государственныхъ средствъ исключительно на нужды государства.

Послѣ оживленныхъ преній по поводу этой петиціи она была принята для представленія ея Парламенту. Вмѣстѣ съ тѣмъ митингъ принялъ и другое весьма важное рѣшеніе — объ образованіи особаго комитета въ составѣ 61 «джентльмена» для веденія «необходимыхъ сношеній въ интересахъ осуществленія задачъ петиціи и для выработки плана ассоціаціи на законныхъ и конституціонныхъ основаніяхъ, съ цѣлью поддержки какъ этой похвальной реформы, такъ и другихъ мѣропріятій, могущихъ содѣйствовать возстановленію парламентской свободы».

Примѣру Іоркшира послѣдовали многія другія мѣстности, въ которыхъ движеніе развивалось съ поразительною быстротою. Изъ многочисленныхъ митинговъ нельзя не отмѣтить собранія въ Миддльсексѣ (въ январѣ 1780 г.), на которомъ также поднятъ былъ вопросъ объ организаціи постоянной ассоціаціи, которая вошла бы въ постоянныя сношенія съ другими обществами, — и особенно важенъ митингъ въ графствѣ Вильтсъ (28-го янв. 1780 г.). Этотъ послѣдній замѣчателенъ въ томъ отношеніи, что это былъ

первый большой политическій митингъ не-избирательный, въ которомъ участвовали два видныхъ государственныхъ дѣятеля, которымъ и ранѣе, и впослѣдствіи пришлось играть важную роль въ управленіи. Это—графъ Шельборнъ, бывшій министромъ въ 1766—1768 гг., и Чарльзъ Джемсъ Фоксъ, находившійся въ составѣ министерства съ 1770 по 1774 г. Лордъ Шельборнъ заявилъ между прочимъ горячее желаніе, чтобы всякій присутствовавшій открыто высказывалъ свои мнѣнія, и при этомъ сказалъ, что спасеніе страны—въ рукахъ народа. Еще болѣе была замѣчательна рѣчь Фокса. Онъ указывалъ на «великія преимущества, которыя народъ можетъ обезпечить за собою, твердо отстаивая свои права и требуя устраненія злоупотребленій»; говорилъ о его значеніи въ государствѣ и о томъ, что «даже самый хорошій и способный министръ не въ силахъ сдѣлать народъ великимъ и счастливымъ, пока онъ самъ не будетъ стремиться къ этому». Приписывая успѣхъ американцевъ дѣятельной оппозиціи, Фоксъ сказалъ, что и въ устраненіи своихъ бѣдствій англійскій народъ долженъ разсчитывать главнымъ образомъ на самого себя, а не пребывать въ безмолвномъ ожиданіи спасенія отъ какого-либо государственнаго дѣятеля, каковы бы ни были его способности, какъ бы ни были патріотичны его намѣренія».

Какъ на характерную черту этого движенія, можно указать на широкое участіе въ немъ высшихъ и среднихъ классовъ, въ чемъ убѣждаютъ свѣдѣнія о лицахъ, присутствовавшихъ на митингахъ и игравшихъ на нихъ руководящую роль. Замѣчательно и то, что къ нимъ въ эту эпоху охотно прибѣгали многія лица, которыя прежде возмущались митингами, когда ихъ устроивали люди имъ несимпатичные.

По размѣрамъ своимъ движеніе это оказалось еще болѣе повсемѣстнымъ, еще болѣе внушительнымъ, чѣмъ предшествующая агитація. Не менѣе чѣмъ въ двадцати-шести

графствахъ собственно Англіи, въ трехъ въ Уэльсѣ и во многихъ городахъ состоялись многолюдные митинги, на которыхъ вотированы были петиціи и постановлены различныя резолюціи. Общее число подписей подъ петиціями доходило до 100.000, что̀ сравнительно съ тогдашнимъ числомъ избирателей было очень значительно.

Первою была представлена Парламенту петиція отъ Іорка, 8-го февраля 1780 года, при чемъ сэръ Д. Сэвиль произнесъ рѣчь, въ которой указалъ на мирный характеръ народнаго движенія, на легальность и конституціонность петиціи, и выразилъ надежду, что приносимое ходатайство будетъ удовлетворено. «Впрочемъ,—сказалъ онъ въ заключеніе,—какова бы ни была судьба ея въ Палатѣ, петиціонеры не откажутся отъ своихъ требованій: существуетъ особый комитетъ для сношеній по предмету этой петиціи съ комитетами другихъ графствъ»,—и съ этими словами онъ положилъ на столъ списокъ членовъ комитета.

Для поддержанія успѣха іоркской и другихъ петицій въ Лондонѣ созваны были представители мѣстныхъ ассоціацій, изъ которыхъ предположено было образовать одну большую «національную ассоціацію». Одинъ изъ такихъ делегатовъ, знаменитый Шериданъ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ описалъ задачи подобныхъ собраній: «при объединеніи общественнаго мнѣнія съ цѣлью воздѣйствія на Палату Общинъ у насъ никогда не было намѣренія производить это воздѣйствіе путемъ насилія или возмущенія; но собранія эти, конечно, разсчитаны были на то, чтобы возбудить въ Палатѣ Общинъ нѣкоторый страхъ передъ ними и ихъ занятіями, не вредный страхъ, а трепетное уваженіе, которое Палата Общинъ обязана оказывать справедливымъ чувствамъ народа, когда эти чувства объединены и выражены». Делегаты эти имѣли частыя собранія и употребляли энергическія мѣры къ обезпеченію въ Парламентѣ поддержки въ пользу петицій.

Наконецъ, 6-го апрѣля 1780 г., наступилъ знаменательный день сужденія по поводу представленныхъ Палатѣ петицій. Оппозиція до послѣдняго момента сохраняла въ тайнѣ заготовленные ею проекты резолюцій. Тѣмъ сильнѣе было впечатлѣніе Палаты, когда Доннингъ прочиталъ текстъ первой резолюціи о томъ, что «вліяніе короны все возростало и возростаетъ, и его слѣдуетъ уменьшить». «Стѣны Парламента,—патетически восклицаетъ по этому поводу Горацій Вальполь въ своихъ запискахъ,—не вѣрили ушамъ своимъ; никогда еще съ тѣхъ поръ, какъ онѣ были обшиты панелью, онѣ не слышали такого языка». Еще поразительнѣе долженъ былъ оказаться результатъ голосованія по этой резолюціи: за нее высказалось большинство 233 голосовъ противъ 215. Большинствомъ вотирована была и дальнѣйшая резолюція о томъ, что «на Палатѣ Общинъ лежитъ долгъ принять немедленно дѣйствительныя мѣры къ устраненію злоупотребленій», на которыя жалуются представленныя Палатѣ петиціи отъ различныхъ графствъ, городовъ и мѣстечекъ королевства.

Въ результатѣ движеніе общественнаго мнѣнія одержало огромную побѣду, несмотря на противоборствовавшее ему вліяніе правительственныхъ сферъ. Правда, ближайшее практическое значеніе этой побѣды было невелико: когда рѣчь зашла о непосредственномъ осуществленіи принятыхъ резолюцій, то правительству снова удалось обезпечить за собою большинство. Но моральное значеніе движенія дало себя почувствовать. Правительство убѣдилось въ силѣ общественнаго мнѣнія и стало проявлять бо́льшую умѣренность въ расходованіи государственныхъ суммъ, бо́льшую заботливость въ управленіи. Но важнѣе былъ тотъ результатъ пережитого движенія, что оно еще болѣе упрочило въ Англіи убѣжденіе въ значеніи публичныхъ митинговъ, какъ выразителя общественнаго мнѣнія и плодотворности разумной организаціи его. Благодаря многочисленнымъ

митингамъ и рѣчамъ, воспроизведеннымъ въ газетахъ, въ Англіи все шире распространялось сознаніе важныхъ политическихъ принциповъ, созрѣвало отчетливое пониманіе необходимости и законности права свободнаго обсужденія и критики правительственной политики.

Къ сожалѣнію, почти одновременно съ указаннымъ движеніемъ публичные митинги послужили ареною борьбы иного характера,—не ради благородныхъ стремленій къ общему благу, а ради цѣлей узкаго фанатизма. Это—извѣстные въ исторіи «Гордоновскіе безпорядки» (Gordon riots), происшедшіе на почвѣ ненависти къ католицизму, которою воспользовался лордъ Джорджъ Гордонъ и его единомышленники для протеста противъ намѣренія предоставить католикамъ нѣкоторыя льготы. Но Джефсонъ вполнѣ основательно замѣчаетъ, что произведенные въ Лондонѣ уличные безпорядки никоимъ образомъ не могутъ быть поставлены въ вину самого института публичныхъ митинговъ,—тѣмъ болѣе, что ихъ не было бы и вовсе, если бы правительство не проявило полной небрежности и приняло во́-время нѣкоторыя предупредительныя мѣры.

Ближайшимъ результатомъ подавленія «Гордоновскихъ безпорядковъ» были усиленіе правительственнаго авторитета и нѣкоторая апатія общества. На этой почвѣ и былъ произведенъ внезапный роспускъ Парламента (въ томъ же 1780 г.). Новые выборы дали Палату, благопріятную министерству, чего не трудно было достигнуть въ виду того давленія, которое оно могло оказывать тогда во многихъ округахъ. Но уже и эти выборы свидѣтельствовали о значительныхъ успѣхахъ роста общественнаго мнѣнія: въ газетахъ того времени замѣтенъ гораздо бо́льшій интересъ къ выборамъ и тѣмъ избирательнымъ рѣчамъ, съ которыми выступали различные кандидаты. Однимъ изъ наиболѣе любопытныхъ эпизодовъ на этихъ выборахъ была рѣчь Эдмунда Борка, съ которою онъ обратился къ своимъ из-

бирателямъ съ цѣлью объяснить свой образъ дѣйствій, вызвавшій въ средѣ многихъ изъ нихъ недовольство.

Вскорѣ же по открытіи сессіи новаго Парламента члены оппозиціи представили новую петицію (2-го апрѣля 1781 г.) отъ девяти графствъ и городской корпораціи Вестминстера, въ которой напоминалось о резолюціяхъ Палаты и указывалось на то, что еще ничего не сдѣлано къ практическому осуществленію ихъ, въ виду чего петиціонеры снова «просятъ палату приступить къ разслѣдованію и устраненію злоупотребленій, принять мѣры по отношенію къ возростающему вліянію короны и къ бо́льшей бережливости въ расходахъ». Однако новый Парламентъ былъ настроенъ не въ пользу такихъ требованій; петиція была отвергнута большинствомъ 212 противъ 135 голосовъ, при чемъ многіе ораторы высказали принципіальную вражду къ митингамъ и ассоціаціямъ, говоря, что они—опасное орудіе общественнаго возбужденія. На эти доводы Доннингъ имѣлъ полное основаніе замѣтить, что, какъ видно изъ дѣятельности многочисленныхъ ассоціацій, онѣ не могутъ вызвать ни малѣйшихъ опасеній за общественное спокойствіе, такъ какъ онѣ служатъ лишь къ осуществленію вполнѣ законнаго права населенія обращаться къ Парламенту съ петиціями, при чемъ дѣлается это съ наблюденіемъ всѣхъ требованій законности и уваженія къ общественному спокойствію.

Между тѣмъ недовольство политикою, особенно по отношенію къ американскимъ колоніямъ, сильно подтачивало засидѣвшееся консервативное министерство лорда Норта. Пробывъ двѣнадцать лѣтъ во главѣ управленія, оно въ 1782 г. вышло въ отставку и мѣсто его заняло министерство виговъ, во главѣ съ маркизомъ Рокингамомъ и при участіи Фокса. Уже вскорѣ по вступленіи въ должность ему удалось провести нѣсколько актовъ важныхъ съ точки зрѣнія успѣховъ общественнаго мнѣнія. Такъ, по иниціативѣ

Борка уничтожено было значительное количество синекуръ, которыя предоставлялись членамъ Парламента, и благодаря этому достигнуто было нѣкоторое сбереженіе въ расходахъ. Другою мѣрою, сократившею размѣры правительственнаго вліянія, было отнятіе избирательныхъ правъ у различныхъ должностныхъ лицъ—revenue officers, въ количествѣ отъ 40.000 до 60.000, что было довольно существенно при общемъ числѣ 300.000 избирателей.

Но принятыя мѣры были все-таки ничтожны сравнительно съ общею задачею парламентской реформы, которая все болѣе сосредоточивала на себѣ вниманіе общественнаго мнѣнія. Существовавшая въ то время система представительства далеко не соотвѣтствовала новымъ условіямъ, возникшимъ съ тѣхъ поръ, какъ создалась эта система въ половинѣ XVII ст. Не говоря уже о значительномъ увеличеніи населенія, за этотъ продолжительный промежутокъ времени перемѣстились центры промышленной и общественной жизни страны. Изъ маленькихъ незначительныхъ мѣстечекъ Манчестеръ, Лидсъ, Ливерпуль, Бирмингамъ и др. сдѣлались крупными промышленными средоточіями, привлекавшими къ себѣ все новыя массы всевозможнаго люда. И наоборотъ, прежде значительные города мало-помалу превратились въ ничтожныя мѣстечки съ небольшимъ числомъ жителей. Между тѣмъ какъ послѣднія сохраняли за собою право посылать депутатовъ въ Парламентъ, первые, несмотря на свою населенность, оставались непредставленными. До какой степени поразительны были аномаліи тогдашняго представительства, видно изъ слѣдующихъ цифръ, приведенныхъ въ одномъ сочиненіи конца XVIII ст.: при помощи тщательныхъ выкладокъ въ немъ доказывалось, что изъ 513 членовъ Палаты Общинъ отъ Англіи и Уэльса—254 представляли собою менѣе 11.500 избирателей, а 56 членовъ—всего 700 избирателей; изъ этихъ 56-ти ни въ одномъ случаѣ число избирателей не

достигало 38 человѣкъ, а 6 членовъ получали свои депутатскія полномочія каждый не болѣе какъ отъ 3-хъ избирателей. При такихъ условіяхъ неудивительно, что многіе мелкіе бурги («гнилыя мѣстечки» — rotten boroughs) сдѣлались орудіемъ въ рукахъ сосѣднихъ лордовъ или правительства. Лишенные всякой самостоятельности, ничтожные по своему количеству, избиратели такихъ мѣстечекъ посылали депутатами тѣхъ, кого желали сосѣдній вліятельный лордъ или правительственные агенты. Въ результатѣ, de facto, большинство въ Палатѣ Общинъ находилось въ рукахъ правительства и лордовъ — крупныхъ землевладѣльцевъ, и Нижняя Палата далеко не отвѣчала своему назначенію быть представительницею народа. Весьма понятно и то, что отъ самой Палаты нельзя было ожидать коренной реформы представительства: потребность въ ней особенно сильно ощущалась за стѣнами Парламента, вслѣдствіе чего и движеніе въ пользу реформы росло именно за стѣнами Парламента. Главнымъ орудіемъ его являлась, употребляя техническое выраженіе—«платформа», въ видѣ двухъ важнѣйшихъ ея проявленій—публичныхъ митинговъ и ассоціацій.

Уже въ 1766 году старшій Питтъ (лордъ Чатамъ) выступилъ съ авторитетнымъ заявленіемъ о томъ, что представительство бурговъ составляетъ «гнилую часть конституціи», которую слѣдуетъ «ампутировать».Убѣжденный въ необходимости реформы, онъ въ 1770 г. воскликнулъ: «уже къ концу этого вѣка либо Парламентъ самъ реформируетъ себя, либо онъ будетъ реформированъ извнѣ». Голоса въ пользу реформы стали раздаваться все чаще, особенно въ эпоху общественнаго движенія по поводу миддльсекскихъ выборовъ и агитаціи 1780 года. Собраніе делегатовъ отъ мѣстныхъ ассоціацій, объ образованіи котораго мы упоминали, и по окончаніи этого движенія продолжало поддерживать въ обществѣ интересъ къ реформѣ. Вопросъ о ней

поднятъ былъ и въ самомъ Парламентѣ младшимъ Питтомъ (въ 1782 г.), который начиналъ тогда свою политическую карьеру. Предложеніе его, не заключавшее какого-либо опредѣленнаго плана реформы, сводилось къ образованію особаго комитета для изслѣдованія вопроса съ цѣлью сдѣлать систему представительства болѣе согласною съ истинными задачами его. Но оно было отвергнуто незначительнымъ, впрочемъ, большинствомъ всего 20-ти голосовъ. Оно, однако, послужило толчкомъ для новой агитаціи въ пользу реформы: въ различныхъ мѣстностяхъ снова организованы были публичные митинги и вотированы петиціи. И когда въ маѣ 1783 г. петиціи эти подверглись обсужденію въ Палатѣ Общинъ, Питтъ сдѣлалъ новую попытку поставить вопросъ о реформѣ. Мотивируя свое предложеніе объ увеличеніи числа представителей отъ графствъ, въ противовѣсъ «гнилымъ бургамъ», онъ коснулся пагубныхъ послѣдствій «тайнаго вліянія короны, подкапывающаго самыя основы свободнаго избранія». Питтъ сказалъ: «Палата Общинъ, долженствующая, по духу конституціи, быть хранительницею народной свободы, сдерживать и контролировать исполнительную власть, вырождается, благодаря этому вліянію, въ простое орудіе тиранніи и притѣсненій». Но и въ этотъ разъ предложеніе Питта было отвергнуто даже еще болѣе значительнымъ большинствомъ. Такая же неудача постигла и третье предложеніе, которое Питтъ внесъ въ 1784 г., уже занимая постъ перваго министра.

Въ результатѣ этихъ неудачъ становилось все болѣе очевиднымъ, что нѣтъ надежды на самореформированіе Парламента, такъ какъ большинство его было слишкомъ заинтересовано въ сохраненіи существующаго порядка представительства. Всѣ надежды на реформу приходилось возложить на иниціативу самого общества; «только отъ самого народа можно ожидать чего-либо хорошаго!»—воскликнулъ

герцогъ Ричмондъ въ 1783 году. И эти разсчеты дѣйствительно оказались основательными. Реформу представительной системы, имѣвшую огромное вліяніе на всѣ стороны англійской жизни, провело само общество. Но прежде чѣмъ это осуществилось, ему пришлось пережить продолжительный періодъ борьбы, ознаменованной рядомъ неудачъ. Въ исторіи этой борьбы, имѣвшей большое воспитательное значеніе для англійскаго общества, публичные митинги играли очень замѣтную роль, различныя стороны которой рельефно очерчены въ сочиненіи Джефсона.

III.

Только къ концу XVIII столѣтія, съ небольшимъ сто лѣтъ тому назадъ, обозначился значительный прогрессъ въ политическомъ развитіи англійскаго общества, и особенно въ тѣхъ классахъ его, которые вѣками оставались вдали отъ непосредственнаго участія въ политическомъ управленіи страною. По мѣрѣ того какъ подъ вліяніемъ успѣховъ промышленности возростало соціально-экономическое значеніе этихъ классовъ, они все болѣе отчетливо сознавали свое политическое безправіе и все болѣе критически относились къ устарѣвшимъ условіямъ жизни, основаннымъ на привилегіяхъ. Стремленія къ реформѣ, замѣтныя и раньше, особенно усилились подъ впечатлѣніемъ событій французской революціи, которыя дали толчокъ къ болѣе активнымъ проявленіямъ общественныхъ требованій. Главными выразителями ихъ явились политическія ассоціаціи, изъ которыхъ особенное значеніе пріобрѣло «London Corresponding Society», образовавшееся въ концѣ 1791 года съ цѣлью борьбы за равномѣрное представительство народа въ Парламентѣ совмѣстно съ обществами, возникшими въ другихъ мѣстностяхъ Англіи. Параллельно съ нимъ оживилась дѣя-

тельность другой большой ассоціаціи, образованной еще въ 1780 г. подъ названіемъ «Society for promoting Constitutional Information», главною задачею которой было распространеніе въ народѣ книгъ и брошюръ по различнымъ политическимъ вопросамъ; такъ, въ нихъ проводились идеи всеобщаго голосованія, закрытой подачи голосовъ и т. д. Въ началѣ 1792 г. открылась дѣятельность еще одного большого общества — «Society of the Friends of the People», образованнаго по иниціативѣ выдающихся членовъ партіи виговъ (нѣкоторые изъ нихъ являлись членами Парламента); общество это было образовано «не съ цѣлью распространенія революціонныхъ доктринъ, а въ интересахъ поддержки конституціонныхъ реформъ и измѣненій, необходимыхъ для удаленія признанныхъ аномалій и недостатковъ нашихъ учрежденій,—реформъ, достиженіе которыхъ, по убѣжденію общества, представитъ для страны лучшую гарантію противъ намѣреній лицъ, стремящихся къ ниспроверженію самыхъ учрежденій». Однимъ изъ наиболѣе видныхъ дѣятелей этого общества былъ Чарльзъ Грей, оказавшій дѣлу парламентской реформы огромныя услуги.

Первоначально названныя общества не выносили своей дѣятельности на открытую «платформу», а ограничились главнымъ образомъ распространеніемъ печатныхъ изданій, брошюръ и памфлетовъ, выработанныхъ на тѣсныхъ собраніяхъ (indoor meetings). Зорко слѣдя за ходомъ революціонныхъ событій во Франціи, нѣкоторыя общества уклонялись иногда отъ непосредственной своей задачи: такъ, «Society for Constitutional Information» однажды вотировало сочувственный адресъ парижскому клубу якобинцевъ. Подъ вліяніемъ этого въ правительствѣ возникло опасеніе, какъ бы и въ Англіи не возгорѣлось революціонное движеніе; въ виду этого уже въ маѣ 1792 г. издана была прокламація о болѣе энергическомъ преслѣдованіи авторовъ и издателей «вредныхъ и возмутительныхъ писаній». Реакціонное направле-

ніе правительства нашло себѣ нѣкоторое поощреніе и въ самомъ обществѣ, въ извѣстныхъ слояхъ котораго ему даже удалось развить цѣлую систему доносовъ при посредствѣ «лойяльныхъ ассоціацій», образовавшихся съ цѣлью помогать властямъ въ преслѣдованіи вредныхъ авторовъ. Новыя сочувственныя заявленія англійскихъ обществъ по адресу дѣятелей французской революціи дали правительству поводъ къ еще большей энергіи въ преслѣдованіяхъ.

Но параллельно съ этимъ возростала и энергія сторонниковъ реформы. Движеніе въ пользу ея быстро развивалось по всей Англіи, перешло и въ Шотландію, при чемъ все чаще стали пользоваться публичными митингами. Въ концѣ 1792 г. въ Эдинбургѣ происходилъ «общій съѣздъ делегатовъ отъ Общества друзей народа», въ количествѣ до 170 человѣкъ, съ цѣлью «согласить мѣры въ пользу уничтоженія злоупотребленій, возстановленія свободы выборовъ и равномѣрнаго представительства народа въ Парламентѣ».

Между тѣмъ во Франціи событія обострялись все болѣе, и въ январѣ 1793 г. Людовикъ XVI былъ обезглавленъ. Въ Англіи эта казнь произвела очень сильное впечатлѣніе и, между прочимъ, вызвала неблагопріятное для реформаціоннаго движенія послѣдствіе: партія виговъ раскололась на-двое, и нѣкоторые изъ видныхъ членовъ оппозиціи, въ паническомъ ужасѣ передъ крайностями французской революціи, стали поддерживать правительство.

Несмотря на то, движеніе въ пользу реформы дѣлало въ обществѣ замѣтные успѣхи. И «London Corresponding Society», и «Constitutional Information Society», вели въ началѣ 1793 г. дѣятельную агитацію съ цѣлью собранія петицій о реформѣ; мало надѣясь на успѣхъ, они все-таки признавали необходимымъ, чтобы нація постоянно заявляла о своихъ требованіяхъ, и чтобы вопросъ о реформѣ неизмѣнно стоялъ передъ общественнымъ вниманіемъ. Парла-

менту было представлено нѣсколько петицій, и по поводу одной изъ нихъ Грей нашелъ возможнымъ выступить (въ маѣ 1793 г.) съ предложеніемъ объ образованіи комитета для обсужденія реформы. Но предложеніе это вызвало рѣшительный отпоръ со стороны большинства, главнымъ выразителемъ котораго явился Питтъ, недавно передъ тѣмъ самъ выступавшій горячимъ сторонникомъ реформы. Противъ Грея оказалось подавляющее большинство 282 голосовъ противъ 41.

Такой результатъ не былъ, конечно, неожиданнымъ, но онъ все-таки повергъ Грея въ отчаяніе, укрѣпивъ его въ убѣжденіи, что отъ самой Палаты Общинъ нельзя ожидать реформы; единственную надежду онъ сталъ возлагать на заявленія общественнаго мнѣнія. Сплоченность двухъ главныхъ ассоціацій стала еще сильнѣе, и вскорѣ было высказано, что «должны быть приняты мѣры болѣе дѣйствительныя, чѣмъ петиціи, подъ условіемъ, однако, чтобы онѣ оставались конституціонными». Этой рѣшимости не подавили многочисленные процессы, возбужденные правительствомъ, и въ октябрѣ 1793 г. сдѣланъ былъ въ Лондонѣ первый опытъ публичнаго митинга на открытомъ воздухѣ, а черезъ полгода состоялся и второй такой митингъ. Сохранившіяся описанія этихъ митинговъ свидѣтельствуютъ объ образцовомъ порядкѣ, въ какомъ происходили эти многолюдныя собранія. Вскорѣ этотъ новый обычай распространился и во многихъ провинціяхъ — въ Лидсѣ, Брэдфордѣ, Галифаксѣ, Шеффильдѣ. На послѣднемъ митингѣ между прочимъ принята была резолюція о томъ, что «народу слѣдуетъ требовать всеобщаго представительства, какъ права, а не просить его, какъ милости». Въ цѣляхъ лучшаго достиженія реформы, нѣкоторые болѣе горячіе ораторы возбуждали даже вопросъ о созваніи общаго національнаго конвента. Эта идея не нашла, однако, сочувствія въ «Обществѣ друзей народа», которое отвергло ее «изъ опасенія

дать врагамъ реформы поводъ клеветать на ея сторонниковъ и повредить самому дѣлу, отдаливъ отъ него многихъ».

Между тѣмъ и правительство рѣшило прибѣгнуть къ болѣе энергическимъ мѣрамъ, мотивируя ихъ тѣмъ, что подъ предлогомъ обсужденія парламентской реформы въ странѣ ведется агитація, «направленная къ созванію общаго народнаго конвента и клонящаяся къ установленію той системы анархіи и смятенія, которая роковымъ образомъ восторжествовала во Франціи». Въ обѣихъ Палатахъ Парламента образованы были секретные комитеты для разслѣдованія дѣла. На основаніи представленнаго доклада Питтъ (въ маѣ 1794 г.) внесъ предложеніе о пріостановкѣ дѣйствія «Habeas-Corpus-Акта», въ виду «измѣннического и гнуснаго заговора съ цѣлью ниспроверженія существующихъ законовъ и конституціи» (a traitorous and detestable conspiracy for subverting the existing laws and constitution). Предложеніе это встрѣтило энергическій отпоръ со стороны Фокса, который назвалъ его предложеніемъ «дать исполнительнымъ органамъ абсолютную власть надъ личной свободой каждаго отдѣльнаго человѣка въ королевствѣ» и выступилъ въ защиту права свободнаго обсужденія политическихъ вопросовъ, этого «существеннаго и благотворнаго права всякаго подданнаго». «Лучшая гарантія устойчивости государственнаго строя, — воскликнулъ онъ, — лежитъ въ постоянномъ и неусыпномъ контролѣ народа надъ Парламентомъ, и потому народные митинги для обсужденія политическихъ вопросовъ являются не только законными, но и похвальными». Но, въ виду настроенія большинства Палаты, всякая оппозиція была тщетна, и билль, пріостанавливавшій до 1-го февраля 1795 г. дѣйствіе основной гарантіи личной свободы, быстро прошелъ всѣ необходимыя стадіи [1]).

[1]) Подробныя свѣдѣнія о пріостановкѣ основной гарантіи личной свободы въ 1794 году, а также и въ послѣдующіе годы читатели мо-

На практикѣ билль этотъ примѣнялся съ большою суровостью; правительство широко воспользовалось предоставленными ему исключительными полномочіями. Но общественное мнѣніе не раздѣляло реакціонныхъ увлеченій его, какъ о томъ свидѣтельствуютъ оправдательные приговоры присяжныхъ въ двухъ особенно громкихъ процессахъ Томаса Гарди и Горнъ-Тука по обвиненію ихъ въ государственной измѣнѣ. Эти процессы съ полною убѣдительностью обнаружили отсутствіе какого-либо заговора, что̀ и дало поводъ Шеридану предложить отмѣну исключительнаго билля. Однако, вмѣсто отмѣны, Палата Общинъ постановила продлить его на новый срокъ до 1-го іюля 1795 года.

При дѣйствіи чрезвычайныхъ мѣръ движеніе въ пользу реформы затихло, но не заглохло, ожидая лишь момента, благопріятнаго для новыхъ проявленій. И дѣйствительно, лишь только истекъ срокъ пріостановки «Habeas-Corpus-Акта», лондонское «Corresponding Society» организовало большой митингъ на открытомъ воздухѣ. На немъ были вотированы воззваніе къ народу и адресъ Королю, представляющіе большой интересъ для характеристики общественнаго движенія той эпохи. Воззваніе оканчивалось слѣдующими словами: «не впадайте въ тѣ роковыя ошибки, которыя такъ часто обманывали нашихъ предковъ, и не возлагайте вашихъ ожиданій на этотъ обманчивый фантомъ — перемѣну министровъ. Съ такою Палатою Общинъ ни одинъ министръ не можетъ исполнить своего долга передъ народомъ. Ваша главная, а быть можетъ и единственная надежда — въ васъ самихъ... Заклинаемъ васъ тою свободою, которую мы обожаемъ, тою конституціею, которую мы почитаемъ, тѣмъ общимъ интересомъ, который мы

гутъ найти въ моей книгѣ подъ заглавіемъ—„Habeas Corpus Актъ и его пріостановка по англійскому праву. Очеркъ основныхъ гарантій личной свободы въ Англіи и ихъ временнаго ограниченія. (Юрьевъ-Дерптъ 1895 г.).

всѣ имѣемъ въ преуспѣяніи нашей страны, — соедините ваши усилія съ нашими, и всякими законными и конституціонными способами постараемся обезпечить за великобританскимъ народомъ его естественныя и несомнѣнныя права — всеобщее голосованіе и ежегодные парламенты». Адресъ Королю былъ изложенъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Ваше величество, необходимо, чтобы вы были выведены изъ заблужденія; и если у васъ нѣтъ честнаго министра, который говорилъ бы правду, то нужно, чтобы народъ сообщалъ своему государю свѣдѣнія и оберегалъ его отъ обмана. Именемъ и ради той славной революціи, которая возвела на тронъ брауншвейгскую династію, мы заклинаемъ васъ, ваше величество, оказать благовременное вниманіе возгласамъ страждущаго народа и проявить ту власть, которую ввѣрила вамъ конституція; дать ему свободное и равное представительство, которое только одно можетъ предупредить для британской націи будущія и удалить настоящія бѣдствія; отставить преступныхъ министровъ, которые такъ долго и безнаказанно обижали насъ, пренебрегая самыми дорогими интересами нашими; положить немедленно конецъ разорительной войнѣ и обезпечить намъ миръ, столь необходимый и для вашего личнаго спокойствія, и для счастья народа». Когда этотъ адресъ былъ вотированъ, одинъ изъ руководителей митинга, Джонсъ, сказалъ, что «этотъ по-истинѣ великій и славный день засвидѣтельствуетъ передъ цѣлымъ міромъ, что народъ, собравшись въ большомъ количествѣ, можетъ, даже въ самыя критическія времена, разсуждать о государственныхъ мѣрахъ безъ малѣйшаго нарушенія порядка и какого-либо отклоненія отъ благопристойности".

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого, въ октябрѣ 1795 г., тѣмъ же обществомъ былъ созванъ новый грандіозный митингъ, на которомъ, полагаютъ, присутствовало до 150.000 человѣкъ (цифра, вѣроятно, преувеличенная).

На этомъ собраніи также принято было воззваніе къ народу, въ которомъ указывалось, что единственная цѣль движенія заключается въ реформѣ,—и вотированъ новый адресъ Королю, повторявшій тѣ же ходатайства.

Движеніе видимо возродилось съ новою силою и могло принять еще болѣе значительные размѣры, но оно вскорѣ же наткнулось на новую задержку. Король на пути къ зданію Парламента, для открытія сессіи, былъ встрѣченъ большими толпами народа, изъ среды которыхъ сначала раздались крики: «долой Питта!»... «Не надо войны!»... «Миръ!»—а затѣмъ кто-то камнемъ выбилъ окно въ каретѣ Короля. Это событіе вызвало сильное возбужденіе по всей странѣ, а министерству дало поводъ издать тотчасъ же прокламацію противъ «бунтовскихъ и противозаконныхъ собраній». Но эта прокламація не могла измѣнить дѣйствующіе законы, и потому правительство нашло нужнымъ выступить съ двумя новыми исключительными мѣропріятіями. Одинъ изъ проектированныхъ биллей внесенъ былъ въ Палату Лордовъ и имѣлъ своею задачею мѣры къ охранѣ личной безопасности Короля. Другой, внесенный въ Палату Общинъ, направленъ былъ спеціально противъ митинговъ. По этому биллю ни одинъ митингъ болѣе чѣмъ пятидесяти человѣкъ, созываемый для обсужденія петицій и адресовъ относительно какихъ-либо измѣненій въ государственномъ или церковномъ управленіи, или для собесѣдованія по какимъ-нибудь другимъ общественнымъ дѣламъ, —не можетъ состояться безъ предварительнаго разрѣшенія мѣстнаго начальства, на которое возложена обязанность присутствовать на собраніи и наблюдать, чтобы при обсужденіи не допускались нападки на короля, правительство и конституцію. Должностнымъ лицамъ предоставлено право лишать свободы всѣхъ тѣхъ, кто не исполнитъ требованій закона, сопротивленіе которымъ составляло преступленіе, караемое строгими наказаніями. Въ томъ случаѣ,

когда собраніе приметъ бурный характеръ, должностныя лица могутъ закрыть его даже силою, при чемъ они освобождаются отъ всякой отвѣтственности, если кто-либо будетъ убитъ при разсѣяніи митинга. Билль устанавливалъ также бдительный надзоръ за дѣятельностью «дебатирующихъ обществъ» и организаторовъ публичныхъ чтеній. Срокъ дѣйствія его опредѣленъ былъ тремя годами.

Билль этотъ подвергалъ дотолѣ неограниченную свободу митинговъ такимъ стѣсненіямъ, что при дѣйствіи его право обсужденія становилось фактически упраздненнымъ. Не удивительно, поэтому, что противъ него возникла сильная оппозиція частью въ самомъ Парламентѣ, но особенно за его стѣнами. Въ Палатѣ Общинъ Фоксъ выступилъ съ рѣчью, полною энергическаго негодованія противъ вторженія въ священную область естественныхъ правъ англійскаго гражданина, и доказывалъ, что въ оскорбленіи, нанесенномъ Королю, публичные митинги ничѣмъ не повинны. «Мы видѣли,—говорилъ онъ,—и слышали о революціяхъ въ другихъ государствахъ. Но развѣ онѣ вызывались свободою выраженія народныхъ мнѣній? Развѣ онѣ вызывались свободою народныхъ собраній? Нѣтъ, сэръ, онѣ вызывались явленіями противоположными, а потому я прямо скажу, что если мы желаемъ избѣгнуть опасности такихъ революцій, то мы должны поставить себя въ условія, сколь возможно отличныя отъ положенія этихъ государствъ».

Фоксъ принималъ также дѣятельное участіе и во внѣпарламентской агитаціи противъ билля, которая быстро получила неслыханные размѣры. По свидѣтельству «Annual Register» за 1796 г., «повсюду созывались митинги и совѣщанія, какъ частные, такъ и публичные, образовывались клубы и ассоціаціи съ цѣлью противодѣйствія биллямъ всѣми законными способами. Старѣйшіе по возрасту люди не могли припомнить, чтобы когда-либо обнаружива-

лось столь сплоченное большинство противниковъ министерскихъ мѣропріятій, какъ въ этомъ случаѣ. Интересы публики были такъ глубоко затронуты, что люди самыхъ разнообразныхъ профессій отдавали значительную часть своего времени на то, чтобы присутствовать на многочисленныхъ митингахъ, созывавшихся по всему королевству съ цѣлью противодѣйствовать попыткѣ министерства». На этихъ митингахъ выражалось негодованіе по поводу нанесеннаго Королю оскорбленія и отрицалась какая-либо связь съ виновникомъ его, вотировались петиціи противъ билля. Такихъ петицій было представлено отъ различныхъ мѣстностей 94 съ 130.000 подписями. Любопытно, что министры и ихъ сторонники сами въ широкой мѣрѣ прибѣгли къ тому же орудію, противъ котораго ратовали, дѣятельно организуя митинги съ цѣлью поддержанія ограничительныхъ биллей.

Въ теченіе шести недѣль продолжалась эта агитація, давшая во всякомъ случаѣ убѣдительное доказательство того, что въ обществѣ сильно укоренилась привычка къ публичнымъ митингамъ, которые сдѣлались обычною и очень популярною формою выраженія общественнаго мнѣнія. Но при томъ сплоченномъ большинствѣ, которымъ министерство располагало въ Парламентѣ, всякая оппозиція биллямъ была безплодна, и билли вскорѣ же сдѣлались «актами».

Со вступленіемъ этихъ актовъ въ силу политическая жизнь въ Англіи замерла, будучи сдавлена въ такіе грозные тиски, при которыхъ она не могла свободно развиваться. Тиски эти, правда, были временные, но, вступивши на путь реакціи, правительство стало пользоваться малѣйшимъ поводомъ для того, чтобы проводить все новыя и новыя исключительныя мѣры. Въ 1798 г. истекалъ срокъ дѣйствія акта о митингахъ, но за то въ этомъ же году снова пріостановленъ былъ «Habeas-Corpus-Актъ», моти-

вомъ къ чему послужили, однако, не внутреннія движенія, а опасеніе вторженія французовъ въ Ирландію. Въ слѣдующемъ году пріостановка его продлена на новый срокъ, и сверхъ того изданъ былъ спеціальный актъ объ обществахъ, которымъ существовавшія политическія ассоціаціи были объявлены противозаконными, а образованіе новыхъ ассоціацій было сдѣлано фактически невозможнымъ. Когда же въ 1801 году снова оживились публичные митинги, Питтъ опять провелъ пріостановку «Habeas-Corpus-Акта» и добился возобновленія акта 1795 г. противъ митинговъ.

Первые годы новаго XIX-го столѣтія были эпохою затишья внутреннихъ политическихъ движеній, отчасти вслѣдствіе крутой политики реакціоннаго министерства, отчасти же потому, что это былъ періодъ продолжительныхъ войнъ, отвлекавшихъ вниманіе общества отъ внутреннихъ интересовъ. Исторія публичныхъ митинговъ за этотъ періодъ сводится лишь къ избирательной борьбѣ, которая въ эпохи общихъ выборовъ начинала принимать все болѣе оживленный характеръ, частью же къ отдѣльнымъ вспышкамъ общественнаго мнѣнія по поводу какихъ-либо выдающихся событій. Таково, напр., движеніе 1805 г., вызванное разоблаченіемъ злоупотребленій по отношенію къ казеннымъ суммамъ одного изъ членовъ министерства, лорда Мельвиля, занимавшаго должность перваго лорда адмиралтейства и казначея флота. На многочисленныхъ митингахъ, организованныхъ въ Лондонѣ и провинціи, приняты были петиціи о преслѣдованіи Мельвиля, и на этотъ разъ Палата Общинъ дѣйствовала въ согласіи съ общественнымъ мнѣніемъ, заслуживъ отъ него выраженіе признательности за свой образъ дѣйствій. Подобное же движеніе повторилось и въ 1809 году, когда такіе же многочисленные митинги выразили глубокое негодованіе сначала по поводу злоупотребленій сына Короля, герцога іоркскаго, въ качествѣ главнокомандующаго арміей, а затѣмъ по поводу дѣйствій

двухъ министровъ, лорда Кэстльри и Персеваля, которые были уличены въ незаконной денежной сдѣлкѣ при избраніи одного депутата. Всѣ эти разоблаченія, сдѣлавшись предметомъ горячаго обсужденія на публичныхъ митингахъ, произвели очень сильное впечатлѣніе и дали новый аргументъ въ пользу требованій парламентской реформы, которая только одна могла помочь устраненію подобныхъ злоупотребленій.

Съ новою силою движеніе въ пользу реформы вспыхнуло въ 1816 году, когда Парламенту представлена была масса петицій, подъ которыми въ общемъ было не менѣе полумилліона подписей. Это новое движеніе велось съ большимъ оживленіемъ и съ небывалою ясностью показало всю грозную силу общественнаго мнѣнія въ Англіи. И неизвѣстно, къ какимъ результатамъ привело бы оно, еслибы не повторился тотъ же печальный эпизодъ, который въ 1795 г. далъ поводъ къ изданію исключительныхъ актовъ: когда въ январѣ 1817 года принцъ-регентъ (Король Георгъ III былъ въ то время серьезно боленъ) возвращался изъ Палаты Лордовъ по открытіи сессій, брошенный кѣмъ-то камень выбилъ окно его кареты. Враги реформы не преминули воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы снова забить тревогу объ угрожающемъ будто бы открытомъ возстаніи, и въ доказательство основательности этихъ опасеній указывали на собраніе въ Лондонѣ делегатовъ отъ многихъ мѣстностей, посланныхъ для поддержанія петицій. Въ обѣихъ Палатахъ Парламента снова были образованы секретные комитеты, представившіе самые тревожные доклады. Комитетъ Нижней Палаты считалъ несомнѣннымъ, «что въ столицѣ организованъ измѣнническій заговоръ съ цѣлью ниспроверженія, путемъ возстанія, существующаго правительства, законовъ и конституціи королевства... и что такія намѣренія не ограничиваются столицею, но широко распространены и во многихъ другихъ частяхъ Великобританіи,

особенно же въ болѣе населенныхъ промышленныхъ округахъ». Комитетъ Палаты Лордовъ приписывалъ всѣ эти разрушительные планы различнымъ обществамъ, распространившимся по странѣ подъ названіемъ «Hampden Clubs», «Union Clubs» и др., а также публичнымъ митингамъ, благодаря которымъ «умы благожелательныхъ и мирныхъ подданныхъ его величества поддерживаются въ состояніи безпрерывнаго возбужденія».

Основываясь на этихъ докладахъ, министерство лорда Ливерпуля провело четыре исключительныхъ акта, въ числѣ которыхъ находились актъ о пріостановкѣ Habeas-Corpus и новый спеціальный законъ о митингахъ, аналогичный съ актомъ 1795 г. Срокомъ дѣйствія его назначенъ конецъ іюля 1818 года.

На этотъ разъ, однако, политическое затишье было нарушено ранѣе, чѣмъ въ прошлый разъ. Дѣятельная агитація въ пользу реформы продолжалась и при дѣйствіи исключительныхъ законовъ, хотя подъ вліяніемъ ихъ она велась съ бо́льшею осторожностью: публичные митинги съ значительнымъ числомъ участниковъ были невозможны, но петиціи подавались усердно, хотя и за подписями не болѣе 20 лицъ каждая. Когда же, по миованіи срока дѣйствія исключительныхъ актовъ, а именно 1-го іюля 1819 г., Бёрдеттъ снова выступилъ въ Парламентѣ съ предложеніемъ о парламентской реформѣ, и когда оно было опять-таки отвергнуто большинствомъ 153 голосовъ противъ 58,—движеніе общественнаго мнѣнія возгорѣлось съ новою силою. Изъ разнообразныхъ проявленій его особенно любопытенъ митингъ въ Бирмингамѣ, 12-го іюля 1819 г., созванный «съ цѣлью обсудить лучшіе способы добиться представительства въ Парламентѣ этого города, а также и всѣхъ непредставленныхъ жителей имперіи». На этомъ митингѣ, въ которомъ участвовало до 25.000 чел., рѣшено было, что такъ какъ Бирмингамъ не имѣетъ представителя и Парла-

ментъ не желаетъ дать ему его, то лучше всего будетъ, чтобы, невзирая на Парламентъ, Бирмингамъ самъ послалъ отъ себя своего представителя. Этотъ случай служитъ хорошею иллюстраціей того отчаянія, какое начинало овладѣвать народомъ при видѣ безплодныхъ ожиданій получить реформу отъ самого Парламента. Вскорѣ послѣ этого въ Лондонѣ состоялся грандіозный митингъ, въ которомъ участвовало до 70.000 чел. Оживленная агитація происходила и во многихъ другихъ мѣстахъ.

Правительство рѣшило положить ей предѣлъ, и 30-го іюля отъ имени принца-регента издана была прокламація, въ которой указывалось на митингъ въ Бирмингамѣ и дѣлалось предостереженіе относительно какихъ-либо новыхъ попытокъ къ возмущенію, а всѣмъ должностнымъ лицамъ предписывалось принимать рѣшительныя мѣры къ судебному преслѣдованію «всѣхъ тѣхъ, кто будетъ повиненъ въ произнесеніи мятежныхъ рѣчей». Но прокламація эта, не имѣя силы закона, не оказала никакого дѣйствія. Митинги продолжались, при чемъ, къ немалой досадѣ сторонниковъ реакціи, они велись съ полнымъ соблюденіемъ порядка и законныхъ условій. Не разъ ими дѣлались попытки искусственно вызвать безпорядки, но онѣ долго оставались безуспѣшными, пока наконецъ это не удалось на «историческомъ» митингѣ въ Манчестерѣ, извѣстномъ подъ названіемъ «Петерлоо» (16 авг. 1819 г.). На этотъ многолюдный (отъ 60.000 до 80.000 чел.) митингъ, который велся въ большомъ порядкѣ, безъ всякаго видимаго основанія посланъ былъ отрядъ кавалеріи, который ворвался въ безоружную толпу и вызвалъ смятеніе, имѣвшее въ результатѣ 11 человѣкъ убитыхъ и около 500 раненыхъ. Это ничѣмъ не вызванное насиліе произвело во всей странѣ очень сильное впечатлѣніе, выразившееся въ безчисленномъ рядѣ митинговъ негодованія, созванныхъ въ теченіе сентября, октября и ноября. Отличительными чертами ихъ

были безусловный порядокъ (только два митинга въ Шотландіи сопровождались безпорядками) и участіе въ нихъ представителей не только низшихъ и среднихъ, но и высшихъ слоевъ общества. Въ видѣ примѣра можно указать хотя бы на герцога норфолькскаго, который на митингѣ въ Іоркѣ предложилъ вотировать слѣдующія резолюціи: «что право собираться на митинги для обсужденія какихъ-либо общественныхъ вопросовъ составляетъ несомнѣнное право народа, что насильственное, съ помощью войска, разсѣяніе мирнаго митинга, законно созваннаго, составляетъ нарушеніе закона и прискорбное посягательство на народныя права, что извѣстіе о внезапномъ нападеніи военной силы на митингъ въ Манчестерѣ вызвало непритворное безпокойство въ собравшихся, которые глубоко поражены и сожалѣютъ, что по совѣту своихъ министровъ регентъ далъ свое королевское одобреніе этому вмѣшательству военной силы, вслѣдствіе чего они просятъ Парламентъ разслѣдовать указанныя обстоятельства».

Въ концѣ ноября открыта была сессія Парламента. Тронная рѣчь возвѣщала о «новыхъ мятежническихъ проявленіяхъ», о «явно враждебномъ конституціи духѣ», выражающемся «въ стремленіяхъ не только къ измѣненію политическихъ учрежденій, составляющихъ гордость и оплотъ страны», но и къ полному ниспроверженію всего общественнаго порядка; вслѣдствіе этого тронная рѣчь приглашала Парламентъ къ изысканію «такихъ мѣръ, которыя могли бы оказаться пригодными къ уничтоженію системы, угрожающей, если она не будетъ подавлена, смятеніемъ и гибелью націи». Первымъ актомъ Парламента былъ отказъ разслѣдовать печальное событіе въ Манчестерѣ, а затѣмъ приступлено было и къ главной задачѣ, возвѣщенной въ рѣчи—выработкѣ исключительныхъ мѣръ. Реакціонное направленіе развивалось crescendo; тогда какъ въ 1795 году вотированы были два чрезвычайныхъ акта, а въ 1817 г.—

четыре, теперь на разсмотрѣніе Парламента представлено было шесть актовъ. Изъ нихъ по отношенію къ публичнымъ митингамъ имѣетъ особенное значеніе «Seditious Meetings and Assemblies Prevention Act», который въ основѣ своей воспроизводилъ прежнія ограничительныя мѣры, съ прибавленіемъ новыхъ предупредительныхъ стѣсненій. На этотъ разъ правительство имѣло въ виду придать этому акту силу постояннаго закона, но послѣ продолжительныхъ преній уступило, и въ окончательной редакціи актъ о митингахъ былъ вотированъ на пятилѣтній срокъ, до половины 1825 года.

Этотъ актъ явился послѣднею попыткою ограничить право публичныхъ митинговъ, которое съ истеченіемъ въ 1825 г. срока дѣйствія исключительнаго акта 1819 г. уже не встрѣчало никакихъ существенныхъ стѣсненій. Имѣя въ виду показать, въ послѣдующихъ главахъ, какимъ дѣятельнымъ факторомъ явилось это право въ новѣйшемъ политическомъ развитіи Англіи, начиная съ 30-хъ годовъ XIX-го вѣка, мы остановимся теперь на общихъ заключеніяхъ, къ которымъ Джефсонъ приходитъ въ результатѣ изученія разсмотрѣнной имъ эпохи, обнимаемой продолжительнымъ, шестидесятилѣтнимъ царствованіемъ Георга III (1760 — 1820 г.).

«29-го января 1820 года, т.-е. черезъ нѣсколько недѣль послѣ опыта упразднить «платформу» законодательною мѣрою,—говоритъ Джефсонъ,—престарѣлый король, царствовавшій въ теченіе шестидесяти лѣтъ, скончался. Еслибы онъ былъ способенъ понимать [1]), что происходило вокругъ него, то на закатѣ дней своихъ онъ могъ бы утѣшиться и успокоиться, видя, что врагъ, съ которымъ онъ такъ часто боролся, лежалъ связаннымъ по рукамъ и ногамъ. Не разъ

[1]) Георгъ III въ послѣдніе годы своего царствованія впалъ въ неизлечимое умопомѣшательство.

съ тѣхъ давно минувшихъ дней, какъ миддльсекскими избирателями сдѣланъ былъ вызовъ на борьбу, онъ одерживалъ въ ней временныя побѣды, но врагъ его снова и снова поднимался съ обновленными и все возростающими силами. Теперь, однако, онъ опять лежалъ безпомощный и неподвижный, скованный цѣпями еще болѣе крѣпкими, чѣмъ прежде... Царствованіе Георга III было эпохою знаменательною. Въ теченіе тѣхъ шестидесяти лѣтъ, которыя онъ занималъ свой тронъ, демократія, имѣвшая въ немъ самаго ожесточеннаго ненавистника, вылилась на вѣчныя времена въ республиканскую конституцію Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ и возвѣщена была европейскому міру французскою революціею; въ эти же годы и страна, которою онъ правилъ, также мало-по-малу прониклась демократическими идеями, и новыя поколѣнія выростали въ несравненно болѣе широкихъ идеалахъ и благородныхъ принципахъ, чѣмъ господствовавшіе ранѣе. Ему и его министрамъ удавалось, хотя и съ все болѣе возроставшими трудностями, задерживать внѣшнія видимыя проявленія демократіи, но внутренняя духовная сила ея была имъ недоступна.

«Употребивъ крайнее отчаянное усиліе, они попытались сломить «платформу», заставивъ ее смолкнуть, но она уже обладала несокрушимою жизненностью и уничтожить ее совсѣмъ — было свыше ихъ силъ. То, что было нѣжно и слабо, когда онъ вступалъ на тронъ, сдѣлалось теперь сильнымъ и могущественнымъ; то, что было прежде лишь неопредѣленною склонностью, развилось въ опредѣленное, непреложное стремленіе; зародыши выросли въ крѣпкія деревья, и теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, въ англійскомъ народѣ упрочилось стремленіе къ публичнымъ митингамъ и свободѣ публичнаго слова».

Анализируя причины всего этого, Джефсонъ дѣлитъ ихъ на двѣ категоріи—во-первыхъ, причины интеллектуальныя

и моральныя, во-вторыхъ, факторы матеріальные, физическіе. Совокупность первыхъ обнимается широкимъ явленіемъ успѣховъ просвѣщенія, умственнаго развитія въ массахъ населенія, среди котораго зародились стремленія къ бо́льшей свободѣ, къ бо́льшему равенству, окрѣпло сознаніе своихъ правъ на участіе въ политической жизни. Въ качествѣ иллюстраціи настроенія общественнаго мнѣнія въ началѣ XIX-го вѣка, Джефсонъ приводитъ рядъ интересныхъ цитатъ изъ разныхъ о́ргановъ (и притомъ различнаго направленія) періодической литературы той эпохи. Вотъ что́, напр., говорилъ въ январѣ 1820 г. «Quarterly Review», одинъ изъ главныхъ о́ргановъ консервативнаго торизма: «со временъ революціи 1688 г. общее развитіе народа замѣтно подвинулось, расширилась сфера взаимныхъ отношеній между различными классами его и все болѣе и болѣе развивалась привычка обсуждать политическіе вопросы... Задержать въ сколько-нибудь чувствительной степени успѣхи просвѣщенія не могли ни министры, ни парламенты, какъ бы ни были они склонны преслѣдовать такую недостойную задачу. Ни только что изданные акты (упомянутые выше «шесть актовъ»), ни какія-либо иныя подобныя мѣры не будутъ въ силахъ остановить развитіе умственнаго просвѣщенія народа. Какъ нельзя капли дождя возвратить обратно въ то облако, изъ котораго онѣ выпали, такъ невозможно изъ глубины обширнаго и образованнаго общества вытравить всѣ тѣ потоки просвѣщенія, которые прорвались въ него, проникая во всѣ уголки и сливаясь съ каждымъ вновь появляющимся родникомъ». Аналогичныя мысли высказывались и съ другой стороны—о́рганами виговъ. По словамъ «Edinburgh Review» (декабрь 1818 г.), «число принимающихъ живой интересъ въ политическихъ дѣлахъ увеличивается съ доселѣ неслыханною быстротою. И не только они стали болѣе многочисленны, но и болѣе интеллигентны, болѣе смѣлы, болѣе активны». Другой про-

грессивный органъ, «Examiner», писалъ въ 1823 г.: «Существуютъ великія причины, воздѣйствующія на общественное мнѣніе; но оно находится также подъ дѣйствіемъ болѣе мелкихъ, но постоянныхъ, почти ежедневныхъ вліяній. Однимъ изъ первыхъ и наиболѣе очевидныхъ является ростъ просвѣщенія и сознательнаго мышленія въ обществѣ. Въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ этотъ ростъ совершался въ размѣрахъ чрезвычайныхъ. Въ людяхъ исчезаетъ безучастное отношеніе къ окружающему; они перестаютъ вѣрить въ необходимость существующаго только потому, что это существуетъ. Они вглядываются, вдумываются, анализируютъ. Развитіе просвѣщенія дало имъ нужныя для этого средства, и они готовы воспользоваться ими вполнѣ». По словамъ другого органа, «Scotsman», «въ низшихъ и среднихъ слояхъ народа въ послѣднія тридцать лѣтъ замѣтны поразительные успѣхи умственнаго развитія. Народъ уже пересталъ быть невѣжественною массою; у него есть не однѣ физическія потребности, но и умственные и нравственные запросы».

Этому уровню культурнаго развитія уже не отвѣчали тогдашнія политическія условія, устранявшія отъ участія въ политической жизни новые классы общества, созданные прогрессомъ матеріальнымъ, успѣхами промышленности. Быстро возрастая въ числѣ своемъ и пріобрѣтая все бо́льшее вліяніе въ соціально-экономической жизни Англіи, эти классы не могли и не хотѣли оставаться равнодушными зрителями совершающагося вокругъ нихъ; сознавая свою силу и свои права, они стремились выйти изъ своего пассивнаго положенія и получить принадлежащую имъ по праву долю вліянія на ходъ дѣлъ въ странѣ. Вотъ на почвѣ этихъ стремленій и потребностей и возникли тѣ общественныя движенія, которыя наполняютъ собою исторію Англіи, начиная со второй половины XVIII вѣка.

Главнымъ орудіемъ этихъ движеній являлись публичные

митинги, встрѣчавшіе большую поддержку въ другомъ не менѣе важномъ факторѣ и выразителѣ общественнаго мнѣнія—печати. И чѣмъ далѣе развивался процессъ демократизаціи англійскаго общества, тѣмъ все бо́льшее значеніе пріобрѣтали митинги. Тогда какъ сто лѣтъ тому назадъ политическое собраніе составляло въ Англіи фактъ изъ ряда выходящій и принимало характеръ настоящаго событія,— съ теченіемъ времени митинги сдѣлались явленіями обычными: изъ всѣхъ движеній XVIII столѣтія число митинговъ въ эпоху борьбы противъ «двухъ актовъ» 1795 г. было наиболѣе значительно, но это движеніе по своимъ размѣрамъ не можетъ быть и сравниваемо съ агитаціями 1816 и 1819 годовъ. Не далѣе, какъ въ 1769 г. Эдмундъ Боркъ говорилъ о митингѣ, на которомъ участвовало не менѣе 400 человѣкъ, какъ объ очень многолюдномъ собраніи; между тѣмъ черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ нерѣдки были митинги съ десятками тысячъ участниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ общественныя движенія становились все болѣе частыми, что́ свидѣтельствуетъ объ усиливавшемся вниманіи населенія къ явленіямъ и интересамъ политической жизни. Тогда какъ первое серьезное движеніе по поводу миддльсекскаго избранія отдѣляется отъ слѣдующей затѣмъ агитаціи 1780 г., а эта послѣдняя отъ движенія въ эпоху французской революціи — цѣлыми десятками лѣтъ,— позднѣйшія движенія слѣдуютъ одно за другимъ съ значительно мѣньшими промежутками.

О возраставшей силѣ общественнаго мнѣнія въ Англіи можно судить и по тому вліянію, какое оно стало оказывать на Парламентъ. Признаніе этой силы все чаще слышится въ дебатахъ самой Палаты Общинъ. «Положеніе общества,—говорилъ въ 1819 г. членъ этой палаты Плонкетъ, — въ теченіе послѣднихъ двадцати, тридцати лѣтъ подверглось болѣе значительной перемѣнѣ, чѣмъ за весь періодъ со времени Завоеванія. Въ этотъ небольшой проме-

жутокъ времени общественное вниманіе въ неслыханной доселѣ степени сосредоточивалось на обсужденіи всевозможныхъ вопросовъ управленія. И по самымъ разнообразнымъ предметамъ въ областяхъ гражданской, политической и религіозной пролито столько свѣта, что многія мѣропріятія разсматриваются теперь съ такою обстоятельностью, которой прежде нельзя было и ожидать». Въ томъ же году Каннингъ съ парламентской трибуны призналъ, что въ Англіи «общественное мнѣніе обладаетъ теперь вдесятеро бо́льшею силою, чѣмъ прежде, и оно, будучи выражаемо надлежащими о́рганами, сильно воздѣйствуетъ на законодательство и управленіе, на образъ дѣйствій отдѣльныхъ лицъ и на самыя занятія обѣихъ Палатъ Парламента».

На ряду съ факторами, благопріятствовавшими развитію «платформы», Джефсонъ указываетъ и нѣкоторыя причины, тормозившія его. На первомъ планѣ стоитъ отсутствіе надлежащей организаціи, которая и не могла, впрочемъ, явиться, особенно при дѣйствіи акта 1799 г. противъ всякаго рода политическихъ ассоціацій и при столь частыхъ отмѣнахъ «Habeas-Corpus-Акта», облекавшихъ администрацію широкими предупредительными полномочіями. Другимъ важнымъ обстоятельствомъ, дѣйствовавшимъ во вредъ публичнымъ митингамъ, было пренебрежительное (особенно со времени французской революціи) отношеніе къ нимъ высшихъ классовъ и большинства политическихъ дѣятелей. Изъ числа послѣднихъ лишь немногіе, какъ Боркъ, Фоксъ, Шельбурнъ и затѣмъ Каннингъ, находили нужнымъ выступать передъ публичными митингами. Въ огромномъ же большинствѣ ли́ца, занимавшія министерскіе посты, не выносили своей дѣятельности за предѣлы Парламента. Питтъ всю свою продолжительную политическую карьеру не участвовалъ ни на одномъ митингѣ, и только дважды произнесъ публично и внѣ Парламента нѣсколько словъ въ отвѣтъ на обращенныя къ нему привѣтствія — въ 1784 г., по по-

воду избранія его почетнымъ гражданиномъ Лондона, и въ 1805 г., на банкетѣ у лорда-мэра.

Но уже въ теченіе этого самаго періода замѣтна реакція противъ такой безучастности, которая мало-по-малу смѣнилась живымъ участіемъ и высшихъ классовъ, и особенно выдающихся политическихъ дѣятелей въ борьбѣ различныхъ направленій и теченій общественнаго мнѣнія. Это не мало помогло устраненію и другого неблагопріятнаго обстоятельства—отсутствія организаціи «платформы», которая въ послѣдующіе періоды англійской исторіи развивалась, не стѣсняемая уже ничѣмъ, и благодаря тому оказала и оказываетъ рѣшительное вліяніе на весь строй жизни современной Англіи.

IV.

Мы прослѣдили исторію публичныхъ митинговъ въ Англіи со времени первоначальнаго возникновенія ихъ до того момента, когда, послѣ упорной борьбы и длиннаго ряда преслѣдованій и ограниченій, за населеніемъ вполнѣ было обезпечено право собраній для свободнаго обсужденія политическихъ вопросовъ и общественныхъ интересовъ. Итакъ, въ Англіи окончательное пріобрѣтеніе этого права совершилось не ранѣе первой четверти нынѣшняго вѣка, а именно въ 1825 году, когда истекъ срокъ дѣйствія послѣдняго исключительнаго акта, направленнаго къ ограниченію права публичныхъ собраній. Теперь намъ предстоитъ разсмотрѣть дальнѣйшіе фазисы въ развитіи института публичныхъ митинговъ и прослѣдить, какую роль довелось ему играть въ послѣдующія десятилѣтія англійской политической исторіи.

Несмотря на близость къ намъ этого времени, несмотря на то, что оно, такъ сказать, непосредственно сливается

съ моментомъ, переживаемымъ Англіею теперь,—есть полная возможность подвести общіе итоги указанной эпохи. И это благодаря тому, что сквозь самыя разнообразныя проявленія политической жизни ея рѣзко проходитъ одна главная черта, налагающая свою печать на весь этотъ періодъ:—постепенная демократизація политическаго строя во всѣхъ многосложныхъ его элементахъ. Важнѣйшими актами этого процесса являются безспорно три парламентскія реформы (1832, 1867 и 1885 гг.), изъ которыхъ каждая знаменовала собою новый шагъ на пути отъ режима аристократической олигархіи къ водворенію демократическаго строя: реформа 1832 года надѣлила избирательными правами средніе классы; реформа 1867 года привлекла къ участію въ политическихъ дѣлахъ слишкомъ 1 милліонъ низшихъ городскихъ классовъ; реформа 1885 года увеличила контингентъ избирателей $2^1/_2$ милліонами сельскихъ рабочихъ. Тогда какъ до реформы 1832 года число избирателей немногимъ превышало полъ-милліона, въ избирательныхъ спискахъ 1892 года значилось болѣе 6 милліоновъ.

Обращаясь къ исторіи этихъ реформъ, мы увидимъ, что онѣ явились результатомъ общественной самодѣятельности, выразившейся въ грандіозныхъ движеніяхъ, направленныхъ къ осуществленію идей и потребностей общественныхъ классовъ, выступавшихъ на политическую сцену. Постараемся выяснить роль, какую въ этихъ движеніяхъ играли публичные митинги, какъ одинъ изъ важнѣйшихъ факторовъ и выразителей демократической эволюціи. Но рядомъ съ политическими реформами намъ необходимо будетъ коснуться и нѣкоторыхъ другихъ общественныхъ движеній для того, чтобы дать болѣе полное освѣщеніе тому значенію, какое въ Англіи пріобрѣлъ институтъ публичныхъ митинговъ.

Намъ уже не разъ приходилось выше упоминать о парламентской реформѣ, потребность въ которой ощущалась все болѣе по мѣрѣ того, какъ съ успѣхами промышленности и развитіемъ просвѣщенія, въ среднихъ и низшихъ классахъ населенія созрѣвало стремленія получить свою долю участія въ политической жизни страны. Въ теченіе долгаго времени обстоятельства не благопріятствовали осуществленію этой реформы, и были годы, когда вопросъ о ней, казалось, совершенно сходилъ со сцены. Но на самомъ дѣлѣ идеи реформы, уже въ теченіе XVIII-го вѣка порождавшія сильныя общественныя движенія, пустили глубокіе корни въ народномъ сознаніи и готовы были при первомъ удобномъ случаѣ снова и еще болѣе рѣшительно заявить о своемъ правѣ на вниманіе. Однимъ изъ поводовъ къ оживленію вопроса о реформѣ были общіе выборы 1826 г., обнаружившіе рядъ избирательныхъ злоупотребленій и снова напомнившіе о неудовлетворительности существовавшей системы представительства. Въ теченіе 1827 и 1828 гг. въ Парламентъ даже внесены были билли о необходимости лишить представительства нѣкоторыя «гнилыя мѣстечки» и взамѣнъ ихъ надѣлить правомъ представительства Бирмингамъ и Манчестеръ. Но билли были отвергнуты, а это не могло, конечно, не вызвать еще бо́льшаго стремленія къ реформѣ. Особенно же замѣтный толчокъ къ новому движенію въ пользу ея данъ былъ въ 1829 г. обострившимся матеріальнымъ положеніемъ городскихъ и сельскихъ рабочихъ, которые испытывали большую нужду вслѣдствіе безработицы и повсемѣстнаго паденія заработной платы. Во многихъ мѣстностяхъ созывались митинги, и на нихъ все чаще стало слышаться убѣжденіе, что главный источникъ всѣхъ золъ лежитъ въ недостаткахъ управленія и прежде всего въ неудовлетворительности парламентскаго представительства.

Рѣшительная иниціатива въ возбужденіи вопроса о ре-

формѣ принадлежитъ Бирмингаму, гдѣ въ декабрѣ 1829 г. положено было основаніе «Политическаго союза для защиты общественныхъ правъ» (Political Union for the Protection of Public Rights). Созданіе этого союза было мотивировано между прочимъ слѣдующими соображеніями: «опытъ послѣднихъ пятнадцати лѣтъ долженъ былъ, конечно, убѣдить самыхъ недовѣрчивыхъ людей въ томъ, что права и интересы среднихъ и низшихъ классовъ населенія недостаточно представлены въ Палатѣ Общинъ Парламента». Въ виду этого главнами задачами союза поставлено было: «добиться всѣми справедливыми и законными средствами такой реформы Палаты Общинъ, которая могла бы обезпечить дѣйствительное представительство низшихъ и среднихъ классовъ народа въ этой палатѣ; развить миръ, единеніе и согласіе между всѣми классами поддинныхъ; организовать такое выраженіе общественнаго мнѣнія, чтобы оно могло оказывать на законодательную дѣятельность справедливое, законное и сильное вліяніе; дѣйствовать всѣми законными средствами на выборы членовъ Парламента, чтобы обезпечить избраніе правдивыхъ и способныхъ представителей народа».

Въ январѣ 1830 г. организація союза получила санкцію на большомъ публичномъ митингѣ, на которомъ участвовало отъ 12 до 15 тысячъ человѣкъ и который вотировалъ резолюцію о томъ, что источникъ всѣхъ бѣдствій лежитъ въ крайне плохомъ управленіи, которое можетъ быть улучшено только путемъ коренной реформы Палаты Общинъ.

Этотъ митингъ въ Бирмингамѣ послужилъ сигналомъ, на который поспѣшили откликнуться и въ другихъ мѣстностяхъ Англіи: въ теченіе февраля и марта состоялись многолюдные митинги въ Лондонѣ, Айльсбюри, Лидсѣ, Ворчестершірѣ, Кентѣ и другихъ мѣстахъ, и всюду были вотированы сочувственныя реформѣ резолюціи и петиціи.

Съ этихъ поръ движеніе въ пользу парламентской ре-

формы развивалось непрерывно съ возрастающей силою. Не имѣя возможности слѣдить за всѣми подробностями его, мы отмѣтимъ важнѣйшіе фазисы его, поскольку въ нихъ проявилось значеніе публичныхъ митинговъ, какъ главнаго рычага движенія.

Обстоятельства на этотъ разъ благопріятствовали ему. Въ іюнѣ 1830 г. умеръ Георгъ IV, и на престолъ вступилъ Вильгельмъ IV, въ которомъ не было основанія видѣть такого рѣшительнаго врага либеральныхъ реформъ, какимъ являлся его предшественникъ и въ еще бо́льшей мѣрѣ Георгъ III. По существовавшему до 1867 г. конституціонному правилу, перемѣна царствованія необходимо должна была сопровождаться роспускомъ Парламента и созваніемъ новаго. Общіе же выборы давали прямой поводъ къ пропагандированію идей реформы. Сторонники ея широко воспользовались этимъ и вели энергическую борьбу противъ враговъ ея. «Мы эмансипировали католиковъ и умиротворили Ирландію,—говорилъ въ своей избирательной рѣчи Брумъ:—эсмансипируемъ же всѣ средніе промышленные и низшіе классы нашихъ согражданъ и водворимъ въ Англіи миръ, спокойствіе и довольство. Я не сомнѣваюсь, что эти выборы сдѣлаютъ многое для парламентской реформы, и увѣренъ, что подобно тому, какъ выборы въ графствѣ Клэръ привели къ рѣшенію католическаго вопроса [1]), ваши усилія на настоящихъ выборахъ приведутъ къ рѣшенію трехъ важныхъ вопросовъ—парламентской реформы, пересмотра хлѣбныхъ законовъ и отмѣны невольничества».

Въ теченіе выборовъ пришло извѣстіе объ іюльской революціи во Франціи, и событіе это еще болѣе ободрило

[1]) Здѣсь имѣются въ виду избраніе О'Коннеля депутатомъ отъ графства Клэръ и актъ 1829 года объ эмансипаціи католиковъ, изданію котораго предшествовала оживленная агитація въ Ирландіи подъ руководствомъ О'Коннеля. См. объ этомъ ниже, въ первой главѣ статьи „Парнель и Ирландія".

усилія англійскихъ либераловъ, увидѣвшихъ въ торжествѣ свободы въ Парижѣ хорошее предзнаменованіе для успѣховъ своего дѣла. Въ разныхъ мѣстностяхъ Англіи устроенъ былъ рядъ сочувственныхъ Франціи митинговъ и банкетовъ, которые произвели не малое впечатлѣніе на общественное настроеніе. Въ концѣ концовъ, несмотря на силу правительственнаго и торійскаго вліянія, сторонникамъ реформы удалось достигнуть въ новой Палатѣ Общинъ большинства, неблагопріятнаго консервативному кабинету герцога Веллингтона.

Тотчасъ же по открытіи парламентской сессіи, въ началѣ ноября 1830 г., герцогъ Веллингтонъ выступилъ съ категорическимъ заявленіемъ противъ реформы, находя, что существующая система не нуждается ни въ какихъ измѣненіяхъ. Но не прошло и двухъ недѣль, какъ консервативный кабинетъ потерпѣлъ пораженіе по вопросу о «liste civile» и вынужденъ былъ подать въ отставку. Составленіе новаго министерства поручено было графу Грею, который уже съ 1792 г. показалъ себя ревностнымъ сторонникомъ парламентской реформы.

Вступая въ управленіе дѣлами, Грей тотчасъ же заявилъ о своемъ намѣреніи приступить къ осуществленію реформы. Это заявленіе встрѣчено было съ большимъ сочувствіемъ, и по всей странѣ, въ большихъ и малыхъ городахъ и даже въ простыхъ приходахъ, организованы были митинги и создана цѣлая сѣть «политическихъ союзовъ» въ интересахъ поддержки намѣренія Грея. Митинги были такъ многочисленны, что газеты вынуждены были заявить о невозможности давать полный ихъ перечень, а «Times» говорилъ: «какъ кажется, нѣтъ въ Соединенномъ Королевствѣ такого графства, города или селенія, въ которомъ не было бы созвано митинга для составленія петиціи о парламентской реформѣ. The nation was meeting everywhere». Въ теченіе зимы (Парламентъ не засѣдалъ съ 20-го декабря по 3-е февраля

1831 г.) общественное движеніе развивалось безостановочно, какъ будто бы оно было результатомъ заранѣе обдуманнаго и строго систематическаго плана. «По моему убѣжденію,— писалъ Грей Королю, — общественное мнѣніе высказалось по этому вопросу съ такою силою и такимъ единодушіемъ, что пойти противъ него было бы невозможно безъ огромнаго риска поставить правительство въ положеніе, при которомъ оно будетъ лишено всякаго авторитета и силы»... Въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ Палатѣ Общинъ представлено было 645 петицій о реформѣ вообще, 280—о введеніи тайной подачи голосовъ, и 182—о сокращеніи законодательныхъ періодовъ.

1-го марта 1831 г. Палатѣ Общинъ представленъ былъ проектъ реформы, вносившій существенныя перемѣны въ организацію представительства. Онъ встрѣтилъ большое сочувствіе въ средѣ сторонниковъ реформы, которые поспѣшили организовать новое проявленіе общественнаго мнѣнія въ пользу успѣшнаго проведенія билля. Противники его напрягли всѣ силы къ тому, чтобы тѣснѣе сплотить оппозицію ему, и во второмъ чтеніи билль о реформѣ принятъ былъ Палатою Общинъ большинствомъ только одного голоса, а при переходѣ въ комитетъ по третьему чтенію въ голосованіи одного предложенія министерство оказалось въ меньшинствѣ.

Кабинету Грея предстояло одно изъ двухъ—или оставить вовсе, по крайней мѣрѣ на время, мысль о реформѣ, или же произвести новые общіе выборы. Несмотря на несочувствіе Короля къ роспуску Парламента, рѣшено было прибѣгнуть именно къ этой мѣрѣ, необходимость которой вызывалась силою общественнаго мнѣнія. Въ новомъ письмѣ къ Королю Грей высказалъ о ней слѣдующее: «пусть всякій безпристрастный человѣкъ посмотритъ на митинги, происходящіе во всѣхъ частяхъ страны, на число лицъ, въ нихъ участвующихъ, и на единодушіе ихъ рѣшеній, противъ

которыхъ едва ли хоть въ одномъ случаѣ сдѣлано было возраженіе,—и, по моему мнѣнію, не можетъ быть сомнѣнія въ заключеніи, къ какому онъ долженъ придти».

23-го апрѣля Парламентъ былъ распущенъ; наступилъ рѣшительный моментъ для дальнѣйшей судьбы реформы, которая, казалось, уже была такъ близка къ осуществленію. Начало общихъ выборовъ ознаменовалось фактомъ новымъ въ исторіи публичныхъ митинговъ. По этому поводу одинъ изъ членовъ министерства, лордъ Джонъ Россель, бывшій лидеромъ либеральной партіи въ Нижней Палатѣ, впервые произнесъ внѣ стѣнъ Парламента рѣчь, служившую какъ бы программою предстоящихъ выборовъ. На митингѣ 25-го апрѣля 1831 г. онъ между прочимъ высказалъ слѣдующее: «въ данномъ случаѣ избирателямъ предстоитъ совершить нѣчто бо̀льшее, чѣмъ обыкновенно, ибо они призываются не только для того, чтобы избрать людей, способныхъ къ защитѣ своихъ правъ и интересовъ, но и для того, чтобы своимъ образомъ дѣйствій отвѣтить на вопросъ, поставленный передъ избирателями роспускомъ Парламента—«одобряете ли вы, или нѣтъ, принципъ реформы представительства».

Выборы ознаменовались сильнѣйшимъ возбужденіемъ и небывалою дотолѣ избирательною агитаціею, лозунгомъ которой явился греевскій билль о реформѣ во всей его полнотѣ: на тысячахъ митинговъ неизмѣнно раздавался единодушный кликъ:—«The Bill, the whole Bill, and nothing but the Bill». «Трудно,—говоритъ Джефсонъ,—составить себѣ ясное понятіе о томъ страшномъ вліяніи, какое имѣла платформа на этихъ выборахъ. Газеты того времени даютъ лишь слабое представленіе о ней, такъ какъ въ нихъ лишь нѣсколькими строчками отмѣчались даже наиболѣе вліятельныя рѣчи или грандіозные митинги. Но и несмотря на это, онѣ даютъ возможность видѣть, что никогда на предшествовавшихъ выборахъ платформою не пользовались такъ широко,

и никогда еще сила ея не получала такого поразительнаго проявленія».

Успѣхъ выборовъ превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія сторонниковъ реформы и самого Грея. Въ новомъ Парламентѣ въ пользу ея составилось большинство уже не въ одинъ голосъ, а въ 136, какъ обнаружилось изъ голосованія при второмъ чтеніи. При такихъ условіяхъ нечего было опасаться за судьбу реформы въ Палатѣ Общинъ, и пока шло въ ней обсужденіе билля, общественное движеніе улеглось. Это, однако, было истолковано многими какъ признакъ рекціи въ общественномъ мнѣніи, его охлажденія къ судьбѣ билля. И вотъ на этой почвѣ возникли слухи о томъ, что Палата Лордовъ отвергнетъ реформу. Результатомъ этого было новое усиленіе агитаціи, принявшей еще болѣе рѣшительный характеръ. Изъ массы митинговъ, на которыхъ вотировались петиціи и предостереженія по адресу лордовъ въ случаѣ ихъ упорства, достаточно отмѣтить хотя бы митингъ въ Бирмингамѣ, на которомъ участвовало до 150.000 человѣкъ. Одинъ изъ ораторовъ, упомянувъ о возможности отклоненія билля лордами, воскликнулъ, что въ такомъ случаѣ онъ первый откажется платить налоги, и это заявленіе было поддержанно громовыми рукоплесканіями присутствовавшихъ.

Лорды, однако, пренебрегли множествомъ обращенныхъ къ нимъ петицій и массою митинговъ, въ которыхъ выражалось настроеніе большинства общества: большинствомъ 199 голосовъ противъ 158 они отвергли билль (8-го октября 1831 г.). «Извѣстіе объ этомъ, — говоритъ Джефсонъ, — встрѣчено было въ странѣ съ сильнѣйшимъ негодованіемъ. Несмотря на всѣ петиціи и митинги, несмотря на единодушныя и рѣшительныя заявленія націи, несмотря на то, что, вотируя билль о реформѣ, Палата Общинъ сама признала неудовлетворительность своего устройства, которое не могло долѣе оставаться въ такомъ видѣ, несмотря на

все это. лорды пренебрегли желаніями націи. Народъ немедленно же снова обратился къ платформѣ, чтобы дать выраженіе своимъ чувствамъ».

Руководители агитаціи принимали всѣ мѣры къ тому, чтобы она не переступала границъ законности и порядка, но народное возбужденіе было такъ велико, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ дѣло дошло до серьезныхъ безпорядковъ. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что послѣдніе представлялись явленіемъ исключительнымъ, благодаря той широкой свободѣ, которая была предоставлена обществу въ организаціи всевозможныхъ митинговъ и политическихъ союзовъ.

Въ декабрѣ Парламентъ былъ созванъ на новую сессію, и правительство въ третій разъ внесло въ Палату Общинъ билль о реформѣ. Теперь онъ прошелъ еще болѣе значительнымъ большинствомъ: при второмъ чтеніи за него подано 324 голоса противъ 162. Въ концѣ 1832 г. участь реформы снова перешла въ руки лордовъ. Несмотря на грозный кризисъ, они продолжали упорствовать во враждебномъ къ ней отношеніи. Но теперь они, избѣгая прямого отверженія билля, рѣшили исказить сущность реформы различными поправками. Принявъ билль во второмъ чтеніи (большинствомъ девяти голосовъ), Палата Лордовъ перешла къ комитетскому обсужденію и вотировала поправку, на которую правительство не могло согласиться. Чтобы сломить оппозицію Верхней Палаты, министры посовѣтовали королю прибѣгнуть къ назначенію новыхъ пэровъ, но король поколебался дать свое согласіе на это, и лордъ Грей вмѣстѣ со всѣмъ кабинетомъ подалъ въ отставку.

«Подобно тому, — говоритъ Джефсонъ, — какъ рѣзкій гулъ угрожающаго землетрясенія выгоняетъ на улицы всѣхъ городскихъ жителей въ безпорядочной массѣ, такъ извѣстіе о томъ, что биллю о реформѣ грозитъ опасность, согнало почти все населеніе на публичные митинги. Снова

собирались десятки и сотни тысячъ жителей, и не было города, не было такого мѣста, которое не примкнуло бы къ выраженію національнаго негодованія. Такого возбужденія Англія еще не видѣла никогда раньше. Палата общинъ была завалена ходатайствами и совѣтами отказать правительству въ денежныхъ средствахъ. Всюду была выражена рѣшимость прекратить уплату налоговъ. «No bill, no taxes» — таковъ былъ зловѣщій лозунгъ агитаціи, среди которой съ сочувствіемъ принимались намеки на необходимость запасаться оружіемъ». Въ теченіе десяти дней, между 9-мъ и 19-мъ мая, «Times» отмѣтилъ 201 митингъ; отъ 8-го до 23-го мая въ Палату Общинъ поступило 290 петицій съ требованіемъ прекратить выдачу денежныхъ средствъ на управленіе.

На этотъ разъ сила общественнаго движенія оказалась достаточною. Герцогъ Веллингтонъ, которому поручено было составить новый кабинетъ, заявилъ о невозможности сформировать его, и къ управленію дѣлами снова былъ призванъ лордъ Грей, который на первыхъ же порахъ счелъ нужнымъ заручиться согласіемъ Короля на назначеніе новыхъ пэровъ въ потребномъ количествѣ. Подъ этой угрозой лорды увидѣли, наконецъ, свое полное безсиліе, и многіе изъ нихъ выразили свое упорство лишь въ уклоненіи отъ всякаго участія въ обсужденіи и голосованіи билля, который быстро прошелъ установленныя стадіи и, послѣ утвержденія его Королемъ, 7-го іюня 1832 г., обратился въ законъ, восторженно встрѣченный народомъ, который праздновалъ свою побѣду [1]).

---

[1]) Джефсонъ приводитъ слѣдующее интересное описаніе того, какъ встрѣчена была вѣсть о реформѣ въ Бирмингамѣ. Въ день полученія ея, экспромптомъ собрался многолюдный митингъ въ количествѣ до 50.000 чел. Предсѣдательское мѣсто занялъ Атвудъ, иниціаторъ „Политическаго союза“ въ Бирмингамѣ. Встрѣченный восторженными рукоплесканіями, онъ сказалъ: „Дорогіе друзья, я

V.

Изъ предшествующаго очерка съ достаточною ясностью выступаетъ огромная роль, какую сыграли публичные митинги въ дѣлѣ осуществленія парламентской реформы, которую съ точки зрѣнія значенія для политическаго развитія Англіи не безъ основанія сравнивали съ Реформаціею въ значеніи ея для религіи. Въ публичныхъ митингахъ, безчисленныхъ въ эпоху реформенной агитаціи, полнѣе всего выражалось общественное мнѣніе, а именно оно побудило либеральный кабинетъ поставить на очередь вопросъ о реформѣ, оно поддерживало парламентскихъ друзей ея въ борьбѣ съ ея противниками, оно обезпечило проведеніе реформы въ Нижней Палатѣ, наконецъ оно въ послѣдній моментъ сломило упорство Верхней Палаты.

Замѣчательною особенностью этого движенія былъ мирный характеръ его, котораго не могли нарушить единичные случаи открытыхъ безпорядковъ, ничтожные сравнительно съ колоссальностью движенія. Причину этого не слѣдуетъ искать исключительно въ народномъ характерѣ англичанъ, въ которыхъ благопріятныя политическія усло-

---

преисполненъ безконечной благодарности ко всемогущему Богу за то, что мы избѣжали самой ужасной революціи, и не могу не выразить желанія, чтобы стоящее возлѣ меня духовное лицо публично воздало хвалу нашему Создателю за торжество нашего справедливаго дѣла". Всѣ присутствовавшіе мгновенно обнажили головы, водворилась мертвая тишина, среди которой Гуттонъ торжественно произнесъ слѣдующія слова: „О, всемогущій Боже! съ благодарными и радостными сердцами преклоняется передъ Тобою народъ Твой, видящій въ Тебѣ источникъ всѣхъ благодѣяній. Благодаримъ Тебя за дарованное намъ избавленіе и великую, безкровную побѣду. Дай, Боже, чтобы мы вполнѣ воспользовались великими правами, которыя Ты даровалъ намъ, и чтобы мы обезпечили ихъ за собою и дѣтьми нашими къ Твоей славѣ и къ общему благу человѣчества".

вія давно уже развили любовь къ порядку и уваженіе къ принципу законности. Въ гораздо болѣе значительной степени это было результатомъ вліянія «платформы», которая въ теченіе многихъ лѣтъ вела публичное обсужденіе вопроса о реформѣ и мало-по-малу развила въ населеніи вполнѣ разумное и сознательное отношеніе къ ней, а съ нимъ вмѣстѣ—увѣренность въ правотѣ дѣла и конечномъ торжествѣ его безъ помощи насилія.

Важнѣйшимъ результатомъ движенія въ пользу реформы было то, что оно впервые съ полною ясностью установило въ англійской жизни принципъ политическаго самоуправленія, верховенства народнаго желанія: «no will or wish of the people is to be resisted». Средствомъ же къ систематическому проведенію на практикѣ этого принципа явилась платформа и главнымъ образомъ публичные митинги. Они представляютъ собою органъ, при посредствѣ котораго народъ обезпечилъ за собою дѣйствительное участіе въ политическихъ дѣлахъ страны путемъ вліянія на законодательное собраніе и контроля надъ управленіемъ. Эти результаты достигались главнымъ образомъ двумя средствами—публичнымъ принятіемъ отъ народныхъ представителей опредѣленныхъ обязательствъ или обѣщаній, дѣлаемыхъ передъ выборами, и затѣмъ постояннымъ контролемъ надъ дѣйствіями представителей, и даже давленіемъ на нихъ, во время функціонированія ихъ въ Парламентѣ.

Уже въ теченіе XVIII вѣка дебатировался вопросъ объ отношеніяхъ между избирателями и ихъ представителями, и мало-по-малу пробивалась тенденція, враждебная господствовавшему тогда представленію о полной свободѣ дѣйствій представителей въ теченіе срока ихъ полномочій. Въ началѣ XIX в. эта тенденція сдѣлала большіе успѣхи; сознаніе отвѣтственности представителей передъ избирателями укоренилось настолько, что консерваторъ Робертъ Пиль, измѣнившій свое отношеніе къ вопросу объ эмансп-

паціи католиковъ, счелъ своимъ долгомъ отказаться отъ представительства Оксфордскаго Университета, такъ какъ избиратели его были иного взгляда на этотъ вопросъ. Со временъ же агитаціи по поводу реформы идея независимости представителей въ ихъ образѣ дѣйствій рѣшительно уступила свое преобладающее мѣсто идеѣ строгой зависимости отъ избирателей. Весьма рѣзко эта перемѣна выразилась на общихъ выборахъ 1831 года, когда избранники народа явились въ положеніи делегатовъ, получившихъ строго опредѣленныя порученія относительно билля о реформѣ. Позднѣе (въ іюлѣ 1832 г.) на митингѣ въ Лондонѣ категорически высказано было, что «члены, избранные представителями въ Парламентѣ, должны дѣлать то, что̀ ихъ избиратели желаютъ, чтобы они дѣлали». Характерное признаніе того же явленія видимъ въ слѣдующихъ словахъ герцога Веллингтона, въ которыхъ онъ выразилъ свою досаду при видѣ совершавшихся перемѣнъ: «зло реформы,—писалъ онъ Крокеру 6-го марта 1833 г.,—заключается въ томъ, что тогда какъ прежде демократія преобладала лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, теперь она преобладаетъ повсюду. Нѣтъ мѣста — свободнаго отъ нея. Въ большинствѣ же случаевъ она занимаетъ преобладающее положеніе. Прибавьте къ этому практику требованія отъ кандидатовъ обязательствъ по отношенію къ извѣстнымъ мѣрамъ — практику, слишкомъ общую даже среди лучшей части избирателей, и полную готовность кандидатовъ давать эти обязательства, — и вы не безъ основанія будете удивляться, что мы еще существуемъ, какъ нація».

Не менѣе существенны были результаты, достигнутые по отношенію къ контролю избирателей надъ дѣйствіями представителей. Еще въ 1812 г. либеральный «Edinburgh Review» доказывалъ пользу созванія болѣе частыхъ митинговъ избирателей для обсужденія важнѣйшихъ текущихъ вопросовъ и находилъ опаснымъ для представительной си-

стемы, если избиратели будутъ ограничивать свои политическія функціи совершеніемъ избирательнаго акта разъ въ семь лѣтъ. Въ нѣкоторыхъ болѣе оживленныхъ пунктахъ, какъ напр. въ Вестминстерѣ, значительно ранѣе реформы 1832 г., установилось обыкновеніе, въ силу котораго представители обязаны были по крайней мѣрѣ разъ въ годъ явиться передъ избирателями, дать имъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и получить отъ нихъ указанія къ руководству на будущее время. Съ актомъ о реформѣ эта практика получила значительно бо́льшее развитіе, и контроль избирателей надъ образомъ дѣйствій представителей сдѣлался явленіемъ обычнымъ и повсемѣстнымъ.

Подъ дѣйствіемъ указанныхъ причинъ потребность въ публичныхъ митингахъ возростала; они окончательно пріобрѣли характеръ важнаго политическаго института, вліятельнаго фактора управленія страною. Наиболѣе рѣзкимъ выраженіемъ этого было то, что со времени агитаціи въ пользу реформы министры и выдающіеся политическіе дѣятели все чаще стали выступать съ заявленіями и рѣчами внѣ Парламента, съ цѣлью защиты или объясненія своей политики. Особенное вниманіе обратила на себя поѣздка лорда-канцлера Брума въ 1834 году по Шотландіи, гдѣ онъ посѣтилъ не малое количество городовъ и въ каждомъ изъ нихъ произнесъ рѣчь. Въ томъ же году лордъ Грей, вышедшій въ отставку, приглашенъ былъ на устроенный въ честь его банкетъ въ Эдинбургѣ; эта поѣздка тоже дала ему поводъ произнести нѣсколько политическихъ рѣчей. Въ то время практика эта, получившая въ послѣдующія десятилѣтія такое широкое распространеніе, была новизною и нерѣдко вызывала порицаніе со стороны Короля, который открыто выражалъ свое недовольство этимъ «itinerant speechifying» — особенно людей, занимающихъ высокія посты» (какъ писалъ частный секретарь Короля лорду Мельбурну, преемнику Грея). Но практика эта вызывалась новыми

условіями политической жизни, и всякіе предостереженія по отношенію къ ней были излишни и безцѣльны. Когда въ концѣ 1834 г. Король отставилъ кабинетъ Мельбурна, послѣдній произнесъ внѣ Парламента двѣ рѣчи, въ которыхъ далъ подробныя объясненія по поводу своей отставки. Еще болѣе знаменательнымъ было то, что новый премьеръ консервативнаго кабинета, Робертъ Пиль, счелъ нужнымъ, принимая власть, заявить передъ избирателями о своихъ взглядахъ на политическое положеніе, а въ эпоху общихъ выборовъ 1835 г. выступилъ съ большою политическою рѣчью-программою. Когда же въ апрѣлѣ 1835 г. лордъ Мельбурнъ снова сталъ во главѣ кабинета, практика «внѣпарламентскихъ» рѣчей сдѣлалась еще болѣе частою, особенно въ тѣ мѣсяцы, когда прекращались занятія Парламента. Прежде періоды каникулъ составляли глухое время въ политическомъ отношеніи; теперь же лордъ Мельбурнъ восклицалъ: «the vacation is trying time!»...

VI.

Изъ позднѣйшихъ проявленій политической жизни Англіи особенное значеніе для оцѣнки роли публичныхъ митинговъ имѣетъ движеніе въ пользу отмѣны хлѣбныхъ законовъ и установленія принципа свободной торговли. Созданіе спеціальнаго законодательства, имѣвшаго цѣлью посредствомъ пошлинъ на ввозимый хлѣбъ поддерживать высокій уровень цѣнъ на домашнемъ хлѣбномъ рынкѣ, было однимъ изъ наиболѣе рѣзкихъ проявленій политическаго преобладанія высшаго землевладѣльческаго класса. Но тогда какъ интересы этого послѣдняго получали въ этомъ законодательствѣ особое покровительство, остальные слои населенія терпѣли отъ него вредныя послѣдствія. И когда съ реформою 1832 года политическому преобладанію поземель-

ной аристократіи нанесенъ былъ рѣшительный ударъ, вопросъ объ отмѣнѣ хлѣбнаго законодательства долженъ былъ неминуемо выступить на первую очередь. Но торжество идей свободной торговли досталось не легко; оно было достигнуто лишь годами упорной борьбы съ господствовавшими понятіями—борьбы, въ которой съ новою силою выразилось значеніе общественнаго мнѣнія и его важнѣйшихъ орудій, печати и публичныхъ митинговъ.

Первые зачатки этого движенія относятся къ концу 1836 г., когда стали появляться ассоціаціи, ставившія себѣ задачею стремленіе къ отмѣнѣ хлѣбныхъ законовъ (Anti-Corn-Law Associations). Въ январѣ 1839 г. сдѣлано было воззваніе о сборѣ пожертвованій на организацію агитаціи, и въ Манчестерѣ состоялся митингъ делегатовъ отъ различныхъ ассоціацій. На этомъ митингѣ между прочимъ вотированы слѣдующія резолюціи: «пока законодательные акты будутъ лишать народъ обильнаго снабженія предметами первой необходимости, правительство и страна будутъ обречены на всѣ бѣдствія, возникающія вслѣдствіе народнаго недовольства»; «съ цѣлью устранить эту опасность, настоящій митингъ призываетъ къ единодушнымъ и энергическимъ усиліямъ добиться немедленной и полной отмѣны всѣхъ законовъ, касающихся свободнаго ввоза хлѣба».

Болѣе систематическую организацію движеніе это получило съ тѣхъ поръ, какъ 20-го марта 1839 г. на новомъ митингѣ делегатовъ рѣшено было основать постоянный союзъ подъ названіемъ «Anti-Corn-Law League». Съ цѣлью обезпечить единство дѣйствій въ Манчестерѣ образованъ центральный комитетъ Лиги, на который возложено постоянное веденіе сношеній съ мѣстными ассоціаціями и общее руководство агитаціей путемъ организаціи митинговъ, устройства публичныхъ чтеній, вліяніемъ на прессу и т. д.

Объ энергіи, съ какою велась агитація, можно судить по слѣдующимъ итогамъ ея за 1840 годъ. Въ теченіе года

вотировано на митингахъ и послано въ Палату Общинъ 763 петиціи, произнесено болѣе 800 публичныхъ лекцій въ главныхъ городахъ тридцати-двухъ графствъ Англіи, въ 49 мѣстахъ Шотландіи и 32 въ Уэльсѣ. Уже въ теченіе этого года значеніе агитаціи начало сказываться въ томъ отношеніи, что въ средѣ предводителей либеральной партіи послышались голоса въ пользу установленія умѣренной постоянной пошлины взамѣнъ подвижной скáлы. Но руководители движенія, съ Кобденомъ во главѣ, не были склонны къ компромиссамъ и продолжали настаивать на полной отмѣнѣ пошлинъ, все болѣе и болѣе усовершенствуя организацію начатой агитаціи. Въ 1841 году митинги были столь многочисленны, что «для одного простого перечня мѣстъ, гдѣ они происходили, понадобились бы цѣлыя страницы».

Въ началѣ 1842 г. кабинетъ Пиля, уступая давленію общественнаго мнѣнія, представилъ Парламенту билль, понижавшій весьма значительно (въ нѣкоторыхъ случаяхъ на 50% и болѣе) размѣры пошлинъ. Но Лига не довольствовалась этою уступкою и требовала полной отмѣны ихъ. Во время сессіи, посвященной обсужденію билля, не болѣе какъ въ теченіе одного мѣсяца Палатѣ Общинъ представлено было 2.881 петиція, съ 1.540.755 подписей. Пилю, однако, удалось провести свой билль.

Несмотря на пониженіе пошлинъ, цѣны на хлѣбъ возросли, и это дало толчокъ къ еще бóльшему усиленію агитаціи. До сихъ пора она велась преимущественно въ среднихъ классахъ населенія: «я не отрицаю, — говорилъ Кобденъ на митингѣ въ Манчестерѣ 25-го августа 1842 г.), — что представители рабочихъ классовъ также посѣщали наши чтенія и подписывались подъ нашими петиціями; но поскольку рѣчь идетъ о горячности и дѣйствительности нашей агитаціи, я долженъ признать ее прежде всего движеніемъ средняго класса». Отнынѣ Лига направила свои силы на

привлеченіе къ движенію низшихъ рабочихъ слоевъ населенія, и въ концѣ года ближайшій сотрудникъ Кобдена, Джонъ Брайтъ, заявилъ, что «въ составъ Лиги входитъ почти вся масса средняго класса и рабочаго населенія Великобританіи».

Здѣсь необходимо остановиться на одной характерной чертѣ публичныхъ митинговъ того времени. Руководители движенія смотрѣли на нихъ какъ на могущественное орудіе провести въ народныя массы правильные взгляды на предметы агитаціи, развить въ нихъ сознательное къ нимъ отношеніе и поселить прочное убѣжденіе въ необходимости полной отмѣны хлѣбныхъ законовъ. Вслѣдствіе этого митинги, организуемые для составленія петиціи или выслушанія публичнаго чтенія, имѣли большое воспитательное значеніе, передъ которымъ нерѣдко совершенно стушевывался демонстративный характеръ ихъ. Часто на одномъ и томъ же митингѣ собирались представители противоположныхъ взглядовъ—сторонники Лиги и противники отмѣны хлѣбнаго законодательства, и вотъ между ними поднимались пренія, выяснявшія различныя точки зрѣнія на вопросъ и помогавшія присутствовавшимъ разобраться въ нихъ и прійти къ извѣстному заключенію, которое выражалось либо въ рукоплесканіяхъ тому или другому оратору, либо въ вотированіи резолюцій. Изъ многочисленныхъ примѣровъ этого достаточно будетъ привести хотя нѣсколько. «Такъ,—читаемъ мы у Джефсона,—въ Давенпортѣ въ апрѣлѣ 1843 г. состоялся публичный митингъ для выслушанія преній по вопросу о хлѣбныхъ законахъ между депутаціей Лиги и защитниками монополіи, избранными въ качествѣ представителей отъ мѣстной консервативной ассоціаціи. Одинъ священникъ въ теченіе двухъ часовъ говорилъ въ защиту покровительственной системы. Въ отвѣтъ ему говорилъ Брайтъ тоже въ теченіе двухъ часовъ, и затѣмъ вотирована была резолюція противъ хлѣбныхъ

законовъ огромнымъ большинствомъ въ пропорціи 20 : 1. Подобный же митингъ состоялся въ Оксбриджѣ. Здѣсь первымъ говорилъ Кобденъ, которому возражали сторонники существующаго законодательства; въ результатѣ же митингъ вотировалъ нѣсколько резолюцій противъ пошлинъ. На митингѣ въ Бедфордѣ, послѣ Кобдена и Мура, говорили сторонники противоположныхъ взглядовъ, и одинъ изъ нихъ предложилъ резолюцію о томъ, «что покровительство національной промышленности, особенно же земледѣлія, существенно для благосостоянія государства». Но резолюція эта была отвергнута и принята поправка въ пользу уничтоженія всякаго рода монополій. На митингѣ въ Эссексѣ, въ которомъ участвовало до 6.000 человѣкъ, Кобденъ говорилъ два часа, послѣ чего ему возражали нѣкоторые изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ; въ концѣ концовъ митингъ высказался противъ пошлинъ».

На всѣхъ такихъ митингахъ обѣ стороны выслушивались со вниманіемъ и результатъ голосованія принимался съ полнымъ уваженіемъ къ мнѣнію большинства. Въ общемъ эта агитація отличалась безусловно мирнымъ характеромъ и къ цѣли своей стремилась исключительно моральными средствами вліянія на общественное мнѣніе. Брайтъ имѣлъ полное основаніе высказать по этому поводу слѣдующее: «монополисты говорятъ, что мы побуждаемъ къ возстанію и возмущенію. Это утвержденіе—ложь, подобно тому какъ лживы всѣ тѣ основанія, на которыя они опираются въ защитѣ своей монополіи. Мы нигдѣ не побуждали къ возстанію. Мы взываемъ къ разуму нашихъ согражданъ и къ ихъ чувству справедливости, и этотъ призывъ встрѣчаетъ отвѣтъ поразительный»...

Въ теченіе 1843 и 1844 гг. агитація продолжалась съ прежнимъ усердіемъ, и общественное мнѣніе все болѣе склонялось на сторону Лиги. Въ средѣ Парламента идеи свободной торговли также пріобрѣтали себѣ новыхъ адеп-

товъ, какъ видно изъ послѣдовательнаго ряда голосованій по предложенію объ отмѣнѣ пошлинъ, которое Вильберсъ вносилъ въ Палату Общинъ регулярно каждый годъ. Но въ этомъ отношеніи успѣхи движенія были все-таки медленны. Для ускоренія ихъ нуженъ былъ сильный внѣшній толчокъ, которымъ и явился неурожай 1845 года. Лишь только оглашены были первыя свѣдѣнія о немъ, руководители движенія противъ хлѣбныхъ пошлинъ удвоили свою энергію и вызвали по всей странѣ единодушный кликъ: «откройте порты!» Въ теченіе осеннихъ и зимнихъ мѣсяцевъ агитація достигла подазляющихъ размѣровъ. Въ началѣ декабря органъ Лиги, «The League», заявлялъ: «мы не имѣемъ возможности говорить подробно о происходившихъ за послѣднее время митингахъ. За ними немыслимо услѣдить. Да и нѣтъ въ этомъ надобности. Эти выраженія національныхъ чувствъ и убѣжденій по существу своему такъ похожи одно на другое и, можно даже прямо сказать, столь тождественны, что безполезно было бы стремиться уловить ихъ индивидуальность. Исторія одного изъ нихъ есть исторія ихъ всѣхъ».

Для характеристики нѣкоторыхъ сторонъ этого памятнаго движенія считаемъ нелишнимъ привести подробное описаніе одного митинга, которое Джефсонъ заимствуетъ изъ «Times» (7-го января 1846 г.). Оно тѣмъ болѣе интересно, что въ немъ описывается митингъ людей, которые въ то время еще не были надѣлены правами представительства въ Парламентѣ—земледѣльческихъ рабочихъ. «Предсѣдателемъ митинга, — говоритъ «Times», — былъ рабочій; ораторами, за исключеніемъ двухъ, были тоже земледѣльческіе рабочіе; цѣлью же собранія было обратить общественное вниманіе на настоящее положеніе земледѣльческаго населенія въ этой части страны (въ Сѣверномъ Вильтсѣ) и просить ея величество и законодательное собраніе принять рѣшительныя мѣры къ скорѣйшему вспомоществованію

въ ихъ крайнемъ бѣдствіи. Митингъ предполагалось созвать въ обширномъ строеніи, которое имѣлось въ виду соорудить въ полѣ, но значительные расходы, съ которыми сопряжено было такое сооруженіе, превышали сумму тѣхъ взносовъ, которые эти бѣдные люди могли удѣлить изъ своихъ скудныхъ средствъ; вслѣдствіе этого они вынуждены были собраться на перекресткѣ дорогъ селенія и вести бесѣду о своихъ бѣдствіяхъ среди суровой непогоды зимняго вечера. Всѣ приспособленія чрезвычайно характерны. Плетень изъ прутьевъ, поддерживаемый четырьмя столбами, вколоченными въ землю у самой изгороди, образовалъ собою узенькую и неустойчивую платформу, которая едва могла удерживать предсѣдателя и одного оратора. У подножья этого возвышенія поставленъ былъ простой еловый столъ и нѣсколько камышевыхъ стульевъ, позаимствованныхъ въ сосѣднемъ коттэджѣ, къ услугамъ репортеровъ. Четыре или пять свѣчей, нѣкоторыя въ фонаряхъ, другія защищаемыя отъ вѣтра руками державшихъ ихъ, бросали тусклый мерцающій свѣтъ на близъ стоящую группу, вокругъ которой толпилось до 1,000 крестьянъ Вильтсшира, при чемъ нѣкоторые явились въ сопровожденіи женъ и дѣтей. Въ вечернемъ полумракѣ только по одеждѣ можно было распознать принадлежность присутствующихъ къ крестьянскому сословію, но когда луна, высвобождаясь изъ облаковъ, освѣщала ихъ лица, въ нихъ нельзя было не прочесть тревоги, мольбы, нужды, голода, выразительно отвѣчавшихъ на утвержденія ораторовъ, которые просто, безъ всякихъ прикрасъ, изображали бѣдствія своихъ сельскихъ слушателей. Открывая митингъ, предсѣдатель сказалъ:—«Всѣхъ здѣсь присутствующихъ и въ особенности моихъ бѣдныхъ сотоварищей-рабочихъ призываю обратить вниманіе на предметъ крайней важности, требующій самаго серьезнаго разсмотрѣнія. По горькому опыту вамъ извѣстно, что мы страдаемъ отъ нищеты; и мы собрались сегодня

здѣсь для того, чтобы объ этой нуждѣ нашей довести до свѣдѣнія ея величества и ея министровъ и просить ихъ открыть порты и отмѣнить несправедливые хлѣбные законы... Соединимся же вмѣстѣ для защиты дѣла свободной торговли. Всемогущій Богъ въ своемъ предвидѣніи далъ землѣ силу производить въ изобиліи нужные человѣку припасы, и то, чего не имѣетъ одна нація, производитъ другая; поэтому все должно быть устроено такъ, чтобы въ мірѣ былъ свободный торговый обмѣнъ. Рабочіе классы находятся въ настоящее время въ крайне бѣдственномъ положеніи, и тѣ, кто бѣдствуютъ, должны выступить впередъ и мужественно заявить о своей нуждѣ; это укажетъ на необходимость свободной торговли, которая, по моему убѣжденію, является единственнымъ средствомъ устранить нужду». Чарльзъ Вайнсъ, поддерживая резолюцію, сказалъ: «Друзья! я хотѣлъ бы, чтобы луна свѣтила ярче, чѣмъ теперь, для того, чтобы лучше видѣть, кто здѣсь. Но я и такъ достаточно вижу, что тутъ не мало народу и что почти всѣ присутствующіе одѣты въ такія же блузы и покрыты столь же ветхими шляпами, какъ и я. Нѣкоторые изъ насъ слышали недавно съ церковной каѳедры, что душа человѣческая склонна къ недовольству. Я вѣрю этому. Вѣдь не что иное, какъ недовольство собрало сегодня всѣхъ здѣсь присутствующихъ мужчинъ (*женскій голосъ*: «и женщинъ также!»)... Не о политикѣ толковать пришелъ я сюда; я въ ней ничего не понимаю. И о хлѣбныхъ законахъ я не знаю многаго, кромѣ только того, что они мало добра принесли намъ, рабочимъ. Вѣдь еще долго ждать до будущаго іюля, когда уродится новый картофель, и если не случится что-либо на пользу насъ, бѣдныхъ созданій, намъ грозитъ голодъ. Но я искренно надѣюсь, что «давно ожидаемое» случится ранѣе будущаго іюля. Чтобы дѣйствительнымъ образомъ оградить наши права, мы всѣ единодушно должны поднять нашъ голосъ и просить ея

величество уничтожить стѣсненія, лежащія на торговлѣ, такъ чтобы бѣдные рабочіе могли имѣть хлѣбъ, и сыръ, и хорошее пиво, дабы имѣть возможность нести работу, съ которою при теперешней скудной пищѣ они не въ силахъ справиться. Да встрѣтитъ этотъ возгласъ желаемый отвѣтъ отъ нашей возлюбленной королевы. God save the Queen!»... Выслушавъ еще нѣсколькихъ ораторовъ, митингъ мирно разошелся.»

«Давно ожидаемое» дѣйствительно уже было близко къ осуществленію. Въ концѣ января 1846 г. Робертъ Пиль торжественно заявилъ о перемѣнѣ своихъ взглядовъ на хлѣбныя пошлины и въ ближайшіе мѣсяцы провелъ билль, явившійся рѣшительнымъ шагомъ къ полной отмѣнѣ ихъ, вступавшей въ силу съ 1-го февраля 1849 года.

Если поставить вопросъ объ итогахъ описаннаго движенія съ точки зрѣнія роли публичныхъ митинговъ, то нельзя будетъ не признать, что эта роль была весьма существенна. Успѣхамъ движенія, конечно, огромную помощь оказали и нѣкоторые другіе факторы, особенно печать [1]), но значеніе ихъ во всякомъ случаѣ отступаетъ на второе мѣсто передъ тѣми безчисленными общественными собраніями, которыя служили главнымъ проводникомъ идей агитаціи въ народныя массы и самымъ дѣйствительнымъ средствомъ убѣдить ихъ въ справедливости и разумности задачъ ея. При такихъ условіяхъ весьма понятно, что движеніе въ пользу отмѣны хлѣбныхъ пошлинъ оставило глубокій слѣдъ въ общественномъ и политическомъ развитіи Англіи, а въ частности по отношенію къ публичнымъ митингамъ—еще болѣе закрѣпило ихъ роль, еще болѣе раз-

---

[1]) Въ теченіе года, съ сентября 1842 по сентябрь 1843 г., усиліями Лиги составлено и распространено различнаго рода печатныхъ произведеній, брошюръ, памфлетовъ и пр въ количествѣ свыше 9 милліоновъ экземпляровъ.

вило привычку обращаться къ нимъ, какъ къ лучшему средству мирной борьбы за права и интересы.

VII.

Одновременно съ агитаціей противъ хлѣбныхъ законовъ въ Англіи происходило другое, также очень сильное движеніе, возникшее нѣсколько раньше его и закончившееся немного позднѣе. Это было движеніе исключительно въ средѣ рабочихъ классовъ, извѣстное въ исторіи подъ названіемъ «чартизма». Первые зачатки его стали замѣтны вскорѣ же послѣ проведенія акта о реформѣ 1832 г. и возникли главнымъ образомъ на почвѣ недовольства тѣмъ, что эта реформа ни въ чемъ не измѣнила положенія рабочихъ классовъ, которые между тѣмъ оказали такую рѣшительную поддержку движенію въ пользу парламентской реформы. Были и другія причины недовольства—проведеніе новаго законодательства о бѣдныхъ, обставившаго полученіе помощи въ нуждѣ болѣе стѣснительными условіями; тягости фабричной системы, въ которую едва лишь началъ проникать лучъ болѣе гуманнаго отношенія къ участи рабочаго; низкій уровень заработной платы и т. под.

Къ лѣту 1836 г. относится начало болѣе систематическаго организованнаго движенія. Въ іюнѣ этого года въ Лондонѣ образована была «Workingmen's Association», ассоціація рабочихъ, поставившая себѣ слѣдующія главныя задачи: «объединить интеллигентную и вліятельную часть городскихъ и сельскихъ рабочихъ; стремиться всѣми законными средствами къ надѣленію всѣхъ классовъ общества одинаковыми политическими и соціальными правами; всѣми силами стараться объ отмѣнѣ суровыхъ законовъ, препятствующихъ свободному развитію мысли при помощи дешевой и честной прессы [1]); и всѣми возможными сред-

[1]) Въ то время развитіе дешевой печати сильно тормозилось су-

ствами работать надъ воспитаніемъ грядущаго поколѣнія и искорененіемъ всего, что порождаетъ рабское положеніе».

Вскорѣ эти общія задачи были выражены въ болѣе конкретныхъ требованіяхъ, которыя нашли себѣ окончательную формулировку въ шести пунктахъ «Народной Хартіи» (People's Charter, откуда и самое названіе «чартизмъ»), ставшей лозунгомъ агитаціи. Пункты эти заключали въ себѣ требованіе всеобщей подачи голосовъ, сокращенія срока, на который избирается Парламентъ, съ семи лѣтъ до одного года, раздѣленія страны на равные избирательные округа, отмѣны имущественнаго ценза для лицъ, избираемыхъ въ Парламентъ, введенія тайной подачи голосовъ и наконецъ назначенія содержанія членамъ Парламента.

Въ удовлетвореніи этихъ требованій иниціаторы движенія основательно видѣли лучшее средство обезпеченія за рабочими классами активнаго вліянія на законодательное собраніе, а черезъ него и на всю систему управленія. Неудивительно поэтому, что начатое движеніе встрѣтило сочувственный откликъ въ массахъ рабочаго населенія, которыя неудержимымъ потокомъ стекались на многочисленные митинги, организованные въ разныхъ мѣстностяхъ страны. По словамъ Джефсона, «едва ли даже въ эпоху движенія въ пользу парламентской реформы къ платформѣ обращались такъ часто, какъ теперь». И это въ значительной степени потому, что въ эпоху чартизма публичные митинги являлись не только главнымъ, но и «единственнымъ выразителемъ чувствъ, идей и стремленій огромной части населенія; другими средствами оно не обладало, такъ какъ, за исключеніемъ одной или двухъ газетъ, тѣ немногіе органы, въ которыхъ выражались взгляды рабочихъ, имѣли очень незначительное распространеніе и со-

---

ществованіемъ штемпельнаго сбора для періодическихъ изданій (отмѣненъ лишь въ 1855 г.) и налога на бумагу (упраздненъ въ 1861 г.).

вершенно не проникали въ тѣ классы, ради которыхъ предназначались задуманныя реформы».

Митинги чартистовъ отличались особеннымъ многолюдствомъ, что̀ обусловливалось самымъ свойствомъ движенія и контингентомъ его участниковъ. Достаточно указать хотя нѣкоторые изъ нихъ, какъ митингъ въ Глазговѣ (въ маѣ 1838 г.), на которомъ присутствовало до 200.000 чел., или въ Бирмингамѣ (въ августѣ того же года), также при участіи до 200.000 чел., и наконецъ митингъ въ Манчестерѣ (въ сентябрѣ), гдѣ присутствовало до 300.000 чел. Такія собранія по самому существу своему исключали возможность спокойнаго обсужденія и принимали скорѣе демонстративный характеръ, которымъ нерѣдко злоупотребляли пылкіе ораторы, не останавливавшіеся передъ заявленіемъ открытыхъ угрозъ.

Въ данномъ случаѣ особенно рѣзко проявился огромный прогрессъ, сдѣланный за послѣднія десятилѣтія въ отношеніи къ институту публичныхъ митинговъ. «Въ прежнее время,—говоритъ Джефсонъ,—при видѣ того вызывающаго характера, какой принимали многіе митинги, правительство не задумалось бы передъ истребованіемъ у Парламента экстраординарныхъ полномочій или пріостановки Habeas Corpus Akt'a. Но «времена измѣнились». По этому поводу весьма интересно публичное заявленіе, съ какимъ призналъ нужнымъ выступить министръ внутреннихъ дѣлъ, лордъ Джонъ Россель, на обѣдѣ у ливерпульскаго мэра (въ октябрѣ 1838 г.). Вотъ какъ передано было это заявленіе. «Онъ (Россель) упомянулъ о публичныхъ митингахъ, происходившихъ въ разныхъ частяхъ страны. Нѣкоторые, вѣроятно, полагаютъ, что такіе митинги слѣдовало бы воспрещать. Но не таково убѣжденіе его, Росселя, и всего правительства, съ которымъ онъ дѣйствуетъ. Свободное обсужденіе, изъ котораго познается истина, есть право народа. Ему принадлежитъ право собираться. Если у него есть неудоволь-

ствія, онъ имѣетъ право заявить о нихъ, чтобы они сдѣлались извѣстны и могли быть устранены. Если же нѣтъ достаточныхъ поводовъ къ недовольству, здравый смыслъ не замедлитъ явиться на выручку и положитъ конецъ такимъ митингамъ. Правительствамъ нечего опасаться свободнаго обсужденія, нечего бояться открытаго выраженія общественнаго мнѣнія; бояться приходится тогда, когда люди вынуждаются къ тайнымъ соединеніямъ; вотъ гдѣ лежитъ опасность, а не въ свободномъ обсужденіи».

Несмотря, однако, на повсемѣстный характеръ движенія, вскорѣ же обнаружилось отсутствіе надлежащей организаціи его, отсутствіе того единства плана и той систематичности въ пріемахъ агитаціи, которыя такъ много помогли успѣху движенія противъ хлѣбныхъ законовъ. «Чартизмъ,—замѣчаетъ Джефсонъ,—не находился подъ руководствомъ какого-либо одного человѣка или какой-либо ассоціаціи. Подобно тому какъ широкая рѣка составляется изъ сліянія съ нею отдѣльныхъ многочисленныхъ притоковъ, такъ чартистская агитація явилась результатомъ дѣятельности многихъ отдѣльныхъ людей и отдѣльныхъ ассоціацій, дѣйствовавшихъ совершенно независимо другъ отъ друга».

Это обстоятельство было одною изъ главныхъ причинъ неудачи движенія, такъ какъ оно мѣшало адептамъ его сплотиться во-едино и дружными усиліями идти къ достиженію общей цѣли. Чартисты раскололись на двѣ группы. «Къ первой принадлежали люди, полагавшіе, что народныя права должны быть обезпечены только при помощи однихъ моральныхъ средствъ. Другую составляли люди болѣе рѣшительные, которые не хотѣли допустить, чтобы правящіе классы могли преклониться передъ чѣмъ-либо, кромѣ физической силы, и которые поэтому въ своихъ многочисленныхъ рѣчахъ прибѣгали къ угрозамъ. Ничто не могло быть плачевнѣе этого раскола»,—говоритъ историкъ чартизма, Гаммаджъ.

Чѣмъ дальше, тѣмъ все болѣе и болѣе усиливался насильственный характеръ движенія, а это дало поводъ къ принятію энергическихъ мѣръ преслѣдованія противъ наиболѣе крайнихъ вожаковъ его. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что свобода митинговъ не была ограничена: правда, правительство въ концѣ 1838 г. издало прокламацію, воспрещающую ночные митинги при факельномъ освѣщеніи (meetings at night by torchlight), но эта мѣра вызывалась лишь стремленіемъ предупредить безпорядки и не сопровождалась никакими ограниченіями по отношенію къ митингамъ во всякое другое время.

Не входя въ подробности дальнѣйшаго развитія движенія, постепеннаго его затиханія и затѣмъ новой сильной вспышки его въ 1847 и особенно въ 1848 году, мы остановимся на общемъ значеніи его въ исторіи «платформы». Съ точки зрѣнія ближайшихъ практическихъ цѣлей своихъ чартизмъ потерпѣлъ неудачу. Но эта неудача была относительной. Дальнѣйшая исторія политическаго развитія Англіи показала, что это движеніе оставило въ немъ глубокій слѣдъ и оказало передъ нимъ существенныя заслуги. Публичные митинги того времени, несмотря на излишнюю крайность и черезчуръ декламаторскій тонъ многихъ рѣчей, выполнили свою великую функцію. Они впервые съ полною яркостью раскрыли бѣдствія народныхъ массъ и выдвинули идеи, которыя формировались въ ихъ средѣ. «Въ это время,—говоритъ Джефсонъ,—болѣе, чѣмъ въ какую-либо изъ прежнихъ агитацій, они обратили общественное вниманіе на соціальное и матеріальное положеніе рабочаго населенія страны. Они съ ясностью показали правящимъ классамъ королевства, что на аренѣ государственной жизни появился новый классъ съ нуждами, на которыя должно быть обращено вниманіе, съ потребностями, которыя не могутъ быть долѣе игнорируемы, съ чувствами, которыя не могутъ быть попираемы. Они заставили представитель-

ное собраніе и Палату Пэровъ заняться разсмотрѣніемъ и принятіемъ мѣръ къ улучшенію соціальнаго и матеріальнаго положенія массъ, къ подъему ихъ моральнаго и интеллектуальнаго уровня. Они раскрыли передъ Парламентомъ совершенно новую сферу дѣятельности и обязанностей, которая до тѣхъ поръ находилась въ рѣшительномъ пренебреженіи, а къ государственнымъ дѣятелямъ предъявили новые запросы, игнорированіе которыхъ сопряжено съ огромною опасностью для государства».

И это уже успѣло выразиться въ рядѣ существенныхъ положительныхъ результатовъ, перечислять которые значило бы дать исторію многочисленныхъ актовъ и реформъ, проведенныхъ въ послѣднія четыре-пять десятилѣтій на пользу рабочихъ классовъ. Даже по отношенію къ непосредственнымъ требованіямъ программы чартизма слѣдуетъ признать, что неудача ихъ была лишь временной. Джефсонъ основательно уподобляетъ ихъ брошенному въ землю зерну, которое сначала кажется заглохшимъ и совершенно погибшимъ, но затѣмъ проявляетъ признаки жизни и даетъ ростокъ. Изъ шести пунктовъ хартіи три получили полное осуществленіе: въ 1858 г. отмѣнены законы объ особомъ имущественномъ цензѣ для членовъ Парламента; въ 1872 г. введена тайная подача голосовъ, обезпечивающая независимость избирателей; въ 1885 г. произведено раздѣленіе страны на равные избирательные округа. Парламентскія реформы 1867 и 1885 г. дали почти полное осуществленіе четвертому пункту—требованію всеобщей подачи голосовъ. Наконецъ, теперешній [1]) кабинетъ Гладстона, образованный въ іюлѣ 1892 года, въ числѣ задачъ своихъ поставилъ проведеніе еще одного пункта хартіи,—о назначеніи содержанія членамъ Парламента.

[1]) Статья была написана въ 1892 году. Предположеніе о назначеніи содержанія членамъ Парламента остается до сихъ поръ неосуществленнымъ.

VIII.

Въ теченіе описанныхъ движеній институтъ публичныхъ митинговъ получилъ такое полное развитіе и настолько глубоко укоренился въ общественной и политической жизни Англіи, что въ послѣдующія десятилѣтія ея тщетно было бы стараться найти какія-либо новыя существенныя черты, которыя составляли бы новую фазу въ развитіи его. Это, однако, не лишаетъ ихъ большого интереса съ точки зрѣнія оцѣнки политическаго значенія публичныхъ митинговъ,—тѣмъ болѣе, что въ теченіе ихъ происходилъ рядъ глубоко-знаменательныхъ общественныхъ движеній, въ исторіи которыхъ митингамъ довелось играть весьма важную, иногда рѣшающую роль. Особенно сильно это сказалось въ эпоху проведенія второй и третьей парламентскихъ реформъ (1867 и 1885 г.).

Сознаніе необходимости расширить представительство, распространивъ права его по крайней мѣрѣ на нѣкоторые слои рабочаго населенія, дѣлало все бо́льшіе и бо́льшіе успѣхи со временъ чартизма. Уже въ 1852 г. лордъ Джонъ Россель сдѣлалъ попытку провести новую парламентскую реформу, но попытка эта окончилась неудачею вслѣдствіе того, что кабинетъ Росселя вынужденъ былъ подать въ этомъ году въ отставку, и внесенный имъ билль былъ взятъ обратно. Съ осени 1858 г. возникла дѣятельная агитація въ пользу реформы, по иниціативѣ Джона Брайта, заявившаго на митингѣ въ Бирмингамѣ (въ октябрѣ), что Палата Общинъ неудовлетворительно представляетъ націю, которая выросла изъ рамокъ существующей конституціи. На новомъ митингѣ въ Манчестерѣ (въ декабрѣ 1858 г.) Брайтъ обратился съ призывомъ къ общественному движенію. «Съ этой платформы,—сказалъ онъ,—я говорю не только

съ вами; я обращаюсь ко всѣмъ моимъ согражданамъ»... «Если они желаютъ реформы,—продолжалъ онъ,—то пусть они собираются въ своихъ городахъ, поселкахъ, деревняхъ и приходахъ, пусть они собираются и говорятъ, а придя къ извѣстному рѣшенію—обратятся съ петиціями. Если они поступятъ такъ, я увѣренъ, что имъ недолго придется ждать вступленія въ полное обладаніе тѣми политическими правами, которыя столь необходимы для защиты ихъ интересовъ и которыя находятся въ полномъ согласіи съ основами нашей славной конституціи».

Призывъ Брайта нашелъ себѣ откликъ. Притомъ же со временъ первой реформы демократическія идеи сдѣлали столь большіе успѣхи, что теперь уже не приходилось имѣть дѣло съ тѣмъ упорствомъ, которое прежде такъ сильно тормозило реформу. Съ принципомъ ея мирились даже консерваторы: въ тронной рѣчи, открывавшей новую сессію Парламента, министерство лорда Дерби склонно было обратить вниманіе «на положеніе законодательства, регулирующаго представительство народа въ Парламентѣ», а въ концѣ февраля 1859 г. Дизраэли внесъ избирательный билль торійскаго правительства. Однако во второмъ чтеніи онъ былъ отвергнутъ по причинѣ недостаточности предложенныхъ имъ измѣненій. Парламентъ былъ распущенъ, новые выборы дали либеральное большинство, и кабинетъ Дерби вышелъ въ отставку. По этому поводу Джефсонъ отмѣчаетъ любопытный фактъ, что первое заявленіе объ отставкѣ лордъ Дерби сдѣлалъ съ «платформы», на публичномъ банкетѣ.

Однако, несмотря на вступленіе во власть либеральнаго министерства, вопросъ о реформѣ на нѣсколько лѣтъ замолкъ, уступивъ свое мѣсто другимъ событіямъ и интересамъ, поглощавшимъ общественное вниманіе. Съ новою силою онъ былъ выдвинутъ въ зиму 1864 — 1865 г., и особенно когда послѣ смерти лорда Пальмерстона во главѣ

кабинета снова сталъ лордъ Россель, а Гладстонъ сдѣлался лидеромъ Палаты Общинъ.

Въ началѣ марта 1866 г. Гладстонъ внесъ билль о реформѣ, и въ странѣ организовано было множество митинговъ, выражавшихъ сочувствіе ему. Но въ Парламентѣ консерваторы, въ борьбѣ за власть, употребляли всѣ усилія, чтобы низвергнуть либеральный кабинетъ. Это имъ удалось путемъ проведенія враждебной биллю поправки, и во главѣ управленія снова стали лордъ Дерби и Дизраэли.

Опасеніе за судьбу реформы въ рукахъ консервативнаго кабинета вызвало сильное общественное движеніе, выразившееся по обыкновенію въ массѣ публичныхъ митинговъ, изъ которыхъ многіе, благодаря участію рабочихъ, отличались необыкновеннымъ многолюдствомъ и имѣли характеръ величественныхъ демонстрацій. На одномъ изъ такихъ митинговъ Брайтъ далъ слѣдующій ретроспективный обзоръ этого движенія въ связи съ предшествовавшими годами. «Прошло около восьми лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я имѣлъ случай дать, какъ мнѣ казалось,—благой совѣтъ непредставленнымъ рабочимъ людямъ. Я говорилъ имъ, что монополисты, обладатели политической власти въ этой странѣ, не подѣлятся ею съ другими по собственному своему почину. Я говорилъ, что если рабочіе желаютъ политической власти, то имъ слѣдуетъ выступить съ требованіями ея такъ, чтобы обнаружились единодушіе ихъ желаній и сильная сплоченность въ стремленіи ихъ къ осуществленію... Теперь очевидно, что благой совѣтъ, данный мною восемь лѣтъ тому назадъ, сталъ убѣжденіемъ всѣхъ тѣхъ, кто сочувствуетъ политическому освобожденію рабочаго человѣка, и что въ послѣднее время совѣтомъ этимъ воспользовались въ широкой степени, такъ что по всеобщему сознанію положеніе вопроса о реформѣ глубоко измѣнилось».

Справедливость этихъ словъ, произнесенныхъ въ декабрѣ

1866 г., обнаружилась вполнѣ, когда въ началѣ слѣдующаго февраля консервативный кабинетъ Дерби-Дизраэли выступилъ съ новымъ биллемъ о реформѣ. Когда сдѣлались извѣстны подробности его, снова организованы были многочисленные митинги, на которыхъ велось критическое обсужденіе билля и доказывалась необходимость расширить рамки реформы. Эта послѣдняя задача выпадала на долю либеральной оппозиціи, которой дѣйствительно удалось добиться [1]) настолько значительныхъ уступокъ отъ консервативныхъ авторовъ билля, что въ концѣ концовъ принятая реформа оказалась гораздо болѣе демократической, чѣмъ даже проектъ Гладстона 1866 г. По разсчету его, этотъ проектъ долженъ былъ прибавить до 400.000 новыхъ избирателей,—между тѣмъ актъ 1867 г. надѣлилъ избирательными правами 1.150.000 представителей городского рабочаго населенія.

О роли митинговъ въ осуществленіи этой реформы Гладстонъ выразился слѣдующимъ образомъ: «мнѣ представляется внѣ всякаго сомнѣнія, что народныя собранія, организованныя для обсужденія и заявленія мнѣній по вопросу о реформѣ, имѣли важное, скажу даже прямо — жизненное вліяніе и значеніе для приведенія этого вопроса въ его настоящее положеніе».

Не менѣе существенную роль публичнымъ митингамъ пришлось играть и при проведеніи третьей парламентской реформы въ 1884—1885 гг. Но прежде чѣмъ говорить объ этомъ знаменательномъ моментѣ новѣйшей англійской исторіи, необходимо сказать нѣсколько словъ объ общихъ выборахъ 1880 года, которыми закончилось продолжительное

---

[1]) Въ этихъ усиліяхъ либеральная оппозиція находила себѣ энергическое одобреніе и поощреніе: въ періодъ парламентскаго обсужденія билля, между 22-мъ апрѣля и 7-мъ мая, устроено было свыше 50 публичныхъ митинговъ, на которыхъ были вотированы резолюціи, выражающія довѣріе Гладстону и поощреніе его оппозиціи.

(съ 1874 г.) управленіе Дизраэли, впослѣдствіи—лорда Биконсфильда.

Въ этихъ выборахъ съ чрезвычайною яркостью выступила одна характерная черта современной политической жизни Англіи: подготовка программы общихъ выборовъ, приготовленіе населенія къ тѣмъ вопросамъ, на почвѣ которыхъ они производятся, совершается значительно ранѣе наступленія этого момента и главнымъ образомъ при помощи публичныхъ митинговъ. Первое извѣщеніе о намѣреніи правительства распустить парламентъ сдѣлано было въ мартѣ 1880 года, но уже съ іюля 1878 г. Гладстонъ началъ подготовку къ общимъ выборамъ, которая впервые велась съ замѣчательною систематичностью. Труды его въ этомъ отношеніи раздѣляли и нѣкоторые другіе выдающіеся члены либеральной партіи, особенно Гартингтонъ и Чамберленъ, и мало-по-малу внѣ-парламентская агитація совершенно подавила интересъ къ парламентскимъ занятіямъ, сдѣлавшись истиннымъ центромъ политической жизни страны. Высшаго напряженія она достигла осенью 1879 г., когда Гладстонъ предпринялъ свою первую кампанію въ Шотландіи, гдѣ (именно въ Мидлотіанѣ) онъ рѣшилъ выставить свою кандидатуру на будущихъ выборахъ. Эта кампанія, въ теченіе которой глава либеральной партіи произнесъ передъ многолюдными собраніями рядъ блестящихъ рѣчей, заключавшихъ въ себѣ всестороннюю критику консервативной политики и своимъ вліяніемъ обезпечившихъ будущій успѣхъ либеральной партіи, представляетъ собою одно изъ наиболѣе краснорѣчивыхъ проявленій того огромнаго значенія, какое получили публичные митинги въ качествѣ фактора политической жизни. Самые выборы 1880 г. также ознаменовались рѣдкимъ оживленіемъ «платформы».

Черезъ три года по вступленіи Гладстона въ управленіе страною, въ маѣ 1883 г., въ Лондонѣ состоялся ми-

тингъ делегатовъ либеральныхъ ассоціацій на годичномъ съѣздѣ «Національной Либеральной Федераціи» (основанной въ 1867 г.), и на немъ постановлено просить правительство внести билль о новой парламентской реформѣ, съ цѣлью распространенія политическихъ правъ на сельскихъ рабочихъ. При этомъ выражено было желаніе, чтобы этому вопросу отдано было предпочтеніе передъ другими очередными вопросами.

Гладстонъ, дѣйствительно, въ ближайшую же сессію (въ февралѣ 1884 г.) внесъ билль, надѣлявшій избирательными правами до 2 милліоновъ рабочаго населенія, и въ Палатѣ Общинъ эта реформа встрѣтила сочувственную поддержку: билль принятъ былъ весьма значительнымъ большинствомъ. Но Палата Лордовъ оказала ему рѣшительное сопротивленіе. Любопытно, однако, что это сопротивленіе выразилось не въ формѣ прямого отверженія непріятнаго лордамъ билля, а косвеннымъ путемъ — путемъ принятія резолюціи объ отказѣ разсматривать его до тѣхъ поръ, пока правительство не опубликуетъ предположенной имъ схемы новаго распредѣленія избирательныхъ округовъ. Истинною цѣлью консервативной оппозиціи, какъ это выяснилось изъ заявленій лорда Сольсбери, было заставить правительство распустить Парламентъ и произвести новые общіе выборы, на которыхъ консерваторы надѣялись одержать побѣду.

Рѣшеніе возникшаго конфликта выпало на долю «платформы». Начавшееся по этому поводу движеніе вскорѣ приняло грандіозные размѣры, благодаря многолюднымъ митингамъ, организованнымъ въ разныхъ мѣстностяхъ Англіи. Повторилось то же, что̀ мы видѣли по отношенію къ реформѣ 1832 года, но на этотъ разъ недовольство образомъ дѣйствій лордовъ выразилось еще сильнѣе. Одно время положеніе дѣлъ обострилось настолько, что было основаніе ожидать весьма рѣшительныхъ мѣръ по отношенію къ са-

мому институту Верхней Палаты. Рѣчь, съ которою долженъ былъ выступить Гладстонъ, ожидалась съ напряженнымъ интересомъ. «Она—говоритъ Джефсонъ—сосредоточивала на себѣ всеобщее вниманіе. Едва ли въ новѣйшее время произносилась рѣчь, которая была бы столь знаменательна. Нѣсколько словъ оратора въ одномъ направленіи могли бы раздуть агитацію противъ Палаты Лордовъ во всепожирающее пламя; нѣсколько словъ въ другомъ направленіи могли смягчить и успокоить народное возбужденіе. Отъ выраженій оратора зависѣло будущее». Но сигналъ не былъ данъ; рѣчь Гладстона была преисполнена духомъ примиренія. Коснувшись вопроса «объ органическихъ перемѣнахъ въ устройствѣ Палаты Лордовъ», онъ заявилъ, что не намѣренъ выдвигать этотъ вопросъ въ виду того, что «контроверзъ» по отношенію къ биллю о реформѣ самъ по себѣ достаточно труденъ, чтобы усложнять его новымъ вопросомъ». «Быть можетъ,—сказалъ онъ,—вслѣдствіе робости, свойственной моему возрасту, быть можетъ вслѣдствіе безпечности (indolence), отъ которой никто изъ насъ не свободенъ вполнѣ, но, признаюсь, я съ неохотою смотрю на возбужденіе вопросовъ органическихъ измѣненій въ нашей конституціи, пока не наступитъ моментъ, когда я не буду болѣе въ состояніи отрицать ихъ необходимость. Я думаю, что Палата Лордовъ еще не поставила себя въ положеніе, которое дѣлало бы непоправимою ея ошибку, я вѣрю въ возможность ея отступленія съ достоинствомъ и съ честью»... Гораздо болѣе рѣшительно Гладстонъ высказался по другому важному вопросу, выдвинутому конфликтомъ, а именно по поводу притязаній консерваторовъ добиться роспуска Парламента вслѣдствіе враждебнаго министерству голосованія Верхней Палаты. «Скажу прямо: доктрина о томъ, что Палата Лордовъ можетъ опредѣлять время роспуска Парламента и указывать, когда слѣдуетъ обратиться къ странѣ, есть доктрина, не имѣющая мѣста

ни въ нашей исторіи, ни въ нашей конституціи. Принять эту доктрину, сдѣлать ей хотя бы малѣйшую уступку, допустить хотя бы одну іоту ея — значило бы, по моему убѣжденію, измѣнить британской свободѣ. Заявляю вамъ, что я скорѣе откажусь отъ своего участія въ проведеніи избирательнаго билля, а слѣдовательно и отъ всякаго участія въ политической жизни, чѣмъ хотя бы на одинъ моментъ перестану выражать самый рѣзкій протестъ противъ этого возмутительнѣйшаго нововведенія»,..

Между тѣмъ движеніе общественнаго мнѣнія противъ отклоненія билля лордами продолжалось, разливаясь бурными потоками по всей странѣ. О размѣрахъ его можно судить по слѣдующимъ цифрамъ, приведеннымъ въ «Annual Register» за 1884 г.: въ Англіи и Шотландіи, съ цѣлью поддержки либеральнаго кабинета и его билля, состоялось 1.512 публичныхъ митинговъ, между тѣмъ какъ въ пользу консерваторовъ и политики Палаты Лордовъ высказалось, несмотря на всѣ усилія организовать такія заявленія, только 195 собраній. На либеральныхъ митингахъ въ общемъ итогѣ присутствовало до $3^1/_2$ милліоновъ, на консервативныхъ—около 300.000 человѣкъ.

Результатъ движенія 1884 года не заставилъ себя долго ждать: въ началѣ слѣдующаго года билль о реформѣ, увеличивавшей число избирателей двумя слишкомъ милліонами, спокойно прошелъ установленныя стадіи, при чемъ въ этотъ разъ не понадобилось даже прибѣгать, какъ въ 1832 г., къ угрозѣ назначенія новыхъ пэровъ.

Намъ остается упомянуть еще объ одномъ движеніи, которому должно быть отведено почетное мѣсто въ исторіи публичныхъ митинговъ Англіи. Мы говоримъ о движеніи, возникшемъ въ связи съ осложненіями въ Восточномъ вопросѣ, начавшимися съ возстаній въ Герцеговинѣ и Босніи въ 1875 г.

Уже въ сентябрѣ этого года обнаружились симпатіи значительной части англійскаго общества къ судьбѣ порабощеннаго населенія турецкихъ провинцій: митингъ, созванный по иниціативѣ графа Росселя, постановилъ оказать всѣми законными средствами поддержку возставшему населенію и организовать съ этою цѣлью подписку. Выраженіе этихъ симпатій сдѣлалось еще болѣе рѣшительнымъ, когда обнаружилось, что консервативный кабинетъ склоненъ оказать турецкому правительству поддержку въ борьбѣ за цѣлость Оттоманской имперіи.

Особенно сильный толчокъ къ движенію общества данъ былъ разоблаченіями жестокостей, совершаемыхъ турками въ славянскихъ земляхъ,—разоблаченіями, сдѣланными въ рядѣ корреспонденцій «Daily News», напечатанныхъ въ іюнѣ-іюлѣ-августѣ 1876 г. Начались митинги, на которыхъ выражался протестъ противъ политики Дизраэли и высказывалось негодованіе передъ звѣрскимъ образомъ дѣйствій турокъ. Число митинговъ съ каждымъ днемъ увеличивалось все болѣе: 4-го сентября состоялись митинги въ 9 большихъ городахъ; 5-го—въ 17 городахъ; 6-го—въ 20; 11-го сентября было 30 митинговъ; 12-го—60. «Многолюдные публичные митинги, происходящіе въ странѣ,—говорилъ «Daily News»,—безошибочно показываютъ, что англійскій народъ не желаетъ болѣе обращать вниманіе на лживыя оправданія, которыми правительство мотивируетъ свою поддержку гнусному правительству Турціи. Демонстраціи, которыя мы отмѣчаемъ изо дня въ день, отличаются тою благородною особенностью, что въ нихъ участвуютъ одинаково люди всевозможныхъ политическихъ убѣжденій и религіозныхъ воззрѣній»... А вотъ что говорилъ объ этомъ движеніи Гладстонъ, не мало содѣйствовавшій его оживленію своимъ знаменитымъ памфлетомъ «The Bulgarian Horrors» (вышедшимъ 5-го сентября 1876 г.):—«Я давно принимаю участіе въ общественной жизни и былъ свидѣтелемъ

многихъ оживленныхъ движеній общественнаго мнѣнія, но мнѣ никогда еще не приходилось видѣть такое движеніе, которое можно было бы сравнить съ тѣмъ, которое возникло въ теченіе послѣднихъ двухъ недѣль и съ такою поразительною быстротою разлилось до размѣровъ національнаго. Тщетно было бы отвергать или умалять значеніе его. Нелѣпо было бы связывать его лишь съ дѣятельностью политической партіи, какъ бы ни была она сильна... Это движеніе—національное, а не партійное, и притомъ истинно-народное, такъ какъ рабочіе классы съ самаго начала подняли знамя, подъ которымъ мы идемъ теперь».

Помимо непосредственности и всеобщности, это движеніе интересно, съ точки зрѣнія роли публичныхъ митинговъ, особенно въ томъ отношеніи, что путемъ ихъ общественное мнѣніе Англіи впервые вмѣшалось въ ту сферу политики, отъ которой оно до тѣхъ поръ было болѣе или менѣе далеко и на которую почти не распространялось его активное вліяніе. Значеніе этой агитаціи не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ подъ вліяніемъ ея кабинетъ Дизраэли счелъ нужнымъ удержать въ извѣстныхъ рамкахъ свое вмѣшательство въ Восточный вопросъ. Велико было также впечатлѣніе, произведенное этимъ взрывомъ общественнаго мнѣнія и за предѣлами Англіи: къ нему внимательно прислушивались въ континентальныхъ государствахъ Европы, а Императоръ Александръ II выразилъ особенное уваженіе къ общественному мнѣнію Англіи, заявивъ желаніе, чтобы подробности его разговора съ англійскимъ посломъ были оглашены во всеобщее свѣдѣніе англичанъ.

СВОБОДА ПЕЧАТИ

И СУДЪ ПРИСЯЖНЫХЪ ВЪ АНГЛІИ

Въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ печать пользуется свободою, послѣдняя обыкновенно покоится на какомъ-либо законодательномъ актѣ: во Франціи она гарантируется постановленіями *Loi sur la liberté de la presse* 1881 года, въ Германіи — *Reichs-Pressgesetz* 1874 года, въ Бельгіи — постановленіями конституціи 1831 года, въ Италіи—статутомъ 1848 года. Въ Англіи ничего подобнаго мы не видимъ. Тамъ нѣтъ закона о печати, или законовъ о печати, которые узаконяли бы свободу печатнаго выраженія мнѣній и установляли бы систему гарантій этой свободы. Скажу болѣе: англійское право почти совершенно не знаетъ самыхъ выраженій «свобода мысли», «свобода печати». За двумя—тремя исключеніями, этихъ терминовъ нельзя найти ни въ обширномъ собраніи статутовъ, ни въ положеніяхъ такъ-называемаго *common law* [1]). Тщательный анализъ какъ принциповъ общаго права, такъ и статутнаго законодательства приводитъ къ тому выводу, что англійское право не признаетъ ничего подобнаго тому естественному праву

[1]) A. Dicey. Lectures introductory to the Study of the Law of the Constitution. Sec. edit. Lond. 1886, стр. 253.

на свободное выраженіе взглядовъ и мнѣній, которое въ концѣ XVIII вѣка было провозглашено во Франціи, какъ одно изъ драгоцѣннѣйшихъ правъ человѣка.

И при всемъ томъ что̀ же мы видимъ? Тогда какъ во Франціи, торжественно провозгласившей въ 1789 году принципъ свободы слова, печать впослѣдствіи не разъ и въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій находилась подъ гнетомъ цензуры и другихъ ограниченій [1]), въ Англіи она давно свободна, несмотря на то, что законодательство этой страны не говоритъ ничего о свободѣ печати и ея гарантіяхъ, что даже въ самой отмѣнѣ цензуры, какъ я покажу сейчасъ, далеко не первенствующую роль играли соображенія о свободѣ мысли и слова.

Объясненіе этого явленія слѣдуетъ искать въ юридическомъ положеніи печати въ Англіи. Оно характеризуется двумя главными чертами. Во-первыхъ, свобода печати тамъ есть не что иное, какъ проявленіе общаго принципа, по которому никто не можетъ быть подвергнутъ наказанію иначе, какъ за извѣстное опредѣленное нарушеніе закона—принципа, исключающаго какъ цензуру, такъ и другія ограниченія, въ родѣ залоговъ, штемпельнаго сбора и т. д. Эти и другія предупредительныя мѣры не согласуются съ основнымъ началомъ англійскаго права, по которому люди подлежатъ тѣмъ или другимъ ограниченіямъ или наказаніямъ не потому, что они могутъ или склонны нарушить законъ, но лишь потому и только тогда, когда они дѣйствительно совершаютъ какое-либо опредѣленное, предусмотрѣнное закономъ правонарушеніе или преступленіе. Англійское право предоставляетъ каждому говорить, писать и издавать все, что̀ онъ пожелаетъ; но тотъ, кто употребитъ во зло эту свободу, подлежитъ наказанію. Если онъ не-

[1]) См. ниже очеркъ „Положеніе печати во Франціи при Наполеонѣ I“.

справедливо нападаетъ на кого-либо, обиженный можетъ искать убытки; если же, съ другой стороны, написанное или напечатанное заключаетъ въ себѣ государственную измѣну или безнравственныя вещи, то виновный подлежитъ за свое преступленіе уголовному преслѣдованію. Такимъ образомъ одна изъ главныхъ особенностей англійской печати состоитъ въ томъ, что печать (разумѣя тутъ конечно и писателей) подлежитъ дѣйствію обыкновеннаго закона страны.

Въ связи съ этимъ находится и другая основная черта, характеристичная для положенія печати въ Англіи, а именно, что преступленія печати вѣдаются и наказуются только обыкновенными судами страны, т.-е. судьями при непремѣнномъ участіи присяжныхъ. Судъ присяжныхъ—вотъ истинная основа свободы печати въ Англіи. «Сущность вопроса о свободѣ печати—говорилъ главный судья лордъ Кеніонъ—очень проста, если отбросить отъ нея всевозможныя словесныя украшенія, и всякій здравомыслящій человѣкъ легко пойметъ ее. Это ни болѣе, ни менѣе, какъ то, что всякій можетъ огласить въ печати все, чего двѣнадцать его согражданъ не считаютъ предосудительнымъ, и съ другой стороны — что подлежитъ наказанію всякій, оглашающій то, что̀ въ глазахъ присяжныхъ является предосудительнымъ». И въ самомъ дѣлѣ, положеніе англійской печати въ ея прошломъ и настоящемъ приводитъ къ твердому убѣжденію, что наиболѣе прочною гарантіею свободы печати является судъ присяжныхъ, что вполнѣ свободною печать можетъ быть лишь тогда, когда рѣшеніе вопроса объ оскорбительности, безнравственности или преступности ея произведеній принадлежитъ безпристрастнымъ и независимымъ представителямъ общественной совѣсти.

Наивно было бы думать, что это убѣжденіе явилось результатомъ спокойнаго и ровнаго развитія, безсознательнаго роста учрежденій. Нѣтъ, оно явилось результатомъ

долгой борьбы, оно завоевано было трудами и усиліями нѣсколькихъ поколѣній. Прослѣдить въ краткомъ очеркѣ важнѣйшіе моменты этой борьбы и указать на роль суда присяжныхъ въ исторіи развитія свободы печати въ Англіи— такова задача дальнѣйшаго изложенія.

Ограничительныя мѣры по отношенію къ печати появились вскорѣ же послѣ самаго изобрѣтенія книгопечатанія. Развившись впервые въ Майнцѣ около 1450 г., типографское искусство стало быстро распространяться по умственнымъ центрамъ Западной Европы: къ концу XV вѣка въ разныхъ странахъ насчитываютъ уже болѣе 200 городовъ, имѣющихъ свои типографіи.

Если принять во вниманіе, что средніе вѣка вообще и въ особенности XV и XVI столѣтія были эпохою оживленія религіозной мысли по преимуществу, что къ этой эпохѣ относятся ожесточенные богословскіе споры и распри, привлекавшіе къ себѣ особенное вниманіе образованныхъ людей того времени, что тогдашняя литература и наука носили теологическій характеръ, — если принять все это во вниманіе, нимало не удивительнымъ представится тотъ фактъ, что первыя попытки вмѣшательства въ область печати съ цѣлью ограничить свободу выраженія мысли были предприняты органами церковной власти. Любопытно, что одна изъ наиболѣе раннихъ попытокъ въ этомъ родѣ имѣла мѣсто именно тамъ, гдѣ, какъ полагаютъ, зародилось самое искусство книгопечатанія. Я говорю о приказѣ Бертольда, архіепископа майнцискаго, воспрещающемъ (1486 г.) печатать переводы на нѣмецкій языкъ, особенно богословскихъ книгъ, безъ предварительнаго разсмотрѣнія и одобренія ихъ духовными властями. За этою мѣрою чисто мѣстнаго значенія не замедлили послѣдовать мѣропріятія болѣе общаго характера: булла папы Александра VI (1501 г.) установила правильную духовную цензуру въ четырехъ нѣмецкихъ провинціяхъ; въ 1515 г. новая булла папы Льва X пове-

лѣваетъ, въ силу постановленія Латеранскаго собора, установить цензуру и въ другихъ мѣстностяхъ.

Между тѣмъ критическое направленіе мысли, преимущественно въ области религіозныхъ вопросовъ, развивалось все болѣе и болѣе и получило, наконецъ, свое величественное выраженіе въ движеніи Реформаціи. Стремленіе остановить это движеніе, а затѣмъ по мѣрѣ того, какъ оно разросталось, подавить его — побуждало католицизмъ къ изысканію подходящихъ къ тому средствъ. Въ числѣ ихъ далеко не послѣднее значеніе придавалось предупредительнымъ мѣрамъ по отношенію къ печати. Мало-по-малу, въ короткій сравнительно періодъ времени, предварительная цензура сдѣлалась явленіемъ повсемѣстнымъ. Кромѣ цензуры духовенство, а затѣмъ и свѣтскія правительства прибѣгали нерѣдко и къ другимъ средствамъ борьбы съ печатью: изданію каталоговъ запрещенныхъ книгъ *(Index librorum prohibitorum)*, публичному сожженію вредныхъ сочиненій, а нерѣдко вмѣстѣ съ ними и ихъ авторовъ.

Въ то время, когда въ Англіи появилось и стало распространяться книгопечатаніе, католицизмъ былъ еще въ полной силѣ. И здѣсь, какъ это было въ другихъ странахъ, духовенство сосредоточило въ своихъ рукахъ наблюденіе за печатью и преслѣдованіе тѣхъ произведеній ея, въ которыхъ замѣчалось уклоненіе отъ началъ господствующей религіи. Преобладающая роль духовенства въ этой области продолжается до царствованія королевы Елизаветы, въ эпоху котораго дѣятельнымъ органомъ полиціи печати становится государство—свѣтская власть. Мало-по-малу какъ цензура, такъ и вообще всѣ мѣропріятія по отношенію къ печати были сосредоточены въ рукахъ Звѣздной Палаты. Такъ назывался комитетъ Королевскаго совѣта, надѣленный чрезвычайно обширными полномочіями и являвшійся въ теченіе цѣлаго столѣтія страшнымъ орудіемъ деспотизма Тюдоровъ и Стюартовъ. Въ 1585 г. Звѣздная Палата издаетъ

первый подробный ордоннансъ, подчинившій печать крайне суровому режиму. Предварительная цензура, съ одной стороны, съ другой—всевозможныя мѣры, направленныя къ стѣсненію самаго промысла книгопечатанія, установленіе строгаго за нимъ контроля и наложеніе тяжкихъ наказаній за малѣйшее уклоненіе отъ предписанныхъ требованій—вотъ въ какія условія была поставлена въ концѣ XVI-го вѣка англійская печать, на которой тяжело отражались различныя колебанія и перемѣны направленія въ правительственныхъ сферахъ. Между тѣмъ какъ въ царствованіе католички Маріи преслѣдовалось и сожигалось все то, что́ носило въ себѣ духъ критики католицизма, при Елизаветѣ, наоборотъ, безпощадному преслѣдованію подлежало все благосклонное католицизму.

Ближайшая за царствованіемъ Елизаветы эпоха Стюартовъ была столь же мало благопріятна развитію печати. Строгости по отношенію къ ней еще усилились. «Ни въ чемъ такъ рѣзко не выразилось тиранническое направленіе первыхъ двухъ Стюартовъ», говоритъ историкъ Мэй, «какъ въ ихъ варварскомъ преслѣдованіи авторовъ, издателей и ввозителей запрещенныхъ книгъ: ничто, съ другой стороны, не свидѣтельствуетъ столь знаменательно о любви къ свободѣ, какъ то геройское мужество и твердость, съ какими переносились эти преслѣдованія». Рядомъ съ религіозными вопросами, на почвѣ которыхъ прежде почти исключительно сосредоточивалась борьба съ печатью, теперь столь же, если не болѣе усердное вниманіе было обращено и на вопросы политическіе. Въ то время Англія переживала критическій моментъ, когда рѣшалась дальнѣйшая судьба ея политическаго развитія, когда долженъ былъ окончательно опредѣлиться характеръ ея государственнаго строя. Въ борьбѣ за политическую свободу, которой грозила серьезная опасность, однимъ изъ могущественныхъ орудій явилась печать, которая, подъ вліяніемъ новыхъ потребностей, выработала

и новыя формы. Обширные трактаты, тяжелые *in-folio*, являвшіеся до тѣхъ поръ господствующимъ типомъ литературныхъ произведеній, представляли значительныя неудобства для цѣлей начинавшейся борьбы политическихъ идей. Форма эта была неудобна какъ для самихъ авторовъ, такъ и для публики, не отвѣчая двумъ существеннѣйшимъ условіямъ, при которыхъ только и возможно распространить печатное слово—небольшому размѣру и дешевизнѣ. И вотъ рядомъ съ обширными трактатами появляются небольшія произведенія, брошюры; мало-по-малу зарождается и періодическая пресса (появленіе первой газеты, еженедѣльной, The Weekly Newes, относится къ 1622 году).

Высшій надзоръ за печатью по-прежнему находился въ рукахъ Звѣздной Палаты, которая въ эпоху первыхъ Стюартовъ дошла до высшей степени злоупотребленія своими обширными полномочіями. Къ этому періоду относится наиболѣе замѣчательный документъ. Это—изданный въ 1637 году декретъ Звѣздной Палаты о книгопечатаніи, который представляетъ собою подробное развитіе началъ, положенныхъ въ основу изданнаго при Елизаветѣ ордоннанса. Мы разсмотримъ наиболѣе существенныя постановленія 33-хъ статей его примѣнительно къ тремъ важнѣйшимъ сторонамъ полиціи печати: организаціи предварительной цензуры, регламентаціи промысла книгопечатанія и, наконецъ, мѣрамъ по отношенію къ тайному книгопечатанію и привозу книгъ изъ-за границы.

Прежде всего декретъ объявляетъ въ общей формѣ воспрещеніе печатать, ввозить, продавать или имѣть у себя какіе-либо «возмутительные, схизматическіе или соблазнительные» книги или памфлеты, заключающіе въ себѣ «злословіе по отношенію къ религіи, церкви или правительству, или по отношенію къ правителямъ церкви или государства, или какой-либо корпораціи, или же къ частному лицу и лицамъ». Виновнымъ въ этомъ угрожаютъ: во 1-хъ, отобра-

ніе всѣхъ такихъ книгъ и памфлетовъ; во 2-хъ, такое «строгое наказаніе, въ видѣ штрафа, тюремнаго заключенія или какого-либо иного тѣлеснаго наказанія», какое, смотря по обстоятельствамъ, Звѣздная Палата или Судъ Верховной Коммисіи (исключительный трибуналъ, вѣдавшій, главнымъ образомъ, религіозныя дѣла) найдутъ нужнымъ назначить». Никто не можетъ напечатать какую-либо книгу или памфлетъ прежде, чѣмъ эта книга или памфлетъ, а также и всякаго рода предисловія, посвященія и т. д. не будутъ, во 1-хъ, разсмотрѣны и разрѣшены назначенными для этого лицами, во 2-хъ, занесены въ реестровыя книги Компаніи типографовъ.

По отношенію къ организаціи предварительной цензуры былъ примѣненъ принципъ спеціализаціи: обязанности разсмотрѣнія печатаемыхъ произведеній распредѣлены между различными лицами, смотря по ихъ содержанію. Книги юридическаго содержанія (касающіяся общаго права—Common Laws of this Realm) подлежатъ одобренію лордовъ верховныхъ судей или кого-либо по ихъ назначенію; книги по исторіи Англіи, а также и по современнымъ государственнымъ вопросамъ разсматриваются главными государственными секретарями (министрами) или кѣмъ-либо по ихъ назначенію; книги по геральдикѣ, о почетныхъ титулахъ и т. п. будутъ разсматриваться оберъ-гофмаршаломъ (Earle Marschall) или кѣмъ-либо по его назначенію; наконецъ, всѣ остальныя книги, содержаніемъ своимъ касающіяся богословія, естествознанія, философіи, поэзіи и т. д., подлежатъ разсмотрѣнію и одобренію архіепископа Кентерберійскаго или епископа Лондонскаго, или кого-либо по ихъ назначенію, или же, наконецъ, канцлера или вице-канцлера обоихъ университетовъ. По отношенію къ этимъ послѣднимъ декретъ оговариваетъ, что ихъ разсмотрѣнію подлежатъ только книги, печатаемыя въ предѣлахъ обоихъ университетскихъ городовъ (Оксфорда и Кембриджа), при чемъ они не

должны касаться книгъ юридическаго и политическаго содержанія.

Рукописи должны быть представляемы въ двухъ экземплярахъ, изъ которыхъ одинъ отдается въ распоряженіе собственника рукописи, а другой остается у цензора, въ видѣ гарантіи отъ позднѣйшихъ передѣлокъ и измѣненій. На обоихъ экземплярахъ цензоръ долженъ собственноручно засвидѣтельствовать, что въ такой-то книгѣ «нѣтъ ничего противнаго христіанской религіи, догматамъ и дисциплинѣ англійской церкви, или государству и правительству, ни добродѣтельной жизни или добрымъ нравамъ», смотря по содержанію книги. Это одобреніе должно быть напечатано въ началѣ книги съ присовокупленіемъ имени цензора.

На каждомъ произведеніи печати (книгахъ, брошюрахъ, картахъ, портретахъ и т. под.) должны быть напечатаны имена типографа, издателя, а также автора и заказчика.

По отношенію къ типографіямъ декретъ заключаетъ въ себѣ слѣдующія мѣры. Число типографій остается ограниченнымъ 20-ю въ Лондонѣ и по одной въ обоихъ университетскихъ городахъ (Оксфордѣ и Кембриджѣ). Собственниками типографій въ Лондонѣ являются члены «Компаніи типографовъ», имена которыхъ перечислены въ самомъ декретѣ. Если кто-либо изъ нихъ, вслѣдствіе смерти или по иной причинѣ, вынужденъ оставить занятіе книгопечатаніемъ, то освобождающаяся вакансія замѣщается по усмотрѣнію архіепископа Кентерберійскаго или епископа Лондонскаго, которые по этому предмету должны войти въ соглашеніе съ шестью другими членами Верховной Коммиссіи (High Commissioners).

Въ цѣляхъ «лучшаго открытія тайнаго печатанія недозволенныхъ произведеній» директору и надзирателямъ (Master and Wardens) Компаніи или двумъ собственникамъ типографамъ, по назначенію архіепископа Кентерберійскаго

или епископа Лондонскаго, даются «право и власть, взявъ себѣ помощь, какую они признаютъ необходимою, обыскивать дома и лавки (въ какое время они признаютъ нужнымъ), особенно же типографскія заведенія, смотрѣть, что̀ печатается, и требовать цензурнаго дозволенія (license), чтобы видѣть, разрѣшено ли это или нѣтъ, и если нѣтъ, то забирать напечатанное вмѣстѣ съ виновными лицами и представлять ихъ для дальнѣйшихъ распоряженій архіепископу Кентерберійскому или епископу Лондонскому».

Означеннымъ досмотрщикамъ (searchers) дозволяется также—«если при обыскѣ они найдутъ какую-либо книгу или книги, или часть книги или книгъ, которыя по ихъ предположенію заключаютъ въ себѣ вещи, противныя доктринѣ и дисциплинѣ англійской церкви, или государству, или правительству,—забирать, при этомъ подозрѣніи, такія книги и представлять ихъ для дальнѣйшихъ распоряженій указаннымъ лицамъ».

Всѣ книги, привозимыя изъ-за границы, задерживаются на таможнѣ и подлежатъ предварительному разсмотрѣнію архіепископа Кентерберійскаго, епископа Лондонскаго или кого-либо по ихъ назначенію.

Изложенный декретъ примѣнялся съ чрезвычайною суровостью. Но черезъ четыре года послѣ его изданія постановленіемъ Парламента, извѣстнаго въ исторіи подъ именемъ Долгаго, Звѣздная Палата была упразднена (въ іюлѣ 1641 года), а вмѣстѣ съ нею утратили силу и всѣ изданные ею въ разное время ордоннансы и декреты. Печать освободилась отъ давившихъ ее оковъ и стала быстро развиваться, принимая дѣятельное участіе въ открывшейся борьбѣ между Королемъ и Парламентомъ [1]). Но это продол-

[1]) Въ двадцатилѣтній промежутокъ времени между 1640 г. и реставраціею Стюартовъ появилось до 30.000 политическихъ памфлетовъ и газетъ. Они собраны и переплетены въ 2.000 томовъ, хранящихся въ Британскомъ Музеѣ. May, Constitutional History of England, т. II, 241.

жалось недолго, и вскорѣ тотъ же самый Парламентъ, который упразднилъ Звѣздную Палату, принимаетъ цѣлый рядъ мѣропріятій въ смыслѣ ограниченія свободы печати. Въ 1643 г. была возстановлена предварительная цензура [1]), а въ послѣдующіе годы и многія другія изъ практиковавшихся Звѣздною Палатою мѣръ по отношенію къ печати. Въ 1653 году издается предписаніе, въ силу котораго ни одно политическое извѣстіе или сообщеніе не можетъ быть опубликовано безъ разрѣшенія государственнаго секретаря. Въ 1654 и 1656 годахъ усилено наблюденіе за политическою печатью. Въ эти годы Кромвелевской республики всѣ эти мѣры имѣли цѣли совершенно обратныя тѣмъ, какія преслѣдовались раньше: прежніе гонители обмѣнялись ролями съ гонимыми.

Послѣ реставраціи Стюартовъ печать подверглась новымъ стѣсненіямъ. На этотъ разъ они были облечены въ законную форму: въ 1662 году былъ изданъ парламентскій статутъ, изданіе котораго мотивировано тѣмъ, что, благодаря «общей распущенности послѣднихъ временъ, многія злонамѣренныя лица осмѣлились печатать и распространять книги еретическія и мятежнаго содержанія». Этотъ статутъ почти цѣликомъ воспроизводитъ содержаніе уже разсмотрѣннаго выше декрета Звѣздной Палаты, изданнаго въ 1637 г. Возстановляя предварительную цензуру, онъ, какъ и прежде, ввѣряетъ обязанности ея различнымъ лицамъ (канцлеру, главнымъ судьямъ, министрамъ и т. д.), смотря по содержанію предназначающихся къ печати произведеній. Число типографій по-прежнему ограничивается 20-ю; Лондонъ, Оксфордъ, Кембриджъ и, кромѣ того, Іоркъ—четыре города, въ которыхъ разрѣшено книго-

---

[1]) Эта мѣра послужила знаменитому Мильтону поводомъ выступить съ горячею защитою свободы печати въ памфлетѣ, изданномъ въ 1644 г. „Areopagitica. For the Liberty of Unlicenced Printing".

печатаніе. Этотъ статутъ примѣнялся съ чрезвычайною жестокостью. Авторы и издатели вредныхъ сочиненій, не говоря уже о тюремномъ заключеніи и огромныхъ штрафахъ, нерѣдко были подвергаемы смертной казни чрезъ повѣшеніе, четвертованію и другимъ мучительнымъ тѣлеснымъ наказаніямъ, сочиненія же ихъ сжигались палачомъ.

Статутъ этотъ, извѣстный подъ именемъ Licensing Act, представлялъ собою временную мѣру: онъ былъ изданъ на три года. Но вскорѣ же дѣйствіе его было возстановлено; онъ былъ дважды продленъ до 1679 года. Въ слѣдующемъ году въ оффиціальномъ изданіи («London Gazette») было объявлено о томъ, что королевскіе судьи признали единогласно, что «Король можетъ воспретить печатаніе и распространеніе всѣхъ новыхъ книгъ и вообще всякихъ произведеній печати, не получившихъ предварительнаго разрѣшенія королевской власти», и что по этому предмету изготовляется королевскій указъ. Появившись въ томъ же 1680 году, онъ вызвалъ горячія нападенія на него въ Парламентѣ. Въ 1685 году прежніе законы о цензурѣ были возстановлены на семь лѣтъ; затѣмъ въ 1692 году еще разъ на два года. Въ 1694 году истекъ срокъ дѣйствія послѣдняго Licensing Act'a, продленіе котораго на новый срокъ встрѣтило на этотъ разъ сильную оппозицію и было отвергнуто Парламентомъ. Съ тѣхъ поръ Англія не знаетъ предварительной цензуры [1]).

Любопытно, что отмѣна цензуры прошла совершенно незамѣченною среди событій сравнительно неважныхъ, сосредоточивавшихъ на себѣ общественное вниманіе того времени. Въ числѣ другихъ текущихъ дѣлъ въ сессію 1694—1695 г. Парламенту предстояло рѣшить вопросъ о

[1]) Исключеніе существуетъ лишь для театральныхъ пьесъ, для публичнаго исполненія которыхъ необходимо предварительное разрѣшеніе. Театральная цензура существуетъ и въ другихъ странахъ со свободною печатью.

продленіи дѣйствія нѣсколькихъ временныхъ статутовъ, среди которыхъ былъ и актъ о цензурѣ. Палата Общинъ высказалась противъ его продленія на новый срокъ. Палата Лордовъ не согласилась съ этимъ и въ представленный на ея разсмотрѣніе билль внесла поправку, признавъ необходимымъ, рядомъ съ другими временными мѣрами, продлить и дѣйствіе акта о цензурѣ. Общины отвергли эту поправку и назначили изъ среды себя комиссію, которая изготовила для представленія Верхней Палатѣ записку, излагающую соображенія, побудившія Нижнюю Палату отвергнуть Licensing Act. «Эта записка», говоритъ лордъ Маколей, одинъ изъ первыхъ историковъ, обратившихъ на нее должное вниманіе, «показываетъ, какъ далеки были члены Палаты Общинъ отъ сознанія того, что они дѣлаютъ, какую революцію совершаютъ они, какую силу вызываютъ къ существованію. Всѣ возраженія ихъ противъ статута относятся къ вопросамъ второстепеннымъ. О великомъ принципіальномъ вопросѣ, составляетъ ли свобода печати благодѣяніе для общества или зло, не сказано ни слова. Licensing Act осуждается не потому, чтобы онъ представлялся негоднымъ по существу своему, а потому, что онъ влечетъ за собою рядъ мелкихъ неудобствъ и затрудненій, торговыя стѣсненія, вмѣшательство въ личную свободу. Онъ объявляется вреднымъ потому, что даетъ возможность Компаніи привилегированныхъ типографовъ (Company of Stationers) вымогать деньги у издателей, потому, что онъ уполномочиваетъ правительственныхъ агентовъ производить домовые обыски на основаніи такъ называемыхъ general warrats (т.-е. общихъ, безъ обозначенія лицъ, предписаній), потому, что онъ ограничиваетъ иностранную книжную торговлю однимъ лондонскимъ портомъ, потому, что онъ такъ долго задерживаетъ на таможнѣ цѣнные тюки съ книгами, что онѣ, наконецъ, портятся отъ сырости. Общины жалуются, далѣе, на неопредѣленность платежей, которые можетъ требовать

цензоръ; на то, наконецъ, что актъ подъ угрозой отвѣтственности воспрещаетъ таможеннымъ чиновникамъ открывать пришедшій изъ-за границы ящикъ съ книгами иначе, какъ въ присутствіи одного изъ цензоровъ. «Какимъ же образомъ, спрашиваетъ записка, чиновникъ можетъ знать, что въ данномъ ящикѣ книги, прежде чѣмъ онъ откроетъ его?» Вотъ аргументы, выдвинутые общинами противъ акта о цензурѣ (редакцію изложенной записки приписываютъ знаменитому философу Джону Локку). При вторичномъ разсмотрѣніи билля, Палата Лордовъ не протестовала противъ рѣшенія Нижней Палаты, и вопросъ о продленіи акта о цензурѣ былъ разрѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ.

Съ отмѣною цензуры одно за другимъ стали возникать новыя періодическія изданія; сильное развитіе получили также брошюры и памфлеты. Но не только въ количественномъ, матеріальномъ отношеніи оказались благіе результаты исчезновенія цензуры. Послѣдствіемъ его явилось повышеніе нравственнаго уровня печати. Маколей, говоря объ отмѣнѣ цензуры, имѣвшей мѣсто въ срединѣ царствованія Вильгельма III, между прочимъ обращаетъ вниманіе на тотъ замѣчательный фактъ, что нападки на Короля и его правительство во вторую половину его царствованія были гораздо менѣе рѣзки и злобны, чѣмъ въ первую половину его. Причину этого онъ видитъ въ томъ, что печать, несвободная въ первую половину царствованія Вильгельма III, во вторую стала свободною. Пока существовала цензура, ни одно произведеніе, порицающее—хотя бы въ самыхъ умѣренныхъ и приличныхъ выраженіяхъ—образъ дѣйствій какой-либо отрасли управленія, не могло появиться въ печати съ одобреніемъ цензора. Печатать же такое произведеніе безъ разрѣшенія цензуры было противозаконно. Такимъ образомъ, наиболѣе почтенные и умѣренные представители опозиціи, не будучи въ состояніи оглашать свои взгляды законнымъ путемъ и не считая себя въ правѣ

или не рѣшаясь прибѣгать къ способу незаконному, уступили мѣсто другимъ, предоставивъ критику дѣйствій администраціи или упорнымъ фанатикамъ своихъ идей, или грубымъ и невѣжественнымъ наемнымъ писакамъ. Въ результатѣ, люди честные, умѣренные и здравомыслящіе являлись лишь рѣдкими исключеніями среди писавшихъ противъ правительства.

Эмансипація печати произвела благотворную перемѣну: «лучшіе и даровитые люди въ рядахъ оппозиціи, говоритъ Маколей, принялись за дѣло, которое до того времени было предоставлено людямъ безпринципнымъ или горячимъ головамъ. Брошюры противъ правительства стали писаться стилемъ, никого не шокирующимъ, и даже произведенія болѣе горячаго класса недовольныхъ стали значительно менѣе рѣзкими, чѣмъ въ дни цензуры». Нравственный уровень печати поднялся, и это, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія, подъ вліяніемъ взглядовъ большого количества образованныхъ людей, передъ которыми выступало и хорошее, и дурное, и которые были свободны выбирать между тѣмъ и другимъ.

Но, несмотря на уничтоженіе предварительной цензуры, англійской печати пришлось пережить еще долгій періодъ разнаго рода стѣсненій, прежде чѣмъ окончательно установились современныя условія ея свободы на началахъ репрессивной системы. Правда, принципіально, теоретически свобода ея была признана уже самымъ фактомъ упраздненія цензуры: каждый могъ предпринять любое изданіе безъ всякаго на то разрѣшенія, каждый былъ свободенъ печатать, что ему угодно. Но на практикѣ эта свобода подлежала значительнымъ ограниченіямъ, которыя нерѣдко совершенно парализовали ее. Ограниченія эти имѣли характеръ репрессивный и состояли, главнымъ образомъ, въ различныхъ мѣрахъ преслѣдованія, которыя, вслѣдствіе своей неопредѣленности, давали широкій про-

сторъ произволу и нерѣдко ставили печать въ условія, въ высшей степени стѣснительныя.

Наиболѣе стѣснительнымъ для печати условіемъ являлись уголовные законы о пасквилѣ (такъ называемые laws of libel) и порядокъ судопроизводства по дѣламъ печати. Дѣло въ томъ, что понятіе пасквиля, libel, было въ высшей степени неопредѣленно, туманно, шатко и допускало чрезвычайно широкій произволъ въ толкованіи его. Даже такое компетентное лицо, такой знатокъ англійскаго права, какъ старшій Питтъ, говорилъ: «что касается до меня, то я никогда не могъ понять, что́ такое пасквиль».

При такой неопредѣленности этого понятія, враги печати пользовались имъ крайне широко и дѣлали изъ него орудіе ея преслѣдованія. Жертвою его являлась главнымъ образомъ мелкая литература политическихъ памфлетовъ и брошюръ, и особенно періодическая печать, получившая чрезвычайно сильное развитіе съ начала XVIII вѣка. Быстро росло ея вліяніе среди различныхъ классовъ общества. Она вскорѣ сдѣлалась однимъ изъ сильнѣйшихъ орудій борьбы между партіями, которыя, какъ извѣстно, окончательно сложились и получили прочную организацію вскорѣ послѣ революціи 1688 г. Каждая изъ нихъ, видя все болѣе и болѣе растущее значеніе печати, старалась обезпечить за собою поддержку въ ней и имѣла своихъ писателей, служившихъ ея интересамъ. На почвѣ взаимной борьбы враждовавшихъ между собою партій и выросла та система преслѣдованій печати, которая господствовала въ теченіе всего XVIII столѣтія и выразилась въ длинномъ рядѣ уголовныхъ процессовъ, оканчивавшихся обыкновенно примѣненіемъ тяжелыхъ каръ.

Помимо неопредѣленности понятія оскорбленія въ печати, два обстоятельства являлись главными причинами того произвола, съ какимъ велись эти преслѣдованія. Во-1-хъ, по господствовавшей доктринѣ, за присяжными не

признавалось права рѣшать вопросъ о виновности лица, обвиняемаго въ оскорбленіи или клеветѣ. Они были призваны лишь рѣшать вопросъ о фактѣ опубликованія произведенія, заключающаго въ себѣ инкриминируемый лайбель; вопросы же о значеніи и смыслѣ употребленныхъ выраженій, о намѣреніи подсудимаго, о виновности или невиновности его—судьи присвоивали исключительно себѣ. Во-2-хъ, лицо обвиняемое въ клеветѣ публично-правового характера, не имѣло права ссылаться, въ свое оправданіе, на достовѣрность фактовъ, оглашенныхъ имъ и служащихъ къ обвиненію его въ клеветѣ. Таковы двѣ аномаліи, съ которыми долгое время боролись лучшіе юристы и политическіе дѣятели Англіи.

Особенно важное значеніе имѣлъ, конечно, вопросъ о роли присяжныхъ въ судопроизводствѣ по дѣламъ печати. Мнѣнія юристовъ и государственныхъ дѣятелей раздѣлились. Борьба ихъ въ литературѣ, судѣ и Парламентѣ второй половины XVIII в. привлекла къ себѣ лучшіе умы того времени. Съ особою признательностью въ ряду бойцовъ за роль присяжныхъ въ дѣлахъ печати исторія останавливается на именахъ лорда Кэмдена, лорда Эрскина и Фокса. Наиболѣе вѣскіе доводы къ пользу расширенія правъ присяжныхъ высказаны были лордомъ Эрскиномъ. Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ адвокатовъ Англіи (впослѣдствіи онъ занималъ высшій судебный постъ лорда-канцлера), лордъ Эрскинъ вынесъ на своихъ плечахъ рядъ крупныхъ литературныхъ процессовъ въ реакціонный періодъ царствованія Георга III. Защитительныя рѣчи его до сихъ поръ являются образцами и рѣшающими прецедентами въ дѣлахъ о печати. Особенно замѣчательна рѣчь его въ процессѣ Стокдэля, которая, по авторитетному отзыву лорда Кэмпбеля, является «лучшею рѣчью, когда-либо произнесенною съ адвокатской каѳедры; она навсегда упрочила свободу печати въ Англіи».

Отмѣчу сущность аргументовъ, выдвинутыхъ въ рѣчахъ Эрскина. Сторонники доктрины, ограничивавшей функціи присяжныхъ, находили, что во всякомъ уголовномъ процессѣ о «лайбелѣ» судья долженъ ставить слѣдующіе вопросы: 1) виновенъ ли подсудимый въ опубликованіи инкриминируемаго произведенія; 2) являются ли доказанными тѣ намеки и утвержденія, на которыхъ строится обвиненіе; 3) есть ли это лайбель или нѣтъ. Первые два вопроса подлежатъ рѣшенію присяжныхъ; послѣдній—судьи, какъ вопросъ не факта, а права. Далѣе признавалось, что разъ данныя слова и выраженія, взятыя помимо всякихъ дальнѣйшихъ поясненій, будучи прочитаны судьею, признаются имъ оскорбительными, они составляютъ преступленіе *per se*, и всѣ побочныя обстоятельства, хотя бы они и были доказаны, могутъ явиться самое бо́льшее—смягчающимъ обстоятельствомъ, до котораго присяжнымъ нѣтъ никакого дѣла. На эти соображенія лордъ Эрскинъ возражалъ, что о виновности подсудимаго нельзя судить по отдѣльнымъ словамъ и выраженіямъ, выбраннымъ и занесеннымъ въ обвинительный актъ, что эти слова не могутъ быть признаваемы оскорбительными до тѣхъ поръ, пока не выяснятся всѣ побочныя обстоятельства и общій смыслъ и значеніе инкриминируемаго произведенія. Если они справедливы, добросовѣстны и приличны, подсудимый долженъ быть оправданъ. Лайбель, т.-е. рядъ оскорбительныхъ словъ, по мнѣнію Эрскина, не можетъ, какъ и рана на тѣлѣ, быть признаваемъ преступленіемъ *per se*, пока не будутъ извѣстны всѣ факты, окружающіе и показывающіе намѣреніе. Рана на тѣлѣ можетъ явиться вслѣдствіе самозащиты или желанія предупредить какое-либо другое преступленіе; точно такъ же и слова, смотря по ихъ объекту и намѣренію, времени, мѣсту, обычаямъ и другимъ обстоятельствамъ, могутъ быть признаны соотвѣтственными и достойными уваженія. Выясненіе и оцѣнка обстоятельствъ,

сопровождающихъ нанесеніе раны и произнесеніе извѣстныхъ словъ, не могутъ быть признаваемы вопросами права, которые вѣдаетъ судья. Это—вопросы, подлежащіе разрѣшенію присяжныхъ, которымъ такимъ образомъ должно принадлежать не только рѣшеніе вопроса о фактѣ опубликованія обвиняемымъ инкриминируемаго произведенія, но и вопроса о томъ, есть ли это—преступленіе и виновно ли въ немъ лицо, опубликовавшее данное произведеніе.

Эти доводы, не разъ изложенные съ замѣчательнымъ краснорѣчіемъ и удивительной логичностью, наконецъ восторжествовали и положены были въ основаніе *Libel Act*'а 1792 г., проведеніе котораго въ Парламентѣ составляетъ заслугу Фокса, именемъ котораго обыкновенно и называется этотъ актъ. Законъ этотъ окончательно установилъ за присяжными право рѣшать вопросы не только о самомъ фактѣ опубликованія инкриминируемаго произведенія, но и объ общемъ смыслѣ его и намѣреніи, а слѣдовательно и о виновности.

Благодѣтельныя послѣдствія этой мѣры не замедлили обнаружиться: она явилась хорошей гарантіей противъ произвольныхъ преслѣдованій, какъ это доказываетъ вся позднѣйшая исторія англійской печати. Изданіемъ акта 1792 г. закончился продолжительный вѣковой процессъ развитія свободы печати въ Англіи. Такимъ образомъ окончательно упрочилась она не съ отмѣною цензуры въ концѣ XVII вѣка, какъ это часто утверждаютъ, а столѣтіемъ позднѣе, въ концѣ XVIII вѣка, когда послѣ долгихъ и упорныхъ усилій достигнуто было правильное рѣшеніе вопроса о компетенціи присяжныхъ въ дѣлахъ о преступленіяхъ печати.

Что касается до другого указаннаго мною недостатка англійскаго права, то онъ былъ устраненъ еще позднѣе, уже въ царствованіе королевы Викторіи, актомъ 1843 года, изданнымъ по предложенію лорда Кемпбелля. Актъ этотъ

разрѣшаетъ обвиняемому въ защиту свою представлять доказательства вѣрности тѣхъ обстоятельствъ, оглашеніе которыхъ составляетъ предметъ обвиненія, а также и того, что эти обстоятельства опубликованы имъ въ интересахъ общественной пользы.

Со времени изданія *Libel Act*'а 1792 г., если не считать короткаго періода реакціи въ эпоху французской революціи, англійская печать пользуется самою широкою свободою, которая, однако, не исключаетъ возможности преслѣдованія злоупотребленій этою свободою. На стражѣ какъ этой свободы, такъ и уклоненій отъ справедливаго и законнаго пользованія ею превыше всего стоитъ судъ присяжныхъ, безпристрастный и независимый, одинаково заинтересованный какъ въ охраненіи свободы печати отъ покушеній на нее, такъ и въ обереганіи чести, доброй нравственности и общественнаго порядка отъ людей, рѣшающихся употребить во зло великое орудіе печатнаго слова. И этому англійская печать всего болѣе обязана тѣмъ высокимъ нравственнымъ и интеллектуальнымъ уровнемъ, на которомъ стоитъ она, и тою высокою и завидною репутаціею, которою она пользуется во всемъ цивилизованномъ мірѣ.

ПАРНЕЛЛЬ И ИРЛАНДІЯ [1]).

Когда сходитъ со сцены какой-либо выдающійся общественный или политическій дѣятель, на обязанности печати лежитъ дать возможно болѣе полный очеркъ его жизни, съ цѣлью выяснить какъ общее значеніе его дѣятельности, такъ и тѣ основныя черты и индивидуальныя особенности, которыя помогли данной личности выдѣлиться изъ средняго уровня и обусловили общественное или политическое значеніе ея. Задача такого очерка осложняется въ прямой зависимости отъ того, насколько сложна и значительна была роль личности, составляющей предметъ его, такъ что въ нѣкоторыхъ случаяхъ для надлежащаго пониманія этой роли необходимо выйти за предѣлы жизненнаго поприща изучаемаго лица и оглянуться назадъ въ то прошлое, которое подготовило и самого дѣятеля, и почву для его дѣятельности.

По отношенію къ Парнеллю мы имѣемъ дѣло именно съ однимъ изъ такихъ случаевъ. Въ немъ олицетворяется цѣлое общественно-политическое движеніе ирландскаго народа, но это движеніе стоитъ въ такой тѣснѣйшей связи съ предшествующими періодами исторіи отношеній между

[1]) Статья эта была написана въ 1891 году, по поводу смерти Парнелля.

Англіею и Ирландіею, что ни смыслъ, ни значеніе его не могутъ быть поняты безъ справки съ прошлыми движеніями ирландскаго народа. Поэтому, въ интересахъ болѣе цѣльной характеристики главнаго руководителя его, мы считаемъ небезъинтереснымъ предварить ее краткимъ обзоромъ прошлыхъ стадій въ развитіи ирландскаго вопроса.

I.

Сліяніе Англіи и Ирландіи въ 1800 г.—Гладстонъ и Лекки объ актѣ сліянія. — Народныя движенія въ Ирландіи. — Эмансипація католиковъ. — О'Коннель и „Католическая ассоціація". — Побѣда Ирландіи.

Въ основѣ современныхъ политическихъ отношеній между Англіею и Ирландіею лежитъ актъ, изданный въ 1800 году и провозгласившій полное сліяніе (Union) обѣихъ странъ. Этотъ актъ положилъ конецъ той политической самостоятельности, которою до того времени пользовалась Ирландія, имѣвшая свой особый дублинскій Парламентъ. Правда, эта самостоятельность оставляла желать очень многаго и далеко не обезпечивала за населеніемъ Ирландіи во всей полнотѣ тѣхъ гражданскихъ и политическихъ правъ, которыя обыкновенно соединяются съ понятіемъ самоуправляющагося и независимаго народа. Въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ исторія Ирландіи сложилась такъ, что управленіе страною сосредоточилось въ рукахъ незначительнаго меньшинства крупныхъ поземельныхъ собственниковъ — протестантовъ, между тѣмъ какъ народная масса, католическаго исповѣданія, была обездолена и въ соціально-экономическомъ, и въ политическомъ отношеніяхъ. Но до тѣхъ поръ, пока Ирландія сохраняла за собою права независимаго отъ Англіи политическаго устройства, могла быть надежда на внутренній прогрессъ. Признаки его давали уже чувствовать себя, какъ, наприм., въ актѣ 1793 г., въ силу котораго избира-

тельныя права были предоставлены значительной категоріи католическаго населенія. Уничтоженіе же политической самостоятельности Ирландіи и упраздненіе дублинскаго Парламента ставило эту страну въ полную зависимость отъ Англіи.

Среди ирландскаго народа сліяніе встрѣчено было съ глухимъ недовольствомъ; если оно и могло быть осуществлено, то исключительно лишь потому, что къ голосу этого народа могли отнестись съ полнымъ пренебреженіемъ. Въ переговорахъ объ уніи англійскому правительству пришлось имѣть дѣло съ тою сравнительно немногочисленною олигархіею, въ рукахъ которой находились обѣ Палаты ирландскаго Парламента. Склонить ее къ этому оказалось нетруднымъ: англійское правительство купило ирландскую независимость цѣною около полутора милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, распредѣленныхъ между наиболѣе вліятельными членами ирландской поземельной аристократіи, и тѣми почестями и пенсіями, которыя были предложены лордамъ и депутатамъ дублинскаго Парламента за ихъ вотумъ въ пользу сліянія. Вотъ при помощи какихъ средствъ совершенъ былъ тотъ государственный актъ, о которомъ Гладстонъ въ одной изъ рѣчей своихъ въ 1886 г. сказалъ, что онъ «не знаетъ во всей исторіи болѣе гнусной сдѣлки». Приблизительно такую же оцѣнку нравственнаго достоинства акта сліянія дѣлаетъ и историкъ Лекки, мнѣніе котораго имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что онъ является въ числѣ противниковъ гомруля: «каковы бы ни были отвлеченныя преимущества этого соглашенія, унія въ томъ видѣ, въ какомъ она была провозглашена, представляетъ собою гнусное преступленіе, — преступленіе, которое, навязавъ при самыхъ позорныхъ обстоятельствахъ новое управленіе народу, не желавшему его и протестовавшему противъ него, въ корнѣ извратило весь ходъ общественнаго развитія Ирландіи».

Дальнѣйшая исторія Англіи показала, что унія 1800 г. явилась огромною политическою ошибкою, вредныя послѣдствія которой дали себя чувствовать уже довольно рано. Для Ирландіи они выразились въ пріостановкѣ нормальнаго развитія, что мѣшало своевременному и правильному удовлетворенію возникавшихъ въ ея жизни вопросовъ. Въ рѣшеніи ихъ она находилась въ безусловной зависимости отъ доброй воли англійскаго Парламента и лондонскаго правительства, которые не находили нужнымъ проявлять особую заботливость къ нуждамъ ирландскаго народа. По отношенію къ нему Англія поставила себя въ положеніе «злой мачихи», охотно прибѣгая лишь къ репрессивнымъ, принудительнымъ мѣрамъ, путемъ которыхъ она старалась держать Ирландію въ безпрекословномъ повиновеніи.

Если принять во вниманіе безконечно длинную серію тѣхъ исключительныхъ законовъ, которые давили Ирландію, то по-истинѣ изумительною представится жизнеспособность ея народа, который при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ съумѣлъ вести почти непрерывную борьбу съ ненавистнымъ режимомъ и по временамъ подчинялъ его себѣ, вырывая изъ рукъ англійскаго Парламента тѣ или другія реформы. Все содержаніе и главный интересъ ирландской исторіи въ теченіе XIX-го вѣка заключается именно въ этой борьбѣ, въ тѣхъ народныхъ движеніяхъ, въ которыхъ ирландскій народъ привыкъ видѣть единственное средство заставить Англію прислушиваться къ своимъ нуждамъ.

Къ этому сознанію англійское правительство привело Ирландію уже, такъ сказать, на слѣдующій день послѣ провозглашенія уніи 1800 года.

Когда велись переговоры объ упраздненіи ирландскаго Парламента и полномъ сліяніи Ирландіи съ Англіею (1800 г.), Вилльямъ Питтъ—съ цѣлью ослабить оппозицію со стороны католическаго большинства ирландскаго населенія — далъ

понять, что однимъ изъ первыхъ актовъ соединеннаго Парламента будетъ дарованіе всѣмъ католикамъ гражданскихъ и политическихъ правъ наравнѣ съ протестантами. По заключеніи уніи, Питтъ дѣйствительно намѣревался приступить къ исполненію этого обѣщанія и готовился внести въ Парламентъ билль объ эмансипаціи католиковъ; но онъ встрѣтилъ преграду въ рѣшительномъ сопротивленіи Короля Георга III, сломить которое оказалось невозможнымъ въ виду враждебнаго отношенія къ проекту Питта со стороны большинства англійскихъ политическихъ дѣятелей. Питтъ вынужденъ былъ подать въ отставку; вопросъ объ эмансипаціи католиковъ отошелъ на задній планъ. Ирландскій народъ былъ обманутъ въ своихъ надеждахъ, а между тѣмъ безправное положеніе католиковъ сказывалось очень рѣзко, ставя ихъ въ сильную политическую и даже экономическую зависимость отъ протестантскаго меньшинства. Выйти изъ этого положенія, добиться признанія религіознаго и политическаго равенства—стало излюбленной мечтой большинства ирландцевъ.

Между тѣмъ въ Англіи идея католической эмансипаціи находила сочувствіе лишь въ группѣ либераловъ; со стороны ихъ дѣлались попытки снова возбудить этотъ вопросъ, но безуспѣшно. Замѣтные успѣхи сталъ онъ дѣлать только тогда, когда въ Ирландіи началось общественное движеніе въ пользу эмансипаціи католиковъ. Руководителемъ этого движенія явился горячій патріотъ и блестящій ораторъ, Даніэль О'Коннелль, который въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій стоялъ во главѣ ирландскаго народа и впервые показалъ, какую огромную силу можетъ представить собою народная агитація и притомъ на совершенно мирныхъ и законныхъ основаніяхъ. Первыя проявленія ирландскаго движенія въ пользу эмансипаціи относятся къ 1809 году, когда въ Дублинѣ образовался «Католическій комитетъ», собиравшій митинги съ цѣлью обсужденія вопроса и ре-

дактировавшій петиціи въ Парламентъ. Но движеніе это вскорѣ стихло отчасти подъ внѣшнимъ давленіемъ, отчасти же по причинѣ внутреннихъ несогласій въ средѣ высшихъ слоевъ католическаго населенія, которыми первоначально и ограничивалось движеніе.

Въ 1823 г. О'Коннель пришелъ къ сознанію необходимости организовать общественное движеніе на болѣе широкихъ основаніяхъ путемъ привлеченія къ нему народныхъ массъ и духовенства. По иниціативѣ его и другого виднаго оратора, Шейля, положено было основаніе «Католической ассоціаціи» (Catholic Association), которая поставила себѣ задачею объединить католиковъ Ирландіи въ одномъ общемъ стремленіи къ завоеванію гражданскихъ и политическихъ правъ. Въ Дублинѣ образованъ былъ центральный органъ ея (Central Association), на который возложено было общее руководство и направленіе движенія. Еженедѣльныя регулярныя собранія центральной ассоціаціи, на которыхъ произносились пламенныя рѣчи, перепечатывавшіяся въ газетахъ, вскорѣ сдѣлали общеизвѣстными задачи ассоціаціи. Популярность ея быстро возростала; въ составъ ассоціаціи могли входить представители всѣхъ классовъ населенія, и въ короткій промежутокъ времени вся Ирландія усѣяна была мѣстными органами ассоціаціи, дѣйствовавшими подъ общимъ руководствомъ центральнаго комитета. Главныя усилія были направлены на привлеченіе къ движенію массъ провинціальнаго и сельскаго населенія, чему помогли какъ постоянные разъѣзды руководителей агитаціи, устроивавшихъ митинги, такъ въ особенности вліяніе духовенства, принимавшаго самое горячее участіе въ движеніи. Въ цѣляхъ обезпеченія за нимъ необходимыхъ матеріальныхъ средствъ рѣшено было установить повсемѣстно особый сборъ (Catholic Rent), въ размѣрѣ одного пенса въ мѣсяцъ. Эта идея дала блестящіе результаты: помимо ближайшаго своего назначенія, этотъ сборъ

помогалъ поддерживать въ населеніи постоянный интересъ къ движенію, вызывая необходимость частыхъ митинговъ для обсужденія стоявшихъ въ связи съ нимъ вопросовъ.

Успѣхъ «Католической ассоціаціи», значеніе которой быстро возростало, не преминулъ вызвать опасенія и недовольство со стороны англійскаго правительства. Лондонскій кабинетъ рѣшилъ закрыть ассоціацію, и представленный по этому поводу билль обратился въ законъ (1825 г.), срокомъ дѣйствія котораго назначено было три года. Но О'Коннель не напрасно говорилъ о себѣ, что онъ «свободно можетъ проѣхать шестерикомъ сквозь самыя затянутыя петли любого парламентскаго акта». По его совѣту «Католическая ассоціація» сама провозгласила свое закрытіе, но взамѣнъ ея немедленно была образована новая ассоціація, лишь съ тѣми измѣненіями чисто-формальнаго характера, которыя избавляли ее отъ дѣйствія парламентскаго акта. Задачами новой ассоціаціи поставлены были различныя благотворительныя цѣли и развитіе образованія въ ирландскомъ народѣ, но въ существѣ своемъ характеръ ея дѣятельности остался тотъ же.

Руководители ея съ удвоенною энергіею продолжали работать надъ осуществленіемъ своихъ стремленій и постарались еще болѣе усовершенствовать организацію движенія. Для этого Шейлемъ было предложено произвести общую перепись католическаго населенія Ирландіи и составить списокъ именъ и адресовъ всѣхъ приходскихъ патеровъ, съ цѣлью установить постоянныя правильныя сношенія въ интересахъ развитія агитаціи. Особенно же сильный толчокъ эта послѣдняя получила вслѣдствіе организаціи провинціальныхъ митинговъ и съѣздовъ, которые явились отличнымъ средствомъ объединенія народныхъ массъ. Лѣтомъ 1828 г. Шейль торжественно заявлялъ, что ирландскимъ народомъ правитъ «Католическая ассоціація», которая въ сущности представляетъ Ирландію. «Мы обла-

даемъ огромнымъ авторитетомъ. Стоитъ намъ подать сигналъ, и къ нашимъ услугамъ, какъ по мановенію волшебства, поднимутся семь милліоновъ». Сила движенія не преминула выразиться въ блестящемъ избраніи О'Коннелля депутатомъ отъ Клэра,—избраніи, которое произвело на англійское правительство большое впечатлѣніе и не мало содѣйствовало повороту его политики. Когда же истекъ срокъ дѣйствія акта 1825 г. и явилась возможность возродить прежнюю организацію ассоціаціи во всей ея полнотѣ, агитація приняла еще болѣе величественные размѣры, выразившись въ рядѣ грандіозныхъ митинговъ и процессій.

Для сужденія о силѣ движенія и значеніи, какое имѣла ассоціація, весьма любопытно признаніе, сдѣланное въ публичной рѣчи однимъ изъ членовъ министерства, Джорджемъ Даусономъ (въ августѣ 1828 г.). «Положеніе Ирландіи,—говорилъ онъ на публичномъ обѣдѣ въ протестантской части страны,—представляетъ собою аномалію въ исторіи цивилизованныхъ народовъ. Мы видимъ, правда, правительство, которому выказывается наружное повиновеніе, которое отвѣтственно передъ Парламентомъ въ исполненіи своихъ административныхъ функцій; но вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно, что огромное большинство народа обращаетъ свои взоры не къ законному правительству, а къ безотвѣтственной и произвольно установленной ассоціаціи. Спокойствіе въ Ирландіи зависитъ не отъ королевскаго правительства, а отъ велѣнія католической ассоціаціи... Отъ нея—этого никто не станетъ отвергать—зависитъ, будетъ ли духовенство получать свои доходы, или нѣтъ... Отъ одного слова ея зависитъ, будетъ ли отъ землевладѣльцевъ отнята ихъ рента, или нѣтъ. Такой совершенной организаціи никогда еще не достигало ни одно учрежденіе, которое не обладаетъ законными полномочіями правительства». Далѣе ораторъ выразилъ убѣжденіе въ томъ, что

необходимо предпринять нѣчто положительное для рѣшенія вопроса объ эмансипаціи католиковъ.

Нѣсколько раньше рѣчи Даусона лордъ-намѣстникъ Ирландіи писалъ Пилю: «Ассоціація или, вѣрнѣе, агитаторы, среди которыхъ есть много очень способныхъ, горячихъ и самоотверженныхъ людей, пріобрѣли такую чрезвычайную силу, что, по моему глубокому убѣжденію, они въ любой моментъ могутъ привести народъ къ открытому возстанію». «Въ исторіи Англіи и другихъ государствъ,—пишетъ въ 1829 году историкъ ассоціаціи, Уайзъ,—не было примѣра столь широкой и столь совершенной организаціи, какъ Католическая ассоціація. Ея развѣтвленія были такъ же многочисленны и такъ же тѣсно переплетены между собою, какъ самыя сложныя части мускульной системы».

Руководителямъ движенія не долго пришлось ожидать результатовъ своей дѣятельности. Тронная рѣчь при открытіи Парламента, 5-го февраля 1829 г., возвѣстила о намѣреніи правительства подвергнуть пересмотру законы о правахъ католическаго населенія королевства. Но вмѣстѣ съ тѣмъ было заявлено о другомъ биллѣ, въ силу котораго лорду-намѣстнику Ирландіи предоставлялось право закрывать всякаго рода ассоціаціи и митинги, признаваемые имъ опасными. Не успѣлъ, однако, этотъ билль, направленный противъ Католической ассоціаціи, обратиться въ законъ, какъ ассоціація эта рѣшила закрыться сама, въ виду близости осуществленія ея цѣлей. — Въ томъ же 1829 году Парламентомъ былъ вотированъ актъ объ эмансипаціи католиковъ.

II.

Новое недовольство въ Ирландіи — Движеніе въ пользу возвращенія политической самостоятельности.—Repeal Association.—1843 годъ.—Колоссальные размѣры движенія.—Судъ надъ О'Коннелемъ. — Дизраэли высказывается за независимость Ирландіи.—Тріумфъ О'Коннеля и его смерть.

Торжествуя свою побѣду въ вопросѣ эмансипаціи католиковъ, ирландцы не могли однако не испытать и сильнаго недовольства тѣми обстоятельствами, которыми сопровождалось изданіе акта 1829 года. При редактированіи этого акта, истинный виновникъ его появленія, О'Коннель, не былъ даже приглашенъ къ участію въ этой работѣ, и это, конечно, не могло не оскорбить національнаго чувства ирландцевъ, среди которыхъ народный трибунъ успѣлъ завоевать себѣ самую широкую популярность: его называли «освободителемъ», а нѣкоторые присвоили ему прозваніе «некороннованнаго короля», какъ назывался впослѣдствіи и Парнелль. Съ другой стороны, министерство Пиля, издавая актъ объ эмансипаціи католиковъ, въ угоду оппозиціи, провело черезъ Парламентъ мѣру, задача которой состояла въ ограниченіи числа избирателей въ Ирландіи путемъ значительнаго повышенія ценза. Въ результатѣ, англійское правительство щедрою рукою сѣяло зародыши новаго недовольства, побуждая ирландскій народъ къ новымъ движеніямъ. «Намъ необходима новая побѣда для того, чтобы нанести ударъ коварной политикѣ министровъ. Измѣнники своей партіи, они не могутъ быть вѣрны и нашей. Давъ намъ свободу совѣсти, они уступили не соображеніямъ разума, а лишь необходимости».

Началось новое народное движеніе, опять подъ руководствомъ О'Коннеля, избраннаго депутатомъ въ Парламентъ. Едва прекратила свое существованіе «Католическая ассо-

ціація», какъ онъ образовалъ новую, съ такою же организаціею, поставивъ цѣлью ея—возвращеніе Ирландіи ея политической самостоятельности. И это движеніе также не преминуло вызвать энергическій отпоръ со стороны англійскаго правительства, которое воспрещало устраивавшіеся митинги и на первыхъ порахъ съ успѣхомъ тормозило развитіе движенія, которое съ новою силою возгорѣлось лишь въ 1840 году.

Между тѣмъ въ промежутокъ между 1830 и 1840 г.г. О'Коннелю и его партіи удалось добиться проведенія въ Парламентѣ двухъ новыхъ, довольно существенныхъ реформъ: въ 1-хъ, реформированъ законъ о церковной десятинѣ въ пользу протестанской государственной церкви, сборѣ, уплата котораго была возложена на самихъ землевладѣльцевъ, а фермеры были освобождены отъ нея, и, во 2-хъ, католикамъ было предоставлено болѣе широкое участіе въ муниципальномъ управленіи.

Но главною задачею дѣятельности О'Коннеля была борьба за политическую самостоятельность Ирландіи, на достиженіе которой онъ смотрѣлъ, какъ на главную цѣль своей жизни. Вопросъ о ней онъ нашелъ возможнымъ поставить и передъ Парламентомъ. Онъ выступилъ (въ 1834 г.) съ предложеніемъ объ отмѣнѣ акта 1800 г., говоря, что она необходима, какъ предупрежденіе полнаго отдѣленія Ирландіи, что́ оказалось бы бѣдственнымъ для обѣихъ сторонъ. «Возвратите Ирландіи ея Парламентъ!—говорилъ онъ въ своей рѣчи, продолжавшейся около семи часовъ.—Британскій Парламентъ никогда не былъ компетентенъ по отношенію къ законодательству для Ирландіи. Сліяніе было достигнуто путемъ безпримѣрныхъ преступленій. Ирландія была лишена своей конституціи, народъ ирландскій—средствъ къ существованію. Въ результатѣ болѣе продолжительнаго упорства со стороны Англіи можетъ угрожать полное отдѣленіе Ирландіи. Родина моя управлялась до

сихъ поръ не по конституціоннымъ законамъ, а при помощи деспотизма. Вотъ почему я прошу у Англіи возвратить Ирландіи ея Парламентъ». Предложеніе О'Коннеля было отвергнуто большинствомъ 523 голосовъ противъ 38, изъ которыхъ одинъ только голосъ поданъ былъ англичаниномъ. Таковъ былъ результатъ единственной попытки О'Коннеля возбудить въ законодательномъ порядкѣ вопросъ объ отмѣнѣ акта сліянія.

Народное движеніе въ пользу ея возгорѣлось съ новою силою въ 1840 году, когда О'Коннель основалъ обширную ассоціацію (Repeal Association), ближайшимъ поводомъ къ чему послужило изданіе новаго билля о регистраціи въ Ирландіи, въ результатѣ котораго сокращалось число избирателей. Несмотря на преклонный возрастъ (ему было тогда 65 лѣтъ), О'Коннель проявилъ изумительную энергію, разъѣзжая по всей странѣ и устраивая всюду митинги. Успѣху новаго движенія не мало содѣйствовало основаніе (въ 1842 г.) газеты «Nation», которая сгрупировала около себя наиболѣе горячихъ представителей молодого поколѣнія и не мало помогла распространенію идеи отмѣны уніи. Въ слѣдующемъ году весьма сильное впечатлѣніе произвело формальное обсужденіе въ дублинскомъ муниципальномъ совѣтѣ предложенія О'Коннеля объ отмѣнѣ, за которую высказался 41 голосъ противъ 15. Движеніе въ пользу ея развивалось въ странѣ съ поразительною быстротою и достигло своего кульминаціоннаго пункта въ 1843 году, который получилъ даже названіе «Repeal Year».

Въ теченіе этого года организованъ былъ рядъ митинговъ—монстръ (Monster meetings), на которыхъ участвовали сотни тысячъ народа; въ одномъ маѣ мѣсяцѣ состоялось 11 митинговъ, на которыхъ, по приблизительному разсчету, присутствовало свыше двухъ милліоновъ. Манифестаціи эти носили вполнѣ законный характеръ, и ни одна изъ нихъ не ознаменовалась какимъ-либо противоза-

коннымъ актомъ. Врагъ насильственныхъ мѣръ, О'Коннель сумѣлъ удержать это колоссальное движеніе въ рамкахъ законности и видѣлъ въ немъ лишь средство показать, насколько велико сочувствіе народа идеѣ возвращенія Ирландіи ея политической самостоятельности. «Не путемъ насилія, не возмущеніемъ, не пролитіемъ крови,—восклицалъ онъ,—я намѣренъ одержать эту побѣду, которая мнѣ дороже всего на свѣтѣ. Нѣтъ, нѣтъ! Я одержу побѣду средствами легальными, мирными, конституціонными, силою общественнаго мнѣнія, единеніемъ желаній четырехъ милліоновъ автономистовъ!».

Между тѣмъ грандіозные митинги, несмотря на ихъ мирный характеръ, вызывали все бо̀льшее безпокойство въ средѣ англійскаго правительства. Первымъ актомъ его было воспрещеніе ввоза и продажи въ Ирландіи огнестрѣльнаго оружія; когда же серію митинговъ должно было закончить особенно многолюдное собраніе въ Клонтарфѣ (недалеко отъ Дублина), правительство рѣшило предупредить его. Прокламація вице-короля была издана лишь наканунѣ назначеннаго для митинга дня, когда къ мѣсту его изъ разныхъ концовъ страны стекались толпы народа. Въ случаѣ неповиновенія прокламація грозила примѣненіемъ военной силы. Эта перспектива ужаснула О'Коннеля. Вѣрный своей клятвѣ избѣгать кровопролитія и насилія, онъ рѣшилъ обратиться къ собравшимся съ воззваніемъ «мирно разойтись по домамъ и не подвергать себя риску вооруженнаго столкновенія. Благоразуміе и человѣколюбіе требуютъ, чтобы митингъ не состоялся». Воззваніе это произвело желательное впечатлѣніе, и опасный моментъ миновалъ благополучно, но автору его пришлось потерять прежнія симпатіи со стороны наиболѣе рѣшительныхъ членовъ партіи «Юной Ирландіи».

Правительство, въ торжествѣ передъ этою побѣдою, не ограничилось этимъ и пожелало окончательно сломить дви-

женіе, принявшее подъ руководствомъ О'Коннеля такіе небывалые размѣры. О'Коннель и ближайшіе его сотрудники были арестованы и подвергнуты судебному преслѣдованію. Противъ нихъ было предъявлено обвиненіе въ стремленіи возбудить въ средѣ подданныхъ королевы ненависть къ правительству съ цѣлью отдѣленія Ирландіи отъ Англіи. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ общественное мнѣніе обѣихъ странъ было сосредоточено на этомъ процессѣ, для успѣшнаго исхода котораго правительствомъ приняты были всевозможныя мѣры. При составленіи списка присяжныхъ всѣ католики были устранены, такъ что въ составъ судей вошли исключительно одни протестанты и политическіе враги О'Коннеля. Допросъ свидѣтелей велся крайне пристрастно, а резюмэ предсѣдателя явилось настоящею обвинительною рѣчью. При такихъ условіяхъ обвинительный вердиктъ былъ обезпеченъ, и онъ дѣйствительно былъ вынесенъ присяжными въ февралѣ 1844 года. Приговоръ же суда былъ отложенъ до слѣдующей сессіи и объявленъ только въ концѣ мая: подсудимые подвергнуты тюремному заключенію на различные сроки и различнаго размѣра штрафамъ.

Въ промежутокъ между этими датами въ Парламентѣ произошли весьма любопытныя пренія по ирландскимъ дѣламъ, отчасти въ связи съ процессомъ О'Коннеля. Одинъ изъ выдающихся юристовъ, Томасъ Уильдъ, коснувшись этого процесса, въ энергическихъ выраженіяхъ заявилъ, что вердиктъ присяжныхъ, вынесенный при такихъ позорныхъ отступленіяхъ отъ процессуальныхъ требованій, не можетъ имѣть никакой силы. Въ такомъ же смыслѣ высказался и знаменитый Маколэй, назвавшій гнусными тѣ пріемы, при помощи которыхъ составленъ былъ списокъ присяжныхъ. Изъ другихъ рѣчей, произнесенныхъ по этому поводу, нельзя не отмѣтить интересныхъ замѣчаній Дизраэли, который въ то время еще не перешелъ въ лагерь

торіевъ. Онъ высказалъ взгляды на Ирландію, безусловно противоположные той политикѣ, которой держался онъ впослѣдствіи, въ роли перваго министра. Ирландцевъ онъ изобразилъ, какъ «народъ очень несчастный, населяющій островъ, въ которомъ господствующею религіею является религія ему чуждая и на которомъ доминируетъ аристократія, обитающая въ столицѣ другого королевства. Голодное населеніе, не живущая дома аристократія, чуждая церковь, слабѣйшая въ мірѣ исполнительная власть, вотъ,—воскликнулъ онъ,—вотъ весь ирландскій вопросъ. Что́ сказали бы мы, еслибы намъ пришлось говорить о какой-нибудь другой странѣ, находящейся въ такихъ условіяхъ! Мы сказали бы, что выходъ изъ этихъ условій одинъ—революція. Но въ Ирландіи не можетъ быть революціи. Почему? Да потому, что Ирландія связана съ другою, болѣе могущественною страною. А каковы послѣдствія этого? Таковы, что сліяніе съ Англіей является проклятіемъ для Ирландіи. Въ чемъ же слѣдовательно заключается долгъ англійскаго министра? Въ томъ, чтобы политикою своею произвести мирнымъ путемъ тѣ измѣненія, которыя революція могла бы совершить силою. Вотъ вкратцѣ, но и въ полнотѣ весь ирландскій вопросъ».

Тотчасъ послѣ объявленія судебнаго приговора О'Коннель и его товарищи были подвергнуты тюремному заключенію, въ которомъ они и находились въ ожиданіи рѣшенія Палатою Лордовъ вопроса о жалобѣ, поданной обвиненными. Чувство законности одержало верхъ надъ прочими соображеніями, и въ судебномъ комитетѣ Палаты Лордовъ большинствомъ трехъ голосовъ противъ двухъ приговоръ суда былъ кассированъ (въ сентябрѣ 1844 года).

Рѣшеніе это произвело огромное впечатлѣніе и въ Англіи, и въ Ирландіи. О'Коннель съ товарищами вышли изъ тюрьмы съ тріумфомъ, въ сопровожденіи народной толпы, растянувшейся на шесть километровъ и состоявшей изъ

200.000 лицъ. Ожидали, что народный трибунъ снова оживитъ народное движеніе, но эти ожиданія не сбылись. Страшное напряженіе агитаціи 1843 года, волненія процесса, тюремное заключеніе, съ его физическими и моральными послѣдствіями,—все это дало себя чувствовать, особенно въ виду преклоннаго возраста и болѣзненнаго состоянія О'Коннеля. Послѣдніе годы своей жизни онъ провелъ въ почти полномъ спокойствіи, лишь изрѣдка выступая въ публичной дѣятельности. Онъ умеръ 15 мая 1847 года, и съ его смертью настало нѣкоторое затишье въ развитіи ирландскаго вопроса.

III.

„Молодая Ирландія"—Феніанизмъ.—Гладстонъ возвѣщаетъ политику реформъ.—Церковный биллъ 1869 года.—Земельный актъ 1870 г.—Значеніе его —Зарожденіе новаго движенія.

Въ предыдущей главѣ мы указали, что однимъ изъ ближайшихъ послѣдствій неудачнаго окончанія грандіознаго движенія въ пользу возвращенія Ирландіи политической независимости былъ расколъ въ средѣ ирландскихъ дѣятелей. Отъ О'Коннеля отпала довольно значительная группа ихъ, извѣстная подъ названіемъ «Молодой Ирландіи» (Young Ireland), которая особенно послѣ смерти «невѣнчаннаго короля» стремилась стать во главѣ ирландскаго движенія.

По убѣжденію представителей этой группы, желанная политическая независимость Ирландіи не можетъ быть достигнута мирною агитаціею на законной почвѣ и конституціонными средствами; единственное спасеніе они стали видѣть лишь въ открытомъ возстаніи противъ Англіи. Французская революція 1848 года дала особенно сильный толчокъ движенію «Молодой Ирландіи», представители ко-

торой сочли этотъ моментъ удобнымъ для организаціи возстанія противъ Англіи. Они между прочимъ серьезно разсчитывали на поддержку французскаго республиканскаго правительства, къ которому послана была депутація съ просьбою оказать Ирландіи содѣйствіе въ борьбѣ ея съ Англіей. Энтузіастамъ «Молодой Ирландіи» пришлось однако разочароваться въ своихъ надеждахъ: глава временнаго правительства французской республики, Ламартинъ, заявилъ, что Франція стремится къ поддержанію дружественныхъ отношеній со всѣмъ англійскимъ королевствомъ, а не съ какою-либо одною изъ его частей. Съ другой стороны, англійское правительство рѣшило принять самыя энергическія мѣры съ цѣлью подавить начинавшееся волненіе. При помощи наскоро изданнаго исключительнаго закона ему не трудно было захватить главныхъ руководителей движенія, которые были тотчасъ же подвергнуты суду и приговорены къ болѣе или менѣе тяжкимъ наказаніямъ. «Движеніе Молодой Ирландіи»—говоритъ Макъ-Карти въ своей «History of our own times»—явилось и исчезло какъ тѣнь. Въ немъ не было прочной основы, оно не получило ни малѣйшей поддержки со стороны ирландскаго крестьянства; это была скорѣе игра въ возстаніе».

Энергическое подавленіе попытки организовать открытое возмущеніе противъ Англіи въ 1848 году побудило ирландцевъ къ организаціи тайныхъ ассоціацій, которыя и получили весьма сильное развитіе подъ сѣнью исключительнаго режима, созданнаго пріостановкою Habeas Corpus Act'a. Въ теченіе многихъ лѣтъ это глухое движеніе не получало никакихъ особенно рѣзкихъ проявленій; но оно явилось лишь подготовительною стадіею, преддверіемъ новаго грандіознаго движенія, получившаго названіе «феніанизма».

Это движеніе явилось новою попыткою организовать вооруженное возстаніе противъ Англіи, подъ руководствомъ нѣкоторыхъ изъ членовъ «Молодой Ирландіи», которымъ

удалось бѣжать изъ ссылки. Съ предыдущимъ движеніемъ феніанизмъ имѣетъ еще и ту общую черту, что руководители его также надѣялись получить поддержку со стороны. На этотъ разъ они не обманулись въ своихъ ожиданіяхъ, получивъ эту поддержку въ Америкѣ со стороны тамошнихъ эмигрантовъ изъ Ирландіи, благодаря которымъ феніанизмъ могъ пустить глубокіе корни и въ теченіе десяти лѣтъ выдерживать успѣшную борьбу съ англійскимъ правительствомъ, вызывая въ немъ настоящую панику. Апогея своего феніанизмъ достигъ въ 1867 году, когда въ началѣ марта предполагалось произвести общее возстаніе въ Ирландіи. Но тутъ обнаружилось, что, несмотря на столь долгія приготовленія и раздѣленіе страны на военные округа подъ предводительствомъ феніанскихъ генераловъ, народъ плохо вооруженъ, вслѣдствіе чего правительственнымъ силамъ не трудно было совладать съ движеніемъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ феніями произведены были открытыя нападенія, но они не увѣнчались успѣхомъ.

Несмотря на подавленіе феніанизма, движеніе это имѣло однако успѣхъ въ смыслѣ того рѣшительнаго поворота, какой вызванъ былъ имъ въ отношеніи либеральной партіи къ ирландскому вопросу. Оно представило собою новое разительное проявленіе хроническаго недовольства Ирландіи, показавъ, что однѣ репрессивныя мѣры не могутъ устранить это недовольство. Черезъ годъ послѣ неудачнаго возстанія феніевъ, въ мартѣ 1868 года, Гладстонъ отъ имени всей либеральной партіи заявилъ передъ Парламентомъ, что настало время оказать справедливость по отношенію къ Ирландіи. «Если мы люди осторожные,—сказалъ онъ,—то примемъ мѣры, чтобы предотвратить опасное будущее; если мы люди благородные, то смоемъ пятно, которое въ глазахъ цивилизованнаго міра въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ омрачаетъ доброе имя Англіи въ отношеніяхъ ея къ Ирландіи; если мы люди человѣколюбивые, то прислушаемся же

наконецъ къ воплямъ о несчастномъ ея положеніи, мрачная реальность котораго доказывается постоянною эмиграціею; если мы люди справедливые, то протянемъ руку Ирландіи во имя истины и правды, памятуя, что, когда дѣло выяснено и наступило время оказать правосудіе, то всякая отсрочка будетъ равносильна отказу въ правосудіи».

Когда же, въ концѣ 1868 года, пало министерство Дизраэли и главою кабинета явился Гладстонъ, то въ возвѣщенной имъ программѣ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ заняли двѣ реформы, касающіяся Ирландіи: одна имѣла своею задачею отмѣну государственной церкви въ этой странѣ, другая должна была реформировать поземельныя отношенія.

Церковный билль, внесенный въ началѣ 1869 года и въ томъ же году обратившійся въ законъ, обезпечилъ окончательное рѣшеніе религіознаго вопроса въ Ирландіи. Этимъ актомъ отмѣнялось привилегированное положеніе протестантской церкви, содержавшейся de facto и послѣ отмѣны десятины на счетъ католическаго большинства, и вмѣстѣ съ тѣмъ исчезли въ Ирландіи всѣ церковные налоги, церковные суды, церковные земли и доходы. Переходъ въ руки казны всѣхъ принадлежавшихъ протестантской церкви въ Ирландіи имуществъ очищалъ сумму въ 16 милліоновъ фунт. ст., изъ которыхъ половина была назначена на осуществленіе самой реформы, а другая—на полезныя общественныя учрежденія въ Ирландіи, какъ больницы, пріюты и т. д.

Въ слѣдующемъ году Гладстонъ провелъ черезъ Парламентъ свой первый земельный актъ 1870 года. Цѣлью этого акта было доставить ирландскимъ фермерамъ болѣе обезпеченное положеніе въ отношеніи ихъ къ землевладѣльцамъ. Въ этихъ видахъ права послѣднихъ получали два существенныя ограниченія. Во-первыхъ, на землевладѣльцевъ возложена была обязанность уплаты фермерамъ

особаго вознагражденія «за безпокойство» въ тѣхъ случаяхъ, когда фермеры удалялись по произволу землевладѣльцевъ, несмотря на правильный платежъ ренты и исполненіе всѣхъ лежащихъ на нихъ обязательствъ. Во-вторыхъ, на землевладѣльцевъ возложена была обязанность уплаты фермерамъ вознагражденія за всѣ тѣ улучшенія, какія дѣлались ими на арендуемыхъ ими земляхъ. Въ актъ 1870 года, по иниціативѣ Брайта, внесены были также статьи, облегчающія покупку земли поселянами. Статьи эти возлагали на государственную казну обязанность выдачи покупателямъ ссуды въ размѣрѣ двухъ третей цѣны за землю, которую поселяне желали бы пріобрѣсти.

Дальнѣйшій опытъ показалъ, что земельный актъ 1870 г. не свободенъ отъ многихъ недостатковъ, обнаружившихся при его практическомъ примѣненіи, и что онъ во всякомъ случаѣ былъ далекъ отъ окончательнаго разрѣшенія ирландскаго аграрнаго вопроса. Тѣмъ не менѣе значеніе его въ исторіи послѣдняго велико: онъ былъ несомнѣннымъ шагомъ впередъ, такъ какъ онъ впервые внесъ совершенно новые для англійскаго законодательства принципы, провозгласившіе за фермерами извѣстныя права, которыя до тѣхъ поръ не признавались доктриною абсолютныхъ правъ собственника.

Въ самой Ирландіи гладстоновскія реформы имѣли очень сильное вліяніе, ожививъ надежды на будущее. Въ ней зародилось новое движеніе, въ основу котораго положены были принципы О'Коннеля: стремленіе къ политической независимости путемъ конституціонной агитаціи и энергической защиты ирландскаго дѣла передъ англійскимъ Парламентомъ. Движеніе это (Home-Rule Movement), возникшее въ 1870 году, продолжается и до настоящаго времени [1]), когда уже повидимому недалекою представляется

[1]) Статья написана въ 1891 году.

эпоха осуществленія завѣтныхъ желаній Ирландіи. Героемъ этого движенія является Парнелль.

IV.

Возникновеніе гомрулерскаго движенія — Успѣхи этого движенія — Парнелль выступаетъ на политическое поприще. — Скромный характеръ перваго дебюта. — Парнелль депутатъ отъ Мита. — Положеніе ирландской партіи въ эпоху появленія Парнелля въ Палатѣ Общинъ

19-го мая 1870 года въ Дублинѣ въ большой залѣ Bilton Hotel собрались на частный митингъ около 65 представителей мѣстнаго общества съ цѣлью побесѣдовать о положеніи Ирландіи. Несмотря на то, что собраніе состояло изъ лицъ, занимавшихся различными профессіями и исповѣдывавшихъ болѣе или менѣе различныя политическія и религіозныя убѣжденія, непродолжительная бесѣда обнаружила существованіе между ними не только общихъ стремленій къ благу своей страны, но и одинаковаго пониманія тѣхъ средствъ, при помощи которыхъ эти стремленія могутъ быть осуществлены. Высказанные различными лицами взгляды одинъ изъ наиболѣе вліятельныхъ членовъ собранія нашелъ возможнымъ резюмировать въ слѣдующемъ положеніи: «итакъ,—сказалъ онъ,—настоящее собраніе полагаетъ, что истиннымъ средствомъ къ уврачеванію всѣхъ бѣдствій Ирландіи является учрежденіе особаго ирландскаго Парламента, съ правами полнаго завѣдыванія нашими домашними дѣлами». Когда же это положеніе предложено было въ видѣ резолюціи митинга, то оказалось, что ни одинъ голосъ не поднялся противъ него. Собраніе съ восторгомъ привѣтствовало такой результатъ голосованія и тотчасъ же рѣшило выдѣлить изъ себя комитетъ для точнаго формулированія національныхъ желаній.

Черезъ нѣсколько времени положено было основаніе новой «Ассоціаціи ирландскаго самоуправленія» («The Home

Government Association of Ireland»). Основныя и «единственныя задачи» (the only objects) новой организаціи были выражены въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) добиться для Ирландіи права управлять своими дѣлами при посредствѣ особаго Парламента; 2) обезпечить за этимъ Парламентомъ, въ силу федеральнаго соглашенія, право издавать законы и вѣдать всѣ дѣла внутренняго управленія Ирландіи и распоряжаться всѣми доходами и государственными средствами Ирландіи, подъ условіемъ принятія на себя справедливой доли участія въ общеимперскихъ расходахъ; 3) оставить за имперскимъ Парламентомъ право вѣдать всѣ вопросы, касающіеся интересовъ имперской короны и правительства, законодательства относительно колоній, сношенія соединенной имперіи съ иностранными государствами и вообще все то, что касается защиты и безопасности всей имперіи вообще; 4) достигнуть такого строя отношеній между обѣими странами безъ вмѣшательства въ сферу прерогативъ короны и нарушенія конституціонныхъ основъ. Приглашая содѣйствовать въ достиженіи этихъ цѣлей всѣхъ ирландцевъ, ассоціація заявляетъ, что она будетъ стремиться къ нимъ «путемъ оказанія всѣми законными средствами вліянія на общественное мнѣніе Ирландіи и Великобританіи» и «путемъ объединенія ирландцевъ всѣхъ исповѣданій и классовъ въ одно національное движеніе въ интересахъ осуществленія намѣченной великой національной задачи».

Такъ возникло новое ирландское движеніе, въ развитіи котораго Парнеллю довелось играть руководящую роль.

Въ эпоху самаго возникновенія этого движенія Парнелль стоялъ однако еще очень далеко отъ него: въ это время онъ еще не вернулся изъ своего путешествія въ Америку, которое онъ предпринялъ по выходѣ изъ Кэмбриджскаго университета [1]). Изъ Америки онъ возвратился

[1]) Чарльзъ Стюартъ Парнель былъ родомъ изъ семьи, пересе-

въ 1871 году и поселился въ своемъ ирландскомъ родовомъ помѣстьѣ въ Авондэлѣ, въ графствѣ Виклоу. Здѣсь въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ велъ обычную жизнь крупнаго землевладѣльца, усердно занимался хозяйствомъ, стремясь къ его улучшенію, а свободное время охотно посвящалъ охотничьимъ развлеченіямъ. Здѣсь же нашло себѣ примѣненіе его давнишнее увлеченіе прикладными науками, особенно механикою и инженернымъ искусствомъ: Парнелль устроилъ въ своемъ помѣстьѣ фабрику щетокъ, лѣсопильный заводъ и производилъ работы по отысканію руды, которою изобилуетъ графство Виклоу. Въ отноше-

---

лившейся въ эпоху Реставраціи (во второй половинѣ XVII вѣка) изъ Англіи въ Ирландію, въ графство Виклоу. Въ числѣ его предковъ было нѣсколько выдающихся лицъ. поэтъ Томасъ Парнелль, другъ Попа и Свифта: сэръ Джонъ Парнелль, бывшій канцлеромъ ирландскаго казначейства въ ту пору, когда въ Ирландіи еще былъ свой Парламентъ; сэръ Генри Парнелль, который былъ замѣтнымъ членомъ ирландской партіи въ Палатѣ Общинъ (онъ окончилъ жизнь самоубійствомъ въ 1842 г.). Дѣдъ и отецъ Парнелля не заявили себя ничѣмъ особеннымъ. но мать его была замѣчательная женщина. Она была дочерью также весьма замѣчательнаго человѣка, коммодора Чарльза Стюарта, одного изъ блестящихъ командировъ въ составѣ американскаго флота въ эпоху войны 1812 года. Стюартъ же принадлежалъ къ семьѣ смѣшаннаго шотландско-ирландскаго происхожденія, которая переселилась изъ Ольстера (въ Ирландіи) въ Америку въ серединѣ XVIII вѣка. Такимъ образомъ, въ Парнеллѣ была отчасти шотландская, отчасти англійская кровь

Онъ родился въ 1846 году въ Авондэлѣ, родовомъ помѣстьѣ въ графствѣ Виклоу; воспитывался онъ въ частныхъ школахъ въ Англіи. Нѣсколько мѣсяцевъ онъ провелъ въ Кембриджѣ, въ Magdalen College, но вслѣдствіе участія въ уличной дракѣ былъ увезенъ въ деревню. Вернуться въ Кембриджъ онъ отказался, не закончивъ такимъ образомъ курса систематическаго образованія. Учился онъ вообще плохо и неохотно, проявляя лишь нѣкоторый интересъ къ математикѣ и увлекаясь крикетомъ. См. книгу В. Ѳ. Дерюжинскаго: Выдающіеся англійскіе дѣятели XIX вѣка. Спб. 1904. (Статья о Парнеллѣ, стр. 72 и сл.).

ніяхъ съ своими арендаторами Парнелль выказывалъ большую предупредительность и вниманіе къ ихъ нуждамъ.

Въ теченіе первыхъ лѣтъ своей жизни въ Авондэлѣ Парнелль не проявлялъ особенныхъ стремленій къ занятію политическими дѣлами своей страны. Впрочемъ уже въ 1872 году дѣла эти стали привлекать къ себѣ все бо́льшее вниманіе молодого лэндлорда. Въ этомъ году изданъ былъ извѣстный Ballot Act, впервые вводившій тайную подачу голосовъ и такимъ образомъ обезпечивавшій бо́льшую независимость избирателей. «Мнѣ казалось, — говорилъ онъ впослѣдствіи,—что при дѣйствіи этого акта политическое положеніе Ирландіи можетъ значительно измѣниться. Проведеніе этого акта дѣлало, по моему мнѣнію, возможнымъ созданіе до нѣкоторой степени независимой ирландской партіи, которая могла бы отражать взгляды народныхъ массъ, дѣйствовать въ Палатѣ Общинъ независимо отъ вліянія какой-либо политической партіи и не вступать ни въ какія комбинаціи съ тою или другою изъ англійскихъ партій до тѣхъ поръ, пока не будутъ удовлетворяемы нужды Ирландіи».

Между тѣмъ новое движеніе въ странѣ уже успѣло сдѣлать нѣкоторые замѣтные успѣхи, которые весьма рельефно выразились въ результатѣ общихъ выборовъ 1874 года. Когда возникло движеніе гомруля, то изъ общаго числа ирландскихъ представителей въ англійскомъ Парламентѣ только десять человѣкъ заявили себя сторонниками его противъ 55 либераловъ и 38 консерваторовъ; новые же выборы 1874 г. дали отъ Ирландіи 12 либераловъ, 21 консерватора и уже 60 гомрулеровъ.

Къ тому же 1874 г. относится и первая попытка Парнелля выступить на политическое поприще. Одинъ изъ дублинскихъ представителей, полковникъ Тэйлоръ, получилъ назначеніе въ новомъ кабинетѣ Дизраэли и вслѣдствіе этого долженъ былъ подвергнуться переизбранію. Парнелль

задумалъ выступить его соперникомъ отъ гомрулерской партіи. Въ то время онъ представлялъ собою личность никому еще неизвѣстную въ отношеніи къ политическимъ убѣжденіямъ; а то обстоятельство, что онъ былъ протестантомъ и крупнымъ землевладѣльцемъ, вызывало къ нему даже нѣкоторое недовѣріе, заставившее многихъ думать, что депутатское кресло нужно молодому и богатому человѣку лишь какъ необходимый шагъ на пути къ удовлетворенію честолюбивыхъ инстинктовъ, стремленія сдѣлать карьеру. Въ виду этого центральный комитетъ «Лиги гомруля» (созданной въ 1873 г. взамѣнъ указанной выше ассоціаціи) нашелъ нужнымъ ближе узнать новаго человѣка, прежде чѣмъ выдвигать его кандидатуру. Парнелль, приглашенный на частное собраніе этого комитета, произвелъ вполнѣ благопріятное впечатлѣніе на двухъ главныхъ членовъ его—Джона Мартина, одного изъ ветерановъ движенія 1848 года, и Артура Селливана, которому и поручено было формально предложить кандидатуру Парнелля на большомъ митингѣ въ залѣ дублинской «Ротонды».

Первый дебютъ будущаго вершителя судебъ Ирландіи и даже всей Англіи оказался въ высшей степени скромнымъ. Вотъ какъ описываетъ его Селливанъ: «Послѣ того, какъ предложенная мною резолюція въ его пользу была встрѣчена сочувственными восклицаніями собранія, Парнелль выступилъ съ цѣлью произнести рѣчь. Къ нашему великому изумленію, онъ совершенно растерялся. Онъ безпрестанно запинался, сбивался, путался; весь блѣдный, онъ видимо едва умѣлъ справиться съ сильнымъ нервнымъ возбужденіемъ; во всѣхъ насъ онъ вызвалъ, однако, глубокую симпатію. Присутствовавшіе на митингѣ очевидно приняли все это во вниманіе и проводили его сочувственными и дружными рукоплесканіями. Впрочемъ, нѣкоторые покачивали головою и пророчили, что если ему и придется когда-либо попасть въ Парламентъ, то онъ несомнѣнно со-

ставитъ себѣ репутацію «нѣмого депутата» и заслужитъ прозвище «single-speech Parnell» (Парнелля, произнесшаго одну только рѣчь).

Послѣ такого дебюта никого, и всего менѣе самого Парнелля, не удивилъ исходъ выборовъ въ Дублинѣ, оказавшійся въ пользу Тэйлора. Первая неудача, несмотря на чрезвычайно сильно развитое самолюбіе молодого сквайра, не вызвала, однако, въ немъ разочарованія въ себѣ; въ слѣдующемъ 1875 году умеръ Джонъ Мартинъ, и Парнелль былъ избранъ его преемникомъ отъ графства Митъ.

Появленіе Парнелля, въ апрѣлѣ 1875 г., въ стѣнахъ англійскаго Парламента не обратило на себя никакого вниманія, и въ теченіе первыхъ двухъ сессій, 1875 и 1876 г.г., онъ, по собственному его признанію, не принималъ особенно дѣятельнаго участія въ парламентскихъ занятіяхъ. Эти первые годы его политической карьеры ушли всецѣло на ознакомленіе съ положеніемъ ирландской партіи и на выработку той системы дѣятельности, которую онъ впослѣдствіи проводилъ съ такой послѣдовательностью.

Несмотря на свою относительную численность въ новомъ Парламентѣ, партія гомрулеровъ оставалась однако безъ всякаго вліянія. Правда, въ каждую сессію отъ лица ея вносилось предложеніе о дарованіи Ирландіи отдѣльнаго Парламента, вызывавшее болѣе или менѣе оживленныя пренія, но это не производило особеннаго впечатлѣнія ни на Парламентъ, ни на Ирландію.

Источникъ слабости партіи гомрулеровъ лежалъ отчасти въ ея собственной организаціи и парламентской тактикѣ, отчасти же въ отношеніи къ ней со стороны значительной части ирландскаго населенія. Организація ея далеко не отличалась такою сплоченностью, какую получила она впослѣдствіи; въ ея средѣ было не мало такихъ людей, которые относились къ дѣлу гомруля съ большимъ равнодушіемъ, и притомъ же во главѣ ея стоялъ человѣкъ

(Исаакъ Боттъ), который хотя и былъ убѣжденъ въ необходимости коренной политической реформы по отношенію Ирландіи, но по своему характеру и общественному положенію (онъ былъ обремененъ долгами) не могъ явиться авторитетнымъ вождемъ значительной группы. Парламентская тактика ея не отличалась ни послѣдовательностью, ни надлежащею независимостью, такъ что партія нерѣдко вступала въ коалицію съ англійскими партіями безъ какой либо опредѣленной и ясно намѣченной цѣли. Съ другой стороны, въ самой Ирландіи умѣренность и безплодность образа дѣйствій парламентской партіи вызывали сильное недовольство и давали поводъ утверждать, что конституціонными пріемами Ирландія никогда не добьется желательныхъ реформъ.

Парнелль, вступивъ въ Парламентъ, не могъ не замѣтить, что партія гомрулеровъ слаба и что въ интересахъ Ирландіи слѣдуетъ въ корнѣ измѣнить парламентскую тактику партіи. По его убѣжденію, партія должна поставить себя въ совершенно независимое положеніе по отношенію къ англійскимъ партіямъ и дѣйствовать самостоятельно, изолированно. Парнелль понялъ также, что необходимо устранить тотъ скрытый антагонизмъ, который замѣчался между конституціонными представителями и сторонниками болѣе рѣшительнаго образа дѣйствій. Достигнуть этого можно не иначе, какъ расширивъ программу партіи гомрулеровъ, измѣнивъ ея методу, отказавшись разъ навсегда отъ тѣхъ несбыточныхъ надеждъ, которыя такъ часто возлагались на коалицію съ англійскими партіями. Партіи гомруля необходимо поднять голову и выступить настоящею носительницею народныхъстре мленій. Тогда ей удастся привлечь на свою сторону и противниковъ конституціонныхъ пріемовъ; удастся найти опору и въ средѣ американскихъ ирландцевъ, которые скептически смотрѣли на нерѣшительную, боязливую политику Бо́тта. Въ интересахъ орга-

низаціи широкаго общественнаго движенія Парнелль наконецъ призналъ необходимымъ политическую реформу Ирландіи связать въ одно неразрывное цѣлое съ реформою земельною, зная по личному опыту, какъ велика потребность въ этой послѣдней.

Вотъ, въ общихъ чертахъ, тѣ основныя задачи, которыя Парнелль задумалъ осуществить въ своей парламентской дѣятельности, начавшейся собственно въ теченіе 1877 года.

V.

„Обструкціонизмъ" —Первые успѣхи борьбы Парнелля съ Парламентомъ. — Тріумфъ Парнелля.—Возрастаніе его популярности.—Аграрное движеніе въ Ирландіи въ 1879 г. — Земельная лига. — Поѣздка Парнелля въ Америку —Общіе выборы 1880 года.

Однимъ изъ руководящихъ принциповъ, которымъ Парнелль слѣдовалъ въ своей парламентской дѣятельности, было убѣжденіе въ томъ, что если Англія упорно отказываетъ Ирландіи въ правѣ самой управлять своими дѣлами, то, съ другой стороны, и Ирландія въ свою очередь можетъ помѣшать Англіи осуществлять функціи управленія. Онъ понялъ, что въ интересахъ успѣшной защиты ирландскихъ интересовъ недостаточно ограничиваться повтореніемъ каждогодно или по два раза въ годъ теоретическихъ протестовъ, вызывающихъ безплодные ораторскіе турниры, а необходимо достигнуть того, чтобы ирландскія требованія вѣчно стояли передъ Парламентомъ, которому слѣдуетъ показать, что нормальная дѣятельность его немыслима до тѣхъ поръ, пока за Ирландіей не будутъ обезпечены ея жизненные интересы.

На почвѣ этихъ убѣжденій и развилась такъ-называемая «политика обструкціонизма», ближайшая задача которой сводилась къ тому, чтобы тормозить парламентскія

занятія путемъ искусственнаго затягиванія преній. По дѣйствовавшему въ то время регламенту свобода парламентскихъ преній не подлежала никакимъ ограниченіямъ, а власть президента Палаты Общинъ, спикера, имѣла лишь нравственный характеръ, при чемъ одною изъ высшихъ мѣръ дисциплинарнаго воздѣйствія на строптивыхъ депутатовъ было названіе ихъ по фамиліи вмѣсто обычнаго наименованія «депутатъ отъ такого-то округа». Такой порядокъ дѣлалъ вполнѣ возможнымъ развитіе обструкціонизма, который, кстати замѣтить, практиковался отчасти еще задолго до вступленія Парнелля въ Парламентъ. Именно въ эпоху перваго кабинета Гладстона (1868—1874 г.г.) ораторы консервативной оппозиціи не разъ прибѣгали къ обструкціонизму въ тѣхъ видахъ, чтобы затормозить проведеніе реформъ либеральнаго министерства. Съ другой стороны, и въ средѣ ирландской партіи Парламента, избраннаго въ 1874 году, у Парнелля оказался предшественникъ въ лицѣ энергичнаго Биггара, который являлся предметомъ постоянныхъ нападокъ какъ со стороны англійскихъ партій, такъ и со стороны своихъ ближайшихъ товарищей, предводительствуемыхъ умѣреннымъ и элегатнымъ Бо̀ттомъ.

Въ этомъ Биггарѣ, стоявшемъ дотолѣ одиноко, Парнелль нашелъ драгоцѣннаго сотрудника въ осуществленіи своей политики. Обструкціонизмъ Биггара ограничивался прежде главнымъ образомъ вопросами ирландскими; Парнелль же счелъ нужнымъ практиковать его съ неменьшею энергіею и по отношенію къ мѣропріятіямъ чисто-англійскимъ.

Первыя рѣшительныя проявленія борьбы Парнелля съ англійскимъ Парламентомъ относятся къ сессіи 1877 года. Въ мартѣ, при комитетскомъ обсужденіи билля о тюрьмахъ, Парнелль нѣсколько разъ требовалъ слова и, къ немалой досадѣ консервативнаго большинства, встрѣтилъ даже нѣ-

которую поддержку со стороны либераловъ. Въ концѣ-концовъ настойчивый обструкціонизмъ Парнелля и Биггара сдѣлалъ то, что правительство, желавшее покончить обсужденіе, вынуждено было пойти на уступку и согласилось на требованіе ирландскихъ депутатовъ перенести обсужденіе билля на другой день, такъ какъ засѣданіе затянулось до трехъ часовъ ночи. Какъ ни скромна была по существу эта первая побѣда Парнелля, министерство Дизраэли увидѣло въ ней дурное предзнаменованіе. Въ цѣляхъ предупредить повтореніе такого образа дѣйствій, оно обратилось къ Ботту, какъ главѣ ирландской партіи, съ формальнымъ протестомъ противъ поведенія «нѣкоторыхъ изъ ея молодыхъ людей». При этомъ авторы протеста сочли нужнымъ съ особенною похвалою отозваться о томъ «благородномъ уваженіи къ достоинству Парламента", которое всегда проявлялъ самъ лидеръ ирландской партіи. Боттъ былъ польщенъ этимъ, но всѣ старанія его унять строптивыхъ коллегъ были безуспѣшны; между тѣмъ къ Парнеллю стали мало-по-малу примыкать и нѣкоторые другіе члены партіи.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Парнелль явился героемъ новой, особенно бурной сцены въ Парламентѣ. 25-го іюля, при обсужденіи южно-африканскаго билля, изъ-за котораго впослѣдствіи возникла (въ 1880 г.) война съ боэрами и зулусами, противъ одного изъ членовъ радикальной партіи, Дженкинса, брошено было обвиненіе въ томъ, что онъ злоупотребляетъ парламентскими формами. Дженкинсъ, протестуя, потребовалъ, чтобы слова обвинявшаго его были занесены въ протоколъ. Въ этомъ требованіи онъ встрѣтилъ энергичную поддержку со стороны Парнелля, который, между прочимъ, сказалъ: «Я полагаю, что прошло время терпѣть долѣе... Нашему терпѣнію положенъ предѣлъ тѣми заявленіями, съ которыми почтенные члены Палаты нашли возможнымъ обратиться по адресу моему и тѣхъ, кто дѣйствуетъ одинаково со мною». Норскоттъ,

бывшій въ то время лидеромъ консервативной партіи, потребовалъ, чтобы эти слова также занесены были въ протоколъ, а президентъ комитетовъ Палаты предложилъ Парнеллю взять назадъ произнесенное имъ замѣчаніе. Тогда Парнелль поднялся съ своего мѣста съ цѣлью дать отвѣтъ. Несмотря на поднявшійся шумъ, крики и покашливанія, онъ съ гордостью и, казалось, полнымъ спокойствіемъ заявилъ, что «въ качествѣ ирландца, представителя той страны, которая переживаетъ самыя тяжкія страданія, какъ результатъ англійскаго вмѣшательства въ ея дѣла, англійской жестокости и тиранніи, онъ испытываетъ особенное удовольствіе тормозить намѣренія правительства по отношенію къ настоящему биллю».

При этихъ словахъ возбужденіе собранія достигло высшихъ предѣловъ, и Норскоттъ, при дружныхъ рукоплесканіяхъ большинства, предложилъ, чтобы слова Парнелля были занесены въ протоколъ и чтобы дѣйствія его тотчасъ же сдѣлались предметомъ обсужденія, для чего комитетское обсужденіе должно было быть пріостановлено, и президентское кресло занялъ спикеръ. Норскотту казалось, что насталъ удобный моментъ привлечь Парнелля къ отвѣтственности, и вотъ онъ выступилъ съ предложеніемъ лишить его права участія въ парламентскихъ занятіяхъ до слѣдующей пятницы. Однако Парнелль,—подъ вліяніемъ ли тактическихъ соображеній, или вслѣдствіе волненія,—не спѣшилъ выступить съ своею защитою. Лишь послѣ троекратнаго приглашенія спикера онъ поднялся и началъ свою рѣчь, которая всего менѣе походила на защиту. Съ полнымъ спокойствіемъ онъ принялся за детальное обсужденіе порядка парламентской процедуры, а когда спикеръ пригласилъ его не прибѣгать къ этимъ преюдиціальнымъ пріемамъ, то Парнелль наполнилъ свою рѣчь еще болѣе рѣзкими и смѣлыми замѣчаніями. Послѣ этого Парнелль, согласно обычаю, удалился изъ залы на время рѣшенія

своей участи. Провожаемый неистовыми возгласами раздраженнаго большинства, онъ занялъ мѣсто въ такъ-называемой «галлереѣ спикера», откуда и имѣлъ возможность наблюдать за обсужденіемъ вопроса. Предложеніе Норскотта было формулировано въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Въ виду того, что г. Парнелль, своимъ упорнымъ и сознательнымъ стремленіемъ тормозить ходъ дѣлъ, оказывается виновнымъ въ оскорбленіи достоинства Палаты,— онъ, г. Парнелль, устраняется отъ участія въ ея засѣданіяхъ до будущей пятницы».

Обсужденіе этого предложенія приняло совершенно неожиданный характеръ. Многіе изъ членовъ Палаты не могли не вспомнить о томъ, что именно представители теперешняго большинства прибѣгали когда-то къ тѣмъ же пріемамъ и даже чуть ли не къ тѣмъ же выраженіямъ, какія употреблены Парнеллемъ. Но, что́ еще важнѣе, ближайшее разсмотрѣніе инкриминируемыхъ словъ Парнелля обнаружило, что онъ не сказалъ собственно ничего такого, что противорѣчило бы парламентской тактикѣ. Онъ сказалъ, что «испытываетъ удовольствіе тормозить намѣренія» не Палаты (что́ дѣйствительно являлось бы проступкомъ противъ нея), а «правительства», что́ представляется вполнѣ законнымъ и постояннымъ стремленіемъ со стороны оппозиціи. Въ результатѣ оказалось невозможнымъ выполнить требованіе консервативнаго лидера, и большинство, съ цѣлью вывести правительство изъ затруднительнаго положенія, постановило отложить вопросъ до слѣдующей пятницы.

Это было огромнымъ тріумфомъ для Парнелля, который пріобрѣлъ еще бо́льшую увѣренность въ цѣлесообразности начатой имъ политики рѣшительной борьбы. Въ теченіе того же іюля 1877 г. ему и его сотрудникамъ (ихъ было въ то время уже шесть) удалось еще разъ показать силу обструкціонизма: засѣданіе 31-го іюля, все по поводу того

же африканскаго билля, продолжалось *двадцать шесть* часовъ къ-ряду!

Между тѣмъ энергическій образъ дѣйствій небольшой пока группы ирландскихъ депутатовъ вызывалъ къ нимъ все бо̀льшее вниманіе и сочувствіе со стороны ирландскаго населенія. Популярность Парнелля быстро росла, какъ доказалъ это наглядно митингъ, созванный въ дублинской «Ротондѣ» 21-го августа 1877 года, въ честь Парнелля и Биггара, встрѣтившихъ самый восторженный пріемъ. Очевидно, близокъ былъ моментъ, когда страна должна была рѣшить, чьей тактики слѣдуетъ держаться впредь — Парнелля или Бо̀тта. Послѣдній, съ своей стороны, отлично понималъ необходимость порѣшить этотъ вопросъ и выражалъ полную готовность отказаться отъ руководительства партіей, если Ирландія выскажется за политику Парнелля.

Въ интересахъ уясненія этого вопроса въ январѣ 1878 года созвана была въ Дублинѣ конференція ирландскихъ дѣятелей. На этотъ разъ дѣло окончилось, однако, компромиссомъ, въ результатѣ котораго за Парнеллемъ все-таки осталась большая нравственная побѣда. Бо̀ттъ остался во главѣ партіи, но политика ея, по постановленію собранія, должна была получить болѣе энергическій характеръ; при этомъ за членами партіи признана была полная свобода дѣйствій по отношенію ко всѣмъ вопросамъ, стоящимъ внѣ ближайшей программы партіи.

Небезъинтересно отмѣтить заявленіе, съ которымъ выступилъ на этомъ съѣздѣ Парнелль послѣ того, какъ Бо̀ттъ, изложивъ свою программу, выразилъ убѣжденіе, что ирландской партіи удастся убѣдить «безпристрастныхъ англичанъ» въ необходимости предоставить Ирландіи автономію. «Если я,—сказалъ Парнелль,—воздерживаюсь сегодня предложить странѣ принять тотъ или другой образъ дѣйствій, ту или иную спеціальную политику и даже отказываюсь предложить на разсмотрѣніе настоящаго съѣзда тотъ или

другой вопросъ,—то дѣлаю я это единственно потому, что я молодъ и могу подождать. Думаю, что и страна также можетъ подождать: страна, ожидавшая такъ долго, можетъ проявить терпѣніе и еще на нѣкоторое время... Г. Бёттъ очень ясно изложилъ политику, которой онъ слѣдовалъ въ теченіе послѣднихъ трехъ-четырехъ лѣтъ... И что же! Я охотно соглашусь съ нимъ: возможно и даже вѣроятно, что ему удастся склонить *безпристрастныхъ* англичанъ къ тому убѣжденію, которое онъ выразилъ; но, къ несчастью, я не думаю, чтобы Палата Общинъ состояла главнымъ образомъ изъ англичанъ *безпристрастныхъ*. Еслибы намъ приходилось имѣть дѣло съ людьми, способными прислушиваться къ разумнымъ доводамъ, то, конечно, можно было бы надѣяться на успѣшность политики г. Бётта; но мы имѣемъ дѣло съ партіями, которыя интересы своей собственной организаціи ставятъ превыше всякихъ другихъ соображеній».

Послѣ такого заявленія неудивительно, что Парнелль, не взирая на состоявшійся компромиссъ, продолжалъ и въ сессію 1878 г. дѣйствовать совершенно самостоятельно, неуклонно слѣдуя усвоенной имъ политикѣ. Между тѣмъ вліяніе Бётта падало все болѣе и болѣе. «Лига гомруля», состоявшая изъ ирландцевъ, живущихъ въ Англіи, вмѣсто Бётта избрала своимъ президентомъ Парнелля, а подписка, организованная въ Ирландіи съ цѣлью вознаградить Бётта за труды его на пользу ирландскаго дѣла, потерпѣла полную неудачу. Въ маѣ 1879 года Бёттъ скончался, и въ лицѣ его исчезъ единственный соперникъ Парнелля.

Хотя онъ и не былъ еще избранъ преемникомъ Бётта (партія избрала лишь временнаго президента на предстоящую сессію, которымъ явился посредственный Шоу), однако, фактически вся сила партіи олицетворялась именно въ Парнеллѣ: само министерство дало косвенное признаніе его авторитетности, назначивъ его членомъ коммиссіи, ко-

торой поручено было выработать мѣры съ цѣлью противодѣйствія обструкціонизму.

Однако въ теченіе 1879 г. дѣятельность Парнелля проявилась главнымъ образомъ не въ Парламентѣ, а въ самой Ирландіи и на почвѣ земельнаго вопроса. Неурожай картофеля, главнаго предмета продовольствія ирландцевъ, и другія неблагопріятныя условія, грозившія голодомъ, снова выдвинули на первый планъ аграрные интересы. Уже въ началѣ года въ странѣ возникла дѣятельная агитація, надъ развитіемъ которой много поработалъ Михаилъ Дэвиттъ, стремившійся создать прочную организацію въ цѣляхъ защиты ирландскихъ поселянъ.—Зачатки этой организаціи были уже готовы, когда Парнелль началъ въ іюнѣ мѣсяцѣ свою кампанію на почвѣ земельнаго вопроса. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ выступалъ въ различныхъ мѣстностяхъ Ирландіи, обращаясь на многолюдныхъ митингахъ съ рѣчами, въ которыхъ излагалъ свои взгляды на способъ разрѣшенія аграрнаго вопроса. Находя, что къ рѣшенію его слѣдуетъ идти мирными и конституціонными путями, онъ совѣтовалъ прибѣгнуть и здѣсь къ той обструктивной политикѣ, какой онъ слѣдовалъ въ Парламентѣ. Ближайшимъ образомъ онъ совѣтовалъ фермерамъ сплотиться и требовать пониженія ренты, отказываясь уплачивать ее до тѣхъ поръ, пока размѣръ ея не будетъ уменьшенъ. Въ концѣ-концовъ такой образъ дѣйствій вынудитъ подумать о томъ, не лучше ли будетъ, если владѣніе землею перейдетъ изъ рукъ лэндлордовъ въ руки ея воздѣлывателей.

Въ теченіе агитаціи 1879 года съ полною ясностью опредѣлилась та конечная цѣль, къ которой ирландцы должны стремиться въ разрѣшеніи аграрнаго вопроса—созданію крестьянской собственности. Вотъ какъ она была формулирована однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ Парнелля—О'Конноромъ Пауэромъ: «Если вы предложите

мнѣ, — сказалъ онъ,—вкратцѣ формулировать, въ чемъ состоитъ ирландскій земельный вопросъ, то я скажу вамъ, что онъ состоитъ въ возвращеніи земли ирландскому народу; если же вы спросите, какъ рѣшить его согласно съ требованіями философіи, опыта и здраваго смысла, то я такъ же кратко отвѣчу — уничтоженіемъ лэндлордизма и превращеніемъ въ собственника земли того, кто сидитъ на ней и обработываетъ ее».

Однимъ изъ главныхъ результатовъ агитаціи 1879 года было образованіе въ октябрѣ «Ирландской земельной лиги», которая и явилась главнымъ орудіемъ борьбы за самые дорогіе интересы ирландскаго народа. Для успѣшной дѣятельности новой ассоціаціи необходимы были матерьяльныя средства, и вотъ Парнелль вмѣстѣ съ Джономъ Диллономъ уполномочены были отправиться въ Америку для сбора пожертвованій. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, проведенныхъ имъ въ Соединенныхъ Штатахъ, Парнелль проявилъ изумительную энергію. Онъ говорилъ передъ сорока слишкомъ митингами, на которыхъ ему оказанъ былъ самый восторженный пріемъ; выступалъ съ рѣчами передъ законодательными собраніями пяти штатовъ. Мало того: онъ былъ, вопреки всякимъ прецедентамъ, приглашенъ произнести рѣчь передъ Конгрессомъ Соединенныхъ Штатовъ. Въ финансовомъ отношеніи результаты поѣздки въ Америку были весьма существенны: Парнелль привезъ оттуда 72.000 фунт. ст., которыми онъ былъ уполномоченъ распорядиться всецѣло по своему усмотрѣнію, какъ на нужды голодающихъ, такъ и на организацію аграрнаго движенія.

Изъ Соединенныхъ Штатовъ Парнелль направился въ Канаду; но тамъ онъ успѣлъ организовать лишь два митинга, какъ совершенно неожиданно пришла вѣсть о роспускѣ консервативнаго Парламента и назначеніи новыхъ выборовъ. Моментъ былъ черезчуръ важенъ, и Парнелль поторопился вернуться въ Англію. 21-го марта 1880 г.

онъ высадился на ирландскій берегъ и тотчасъ же взялъ въ свои руки избирательную агитацію, для которой оставалось немного времени, такъ какъ выборы назначены были на 1-е апрѣля.

VI.

Второе министерство Гладстона.—Роль Парнелля въ событіяхъ 1880—1885 гг.—Либералы и ирландскій вопросъ въ 1880 г.—Потребность въ реформѣ земельнаго законодательства.—Биллъ объ изгнаніи фермеровъ и результаты его отверженія.—Аграрное движеніе 1880 г.—Принудительныя мѣры.—Протестъ ирландской партіи

Пятилѣтній періодъ второго министерства Гладстона (1880—1885 гг.) займетъ въ исторіи развитія ирландскаго вопроса видное мѣсто, какъ эпоха, знаменующая собою рѣшительный поворотъ въ направленіи англійской политики по отношенію къ Ирландіи. Въ теченіе этихъ пяти лѣтъ либеральная партія, стоявшая у власти, пережила серьезный кризисъ въ развитіи своихъ основныхъ воззрѣній на ирландскую политику,—кризисъ, завершившійся открытымъ и рѣшительнымъ признаніемъ необходимости даровать Ирландіи политическую самостоятельность по отношенію къ ея внутреннимъ дѣламъ. Къ этому результату, который въ свою очередь явился такимъ важнымъ факторомъ въ современной [1]) политической жизни Великобританіи, англійскіе либералы пришли не путемъ спокойной работы мысли въ тиши своихъ кабинетовъ и административныхъ канцелярій. Ихъ привела къ нему сама жизнь въ богатыхъ проявленіяхъ ея, которыя возможны только въ странахъ политически-свободныхъ и которыя одни только и могутъ дать надежный матерьялъ для пониманія жизнен-

[1]) Очеркъ этотъ былъ написанъ въ 1891 году.

ныхъ потребностей и указать способы ихъ удовлетворенія. Великую услугу дѣлу прогресса и свободы оказали англійскіе либералы тѣмъ, что во имя принциповъ справедливости и свободы они не поколебались порвать съ своими традиціонными воззрѣніями на ирландскій вопросъ, когда событія показали ихъ несостоятельность и ложность, не поколебались признать ошибочность и вредъ той политики исключительныхъ мѣръ по отношенію къ Ирландіи, которой слѣдовали они сами, и съ полною искренностью взяли въ свои руки защиту и проведеніе гомруля, противъ котораго они сами такъ долго боролись.

Таковы главные результаты событій 1880—1885 гг., въ которыхъ Парнеллю довелось играть видную и часто доминирующую роль. Если бы не было его, если бы во главѣ ирландской партіи въ Парламентѣ стоялъ человѣкъ менѣе доровитый, менѣе авторитетный и менѣе непреклонный и энергичный, то по всей вѣроятности событія получили бы совершенно иное направленіе, такъ что Ирландіи пришлось бы и впредь довольствоваться болѣе или менѣе жалкими подачками изъ рукъ англійскихъ партій, поскольку ихъ побуждала бы къ этому охрана собственныхъ интересовъ.

Дѣло въ томъ, что агитація передъ общими выборами 1880 года производилась главнымъ образомъ на почвѣ международной политики предшествующаго кабинета лорда Биконсфильда,—политики, которая особенно оживилась подъ вліяніемъ русско-турецкой войны и новыхъ серьезныхъ осложненій восточнаго вопроса. Ирландія, — какъ это ни странно послѣ аграрной агитаціи 1879 и 1880 гг.,—не привлекала къ себѣ большого вниманія даже со стороны либераловъ, претендовавшихъ на принятіе власти въ свои руки. Гладстонъ въ рѣчи, произнесенной имъ въ 1889 г. въ Мидлотіанѣ, самъ сознавался въ этомъ: «Ирландскія дѣла не фигурировали въ моей избирательной рѣчи (1880

года). Откровенно признаюсь, что на рукахъ у меня было множество вопросовъ, поднятыхъ домогательствами консервативной партіи чуть не во всѣхъ частяхъ свѣта, и я не сознавалъ,—какъ не сознавалъ этого никто,—важности того кризиса, который уже виднѣлся на горизонтѣ и который грозилъ, какъ потопъ, разразиться надъ нами».

Какъ бы то ни было, тронная рѣчь, открывавшая первую сессію новаго Парламента, не заключала въ себѣ никакихъ обѣщаній реформъ въ Ирландіи и обошла полнымъ молчаніемъ земельный вопросъ, продолжавшій стоять на первомъ планѣ въ заботахъ ирландскихъ дѣятелей. Парнелль, который являлся теперь уже признаннымъ главою гомрулеровъ (онъ былъ избранъ президентомъ партіи на митингѣ въ Дублинѣ въ маѣ 1880 г.), внесъ поправку къ адресу, заключавшую въ себѣ требованіе немедленнаго возбужденія новыхъ законодательныхъ мѣръ по земельному вопросу. Поправка эта вызвала оживленныя пренія, во время которыхъ министръ по ирландскимъ дѣламъ, Форстеръ, заявилъ, что для возбужденія такого рода мѣръ у Парламента не будетъ времени въ настоящую сессію. Когда же члены ирландской партіи заявили о желательности хотя бы временныхъ мѣръ съ цѣлью предупредить все возраставшую практику изгнаній фермеровъ за неплатежъ ренты, Форстеръ замѣтилъ, что пока не отмѣнено дѣйствующее законодательство въ этомъ отношеніи, правительство можетъ лишь призывать къ умѣренности обѣ враждующія стороны.

Такое начало не преминуло поселить въ средѣ ирландской партіи большое недовѣріе къ либеральному кабинету и сознаніе необходимости стоять твердо въ своихъ требованіяхъ, заставить правительство такъ или иначе измѣнить свое пассивное отношеніе къ земельному вопросу. Черезъ нѣсколько времени отъ лица ирландской партіи внесенъ былъ законопроектъ съ цѣлью прекращенія изгнаній фер-

меровъ (Suspension of evictions bill). Правительство уклонилось отъ поддержки этого билля, но, видя рѣшимость ирландской партіи (въ новомъ Парламентѣ число гомрулеровъ дошло уже до 65), признало нужнымъ сдѣлать уступку, которая и выразилась въ предложеніи Compensation for disturbance bill. Этотъ билль заключалъ въ себѣ многія требованія гомрулеровъ и долженъ былъ, по мысли Форстера, служить дополненіемъ акта 1870 года въ дѣлѣ вознагражденія фермеровъ, изгоняемыхъ за неплатежъ ренты въ тѣхъ случаяхъ, когда это вызывалось неурожаемъ. Защищая этотъ билль отъ нападокъ оппозиціи, ораторы министерской партіи доказывали необходимость огражденія ирландскихъ фермеровъ отъ несправедливыхъ изгнаній, число которыхъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ возрастало съ ужасающей быстротой: тогда какъ въ 1877 число evictions доходило до 463, въ 1878 г. оно поднялось до 980, въ 1879 г.— до 1,238, а въ теченіе перваго-полугодія 1880 г. оно составило уже 1,690. Во время преній по этому биллю Гладстонъ заявилъ, между прочимъ, что въ такой странѣ, какъ Ирландія, изгнаніе фермера равносильно смертному приговору надъ нимъ.

Несмотря на весьма сильную оппозицію, билль прошелъ черезъ Палату Общинъ, но въ Палатѣ Лордовъ онъ былъ отвергнутъ огромнымъ большинствомъ 231 голоса. Послѣдствія этого отклоненія оказались чрезвычайно существенными для дальнѣйшаго хода событій Дѣло въ томъ, что министерство Гладстона не нашло возможнымъ прибѣгнуть въ этомъ случаѣ къ обычнымъ пріемамъ борьбы съ Палатою Лордовъ: оно не рѣшилось поднять противъ нея движеніе, не признало нужнымъ распустить Палату Общинъ и предоставить странѣ высказать свое рѣшающее слово по отношенію къ дѣйствіямъ Верхней Палаты. Такой образъ дѣйствій произвелъ въ Ирландіи огромное впечатлѣніе и явился толчкомъ къ еще бо́льшему развитію аграрной аги-

таціи, которой не остановили ни обѣщанія правительства внести въ слѣдующую сессію новый земельный билль, ни назначеніе особой коммиссіи для изученія положенія земледѣльцевъ въ Ирландіи.

Особенно усилилась эта агитація послѣ окончанія сессіи, въ сентябрѣ 1880 года. На митингѣ въ Эннисѣ Парнелль рѣшительно формулировалъ задачи движенія, заявивъ, что отъ самихъ фермеровъ и ихъ энергіи зависитъ добиться отъ Парламента изданія нужнаго имъ земельнаго акта. Подъ руководствомъ Парнелля, Дэвитта и Диллона аграрное движеніе дѣлало быстрые успѣхи при помощи широкаго примѣненія той системы, которая получила такую извѣстность подъ именемъ бойкотированія и которая состояла въ различныхъ мѣрахъ давленія противъ всѣхъ враговъ поземельныхъ интересовъ ирландскаго народа. Агитація велась на легальной почвѣ и законными средствами, отъ которыхъ руководители ея совѣтовали не уклоняться; но не вездѣ эти совѣты могли быть исполнены, такъ что мѣстами народное движеніе выразилось въ формѣ различнаго рода аграрныхъ преступленій.

Форстеръ все болѣе склонялся къ политикѣ исключительныхъ мѣръ по отношенію къ Ирландіи; но прежде чѣмъ освятить ихъ законодательною санкціею, правительство въ началѣ ноября 1880 года рѣшило возбудить судебное преслѣдованіе противъ руководителей агитаціи. Парнелль, Диллонъ, Биггаръ, Секстонъ и др. были подвергнуты суду по обвиненію въ возбужденіи населенія къ преступленіямъ. Присяжные однако не нашли возможнымъ вынести обвинительный противъ нихъ вердиктъ. Такой исходъ дѣла послужилъ къ еще бо́льшему возрастанію популярности Парнелля и его группы, а въ средѣ либеральнаго правительства вызвалъ окончательную рѣшимость прибѣгнуть къ политикѣ принудительныхъ мѣръ.

6-го января 1881 года открылась парламентская сессія,

и въ тронной рѣчи заключалось открытое признаніе необходимости чрезвычайныхъ мѣръ по отношенію къ Ирландіи. Говорилось въ ней и о потребности въ дальнѣйшемъ развитіи земельнаго законодательства, но объ этомъ упоминалось какъ-то глухо и вскользь. Парнелль и его товарищи выступили съ энергичнымъ протестомъ противъ всякихъ исключительныхъ мѣръ и въ теченіе нѣсколькихъ засѣданій во время преній объ адресѣ вели ожесточенную борьбу противъ намѣреній правительства. Борьба эта приняла еще болѣе острый характеръ послѣ того, какъ 24-го января Форстеръ внесъ свой первый билль объ исключительныхъ мѣрахъ для Ирландіи, надѣлявшій администрацію широкими полномочіями относительно лицъ, подозрѣваемыхъ въ преступныхъ замыслахъ. Въ теченіе цѣлаго мѣсяца продолжалась эта борьба, выразившаяся въ рядѣ бурныхъ сценъ, не имѣвшихъ прецедентовъ во всей прошлой исторіи англійскаго Парламента. Описаніе ихъ потребовало бы слишкомъ много мѣста, и потому мы вынуждены ограничиться лишь общимъ замѣчаніемъ о той непреклонной энергіи, съ которою Парнелль, опираясь на тѣсно сплоченную группу своихъ товарищей, боролся противъ Палаты, враждебно къ нему настроенной. Гладстонъ вынужденъ былъ *шесть разъ* вносить предложеніе о неотложности проекта, для проведенія котораго пришлось прибѣгнуть къ самымъ крайнимъ мѣрамъ, включая сюда насильственное удаленіе изъ залы засѣданій сначала отдѣльныхъ членовъ ирландской партіи, а затѣмъ и всей ея, съ Парнеллемъ во главѣ. Въ концѣ февраля былъ обнародованъ первый принудительный актъ, а въ половинѣ марта правительству удалось провести и второй билль такого же характера (Arms bill).

Изданіе этихъ чрезвычайныхъ мѣръ вызвало въ Ирландіи еще бо́льшее недовольство и подготовило почву далеко не благопріятную для дѣятельности министерства

Гладстона, дальнѣйшимъ актомъ которой по отношенію къ Ирландіи было внесеніе новаго земельнаго билля, въ апрѣлѣ 1881 года.

VII.

Земельный актъ 1881 года. — Тактика Парнелля по отношенію къ этому акту. — Недовольство Гладстона; рѣзкія нападки его на Парнелля. — Гордый отвѣтъ Парнелля. — Его арестъ и заключеніе въ тюрьму.—Броженіе въ Ирландіи.—Перемѣна политики.—Освобожденіе Парнелля.—„Кильменгамскій договоръ"

Въ настоящей главѣ намъ предстоитъ обозрѣть событія, оказавшія рѣшительное вліяніе на положеніе ирландскаго вопроса,—событія, въ которыхъ особенно рельефно выступила мощная натура Парнелля, сумѣвшаго воспользоваться обстоятельствами, подчасъ крайне неблагопріятными, для того, чтобы обезпечить торжество той задачѣ, служеніе которой онъ поставилъ цѣлью своей жизни.

Читателямъ извѣстно, что вопросъ о новой реформѣ поземельнаго законодательства Ирландіи не входилъ въ программу гладстоновскаго министерства. Онъ выдвинутъ былъ на очередь исключительно благодаря непреклонной энергіи Парнелля и его товарищей, не упускавшихъ ни одного удобнаго случая для того, чтобы доказывать крайнюю настоятельность дальнѣйшихъ аграрныхъ реформъ. Въ концѣ-концовъ правительству пришлось сдѣлать уступку и пойти на-встрѣчу требованіямъ ирландскихъ патріотовъ, къ чему его побуждало и сознаніе необходимости сгладить впечатлѣніе принудительныхъ законовъ, вотированныхъ въ началѣ 1881 года.

Уступка была въ высшей степени знаменательной, такъ какъ внесенный въ Палату Общинъ 7-го апрѣля 1881 г. земельный билль построенъ былъ на очень широкихъ основаніяхъ. Представляя его Парламенту, Гладстонъ

произнесъ длинную и обстоятельную рѣчь, въ которой между прочимъ замѣтилъ, что въ подготовкѣ этого билля ему пришлось имѣть дѣло съ самымъ труднымъ и самымъ сложнымъ вопросомъ изъ всѣхъ, какими ему когда-либо приходилось заниматься въ теченіе его продолжительной политической дѣятельности. Въ основу проекта положены были тѣ требованія, которыя подъ терминомъ «трехъ F» [1]) давно уже составляли pia desiderata ирландскихъ дѣятелей. Главною задачею его было — обезпечить фермеровъ путемъ обязательнаго для лэндлордовъ регулированія размѣра арендной платы, опредѣленіе котораго ввѣрялось особымъ аграрнымъ судамъ, а также оградить фермеровъ отъ произвольныхъ изгнаній, принявшихъ въ послѣдніе годы характеръ повсемѣстнаго хроническаго явленія.

Со стороны консервативной оппозиціи билль Гладстона встрѣтилъ крайне рѣзкія нападки, заключавшія обвиненіе его въ коммунизмѣ, соціализмѣ и грабительствѣ по отношенію къ лэндлордамъ. Оппозиція ирландской партіи была также значительна, но она покоилась на стремленіи внести въ билль многія существенныя дополненія, изъ которыхъ кое-какія встрѣтили сочувствіе и среди либеральной партіи. Въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ длились дебаты по поводу этого билля, которому, послѣ принятія Палатою Общинъ, пришлось выдержать продолжительный искусъ передъ Верхнею Палатою. Члены этой послѣдней употребляли всѣ усилія, чтобы извратить благодѣтельный характеръ новой реформы; но Гладстонъ упорно отказывался согласиться на это и допустилъ только нѣкоторыя несущественныя поправки къ биллю. Наконецъ 23-го августа 1881 года онъ обратился въ законъ.

---

[1]) Fair rent, fixity of tenure и free sale—справедливые размѣры ренты, обезпеченное право пользованія землею и свободная продажа этого права.

Обнародованіе этого акта вызывало для Парнелля и его партіи необходимость опредѣлить дальнѣйшую тактику. Актъ этотъ вносилъ полезныя нововведенія, оспаривать значеніе которыхъ было немыслимо. Но, съ другой стороны, въ интересахъ осуществленія основныхъ цѣлей, для ирландской партіи было слишкомъ рискованно встрѣчать этотъ актъ съ распростертыми объятіями, обнаруживать полную удовлетворенность сдѣланной уступкой. И Парнелль дѣйствительно не нашелъ возможнымъ удовлетвориться этою побѣдою и далъ понять, что эта побѣда должна служить лишь поощреніемъ къ дальнѣйшей борьбѣ на пути къ побѣдамъ еще болѣе значительнымъ. Къ тому же Ирландія находилась подъ гнетомъ принудительныхъ мѣръ, которыми Форстеръ пользовался очень широко. На съѣздѣ ирландскихъ дѣятелей въ Дублинѣ Парнелль заявилъ, что изданіе новаго земельнаго акта не уничтожаетъ необходимости дальнѣйшихъ усилій со стороны земельной Лиги, что ей, напротивъ, необходимо зорко слѣдить за практическимъ примѣненіемъ акта, что кромѣ обезпеченія интересовъ фермеровъ нужно заботиться и объ улучшеніи положенія земледѣльческихъ рабочихъ.

Такое отношеніе со стороны Парнелля къ реформѣ 1881 г. раздражило Гладстона, который не преминулъ воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ для того, чтобы выразить свое негодованіе. 7-го октября на митингѣ въ Лидсѣ онъ произнесъ рѣчь, въ которой съ явнымъ пренебреженіемъ говорилъ о «кучкѣ людей въ средѣ Парламента, которую нельзя даже назвать партіей, такъ какъ они не имѣютъ права на это названіе». Вождя этой кучки, «депутата отъ Корка», раздраженный премьеръ прямо обвинялъ въ томъ, что онъ хочетъ затормозить примѣненіе благодѣтельнаго акта и готовъ проповѣдывать «новое евангеліе грабежа». Рѣчь заканчивалась выраженіемъ надежды на здравый смыслъ ирландскаго народа, который, «несмотря

на тираннію» Парнелля, сумѣетъ воспользоваться земельнымъ актомъ,—и прямою угрозою по адресу Парнелля въ случаѣ его упорства.

Въ этой рѣчи Парнелль увидѣлъ брошенную премьеромъ перчатку и не замедлилъ принять вызовъ. 9-го октября въ Вексфордѣ состоялся митингъ, участники котораго устроили Парнеллю восторженный пріемъ и энергически протестовали противъ того страннаго обвиненія въ тиранніи, которое высказано было противъ «некоронованнаго короля Ирландіи». Коснувшись рѣчи Гладстона, Парнелль сказалъ, что правительство сознаетъ необходимость поддержанія порядка въ Ирландіи, но у него нѣтъ «никакой нравственной силы сдѣлать это». «Нѣтъ,—воскликнулъ онъ,—у него нѣтъ ея въ Ирландіи: народъ ирландскій поголовно противъ нихъ. Угрозы со стороны правительства, конечно, очень смѣлы, но, мнѣ кажется, онѣ очень сильно напоминаютъ то посвистываніе, которымъ школьникъ, проходя ночью по кладбищу, старается подбодрить себя. Что касается меня, то я вѣрю въ будущее. Подобно тому какъ Гладстонъ актомъ 1881 г. заявилъ полное отреченіе отъ всѣхъ своихъ прежнихъ принциповъ, мы и впослѣдствіи увидимъ, какъ смѣлые возгласы этого премьера разлетятся, какъ пухъ, передъ единствомъ и рѣшительностью ирландскаго народа». На слѣдующій день на банкетѣ Парнелль имѣлъ случай высказать новое пророчество. «Мнѣ часто приходитъ на мысль,—сказалъ онъ,—что Ирландія еще не вполнѣ прошла черезъ тѣ потоки бѣдствій, которые ей нужно пройти прежде, чѣмъ достигнуть обѣтованной страны благополучія. Возможно, что намъ и впредь предстоятъ страданія; вѣроятно, что насъ ожидаетъ удвоенное притѣсненіе, еще болѣе жестокое, чѣмъ прежде».

Пророчество это сбылось очень скоро. 12-го октября въ Лондонѣ состоялось засѣданіе совѣта министровъ, и вече-

ромъ того же дня Форстеръ повезъ въ Ирландію приказъ объ арестѣ Парнелля. Утромъ 13-го октября 1881 года «некоронованный король Ирландіи» былъ арестованъ и заключенъ въ Кильменгамскую тюрьму въ Дублинѣ. Вечеромъ того же дня Гладстонъ, принимая титулъ почетнаго гражданина Лондона, заявилъ передъ многолюднымъ собраніемъ въ Гильдголлѣ, что Парнелль арестованъ.

Впечатлѣніе, произведенное внезапнымъ арестомъ Парнелля, было велико: въ Англіи большинство встрѣтило эту мѣру сочувственно, но въ Ирландіи она вызвала сильнѣйшее негодованіе, которое и выразилось въ рядѣ многолюдныхъ митинговъ и усиленіи взволнованнаго настроенія. Но этотъ арестъ былъ лишь первымъ актомъ репрессіи. Вслѣдъ за Парнеллемъ были арестованы и заключены въ различныя тюрьмы и многіе другіе видные члены ирландской партіи—Диллонъ, Секстонъ, О'Брайнъ, О'Келли и др. Отвѣтомъ на эти аресты было оглашеніе въ Дублинѣ знаменитаго манифеста «No—rent», которымъ населеніе приглашалось не платить ренты. Манифестъ этотъ не имѣлъ большихъ практическихъ послѣдствій въ виду неодобренія его вліятельнымъ католическимъ духовенствомъ, но правительство пожелало увидѣть въ немъ дерзкій вызовъ себѣ, на который и признало нужнымъ отвѣтить изданіемъ прокламаціи, объявлявшей земельную Лигу учрежденіемъ противозаконнымъ.

Мало-по-малу политика широкаго примѣненія принудительныхъ мѣръ приняла огромные размѣры. Въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ 1881 года и первой четверти 1882 года число арестовъ въ Ирландіи достигло 918, а тюремному заключенію подвергнуто было до 600 лицъ, въ томъ числѣ большинство членовъ парламентской партіи. Закрытіе Лиги вызвало къ существованію множество тайныхъ обществъ; по всей Ирландіи стали замѣчаться признаки опаснаго революціоннаго броженія. Обстоятельства показали, что не

правъ былъ Брайтъ, говоря въ началѣ 1881 года, что «принудительныя мѣры являются тиранніей только въ рукахъ тирановъ»: такими онѣ явились и въ рукахъ либераловъ, въ средѣ которыхъ уже съ начала 1882 года стало укореняться убѣжденіе не только въ безплодности, но и въ очевидномъ вредѣ репрессивной политики.

Къ чести Гладстона нужно сказать, что онъ не поколебался сознать свою ошибку, не упорствовалъ въ продолженіи разъ принятой политики, за которую такъ ратовалъ Форстеръ, и уже очень скоро далъ понять, что онъ намѣренъ оставить ее и обратиться къ иной системѣ. Еще въ февралѣ 1882 года многіе съ удивленіемъ усмотрѣли въ одной изъ рѣчей Гладстона весьма прозрачный намекъ на перемѣну воззрѣній его на гомруль, а черезъ нѣсколько времени онъ съ замѣтнымъ сочувствіемъ встрѣтилъ внесеніе Редмондомъ билля о недоимкахъ ирландскихъ фермеровъ, который былъ выработанъ Парнеллемъ въ тиши тюремнаго заключенія. Хотя Гладстонъ и уклонился отъ поддержки этого билля, однако заявилъ, что правительство въ скоромъ же времени предложитъ Парламенту подобный этому биллю проектъ урегулированія вопроса о недоимкахъ.

Заявленіе это было предвѣстникомъ еще болѣе важныхъ, еще болѣе неожиданныхъ уступокъ. Стали ходить слухи о томъ, что правительство намѣрено радикально измѣнить свою политику по отношенію къ Ирландіи, что въ кабинетѣ предстоятъ значительныя перемѣны и что въ непродолжительномъ времени произойдутъ многія «странныя вещи».

Уже въ теченіе марта 1882 г. правительство нашло нужнымъ увѣдомить заключенныхъ въ Кильменгамской тюрьмѣ, что они могутъ разсчитывать на освобожденіе подъ условіемъ, что они на время оставятъ страну и уѣдутъ хотя бы въ Парижъ, откуда впослѣдствіи могутъ вернуться,

когда пожелаютъ. Несмотря на неоднократное повтореніе этихъ предложеній, Парнелль и его товарищи упорно отклоняли ихъ, говоря, что они заключены противозаконно и потому имъ нѣтъ нужды соглашаться на какіе либо компромиссы. Въ началѣ апрѣля, ко всеобщему удивленію, разнеслась вѣсть, что Парнелль выпущенъ изъ тюрьмы. Освобожденіе это было однако временное: оно дано было Парнеллю подъ честнымъ словомъ для поѣздки въ Парижъ на похороны одного родственника. Ожиданія, что онъ уже не вернется въ тюрьму, оказались преждевременными: въ концѣ апрѣля Парнелль спокойно возвратился въ мѣсто своего заключенія. Но дни послѣдняго были сочтены; временное освобожденіе подъ честнымъ словомъ было преддверіемъ освобожденія полнаго и окончательнаго.

Въ первыхъ числахъ мая Гладстонъ въ Палатѣ Общинъ и Грэнвилль въ Палатѣ Лордовъ въ отвѣтъ на обращенные къ нимъ запросы заявили, что лордъ — намѣстникъ Ирландіи дѣйствительно подалъ въ отставку и на этотъ постъ назначенъ лордъ Спенсеръ и что правительство намѣрено освободить трехъ заключенныхъ въ Кильменгамѣ (Парнелля, Диллона и О'Келли) и заняться пересмотромъ участи остальныхъ арестованныхъ.

Заявленія эти произвели огромное впечатлѣніе какъ въ Англіи, такъ и въ Ирландіи. Послѣдствіемъ ихъ были неминуемая отставка Форстера и торжественное возвращеніе Парнелля съ товарищами въ залу засѣданій Палаты Общинъ. Какъ впослѣдствіи обнаружилось, освобожденію Парнелля предшествовали переговоры, которые велись съ нимъ отъ имени Гладстона и въ силу которыхъ между обѣими сторонами заключенъ былъ такъ называемый «Кильменгамскій договоръ». По этому договору Гладстонъ далъ обѣщаніе оставить репрессивную политику, а Парнелль обязался употребить свое вліяніе въ цѣляхъ умиротворенія Ирландіи.

Возвѣщеніе поворота въ правительственной политикѣ омрачилась драмой, разыгравшейся въ дублинскомъ Фениксъ—паркѣ. Неизвѣстные злоумышленники убили новаго статсъ-секретаря по дѣламъ Ирландіи, Кавендиша, и одного изъ служащихъ въ ирландскомъ управленіи, Борка. Убійство это было совершено 4-го мая 1882 г., черезъ два дня послѣ освобожденія Парнелля, на котораго вѣсть объ убійствѣ произвела самое удручающее впечатлѣніе. Вмѣстѣ съ Диллономъ и Дэвиттомъ онъ издалъ воззваніе къ населенію, въ которомъ выражалъ свое глубокое огорченіе по поводу этого прискорбнаго и позорнаго событія. Сильнѣйшее негодованіе выразилъ онъ въ Парламентѣ 8-го мая, заявивъ свое полное убѣжденіе въ томъ, что лица, совершившія убійство, не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ дѣломъ, за которое борются ирландцы.

Никому, конечно, и въ голову не приходило возлагать въ какой-либо мѣрѣ отвѣтственность за это убійство на ирландскую партію. Тѣмъ не менѣе, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, правительство вынуждено было внести новый принудительный билль (Prevention of Crime Bill), при обсужденіи котораго ирландская партія снова прибѣгла къ политикѣ обструкціонизма и въ концѣ-концовъ уклонилась отъ участія въ голосованіи по этому биллю. Несмотря на это, было однако ясно, что правительство не намѣрено отступать отъ новаго направленія въ своей политикѣ по отношенію къ Ирландіи. Это выразилось прежде всего въ проведеніи обѣщаннаго билля о недоимкахъ, при обсужденіи котораго Парнелль оказалъ кабинету Гладстона весьма существенную поддержку.

Дальнѣйшія сессіи гладстоновскаго Парламента не ознаменовались никакими особенно важными событіями по отношенію къ ирландскому вопросу, но съ теченіемъ времени, все болѣе и болѣе обнаруживалось, что либеральная партія намѣрена включить этотъ вопросъ въ

свою программу и поставить разрѣшеніе его на ближайшую очередь.

VIII.

Заключительный очеркъ.

Одинъ изъ видныхъ дѣятелей либеральной партіи, профессоръ Джемсъ Брайсъ (вступившій въ Парламентъ въ 1880 г.) чрезвычайно рельефно изобразилъ [1]) тотъ процессъ постепенной эволюціи, черезъ который прошла либеральная партія въ годы второго гладстоновскаго кабинета и который привелъ ее къ рѣшительной перемѣнѣ воззрѣній на ирландскій вопросъ и способы его разрѣшенія.

Процессъ этотъ развивался медленно подъ вліяніемъ событій, но каждая сессія Парламента 1880—1885 г.г. знаменовала нѣкоторый шагъ впередъ. Важнѣйшіе моменты указанной эволюціи проф. Брайсъ суммируетъ въ слѣдующихъ положеніяхъ.

1) Примѣненіе принудительныхъ биллей 1881 и 1882 г.г. обнаружило огромный вредъ, который влекутъ за собою подобныя мѣры, отчуждая умы ирландцевъ и развивая среди нихъ неуваженіе къ закону. Результаты акта 1881 г. научили англичанъ, что подавленіе открытаго движенія влечетъ за собой развитіе гораздо болѣе опаснаго тайнаго броженія, результаты же акта 1882 г. показали, что даже при такомъ умѣренномъ управленіи, какъ лорда Спенсера, репрессивная политика все-таки не вызываетъ перемѣны къ лучшему въ настроеніи народа.

---

[1]) Въ очеркѣ подъ заглавіемъ „Какъ мы сдѣлались гомрулерами“ („How we became Home Rulers“). См. Handbook of Home Rule. Lond. 1887, 2 edit., стр. 24—54.

2) Образъ дѣйствій Палаты Лордовъ въ 1880 и 1881 г.г. и то вредное вліяніе, какое она постоянно оказывала на реформы, предпринимавшіяся по отношенію къ Ирландіи, убѣдили насъ, что Британскій Парламентъ не въ состояніи оказать ей полную справедливость до тѣхъ поръ, пока Верхняя Палата будетъ сохранять теперешнее свое устройство.

3) Неудовлетворительность парламентской процедуры и и неудачныя попытки исправить ее показали, что парламентская работа не можетъ идти, пока значительная часть членовъ Палаты стремится тормозить ея дѣятельность. Для того, чтобы она могла выполнять свой долгъ по отношенію къ Англіи и Шотландіи, было, очевидно, необходимо или сдѣлать ирландскихъ членовъ столь же лояльными по отношенію къ Парламенту, каковы были англійскіе и шотландскіе члены его, или исключить ихъ вовсе изъ него.

4) Обсужденіе ирландскихъ биллей въ Палатѣ Общинъ показало, какъ мало англійскіе члены ея знаютъ объ Ирландіи, какъ различны ихъ компетентность и ихъ внутреннее отношеніе къ вопросамъ англійскимъ и вопросамъ ирландскимъ. Мы почуствовали,—говоритъ Брайсъ,—что мы законодательствуемъ ощупью для страны, экономическаго и соціальнаго положенія которой мы не понимаемъ,—страны, къ которой не слѣдуетъ примѣнять англійскихъ пріемовъ, которая и по своимъ стремленіямъ, и по своимъ чувствамъ совершенно чужда намъ. Опытъ убѣдилъ насъ, что теперешнія отношенія Британскаго Парламента къ Ирландіи неудовлетворительны и не могутъ продолжаться; что недовольство Ирландіи основательно; что дѣйствующая система, отчуждая отъ насъ Ирландію, можетъ привести не только къ отмѣнѣ уніи, но даже прямо къ полному отдѣленію; что наиболѣе простое средство предупредить возрастающія опасности заключается въ дарованіи Ирландіи самостоятельнаго Парламента.

Вотъ къ какимъ заключеніямъ пришла англійская либеральная партія въ результатѣ событій послѣднихъ десятилѣтій парламентской исторіи. И этими результатами она обязана была главнымъ образомъ дѣятельности Парнелля, подъ умѣлымъ руководительствомъ котораго ирландскій вопросъ предсталъ передъ Англіею во всемъ своемъ значеніи жгучаго вопроса, требующаго по возможности скораго и справедливаго рѣшенія въ интересахъ одинаково какъ Ирландіи, такъ и самой Англіи. Въ этомъ заключается главнѣйшая заслуга Парнелля, дающая ему право занять одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ исторіи современной Англіи. Окончательную санкцію дѣятельность его получила тогда, когда въ мартѣ 1886 года Гладстонъ внесъ свой знаменитый билль о дарованіи Ирландіи самостоятельнаго Парламента.

Многіе, конечно, хорошо еще помнятъ обстоятельства, сопровождавшія попытку Гладстона порѣшить вѣковой вопросъ объ отношеніяхъ между Англіей и Ирландіей путемъ осуществленія основныхъ требованій ирландскаго народа. Билль Гладстона былъ отвергнутъ, но за него однако высказалась весьма значительная часть Палаты (313 голосовъ противъ 343). Общіе выборы не дали Гладстону большинства, благодаря главнымъ образомъ отпаденію отъ него довольно значительной группы либераловъ—диссидентовъ; но ближайшее разсмотрѣніе результатовъ общихъ выборовъ 1886 г. показало, что на сторонѣ противниковъ гомруля для Ирландіи оказалось далеко не подавляющее большинство избирателей: за консерваторовъ и либераловъ—диссидентовъ подано было 1,420,000 голосовъ, за Гладстона—1,324,000 голосовъ. Такой результатъ былъ предзнаменованіемъ благопріятнымъ для либераловъ, что̀ и подтвердилось впослѣдствіи. Въ теченіе шести лѣтъ управленія уніонистскимъ кабинетомъ гладстоніанцы успѣшно вели пропаганду идей гомруля, и длинный рядъ частныхъ выбо-

ровъ, имѣвшихъ мѣсто въ 1886—1891 гг., наглядно показалъ, что эти идеи пріобрѣтаютъ среди избирателей все большее число адептовъ. Теперь [1]), почти наканунѣ будущихъ общихъ выборовъ, въ Англіи господствуетъ почти безусловная увѣренность въ скорой побѣдѣ либеральной партіи, естественными послѣдствіями которой будутъ возвращеніе власти въ руки Гладстона и новая попытка даровать Ирландіи политическую самостоятельность.

Но главнѣйшая заслуга покойнаго Парнелля передъ Ирландіей относится всецѣло къ вопросу, лежащему и всегда лежавшему въ корнѣ всѣхъ ирландскихъ затрудненій—*къ вопросу о земельной реформѣ*. Въ пониманіи первостепеннаго значенія этой стороны дѣла Парнелль стоялъ головой выше остальныхъ вождей ирландской парламентской партіи, и событія послѣднихъ лѣтъ показали, что онъ стоялъ въ этомъ отношеніи выше Гладстона. Основная мысль Парнелля заключалась въ томъ, что ирландскій вопросъ не можетъ быть рѣшенъ удовлетворительно до тѣхъ поръ, пока не рѣшенъ вопросъ о землѣ. Заслуга покойнаго вождя состояла въ осуществленіи этой безусловно справедливой мысли въ парламентской дѣятельности: Парнелль ставилъ земельную реформу на первомъ планѣ и не поступался ею ни передъ гомрулемъ, ни ради политическихъ отношеній. Когда при нынѣшнемъ министерствѣ Гладстонъ, руководимый интересами гомрулерской политики, выступилъ противъ законовъ о выкупѣ арендныхъ участковъ,—законовъ, принципъ которыхъ онъ самъ проводилъ раньше, Парнелль сталъ на сторону уніонистскаго кабинета и поддерживалъ его предложеніе. Этой разумной тактикѣ ирландскій народъ обязанъ всѣми существенными улучшеніями своего экономическаго положенія, и тѣ успѣхи, которые достигнуты въ

---

[1]) Въ 1891 году.

области земельной реформы въ Ирландіи въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, дѣлаютъ имя Парнелля достойнымъ занять почетное мѣсто въ исторіи.

Этимъ мы считаемъ возможнымъ закончить наши очерки, задачей которыхъ было выяснить важнѣйшія заслуги недавно умершаго дѣятеля.

ГЛАДСТОНЪ [1]).

Вильямъ Эвартъ Гладстонъ, съ именемъ котораго неразрывно связывается представленіе о руководителѣ либеральной партіи въ Англіи въ теченіе многихъ лѣтъ, началъ свою политическую дѣятельность въ рядахъ тори. Какимъ образомъ произошелъ переворотъ въ его убѣжденіяхъ, — вотъ центральный вопросъ его жизни, разъясненіе котораго поможетъ намъ уяснить многое и въ его характерѣ, и въ его дѣятельности.

Сынъ богатаго ливерпульскаго негоціанта, — человѣка весьма образованнаго и бывшаго между прочимъ членомъ Парламента,—Гладстонъ былъ поставленъ въ возможность получить хорошее воспитаніе, которое дало ему прекрасную подготовку къ дальнѣйшей его дѣятельности. Условія, окружавшія его дома, не могли, конечно, не оказать рѣшаю-

[1]) Этотъ очеркъ былъ написанъ въ 1889 году по поводу восьмидесятилѣтней годовщины рожденія Гладстона. Онъ печатается здѣсь безъ сколько-нибудь существенныхъ дополненій сравнительно съ тѣмъ, какъ онъ появился въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ отъ 17 декабря 1889 года). Посмертную характеристику Гладстона, по книгѣ Брайса, читатели найдутъ въ моей книгѣ—„Выдающіеся англійскіе дѣятели XIX-го вѣка“ (СПБ. 1904 г.).

щаго вліянія на образованіе взглядовъ и вкусовъ воспріимчиваго мальчика. Мать вселила въ него твердыя нравственныя начала, съ глубокимъ религіознымъ чувствомъ въ основѣ ихъ. Отецъ передалъ своему сыну живой интересъ къ общественнымъ вопросамъ, а вмѣстѣ съ нимъ и присущую ему консервативную точку зрѣнія на эти вопросы: Вильяму не было еще двѣнадцати лѣтъ, когда отецъ въ бесѣдахъ съ нимъ знакомилъ его съ различными политическими злобами дня. Джонъ Гладстонъ былъ въ то время въ дружескихъ отношеніяхъ съ Каннингомъ, политическія идеи котораго оказали большое вліяніе ни молодого Гладстона частью черезъ отца, частью непосредственно.

Итонская школа, а затѣмъ и Оксфордскій университетъ, являясь образовательными центрами консервативнаго направленія, еще болѣе способствовали тому, что Гладстонъ вступилъ въ жизнь сторонникомъ именно этого направленія. Вспоминая объ Оксфордѣ много лѣтъ спустя, онъ говорилъ: «Въ мое время воспитанію, которое давалъ Оксфордскій университетъ, присущъ былъ одинъ важный недостатокъ. Можетъ быть я и самъ нѣсколько виноватъ въ этомъ, но я долженъ сознаться, что не вынесъ изъ Оксфорда того, что пріобрѣлъ лишь впослѣдствіи—умѣнія цѣнить вѣчные и драгоцѣнные принципы человѣческой свободы. Въ академической средѣ слишкомъ преобладало какое-то подозрительное отношеніе къ свободѣ и нерѣдко практиковался элементъ страха».

Но если въ отношеніи политическаго воспитанія Итонъ и Оксфордъ не поставили Гладстона на правильный путь, то, съ другой стороны, въ умственномъ отношеніи онъ взялъ отъ нихъ все, что было нужно: упорный трудъ помогъ ему развить свой умъ, расширить кругозоръ и получить живой интересъ къ литературѣ, особенно классической древности. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ дебатахъ итонскаго общества товарищей (подъ названіемъ

The Literati) и въ изданіи «Eton Miscellany», періодическаго сборника произведеній учениковъ, былъ энергическимъ редакторомъ его и наиболѣе усерднымъ поставщикомъ для него матерьяла, въ видѣ статей, переводовъ и даже стихотвореній сатирическихъ и юмористическихъ. Въ Оксфордѣ Гладстонъ былъ основателемъ и предсѣдателемъ литературнаго кружка (называвшагося его иниціалами—WEG), въ которомъ между прочимъ прочелъ подробный этюдъ о вѣрѣ Сократа въ безсмертіе; принималъ также живое участіе въ занятіяхъ другого общества «Union», гдѣ произнесъ горячую рѣчь противъ билля о парламентской реформѣ—рѣчь, которую онъ самъ впослѣдствіи назывелъ «ошибкой молодости». Его товарищи уже тогда ожидали отъ него выдающейся политической дѣятельности.

По выходѣ изъ Оксфордскаго университета (въ 1831 г.) Гладстонъ намѣревался посвятить себя духовной карьерѣ, но отецъ его воспротивился этому. Прежде чѣмъ рѣшить вопросъ о выборѣ профессіи, онъ предпринялъ путешествіе на континентъ и полгода провелъ въ Италіи. Здѣсь онъ получилъ отъ герцога Ньюкестльскаго (сынъ котораго, лордъ Линкольнъ, близко сошелся съ Гладстономъ въ Итонѣ и Оксфордѣ) предложеніе выступить кандидатомъ торійской партіи отъ Ньюарка, представителемъ котораго онъ и былъ избранъ въ концѣ 1832 г. Своими рѣчами и образомъ дѣйствій во время избирательной борьбы (у него было два опасныхъ соперника) Гладстонъ произвелъ сильное впечатлѣніе, вызвавшее у одного консервативнаго журналиста слѣдующія пророческія слова: «Это—молодой человѣкъ прекрасно воспитанный и замѣчательно талантливый, и я, безъ всякаго преувеличенія, готовъ предсказать, что когда-нибудь онъ станетъ однимъ изъ наиболѣе выдающихся государственныхъ людей Англіи». Предсказаніе исполнилось, но не совсѣмъ въ томъ духѣ, въ какомъ оно было сдѣлано: наиболѣе выдающимся государственнымъ дѣяте-

лемъ Гладстонъ явился, уже находясь въ рядахъ либеральной партіи.

Окончательный разрывъ Гладстона съ торійскою партіею совершился въ парламентскую сессію 1851—1852 года, но подготовлялся онъ постепенно и въ теченіе весьма продолжительнаго періода времени. По его собственнымъ словамъ, отъ тѣхъ, съ кѣмъ онъ прежде дѣйствовалъ, онъ «былъ оторванъ не какимъ-либо произвольнымъ актомъ, а медленною и неотразимою работою внутренняго убѣжденія».

Въ литературѣ о Гладстонѣ можно встрѣтить, между прочимъ, мнѣніе, что въ сущности онъ среди своихъ товарищей всегда занималъ положеніе вполнѣ независимое и собственно не принадлежалъ ни къ какой партіи. Если отъ этого утвержденія отнять его категоричность, то оно не будетъ далекимъ отъ истины. Вѣдь Гладстонъ самъ весьма опредѣленно высказалъ однажды, что партіи сами по себѣ вовсе не составляютъ блага, что партійная организація хороша, незамѣнима лишь какъ дѣйствительное средство, прекрасное орудіе къ достиженію той или другой высокой цѣли. И онъ, дѣйствительно, никогда не чувствовалъ себя скованнымъ рамками партійной организаціи настолько, чтобы интересы партійной цѣлости могли удержать его отъ проведенія той идеи, которая идетъ въ разрѣзъ съ этими интересами, но которую онъ считаетъ истиной. Его обширный умъ и высокіе нравственные принципы не позволяютъ ему держаться въ узкихъ рамкахъ подчиненнаго отношенія къ данной организаціи.

Въ продолжительной дѣятельности Гладстона можно отмѣтить рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, какъ велико у него стремленіе къ самостоятельности, нежеланіе становиться въ зависимость отъ шаблонныхъ пунктовъ строго опредѣленной программы. Еще будучи въ рядахъ тори, онъ въ значительной степени отступилъ отъ тѣхъ консервативныхъ взглядовъ на отношенія между государ-

ствомъ и церковью, которые онъ съ такимъ талантомъ изложилъ въ своей извѣстной монографіи по этому вопросу, а въ 1869 году его усиліями проведена радикальная реформа по отношенію къ господствовавшему исповѣданію въ Ирландіи. Принадлежность къ торійской партіи не помѣшала ему примкнуть къ Роберту Пилю въ дѣлѣ отмѣны хлѣбныхъ законовъ (въ 1846 г.), наносившей рѣшительный ударъ основнымъ принципамъ и пунктамъ торійской программы. Та же рѣшительность въ признаніи ошибочности своихъ взглядовъ, независимо отъ партійныхъ соображеній, сказалась и въ позднѣйшемъ періодѣ политической дѣятельности Гладстона, а именно по отношенію къ ирландской политикѣ: опасеніе раскола въ средѣ либеральной партіи не остановило его перейти въ ряды сторонниковъ гомруля для Ирландіи.

Рядомъ съ этою независимостью Гладстона по отношенію къ вопросамъ партійной организаціи необходимо отмѣтить другую важную черту его политическаго міросозерцанія, намекъ на которую находимъ уже въ первой рѣчи, произнесенной имъ передъ избирателями 9-го октября 1832 года: это—твердое убѣжденіе, что въ основѣ политическихъ мѣропріятій должны прежде всего лежать «здравые общіе принципы». Особенныя свойства его выдающагося ума и прежде всего ясность и логичность мышленія развили въ немъ эту характерную черту, рано проявившуюся и никогда его не покидавшую. Въ теченіе всей своей дѣятельности онъ постоянно отыскивалъ и находилъ принципіальный базисъ для взглядовъ и мѣропріятій каждаго даннаго момента. Консерватизмъ Роберта Пиля, радикально измѣнившаго свое отношеніе къ вопросу о свободной торговлѣ, представлялъ собою консерватизмъ практической цѣлесообразности: онъ не опирался на какое-либо принципіальное основаніе. Гладстону нужно было найти это основаніе, уяснить себѣ тѣ начала, которыя должны быть положены

въ основу здравой политики, направленной къ осуществленію государственныхъ задачъ и удовлетворенію потребностей, выдвигаемыхъ жизнью.

Въ ближайшемъ знакомствѣ съ самой жизнью, постепенномъ усвоеніи и изученіи ея потребностей, въ связи съ отмѣченными свойствами его ума, — вотъ гдѣ слѣдуетъ искать объясненія, совершившагося въ Гладстонѣ переворота. Чѣмъ болѣе расширялся кругъ явленій, доступныхъ его наблюденію, сначала въ качествѣ члена Парламента, а затѣмъ и члена различныхъ министерствъ, чѣмъ ближе и ближе приходилось ему знакомиться съ дѣйствительностью,—тѣмъ все яснѣе выступало передъ нимъ демократическое движеніе, тѣмъ все убѣдительнѣе становились для него законныя требованія этого движенія.

Гладстонъ вступилъ на поприще политической дѣятельности въ концѣ 1832 года, т.-е. того года, когда только-что была проведена первая парламентская реформа и когда въ политической жизни Англіи еще не могли сказаться великія послѣдствія этой реформы. До этого времени политическій строй ея представлялъ собою какъ бы олигархію, такъ какъ преобладающая роль въ законодательствѣ и управленіи почти всецѣло принадлежала высшимъ классамъ родовой аристократіи. Не говоря уже о Палатѣ Лордовъ, даже Палата Общинъ являлась носительницею интересовъ высшихъ сословій, такъ какъ члены ея въ большинствѣ избирались подъ ихъ вліяніемъ. Реформа 1832 г., устранившая различныя ненормальности въ избирательной системѣ, понизившая цензъ и надѣлившая правомъ голоса представителей среднихъ классовъ, кореннымъ образомъ измѣнила составъ и характеръ Палаты Общинъ. Вліяніе аристократіи если не исчезло совершенно, то уже не чувствовалось такъ сильно, какъ прежде. Палата сдѣлалась болѣе вѣрною представительницею и выразительницею политическихъ интересовъ и идеаловъ націи. Въ своей поли-

тикѣ реформированный Парламентъ сталъ болѣе либеральнымъ и прогрессивнымъ, болѣе активнымъ и воспріимчивымъ къ вліянію общественнаго мнѣнія, болѣе чуткимъ ко многимъ вопросамъ, которые прежде не могли даже возникать. На первый планъ выступили именно вопросы, связанные съ интересами низшихъ слоевъ населенія; предпринятъ былъ рядъ мѣропріятій съ цѣлью поднятія матеріальнаго и нравственнаго уровня ихъ,—явилось фабричное законодательство съ цѣлью огражденія интересовъ женщинъ и дѣтей, приняты мѣры къ развитію народнаго образованія, отмѣнено рабство въ тѣхъ британскихъ владѣніяхъ, гдѣ оно еще существовало, явилось впервые санитарное законодательство, произведена отмѣна хлѣбныхъ законовъ, столь вредно отражавшихся на положеніи бѣднѣйшихъ классовъ населенія, и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ странѣ шла усиленная агитація въ пользу новаго расширенія избирательныхъ правъ; развивалось кооперативное движеніе, поднимался умственный уровень населенія подъ вліяніемъ прессы, получившей огромное значеніе въ качествѣ вѣрной выразительницы желаній и стремленій общественнаго мнѣнія.

Таковы тѣ проявленія совершенно новаго, дотолѣ неизвѣстнаго англійской исторіи теченія, которыя не могли не поразить пытливаго, вѣчно работающаго ума. Въ немъ не могло не зародиться сомнѣніе въ справедливости, истинности тѣхъ взглядовъ и убѣжденій, которыхъ продолжала держаться консервативная партія въ своемъ противодѣйствіи новому теченію. Присущее Гладстону стремленіе отыскать принципіальную основу всякаго общественнаго движенія, въ связи съ наличностью его гуманнаго міросозерцанія, высоко-честныхъ взглядовъ на жизнь и крайне требовательнаго отношенія къ себѣ, не могло не привести его къ вѣрному отвѣту на вопросъ, гдѣ правда, гдѣ истина, гдѣ справедливость. Въ результатѣ продолжительной внут-

ренней работы надъ уясненіемъ и разрѣшеніемъ возникавшихъ сомнѣній явился окончательный переходъ его въ ряды либеральной партіи.

Этотъ переходъ не разъ вызывалъ со стороны противниковъ Гладстона язвительныя замѣчанія о перемѣнѣ убѣжденій, и по этому поводу интересно отмѣтить заявленіе, сдѣланное Гладстономъ въ одной изъ рѣчей его. Вотъ оно. «Обо мнѣ говорятъ,—сказалъ онъ,—что со времени моей молодости я измѣнилъ всѣ мои политическія убѣжденія. На это я отвѣчу—нѣтъ, это неправда; не всѣ политическія убѣжденія измѣнилъ я. Я вступилъ въ политическую жизнь съ чувствомъ глубокаго почтенія къ старинѣ. Но я до сихъ поръ питаю къ ней глубокое почтеніе. Я не люблю, даже болѣе—ненавижу легкомысленныя перемѣны, и желаю, чтобы отъ людей, предлагающихъ какую-нибудь перемѣну, требовалось доказательство разумности ея. Но, господа, одна глубокая перемѣна дѣйствительно произошла во мнѣ. Воспитаніе мое не подготовило меня къ тому, чтобы познавать цѣну свободы,—и я впослѣдствіи самъ научился цѣнить свободу. Это великая перемѣна. Я позналъ, что хотя свободою, какъ и всѣми благами Провидѣнія, можно злоупотреблять, однако безъ свободы нѣтъ на землѣ ничего здороваго, нѣтъ ничего устойчиваго, безъ свободы—нѣтъ движенія впередъ»....

Въ 1865 г. умеръ лордъ Пальмерстонъ, въ кабинетѣ котораго Гладстонъ занималъ постъ министра финансовъ. Главою кабинета явился графъ Россель; Гладстонъ же, сохраняя свое министерское положеніе, явился впервые лидеромъ либеральной партіи въ Палатѣ Общинъ. На его долю вскорѣ же выпало быть проводникомъ новой парламентской реформы, которую такъ настоятельно требовало общественное мнѣніе. Эта мѣра, долженствовавшая надѣлить правомъ голоса два милліона рабочихъ классовъ, вызвала сильную оппозицію консервативной партіи, подъ ру-

ководствомъ Дизраэля, обратно съ Гладстономъ и далеко не по одинаковымъ мотивамъ перешедшаго изъ радикаловъ въ ряды торіевъ. Рѣчи Гладстона, во время этихъ дебатовъ, представляютъ собою истинные образцы краснорѣчія и свидѣтельствуютъ о томъ, какъ вѣрно понималъ и выражалъ онъ требованія времени. «Вы не можете бороться съ будущимъ,—патетически говорилъ онъ, обращаясь къ оппозиціи,—время на нашей сторонѣ. Великія общественныя силы, которыя могущественно надвигаются впередъ во всемъ своемъ величіи и которыхъ ни на минуту не задержитъ и не остановитъ шумъ нашихъ дебатовъ,—эти великія общественныя силы противъ васъ»... Побѣда осталась на сторонѣ опозиціи, но лишь повидимому, такъ какъ въ слѣдующемъ 1867 году парламентская реформа была проведена кабинетомъ того самаго Дизраэли, который находилъ нужнымъ тормозить ея проведеніе въ министерство лорда Росселя.

Съ эпохи агитаціи въ пользу этой реформы вліяніе Гладстона продолжало рости все болѣе и болѣе. Онъ сдѣлался кумиромъ огромной доли населенія. За нимъ даже многіе изъ политическихъ враговъ его не могли не признать исключительной способности руководить общественнымъ движеніемъ, великаго искусства вліять на массы, умѣнія сплотить ихъ во-едино. Секретъ этого искусства слѣдуетъ искать все въ той же основной чертѣ характера Гладстона, а именно—стремленіи свести каждое возникающее движеніе къ принципіальнымъ его основамъ. Благодаря свойственной ему чуткости и прозорливости, ему не разъ удавалось подслушать какое-нибудь неопредѣлившееся желаніе народа, и изъ неяснаго, безформеннаго, оно, подъ вліяніемъ его геніальнаго истолкованія, облекалось въ опредѣленную форму и получало жизненность, необходимую для его осуществленія. Чѣмъ, напр., объяснить блестящую избирательную кампанію 1880 года, въ результатѣ которой

явилось пораженіе Биконсфильда, казавшагося столь сильнымъ? Ничѣмъ инымъ, какъ тѣмъ, что Гладстонъ прекрасно подмѣтилъ зарождавшееся среди населенія недовольство воинственной политикою консервативнаго кабинета: за нимъ пошли массы, когда онъ въ рядѣ замѣчательныхъ рѣчей показалъ, какъ несправедлива, какъ опасна для самыхъ жгучихъ политическихъ и общественныхъ интересовъ страны аггресивная политика Биконсфильда, его безнравственная игра на стремленіяхъ къ славѣ, величію международнаго значенія Англіи.

Мы упомянули о международномъ значеніи Англіи. Отношеніе Гладстона къ этому предмету чрезвычайно характерно для уясненія его личности. Его иностранная политика въ тѣ періоды, когда онъ являлся первымъ министромъ, вызывала особенно сильныя нареканія со стороны его политическихъ противниковъ и въ 1885 году, напримѣръ, послужила ближайшею причиною паденія его кабинета. И эта политика, дѣйствительно, составляетъ ахиллесову пяту «великаго старика». Въ этой области онъ всего болѣе уязвимъ, но лишь потому, что онъ не склоненъ придавать международнымъ вопросамъ первостепенное значеніе и имѣетъ на нихъ взгляды, слишкомъ рѣзко отличающіеся отъ той точки зрѣнія, которая преобладаетъ въ наши дни въ европейскихъ государствахъ. Въ политической дѣятельности Гладстона вопросы иностранной политики постоянно стушевывались передъ настойчивыми запросами внутренняго культурнаго развитія страны. По кореннымъ своимъ убѣжденіямъ онъ—врагъ войны и всякаго насилія, проявленіями котораго такъ богата область международной политики. Тогда какъ заслуги Биконсфильда передъ Англіей сводятся, главнымъ образомъ, къ ряду ловкихъ дипломатическихъ шаговъ и сдѣлокъ, перечень великихъ дѣяній Гладстона на пользу его отечества обнимаетъ лишь вопросы внутренней жизни Англіи: реформы парламентской

организаціи, созданіе системы народнаго образованія, введеніе тайной подачи голосовъ, мѣры противъ подкуповъ на парламентскихъ выборахъ, рядъ полезныхъ мѣропріятій въ области финансовъ, отмѣна налога на бумагу, столь сильно содѣйствовавшая развитію прессы, а слѣдовательно и просвѣщенія, рядъ поземельныхъ законовъ для Ирландіи—вотъ его заслуги, вотъ въ чемъ право Гладстона на признательность его соотечественниковъ. Къ перечню этому можно, однако, прибавить одно мѣропріятіе международнаго характера—установленіе торговаго трактата съ Франціею (въ 1860 г.); но вѣдь и эта мѣра вызвана прежде всего потребностями внутренняго развитія.

Отношеніе Гладстона къ иностранной политикѣ и задачамъ, которыя должны преслѣдовать ея руководители, слишкомъ идеалистично для нашего времени, когда нѣкоторые изъ этихъ руководителей безъ краски на лицѣ рѣшаются чуть ли не открыто проповѣдывать режимъ «крови и желѣза». Весьма характерно то опредѣленіе роли министра иностранныхъ дѣлъ, которое было сдѣлано Гладстономъ еще въ 1850 г. въ дебатахъ съ лордомъ Пальмерстономъ по греческимъ дѣламъ. Задача его—«охраненіе мира, а одною изъ первыхъ обязанностей его должно быть строгое примѣненіе того кодекса великихъ принциповъ, который является драгоцѣннымъ завѣщаніемъ, оставленнымъ намъ прежними поколѣніями великихъ и благородныхъ умовъ и который образуетъ собою фундаментъ, на которомъ мы должны воздвигнуть свои посильныя пріобрѣтенія, если мы дѣйствительно стремимся къ установленію братскихъ отношеній между народами, упроченію общаго мира и благополучія». Эту рѣчь онъ закончилъ горячимъ приглашеніемъ признать равноправность въ отношеніяхъ между сильными и слабыми государствами, утвердить между ними братскія начала; не покушаться на священную независимость малень-

кихъ государствъ и вообще отказаться отъ политики вмѣшательства въ дѣла другого государства.

Въ своей политической дѣятельности Гладстонъ, однако, не одинъ разъ касался интересовъ другихъ государствъ, вмѣшивался въ чужія дѣла; но это вмѣшательство пріобрѣтаетъ у него своеобразную форму, особенность которой опредѣлялась все тѣми же присущими ему идеалами справедливости, гуманности, человѣколюбія. Зиму 1850—1851 года Гладстонъ провелъ въ Неаполѣ. Поѣздка туда, предпринятая по чисто личнымъ, домашнимъ соображеніямъ, получила однако характеръ событія великой важности. Въ то время неаполитанское правительство, повинуясь велѣніямъ короля Фердинанда II, за свою лютость прозваннаго «Бомбою», производило жестокую расправу надъ тѣми гражданами, которые принимали участіе въ революціонномъ движеніи противъ невыносимаго режима: до двадцати тысячъ человѣкъ, безъ слѣдствія и суда, были подвергнуты заключенію въ мрачныхъ тюрьмахъ, въ которыхъ условія существованія были настолько ужасны, что даже офиціальные врачи не рѣшались входить въ нихъ изъ боязни зараженія. Гладстонъ не могъ остаться равнодушнымъ къ тому, что̀ ему пришлось услышать. Онъ тщательно изучилъ положеніе дѣлъ въ Неаполѣ: ужасомъ и негодованіемъ преисполнился онъ при ближайшемъ знакомствѣ съ проявленіями грубаго варварства. Въ формѣ «Писемъ къ графу Абердину» онъ огласилъ подробности всѣхъ тѣхъ ужасовъ, какіе ему пришлось узнать и увидѣть. «Мѣры неаполитанскаго правительства по отношенію къ дѣйствительнымъ или предполагаемымъ преступникамъ,—писалъ онъ между прочимъ,—являются поруганіемъ религіи, цивилизаціи, человѣчества... Въ конечномъ результатѣ своемъ дѣйствія его представляютъ собою полное извращеніе всякихъ нравственныхъ и общественныхъ понятій. Законъ, вмѣсто уваженія, возбуждаетъ ненависть къ себѣ. Опорою правитель-

ства является сила, а не преданность со стороны населенія... Это—поистинѣ отрицаніе Бога, возведенное въ систему управленія». Письма Гладстона произвели колоссальное впечатлѣніе по всей Европѣ и оказали огромное вліяніе на дальнѣйшія событія въ Италіи—ея объединеніе и созданіе свободныхъ формъ политической жизни.

Подъ вліяніемъ тѣхъ же идеаловъ справедливости и человѣколюбія Гладстонъ поднялъ свой голосъ негодованія по поводу обнаружившихся въ 1876 году ужасовъ турецкаго владычества въ Болгаріи. Многимъ памятно то впечатлѣніе, какое произвели его брошюра «Болгарскіе ужасы и восточный вопросъ» и рядъ рѣчей, произнесенныхъ имъ съ цѣлью показать странѣ, какое рѣзкое отступленіе отъ священнаго долга передъ цивилизаціей представляетъ собою политика Дизраэли, покровительствовавшаго Турціи. Еще болѣе памятна всѣмъ недавняя его статья подъ псевдонимомъ *Outidanos*, навѣянная все тѣми же идеалами миролюбивыхъ отношеній между народами, указывающая все тѣ же задачи культурнаго развитія на началахъ справедливости, добра и гуманности.

Названныя произведенія Гладстона всѣмъ извѣстны, но многіе, вѣроятно, не имѣютъ надлежащаго представленія о литературной дѣятельности его вообще. А между тѣмъ она настолько замѣчательна, что если бы Гладстонъ не увѣковѣчилъ себя во всемірной исторіи своими политическими заслугами, то ему во всякомъ случаѣ было бы удѣлено весьма выдающееся мѣсто въ ряду пасателей современной Англіи.

Въ самомъ юномъ возрастѣ проявилась у него страсть къ литературѣ: еще въ Итонской школѣ Гладстонъ написалъ рядъ статей и очерковъ для двухтомнаго сборника *Eton Miscellany*. Въ началѣ же своей общественной дѣятельности, онъ, будучи уже членомъ Палаты Общинъ, издалъ въ 1838 году монографію объ отношеніяхъ

между государствомъ и церковью (*The State in its Relation with the Church*). Сочиненіе это обратило на себя вниманіе, выдержало вскорѣ второе изданіе и послужило предметомъ извѣстнаго этюда Маколея, который, расходясь во взглядахъ съ молодымъ дѣятелемъ, являвшимся въ то время «надеждою суровыхъ и непреклонныхъ торіевъ», отдавалъ, однако, должное силѣ его ума и таланта.

Вопросы объ отношеніи между государствомъ и церковью и впослѣдствіи привлекали къ себѣ вниманіе Гладстона, существенно измѣнившаго свои взгляды на нихъ. Его перу принадлежитъ рядъ этюдовъ богословскаго характера, по философіи религіи. Но особенно излюбленнымъ предметомъ литературныхъ занятій являлись для Гладстона поэты-классики и болѣе всего Гомеръ и Данте. Въ «Гомерологіи»,—любимый терминъ самого Гладстона,—работы его по изученію великаго поэта древней Греціи были замѣчены спеціалистами и внесли много новаго въ пониманіе его поэзіи и общее освѣщеніе древне-класической эпохи. Данте, по собственному сознанію Гладстона, имѣлъ на него вліяніе болѣе значительное, чѣмъ какой-либо другой писатель. И дѣйствительно, изученіе Данте могло лишь укрѣпить и развить въ немъ ту любовь къ справедливости, то негодующее отношеніе къ тираніи, наконецъ, ту горячую любовь къ свободѣ, которыя являются столь характерными чертами «великаго старика».

Предметы, которые привлекали къ себѣ вниманіе Гладстона въ его литературныхъ занятіяхъ, настолько разнообразны, что одинъ перечень ихъ могъ бы занять цѣлый столбецъ. Вопросы философскіе, богословскіе, историческіе, конституціонные, явленія текущей литературы, не говоря уже о политическихъ злобахъ дня—вотъ та обширная область, къ которой относятся литературныя произведенія Гладстона. О размѣрахъ и количествѣ ихъ можно судить уже по тому, что для ихъ отдѣльнаго изданія въ 1879 г.

понадобилось семь томовъ сборника подъ заглавіемъ *Gleanings of Past Years*. Съ тѣхъ поръ Гладстонъ напечаталъ рядъ новыхъ журнальныхъ статей по самымъ разнообразнымъ вопросамъ, начиная отъ общихъ философскихъ этюдовъ по поводу извѣстной полемики его съ проф. Гекели по вопросу объ отношеніяхъ между наукою и религіею и кончая серіею замѣчательныхъ статей по ирландскому вопросу.

Въ общемъ литературная дѣятельность Гладстона свидѣтельствуетъ объ удивительной разносторонности всеобъемлющаго ума, о живомъ интересѣ, какой возбуждаютъ въ немъ самыя разнообразныя проявленія культурной жизни человѣчества въ ея прошломъ и настоящемъ. Пресса, съ другой стороны, являлась для Гладстона дополнительною каѳедрою, которая еще болѣе расширяла и безъ того неимовѣрное вліяніе его, давая ему возможность разъяснять текущіе вопросы, политическіе и соціальные, новыми аргументами и новымъ освѣщеніемъ, какое не всегда могло быть дано имъ съ каѳедры оратора. Въ этомъ отношеніи особенно кипучую дѣятельность проявилъ Гладстонъ въ послѣдніе годы, съ тѣхъ поръ какъ вопросъ объ ирландскомъ самоуправленіи сдѣлался центральнымъ пунктомъ его программы...

Тѣсныя рамки газетной статьи не позволили намъ дать полный обзоръ жизни и дѣятельности Гладстона. Но не такова была и задача этого очерка: принимаясь за него, мы имѣли въ виду оттѣнить лишь наиболѣе крупныя черты личности и слишкомъ полувѣковой дѣятельности величайшаго государственнаго дѣятеля современной Англіи.

ВЕРХНЯЯ ПАЛАТА

ВО ФРАНЦІИ

Съ конца XVIII вѣка Франціи пришлось вынести рядъ политическихъ революцій, пережить послѣдовательную смѣну нѣсколькихъ режимовъ, испытать самыя разнообразныя условія политической жизни. По мѣрѣ того, какъ республику смѣняла имперія, имперію—конституціонная монархія, за которою слѣдовалъ снова республиканскій режимъ, уступившій свое мѣсто новой имперіи, пока, наконецъ, не водворился современный республиканскій строй,—вся политическая система подвергалась сильнымъ потрясеніямъ, въ результатѣ которыхъ являлись болѣе или менѣе существенныя измѣненія въ самыхъ коренныхъ условіяхъ политической жизни. Понятенъ отсюда тотъ глубокій интересъ, какой имѣетъ изученіе этихъ условій и цѣлаго ряда измѣненій въ нихъ. Исторія Франціи XIX вѣка представляетъ собою неисчерпаемый запасъ драгоцѣнныхъ фактовъ для освѣщенія и выясненія различныхъ вопросовъ изъ области политики.

Въ предлагаемомъ очеркѣ мы имѣемъ въ виду сгруппировать основные факты исторіи одного изъ существеннѣйшихъ элементовъ политическаго строя. Авторъ пола-

гаетъ, что не лишеннымъ интереса можетъ явиться очеркъ исторіи Верхней Палаты въ тѣхъ различныхъ формахъ, какія она принимала во Франціи въ длинномъ рядѣ слѣдовавшихъ одна за другою конституцій, начиная съ 1791 года и кончая нынѣ дѣйствующею конституціею.

I.

Конституція 3 сентября 1791 года прежде всего—созданіе революціи, разорвавшей всякую связь со старымъ порядкомъ, и, само собою разумѣется, носитъ на себѣ яркіе слѣды общественнаго настроенія того времени. Когда дѣятели революціи стали лицомъ къ лицу передъ великою задачею—на мѣсто стараго порядка создать новый, то въ средѣ ихъ обозначилось нѣсколько направленій, которыя можно свести къ двумъ главнымъ группамъ. Представители одной исходили отъ нѣсколькихъ отвлеченныхъ положеній, которыя и проводили со строгою логическою послѣдовательностью въ своей борьбѣ съ ненавистнымъ имъ старымъ порядкомъ. Уйдя въ область этихъ отвлеченныхъ идей, они забыли, съ кѣмъ имъ приходилось имѣть дѣло, забыли, что люди ихъ времени все же продуктъ этого стараго порядка, и забывъ это, они слишкомъ далеко ушли отъ практической почвы, увлекшись задачею создать идеальный общественный строй. Представители другой группы, напротивъ, стояли на болѣе практической почвѣ. Являясь не менѣе первыхъ горячими приверженцами свободы, они стремились главнымъ образомъ къ обезпеченію этой свободы и въ виду достиженія этой цѣли не пренебрегали опытами прошлаго и примѣрами другихъ странъ. «Конституція», говорили они, «не есть дѣло чисто логическое или механическое; законодатель долженъ справляться и съ опытомъ».

Представители перваго направленія, разрушая старый строй и созидая на его развалинахъ новый, на началахъ

освободительной философіи XVIII вѣка, не хотѣли никакихъ компромисовъ, не принимали ничего, что хотя сколько-нибудь напоминало старый порядокъ. Болѣе отвѣчая настроенію возбужденныхъ умовъ, это направленіе нашло себѣ болѣе приверженцевъ въ средѣ членовъ Учредительнаго Собранія. При такомъ настроеніи большинства собранія верхняя палата, возбуждая въ умѣ каждаго представленіе объ аристократіи, дворянствѣ, очевидно, не могла быть принята: всѣ и каждый были проникнуты одною мыслью—разрушить все, что хотя бы сколько нибудь напоминало собою *ancien regime*.

Развитіе вопроса о двупалатной системѣ въ эпоху составленія первой конституціи представляется въ слѣдующемъ видѣ.

14 іюля 1789 года, въ день взятія Бастиліи, былъ составленъ комитетъ (изъ 8 лицъ) для изготовленія конституціи. Прежде всего комитетъ занялся выработкой общихъ основаній будущаго строя, которыя и вошли въ знаменитую «Декларацію правъ человѣка и гражданина». Затѣмъ комитетъ приступилъ къ организаціи законодательной власти. Наиболѣе талантливыми защитниками двупалатной системы выступили Мунье и Лалли-Толандаль.

«Достаточно ли одного собранія или нужно ихъ два?» говорилъ Лалли-Толландаль [1]). «Несомнѣнно, что для настоящаго времени одна палата предпочтительнѣе и даже необходима. Но настоящія обстоятельства временны, а дѣло идетъ объ устройствѣ для будущаго. Для того, чтобы сломить непреклонное стремленіе къ господству, которое толкаетъ всякую власть къ злоупотребленіямъ, нужно ограничить эту власть и ограничить ее силою активною—другою властью.

---

[1]) Buchez Histoire parlementaire de la Révolution française.—Histoire de l'Assemblée Constituante. Tome deuxieme, 2-e edition, P. 1846. Стр. 409 и сл.

Съ другой стороны, не нужно оставлять эти двѣ силы постоянно на готовѣ къ схваткѣ одна съ другой; отсюда необходимость раздѣлить законодательную власть не на двѣ, а на три доли (portions). Власть единая кончитъ захватомъ всего; двѣ—будутъ бороться до тѣхъ поръ, пока одна не сломитъ другой; три будутъ держаться въ полномъ равновѣсіи, если только онѣ будутъ комбинированы такъ, что когда двѣ борятся, третья, одинаково заинтересованная въ сохраненіи и той и другой, присоединится къ той, которая подавлена, противъ той, которая давитъ, и такимъ образомъ удержитъ между ними миръ. Къ этимъ общимъ соображеніямъ, доказывающимъ необходимость третьей власти, можно прибавить еще слѣдующія. Единая палата легко поддается краснорѣчію, подвержена господству страстей, слишкомъ сильному вліянію общественнаго мнѣнія. Чѣмъ шире ея власть, тѣмъ менѣе обезпечено ея благоразуміе; она черезчуръ склонна къ быстрымъ рѣшеніямъ, будучи увѣрена, что никто не будетъ аппеллировать на нихъ... Единое собраніе легко поддается стремленію ломать конституціонныя постановленія. Не лучше ли, чтобы надъ конституціей бодрствовалъ постоянный корпусъ, составленный такъ, чтобы онъ могъ сохранять, организовать и не былъ бы въ состояніи разрушать ее. Къ тому же, соединеніе всѣхъ воль (volontés) въ одномъ собраніи создало бы такую силу, передъ которой корона была бы безпрестанно въ необходимости уступать».

«Такимъ образомъ», заключаетъ ораторъ, «было бы желательно, чтобы законодательный корпусъ былъ составленъ изъ трехъ существенныхъ частей: 1) народныхъ представителей; 2) Сената, облеченнаго въ то же время верховными судебными функціями, и 3) Короля. Палата представителей составляется изъ 600 депутатовъ, свободно избираемыхъ всей совокупностью правоспособныхъ гражданъ. Въ число ихъ слѣдуетъ допустить лишь тѣхъ, которые

представляютъ извѣстную гарантію независимости своимъ имуществомъ. Эта Палата имѣетъ иниціативу всѣхъ законовъ; она постоянна въ томъ смыслѣ, что созывается ежегодно, но лишь на опредѣленное время. Сенатъ составляется изъ гражданъ, отличающихся талантами, заслугами или добродѣтелями. Число сенаторовъ—200».

Таковы основные доводы, которые приводились въ пользу двупалатной системы Лалли-Толландаллемъ въ комитетѣ, Мунье и Клермонъ-Тоннеромъ — при обсужденіи этого вопроса въ Учредительномъ Собраніи. Но члены Учредительнаго Собранія не такъ были настроены, чтобы убѣдиться этими доводами. Одни, контръ-революціонеры, отвергли двупалатную систему главнымъ образомъ изъ ненависти къ лицамъ, поддерживавшимъ ее, говоря, что они видятъ въ Сенатѣ лишь средство обезпечить за собою извѣстныя личныя положенія. Другіе (большинство) видѣли въ учрежденіи Сената окольный путь къ возстановленію сословныхъ различій, возсозданію аристократіи. Особенно горячо говорили противъ двупалатной системы Рабо-Сент-Этьенъ и Турэ (оба представители tiers-état; первый—литераторъ, второй—адвокатъ). «Въ Англіи», говорилъ Рабо, «установленіе двухъ Палатъ было сдѣлкою между интересами. Не то во Франціи. Къ счастью, мы всѣ отказались отъ своихъ частныхъ интересовъ. Я не понимаю, какъ можно даже говорить о раздѣленіи законодательной власти. Всѣ существующія власти—судебная, военная и т. д.—не болѣе, какъ власти второго порядка, вытекающія изъ власти первичной и единой, той власти, которая принадлежитъ націи—власти суверенной. Эта власть едина; если вы раздѣлите ее, вы раздробите суверенитетъ» [1]).

Между двумя крайними направленіями—безусловными сторонниками и абсолютными противниками двупалатной

---

[1]) Buchez Цит. соч.

системы, было и направленіе среднее, стремившееся примирить обѣ крайности. Такъ, Дэмёнье предлагалъ учредить верховный судъ съ правомъ дѣлать замѣчанія законодательному корпусу. Другіе предлагали, чтобы единое собраніе само разбивалось на два. Но все было напрасно.

«Напрасно», говоритъ Дювержье де Гораннъ [1]), «члены комитета заявляли, что между Палатой, составленной изъ представителей привилегированныхъ классовъ, и магистратурой, открытой всѣмъ и каждому, нѣтъ ничего общаго; напрасно они, скрѣпя сердце, отказывались отъ наслѣдственности этой магистратуры и предлагали замѣнить ее пожизненнымъ Сенатомъ; напрасно Мунье, дѣлая еще шагъ на пути уступокъ, допускалъ, чтобы вторая Палата была выборной и возобновлялась въ своемъ составѣ черезъ каждыя шесть лѣтъ; напрасно Малуэ и Дюпонъ де Немуръ соглашались даже на то, чтобы обѣ Палаты, одинаково выборныя, не имѣли никакого права veto одна на другую и, въ случаѣ несогласія, соединялись для рѣшенія сообща. Все было безполезно: за Сенатомъ, будь онъ пожизненный или выборный, всѣмъ мерещился призракъ аристократіи». — Результатомъ голосованія явилось отклоненіе предложенія комитета большинствомъ 499 противъ 89 (122 воздержались отъ подачи голоса).

Конституція 1791 г. просуществовала очень недолго. Взамѣнъ нея была выработана Конвентомъ новая конституція 24 іюня 1793 года, также построенная на однопалатной системѣ. Хотя она и была принята плебисцитомъ 9 августа, тѣмъ не менѣе она не вошла въ жизнь. Этому помѣшали отчасти внутренніе раздоры, отчасти войны съ европейской коалиціей.

---

[1]) Duvergier de Hauranne. Histoire du gouvernement parlementaire en France, P. 1857, t. I. Стр. 77.

II.

Актомъ 19 вандемьера года II (10 окт. 1793 года) приведеніе въ дѣйствіе новой конституціи отсрочивалось впредь до заключенія мира. Наступило страшное время господства якобинцевъ, такъ талантливо изображенное Тэномъ (въ третьемъ томѣ его «Histoire des origines de la France contemporaine»). Оно продолжалось около двухъ лѣтъ. Надо было такъ или иначе покончить съ нимъ, надо было на мѣсто ужасной анархіи установить хоть какой-нибудь порядокъ, и вотъ Конвентъ назначаетъ коммиссію изъ 7 членовъ, которой и поручается изысканіе средствъ дополнить конституцію 1793 г. и постепенно привести ее въ дѣйствіе. Камбасересъ, отъ имени этой коммиссіи, представилъ Конвенту докладъ, въ которомъ перечислялись органическіе законы, которые краткость конституціи 1793 г. дѣлала положительно необходимыми. Черезъ нѣсколько дней Пелэ-де-ла-Лозеръ представилъ новый пространный, весьма обстоятельно мотивированный докладъ, который привелъ всѣхъ къ сознанію, что конституція должна быть не только дополнена, но и видоизмѣнена, что органическіе законы должны быть сразу и дополнительными и исправительными (additionnelles et correctionnelles). Результатомъ всего этого было образованіе новой коммиссіи, извѣстной въ исторіи подъ названіемъ *коммиссіи одиннадцати*. Черезъ нѣсколько времени вмѣсто того, чтобы представить Конвенту проектъ дополненій и измѣненій въ прежней конституціи, эта коммиссія выработала проектъ совершенно новой конституціи, измѣнявшій самыя существенныя постановленія прежней конституціи.

Страшные годы террора, разнузданнаго деспотизма крайнихъ элементовъ Конвента многому научили руководящіе круги всѣхъ партій, всѣхъ оттѣнковъ. «Роялисты, консти-

туціоналисты, умѣренные республиканцы, республиканцы крайніе, даже сами террористы горькимъ опытомъ убѣдились, что безопасность, свобода, справедливость несовмѣстны съ единою властью, что тамъ, гдѣ существуетъ такая власть, декларацiи правъ — праздныя слова, личныя гарантіи—чистѣйшая ложь» [1]). Всѣми ясно сознавалась необходимость болѣе прочнаго обезпеченія принциповъ 1789 года, которымъ грозило черезчуръ одностороннее и шаткое развитіе.

Одною изъ главныхъ причинъ ужаснаго состоянія, въ которомъ находилась Франція въ 1793—4 гг., почти всѣми признавалось то безконтрольное положеніе, въ какое была поставлена законодательная власть. И вотъ, одною изъ первыхъ заботъ «коммиссіи одиннадцати» было раздѣлить законодательную власть между двумя, независимыми другъ отъ друга, органами. Почти единодушно (за исключеніемъ одного голоса) коммиссія приняла двупалатную систему. «Я не долго остановлюсь», говорилъ докладчикъ коммиссіи, Буасси д'Англа, передъ Національнымъ Собраніемъ, — «на изображеніи передъ вами опасностей, неизбѣжно связанныхъ съ существованіемъ одного собранія: за меня исторія и чувство вашей совѣсти». Организуя вторую Палату, коммиссія «съ негодованіемъ» отвергла мысль объ ея наслѣдственности или пожизненности, хорошо понимая, что такая Палата не имѣетъ для себя почвы въ пореволюціонной Франціи, уничтожившей сословія и всевозможныя привилегіи.

Въ результатѣ работъ этой коммиссіи явилась слѣдующая организація законодательной власти. Титулъ V конституціи (22 августа 1795 г.)—«Власть законодательная»—начинается «общими постановленіями, касающимися организаціи обѣихъ Палатъ». Законодательный корпусъ состоитъ

---

[1]) Duvergier de Hauranne Цит соч., стр. 338.

изъ Совѣта Старѣйшинъ (Conseil des Anciens) и Совѣта Пятисотъ (Conseil des Cinq-Cents). Основаніемъ избранія въ тотъ и другой было принято количество населенія по департаментамъ, при чемъ черезъ каждыя десять лѣтъ законодательный корпусъ, по представленнымъ ему даннымъ о движеніи населенія, опредѣляетъ количество членовъ того и другого Совѣта, которыхъ каждый департаментъ долженъ посылать въ теченіе слѣдующихъ затѣмъ десяти лѣтъ. Члены законодательнаго корпуса—представители не департаментовъ, ихъ избравшихъ, а всей націи, и департаментъ не можетъ давать своему представителю никакихъ инструкцій. Оба Совѣта возобновляются въ своемъ составѣ по третямъ. Съ особенною тщательностью, въ интересахъ строгаго проведенія принципа раздѣленія властей, было оговорено, что «законодательный корпусъ ни самъ, ни черезъ своихъ делегатовъ, не можетъ отправлять ни исполнительной, ни судебной власти». Законодательный корпусъ постояненъ, при чемъ однако онъ можетъ отсрочивать свои засѣданія на опредѣленные, впередъ указанные сроки. Засѣдаютъ оба Совѣта въ одной мѣстности, но никакъ не въ одной залѣ. Засѣданія ихъ публичны. Закрытыми для публики они могутъ быть сдѣланы только по требованію ста членовъ Совѣта, и притомъ для обсужденія, а не рѣшенія. Члены законодательнаго корпуса получаютъ годичное вознагражденіе въ размѣрѣ стоимости 3,000 міріаграммовъ пшеницы (613 центн.) на каждаго. Во избѣжаніе давленія исполнительной власти на законодательный корпусъ особая статья воспрещаетъ исполнительной Директоріи проводить или размѣщать войска на разстояніи 6 міріаметровъ (12 лье) отъ засѣданій законодательнаго корпуса.

За этими общими для обоихъ Совѣтовъ постановленіями слѣдуетъ организація каждаго въ отдѣльности. Обратимся ко второй палатѣ.—Совѣтъ Старѣйшинъ состоитъ изъ 250 человѣкъ. Условія избранія: 40-лѣтній возрастъ и 15-лѣтнее

пребываніе на территоріи республики; кромѣ того требуется, чтобы избираемый въ Совѣтъ Старѣйшинъ былъ непремѣнно или женатымъ, или вдовцомъ. Инициатива закона не принадлежитъ Совѣту Старѣйшинъ: это—исключительная принадлежность Совѣта Пятисотъ. Совѣтъ Старѣйшинъ или одобряетъ, или отклоняетъ постановленія Совѣта Пятисотъ. Тутъ конституція дѣлаетъ различіе между безотлагательными постановленіями и постановленіями, не имѣющими такого характера. Если постановленіе объявляется Совѣтомъ Пятисотъ безотлагательнымъ, Совѣтъ Старѣйшинъ рѣшаетъ прежде всего вопросъ о неотложности. Въ случаѣ отрицательнаго его рѣшенія Совѣтъ Старѣйшинъ и не касается самой сущности постановленія. Если же вопросъ о безотлагательности рѣшается утвердительно, или и совсѣмъ не затрогивается постановленіемъ Совѣта Пятисотъ, Совѣтъ Старѣйшинъ переходитъ къ обсужденію его, при чемъ происходятъ три чтенія; промежутокъ между каждымъ изъ нихъ не можетъ быть менѣе пяти дней. Обсужденіе открывается послѣ каждаго чтенія.

Постановленія Совѣта Пятисотъ, принятыя Совѣтомъ Старѣйшинъ, называются законами. Отклоненный законопроектъ не можетъ быть представленъ вновь до истеченія года. Но это постановленіе въ значительной степени парализуется слѣдующей затѣмъ оговоркой, что «Совѣтъ Пятисотъ, тѣмъ не менѣе, можетъ представить въ какое бы то ни было время законопроектъ, содержащій *въ себѣ статьи, составлявшія часть отклоненнаго законопроекта*». Эта оговорка даетъ полную возможность хотя бы на слѣдующій день внести тотъ же законопроектъ, измѣнивъ только форму его. Далѣе, длинный рядъ статей регламентируетъ одно весьма важное право Совѣта Старѣйшинъ, а именно: право перемѣнять резиденцію законодательнаго корпуса, что впослѣдствіи очень пригодилось въ наполеоновскомъ переворотѣ. Наконецъ, въ силу 336 ст. Совѣтъ Старѣйшинъ имѣлъ

право предлагать пересмотръ конституціи, «если опытъ дастъ почувствовать неудобства нѣкоторыхъ статей ея».

III.

Несмотря на то, что конституція 1795 г., по выраженію Дювержье-де-Горанна, «явила міру подобіе мудрой свободы и правильнаго управленія», она просуществовала очень недолго—всего четыре года. Причиной тому были различныя обстоятельства, сопровождавшія приведеніе ея въ дѣйствіе. Съ одной стороны, въ законодательныя собранія попали очень многіе изъ бывшихъ членовъ Конвента; съ другой—членами исполнительной Директоріи явились лица, приналлежавшія къ партіи якобинцевъ. Это повлекло за собою ожесточенную борьбу партій, борьбу, въ которой не стѣснялись никакими средствами: такъ, 4 сент. 1797 г., три члена Директоріи, изъ якобинцевъ, произвели вооруженную расправу надъ роялистскимъ большинствомъ Палатъ. При такихъ условіяхъ, конечно, не могъ водвориться прочный порядокъ. Республика должна была выродиться въ анархію, или пасть. Произошло послѣднее.

Два члена Директоріи, Сіэйесъ и Рожеръ Дюко, рѣшили такъ или иначе измѣнить конституцію въ самыхъ существенныхъ ея основаніяхъ. Сдѣлать это путемъ постепенныхъ законодательныхъ измѣненій не было никакой возможности при тогдашнемъ составѣ Совѣта Пятисотъ; необходимъ былъ государственный переворотъ. Но для этого нужно было опереться на такого человѣка, который пользовался бы большимъ авторитетомъ среди населенія. Такимъ человѣкомъ явился молодой Бонапартъ, только что вернувшійся изъ египетской экспедиціи. По внушенію Сіэйеса, 18 брюмера года VIII (9 ноября 1799 года) Совѣтъ Старѣйшинъ воспользовался предоставленнымъ ему 102 ст. конституціи правомъ перемѣнять резиденцію зако-

нодательнаго корпуса и перенесъ ее въ Сенъ-Клу. Сюда, въ сопровожденіи нѣсколькихъ батальоновъ, явился Бонапартъ и обратился къ Совѣту Старѣйшинъ съ воодушевленною рѣчью, въ которой говорилъ, что конституція нѣсколько разъ была нарушаема, что она болѣе не существуетъ, и приглашалъ составить новое правительство. Эта рѣчь была очень благосклонно выслушана Совѣтомъ Старѣйшинъ. Оставалось овладѣть Совѣтомъ Пятисотъ, что было не такъ легко. Въ сопровожденіи нѣсколькихъ солдатъ, которыхъ онъ оставилъ у входа, Бонапартъ вошелъ въ залу засѣданій Совѣта Пятисотъ. Завидя солдатъ, депутаты закричали: A bas le dictateur! Поднялся страшный шумъ и переполохъ. Не теряя присутствія духа. Бонапартъ черезъ нѣсколько минутъ вернулся уже съ цѣлымъ отрядомъ гренадеровъ и разогналъ «презрѣнныхъ» представителей. Вечеромъ того же дня Совѣты вотировали актъ, которымъ упразднялась Директорія и учреждалась «временная исполнительная Консульская Коммиссія изъ трехъ лицъ: Сіэйеса, Рожера Дюко и генерала Бонапарта».

Переворотъ 18 брюмера положилъ начало долгой наполеоновской диктатурѣ. Франція, испытавшая въ теченіе десяти лѣтъ страшныя бѣдствія какъ отъ войнъ съ европейскими коалиціями, такъ и отъ внутреннихъ безурядицъ, легко поддалась сильной, прочно и умѣло организованной власти знаменитаго полководца. Не зная, что́ при данныхъ условіяхъ лучше—диктатура одного, или деспотизмъ многихъ, она, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ послѣдняго, слѣпо отдала себя въ подчиненіе одному человѣку.

Вскорѣ послѣ 18 брюмера приступлено было къ составленію новой конституціи, которая и была выработана Сіэйесомъ. Но его проектъ не понравился Бонапарту, такъ какъ главную роль Сіэйесъ предоставилъ одному изъ представительныхъ собраній. Бонапартъ не желалъ согласиться на это и совершенно исказилъ конституцію Сіэйеса, пе-

ремѣстивъ центръ тяжести на исполнительную власть. Въ окончательномъ видѣ конституція была обнародована 22 фримера года VIII (13 дек. 1799 г.).

Эта конституція пренебрегала самыми цѣнными завоеваніями французской революціи. То, что составляетъ душу свободнаго государственнаго строя, безъ чего онъ немыслимъ,—отсутствовало въ ней. Мы говоримъ о народномъ представительствѣ, такъ какъ нельзя же считать таковымъ созданные Бонапартомъ Охранительный Сенатъ, Трибунатъ и Законодательнный Корпусъ, эти жалкія подобія представительныхъ собраній. Съ первыхъ же шаговъ, говоритъ Дювержье де Гораннъ [1]), «всѣ учрежденія, созданныя для уравновѣшенія дѣйствій правительства, утратили свою независимость, авторитетъ, и члены ихъ стали не чѣмъ инымъ, какъ чиновниками на жалованьѣ. Одна мысль, одна воля правила Франціей, и самая тѣнь свободы исчезла».

Но обратимся къ организаціи этихъ «представительныхъ» собраній. Замѣтимъ здѣсь, что напрасно мы стали бы примѣнять къ нимъ общепринятыя выраженія «верхняя», «нижняя» палаты: ни одно изъ бонапартовскихъ собраній не подходитъ подъ эти понятія. — Остановимся на организаціи собственно законодательныхъ собраній— Трибуната и Законодательнаго Корпуса, изложенной въ третьемъ титулѣ конституціи, озаглавленномъ «о власти законодательной».

Трибунатъ состоитъ изъ 100 членовъ, по крайней мѣрѣ, 25-лѣтняго возраста. Члены его избираются Сенатомъ, на основаніи представленныхъ ему избирательныхъ списковъ по департаментамъ, въ которыхъ послѣдніе указываютъ лицъ, «наиболѣе способныхъ къ веденію общественныхъ дѣлъ». Составъ Трибуната возобновляется ежегодно въ пятой части.—Переходя къ функціямъ Трибуната, замѣтимъ

[1]) Цит. соч., стр 419.

предварительно, что иниціатива законовъ принадлежитъ исключительно правительству (ст. 44); къ тому же, «во всякомъ положеніи обсужденія законопроектовъ правительство можетъ ихъ взять обратно» и видоизмѣнить ихъ. Трибунатъ обсуждаетъ предложенные правительствомъ законопроекты и вотируетъ принятіе ихъ или отклоненіе. Какъ справедливо замѣчаетъ Тьеръ [1]), «онъ долженъ былъ вотировать ихъ только для того, чтобы узнать, какое мнѣніе поддерживать ему передъ Законодательнымъ Корпусомъ. Вотумъ Трибуната, даже отрицательный, не мѣшалъ проекту сдѣлаться закономъ, разъ онъ будетъ принятъ Законодательнымъ Корпусомъ». Послѣ вотированія Трибунатъ посылаетъ изъ своей среды трехъ ораторовъ въ Законодательный Корпусъ, передъ которымъ они излагаютъ и защищаютъ соображенія Трибуната по поводу законопроекта. Далѣе, Трибунатъ можетъ обжаловать передъ Сенатомъ, но только по причинѣ неконституціонности, списки могущихъ быть избранными, акты Законодательнаго Корпуса и правительственные.

Какъ мы уже замѣтили, иниціатива законовъ не принадлежитъ Трибунату. Тѣмъ не менѣе, по ст. 29, онъ «выражаетъ свое желаніе по поводу составленныхъ и имѣющихъ быть составленными законами, по поводу злоупотребленій, которыя надлежитъ исправить, по поводу необходимыхъ улучшеній во всѣхъ частяхъ публичной администраціи, но ни въ какомъ случаѣ по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ, возбужденнымъ въ судахъ». Но и этомъ слабый призракъ иниціативы въ конецъ уничтожается продолженіемъ той же статьи, гдѣ кратко, но рѣшительно заявляется о томъ, что «выраженныя въ силу настоящей статьи желанія *не имѣютъ никакого* необходимаго слѣдствія».

---

[1]) A. Thiers. Histoire du Consulat et de l'Empire, Brux., 1845, p. 32.

Что же касается Законодательнаго Корпуса, то онъ, «безгласный, долженъ былъ выслушивать противорѣчивые доводы совѣтниковъ отъ правительства и троихъ трибуновъ и затѣмъ вотировать, не обсуждая, правительственныя предложенія» [1]). — Состоялъ онъ изъ 300 членовъ (не менѣе 30-тилѣтняго возраста), которые, какъ и трибуны, избирались Сенатомъ; пятая часть ихъ ежегодно выбываетъ и замѣняется новыми. Въ Законодательномъ Корпусѣ всегда долженъ быть, по крайней мѣрѣ, одинъ гражданинъ отъ каждаго департамента. Сессія его — четырехмѣсячная. Законодательный Корпусъ создаетъ (fait) законъ, «постановляя, закрытымъ голосованіемъ и безъ всякаго обсужденія со стороны его членовъ, о проектахъ закона, дебатируемыхъ передъ нимъ ораторами отъ Трибуната и правительства».— Засѣданія Трибуната и Законодательнаго Корпуса публичны, при чемъ число присутствующихъ посѣтителей не можетъ превышать, въ каждомъ изъ нихъ, 200 человѣкъ. Члены Трибуната и Законодательнаго Корпуса получаютъ жалованье: первые—15 т. фр., вторые—10 т. фр. въ годъ.

Такова организація «законодательныхъ» собраній. Что касается до третьей коллегіи — «Охранительнаго Сената (Sénat Conservateur), то онъ не имѣлъ прямой законодательной власти, но оказывалъ на нее очень сильное косвенное вліяніе—съ одной стороны, предоставленнымъ ему 20 ст. конституціи правомъ выбирать, вѣрнѣе, назначать членовъ законодательныхъ собраній, съ другой—правомъ утверждать или уничтожать акты законодательной власти. Главная же и непосредственная роль Сената—быть охранителемъ конституціи.

Призванный «охранять» конституцію во всей чистотѣ и неприкосновенности, Сенатъ первый же и нарушилъ ее, явившись ревностнымъ помощникомъ Бонапарта въ его

---

[1]) A. Thiers. Цит. соч., стр. 32.

стремленіи къ безграничному единовластію. Какъ ни слаба была законодательная власть обоихъ собраній, какъ ни сильна, съ другой стороны, была исполнительная власть, оппозиція все-таки давала себя чувствовать, и вотъ Охранительный Сенатъ издаетъ 22 вантоза года X (13 марта 1802 г.) «сенатусконсультъ о выходѣ и замѣнѣ членовъ Законодательнаго Корпуса», имѣвшій своею цѣлью удалить изъ нихъ наиболѣе оппозиціонные элементы.—Черезъ полгода Бонапартъ пожелалъ сдѣлаться пожизненнымъ консуломъ, чего и достигъ безъ всякихъ затрудненій. 2 августа 1802 г. (14 термид. г. X) состоялся плебисцитъ, которымъ Наполеонъ Бонапартъ объявлялся пожизненнымъ консуломъ. Любопытна исторія этого плебисцита. Заключенный съ Англіей Амьенскій трактатъ былъ предложенъ на одобреніе Законодательному Корпусу, откуда въ тотъ же день былъ переданъ въ Трибунатъ. Послѣдній пожелалъ наградить Бонапарта, продливъ еще на десять лѣтъ его званіе перваго консула. Но Бонапартъ не принялъ этого предложенія и, пользуясь предоставленнымъ ему конституціею правомъ, пригласилъ націю отвѣтить на вопросъ: «будетъ ли Наполеонъ Бонапартъ пожизненнымъ консуломъ?» Отвѣтъ былъ утвердительный.

Новое положеніе потребовало и соотвѣтствующихъ ему новыхъ измѣненій въ конституціи, въ смыслѣ устраненія враждебныхъ элементовъ и усиленія исполнительной власти. Число членовъ Трибуната уменьшается на половину, до 50, при чемъ онъ былъ раздѣленъ на три секціи, которыя, каждая отдѣльно, должны были обсуждать законопроекты, предлагаемые правительствомъ; въ этомъ обсужденіи участвовали и делегаты отъ Государственнаго Совѣта. «Отнынѣ», говорилъ по этому поводу Тибодо, одинъ изъ немногихъ оппозиціонныхъ сенаторовъ, «исчезла послѣдняя тѣнь представительнаго правленія, которою являлся Трибунатъ, исчезъ послѣдній слѣдъ существеннаго характера

этого правленія — свободное и публичное обсужденіе законовъ».

Прошло полтора года, и французская республика представила еще болѣе странное зрѣлище. Органическій сенатусконсультъ 22 флореаля г. XII (18 мая 1804 г.) объявилъ, что «управленіе республикою ввѣряется Императору, который принимаетъ титулъ «Императора Французовъ». Понадобилась новая ломка конституціи.

Послѣ того, что было уже сдѣлано съ представительными собраніями, оказавшимися, по собственному выраженію Наполеона, «глухонѣмыми», не многое оставалось сдѣлать. Что касается Законодательнаго Корпуса, то онъ не испыталъ на себѣ дальнѣйшихъ модификацій, и вотъ почему: «я хочу, — говорилъ Наполеонъ, — имѣть такой Законодательный Корпусъ, который ничего не требовалъ бы отъ меня, тѣмъ не менѣе не надо его дѣлать еще болѣе слабымъ, чѣмъ каковъ онъ теперь, ибо тогда онъ не могъ бы мнѣ служить» [1]). Что же касается Трибуната, то Наполеонъ полагалъ, что настало время нанести ему послѣдній ударъ. Сенатусконсультъ 19 авг. 1807 г. уничтожилъ Трибунатъ, передавъ его функціи тремъ коммиссіямъ, назначаемымъ изъ членовъ Законодательнаго Корпуса. Послѣ этой реформы до самаго паденія Наполеона не было никакихъ крупныхъ законодательныхъ измѣненій. Да и не было въ томъ никакой надобности.

IV.

31 марта 1814 года союзныя войска, подъ предводительствомъ русскаго Императора Александра I, торжественно вступили въ Парижъ, не встрѣтивъ никакого сопротивленія со стороны жителей столицы. Вечеромъ того же дня

[1]) Duvergier de Hauranne. Цит. соч., стр. 557.

Александръ издалъ прокламацію, въ которой объявилъ, что союзники не вступятъ въ переговоры ни съ Наполеономъ, ни съ его семьею, и приглашаютъ Сенатъ составить временное правительство и изготовить новую конституцію. Актомъ Сената отъ 1 апрѣля учреждалось временное правительство изъ пяти членовъ [1]); на него возложены были обезпеченіе нуждъ управленія и изготовленіе проекта конституціи, «которая могла бы подходить французскому народу». Въ томъ же актѣ излагались основанія будущей конституціи. 3 апрѣля изданъ актъ Сената, подтвержденный актомъ Законодательнаго Корпуса, о низверженіи Наполеона и его потомства съ французскаго престола. На слѣдующій день Наполеонъ подписалъ свое отреченіе. Наконецъ, 5 апрѣля временное правительство представило проектъ конституціи, принятый на слѣдующій день Сенатомъ.

Вотъ ея основанія. Правленіе монархическое, наслѣдственное въ мужской линіи по праву первородства. Къ занятію престола французскій народъ *свободно* призываетъ Людовика Станислава Ксавье, брата послѣдняго короля. Конституція подлежитъ принятію народа; прежде чѣмъ быть провозглашену королемъ, Людовикъ обязуется присягнуть конституціи и подписать ее. Этими постановленіями въ основаніе будущаго политическаго строя полагалось начало народнаго суверенитета.

Далѣе слѣдуютъ подробности организаціи, въ основаніе которой легли идеи умѣренной фракціи Учредительнаго Собранія—Мунье, Лалли-Толландаля, Мирабо,—которыя за продолжительный періодъ Наполеоновскаго деспотизма пріобрѣли себѣ весьма многихъ сторонниковъ. Король глава

---

[1]) Члены его: Талейранъ кн. Беневентскій, гр. Бернонвилль, гр. Жонкуръ, герц. Дальберъ и Монтескью, бывшій членъ Учредительнаго Собранія.

исполнительной власти. Власть законодательная отправляется Королемъ, Сенатомъ и Законодательнымъ Корпусомъ. Сенатъ—наслѣдственный, сенаторы назначаются Королемъ. Законодательный Корпусъ—избираемый, и можетъ быть распущенъ Королемъ. Иниціатива принадлежитъ обѣимъ Палатамъ; что же касается налоговъ, иниціатива ихъ—исключительное право Законодательнаго Корпуса. Министры отвѣтственны; свобода печати, личная свобода, свобода совѣсти и т. д.

Эта конституція обращала особенное вниманіе на организацію Сената, при чемъ составители ея руководствовались главнымъ образомъ своими личными соображеніями—желаніемъ удержать за собою то положеніе, которое они занимали въ Наполеоновскомъ Сенатѣ. Статья 6 проекта говоритъ: «званіе сенатора несмѣняемо и наслѣдственно»...

Далѣе: «теперешніе сенаторы, за исключеніемъ тѣхъ, которые отказались бы отъ своего званія французскаго гражданина, *удерживаются и входятъ въ число* новыхъ сенаторовъ. Нынѣшнее жалованье сохраняется за ними; доходы съ сенаторскихъ мѣстъ дѣлятся между ними и переходятъ къ ихъ преемникамъ»... Такія стремленія вызвали сильное негодованіе общественнаго мнѣнія, выразившееся въ массѣ брошюръ и памфлетовъ, направленныхъ противъ узкихъ эгоистическихъ стремленій сенаторовъ и ославившихъ составленную ими конституцію названіемъ «constitution de rentes» [1]).

Но Людовикъ не принялъ составленной Сенатомъ конституціи. 2 мая онъ издалъ декларацію, которой устранялись изъ конституціи начало народнаго суверенитета, всеобщая подача голосовъ, плебисцитная система и законодательная иниціатива палатъ. Для составленія новой кон-

---

[1]) Vaulabelle, Chute de l'Empire. Histoire des deux Restaurations, 1846 т. II, стр. 88.

ституціи назначена была коммиссія изъ членовъ Сената и Законодательнаго Корпуса, по 9 отъ каждаго. Проектъ былъ составленъ четырьмя лицами, которыя и защищали его передъ коммиссіей. Черезъ мѣсяцъ обсужденіе этого проекта было окончено, онъ былъ одобренъ Людовикомъ и 4 іюня 1814 года обнародованъ подъ названіемъ «Конституціонной Хартіи».

Хартія начинается длиннымъ вступленіемъ, въ которомъ «Людовикъ XVIII, Божьею милостью Король Французскій и Наварскій», говорилъ о божественномъ Провидѣніи, снова, послѣ долгаго промежутка, призвавшемъ Бурбоновъ занять Французскій престолъ, и т. д. Далѣе слѣдуетъ самая конституція, состоящая изъ семи отдѣловъ, раздѣленныхъ на 76 статей.

Въ отдѣлѣ «публичное право французовъ» излагаются слѣдующія общія основанія. Равенство всѣхъ передъ закономъ. Участіе всѣхъ, сообразно средствамъ, въ несеніи государственныхъ тягостей. Допущеніе всѣхъ къ занятію гражданскихъ и военныхъ должностей. Гарантія личной свободы: никто не можетъ быть ни задерживаемъ, ни преслѣдуемъ иначе, какъ въ случаяхъ, закономъ предусмотрѣнныхъ, и въ формѣ, предписанной закономъ. Свобода вѣроисповѣданія. Право выражать свои мнѣнія, согласно съ законами, которые должны подавлять злоупотребленія этой свободой.

Отдѣлъ второй посвященъ «формѣ королевскаго правленія». Личность короля — неприкосновенна. Его министры отвѣтственны. Королю одному принадлежитъ исполнительная власть. Здѣсь же нашла себѣ мѣсто знаменитая 14 ст., которая дала правительству Карла X поводъ къ злоупотребленіямъ властью въ видѣ изданій «ордоннансовъ» и этимъ самымъ послужила ближайшей причиной іюльской революціи. Вотъ эта статья: «король—верховный глава государства, начальствуетъ надъ сухопутными и морскими силами, объявляетъ

войну, заключаетъ мирные трактаты, назначаетъ на всѣ должности публичной администраціи и *издаетъ распоряженія и ордоннансы для исполненія законовъ и въ интересахъ безопасности государства*». Въ этомъ же отдѣлѣ находятся постановленія, касающіяся законодательной власти и отношеній Короля къ Палатамъ. Законодательная власть отправляется коллективно — Королемъ, Палатою Пэровъ и Палатою Депутатовъ. Иниціатива законовъ принадлежитъ Королю. Предложеніе закона вносится, по усмотрѣнію Короля, въ Палату Пэровъ или въ Палату Депутатовъ, за исключеніемъ законовъ о налогахъ, которые сначала должны быть предлагаемы Палатѣ Депутатовъ. Законъ свободно обсуждается и вотируется большинствомъ членовъ Палатъ.

Такимъ образомъ Палаты были лишены права иниціативы. Взамѣнъ этого онѣ получили право просить (supplier) Короля о предложеніи закона по тому или другому предмету и указать, что, по ихъ мнѣнію, долженъ заключать въ себѣ законъ. Но и эта слабая иниціатива была обставлена большими формальностями. Эта просьба можетъ быть дѣлаема каждою изъ Палатъ, но послѣ обсужденія ея при закрытыхъ дверяхъ; затѣмъ, не раньше, какъ черезъ 10 дней, она отсылается другой Палатѣ и затѣмъ уже, если предложеніе это будетъ принято послѣднею, просьба повергается предъ «королевскія очи» (sous les yeux du Roi). Если же предложеніе отвергается другой Палатой, оно уже не можетъ быть сдѣлано вновь въ ту же сессію [1]).

---

[1]) Вотъ подробности обсужденія вопроса о правѣ иниціативы, которое въ проектѣ Сената принадлежитъ Палатамъ. Сенаторъ Гарнье говорилъ, что онъ не понимаетъ, зачѣмъ Королю предоставляются одновременно и право иниціативы, и санкція закона: это, говорилъ онъ, опасно для Короля, которому придется видѣть всѣ свои предложенія отклоненными Палатами, и непріятно Палатамъ, которыя, будучи лишены права предлагать законы, низводятся до чисто совѣщательной роли. На эти замѣчанія аббатъ Монтескью отвѣчалъ, что

Въ третьемъ отдѣлѣ Хартіи излагается организація верхней палаты—Палаты Пэровъ. Прежде всего устанавливается, что «Палата Пэровъ есть существенная часть законодательной власти». Назначеніе пэровъ принадлежитъ Королю. Число ихъ не ограничено. Король можетъ разнообразить ихъ достоинство, назначая ихъ пожизненно или дѣлая ихъ наслѣдственными. Члены королевской семьи и принцы крови—пэры по праву своего рожденія. Голосъ рѣшающій они получаютъ въ 25 лѣтъ. Принцы засѣдаютъ въ Палатѣ по особому, даваемому на каждую сессію, приказу Короля. Остальные же пэры вступаютъ въ палату 25-ти лѣтъ, рѣшающій голосъ получаютъ лишь въ 30. Палата Пэровъ созывается Королемъ одновременно съ Палатой Депутатовъ. Сессія одной начинается и оканчивается одновременно съ другой. Всякое собраніе Палаты Пэровъ не во время засѣданій Палаты Депутатовъ противозаконно и недѣйствительно (est illicite et nulle de plein droit). Предсѣдательствуетъ въ Палатѣ Пэровъ канцлеръ Франціи, а въ его отсутствіе—пэръ по назначенію Короля. Засѣданія не публичны. Палата Пэровъ, помимо законодательныхъ, имѣетъ нѣкоторыя судебныя функціи. Она вѣдаетъ преступленія государственной измѣны и покушенія на безопасность го-

---

Людовикъ XVIII видитъ въ своемъ исключительномъ правѣ инціативы „одну изъ лучшихъ жемчужинъ своей короны“ и не хотѣлъ бы отказаться отъ нея. Далѣе Монтескью старался, указывая на печальныя воспоминанія, доказать, что „у такого пылкаго, такого живого народа, каковъ французскій, санкція далеко недостаточное орудіе въ рукахъ монарха“. Вслѣдъ за этимъ нѣсколько членовъ коммиссіи, соглашаясь съ тѣмъ, что должны быть приняты мѣры предосторожности противъ злоупотребленія правомъ инціативы, настаивали на томъ, что это право должно быть „до нѣкоторой степени“ предоставлено Палатамъ Наконецъ, по предложенію Феррана, было рѣшено предоставить имъ это право инціативы въ видѣ просьбъ, обращаемыхъ къ Королю (Duvergier de Hauranne, t. II, стр. 166 и сл.

сударства. Ни одинъ пэръ не можетъ быть задержанъ иначе, какъ съ дозволенія Палаты, и судится лишь ею.

Хартія 1814 года дѣйствовала въ теченіе 15 лѣтъ, съ небольшимъ перерывомъ 100-дневнаго господства Наполеона.—Воспользовавшись удобнымъ моментомъ, Наполеонъ бѣжалъ съ о. Эльбы и, опираясь на преданную ему армію и простой народъ, снова захватилъ въ свои руки власть. Но время теперь было иное: ему уже нельзя было выступить прежнимъ безграничнымъ властителемъ, онъ хорошо понималъ необходимость войти въ сдѣлку съ нѣкогда оппозиціонными ему элементами. «Я стремился»,—говорилъ онъ Бенжамену Констану, который былъ приглашенъ имъ для составленія новой конституціи,—«я стремился къ міровому владычеству, и для этого мнѣ необходима была безграничная власть. Для управленія же одной Франціей нужно только, чтобы конституція была хороша... Дайте мнѣ ваши идеи: свободные выборы, отвѣтственность министровъ, свободу печати; я хочу всего этого... Особенно свободу печати! давить ее,—это абсурдъ; я убѣдился въ этомъ. Я—человѣкъ народа! Если народъ дѣйствительно хочетъ свободы, я долженъ ему дать ее; я признаю его суверенитетъ, я долженъ прислушиваться даже къ его капризамъ... Я болѣе уже не завоеватель; я не могу имъ быть. Я знаю, что́ возможно и что́—нѣтъ. На мнѣ лежитъ одна миссія: поднять Францію и дать ей подходящее правленіе. Я не ненавижу свободы: я избѣгалъ ея, когда она стояла мнѣ на дорогѣ, но я понимаю ее, я вскормленъ на мысляхъ о ней!»... [1]).

---

[1]) Эта рѣчь Наполеона и его готовность принять основанія свободнаго государственнаго строя произвели переворотъ въ воззрѣніяхъ Б. Констана на Наполеона. „Если императоръ“, говорилъ онъ, „нѣкогда былъ деспотомъ, такъ это Сенатъ, Законодательной корпусъ, министры его испортили..; но теперь, когда независимые и просвѣщенные люди дали ему понять всѣ претензіи представительнаго пра-

Вскорѣ послѣ этого было приступлено къ составленію Дополнительнаго Акта, который и былъ обнародованъ 22 апрѣля 1815 года.

По этому акту, законодательная власть отправлялась Императоромъ и двумя Палатами — пэровъ и представителей. Нужно замѣтить, что Наполеонъ не хотѣлъ Палаты Пэровъ и въ бесѣдѣ съ Константомъ старался убѣдить его въ невозможности создать пэрію во Франціи. «Нужно опасаться», говорилъ онъ, «что она будетъ въ дисгармоніи съ нынѣшнимъ состояніемъ умовъ. Она оскорбитъ гордость арміи; она обманетъ ожиданія всѣхъ сторонниковъ равенства; она подниметъ противъ меня тысячи личныхъ неудовольствій... Гдѣ вы хотите, чтобы я взялъ аристократическіе элементы, которыхъ требуетъ пэрія? Старыя фамиліи мнѣ враждебны. Многія изъ новыхъ имѣютъ постыдное происхожденіе. Пяти—шести знаменитыхъ именъ недостаточно. Безъ традицій, безъ историческаго блеска, безъ большой собственности — на чемъ будетъ основана пэрія? Общество увидитъ въ ней или генераловъ, или камергеровъ!» — Эти возраженія Наполеона противъ пэріи во Франціи въ высшей степени основательны, что̀ и показало будущее. Но Б. Констанъ упорно настаивалъ на своемъ, и Наполеонъ уступилъ.

Организація Палаты Пэровъ по дополнительному Акту представляетъ весьма много общаго съ ея организаціей по Хартіи 1814 года. Званіе пэровъ наслѣдственно. Назначаются они Императоромъ. Число ихъ неограниченно. Засѣдать пэры начинаютъ съ 21 года, рѣшающій голосъ получаютъ въ 25 лѣтъ. Члены императорской фамиліи—пэры по праву; засѣдаютъ съ 18 лѣтъ, рѣшающій голосъ получаютъ въ 21 годъ. — Предсѣдательствуетъ въ Палатѣ

вленія, онъ каждый день все болѣе и болѣе проникается его истинными принципами". Duvergier de Hauranne, t. II. стр. 495 et 498.

Пэровъ архиканцлеръ.—Ни одинъ пэръ не можетъ быть задержанъ, за исключеніемъ случаевъ flagrant délit, ни преслѣдуемъ безъ постановленія о томъ Палаты. Засѣданія публичны; закрытымъ засѣданіе можетъ быть сдѣлано по требованію не менѣе десяти членовъ. Палата Пэровъ засѣдаетъ одновременно съ Палатой Депутатовъ.—Инціатива закона принадлежитъ правительству, Палаты же могутъ лишь *приглашать* (inviter, въ Хартіи — supplier) правительство къ предложенію закона по извѣстному предмету съ указаніемъ того, что̀ кажется имъ подходящимъ включить въ него.

Сравнивая эти постановленія съ соотвѣтствующими статьями Хартій, замѣчаемъ очень близкое, иногда доходящее до буквальной точности, сходство организаціи пэріи по этимъ двумъ конституціямъ, что̀ легко объяснить, если принять во вниманіе, что обѣ эти конституціи составлялись людьми, исповѣдывавшими одни и тѣ же политическія убѣжденія, горячими поклонниками англійскаго государственнаго строя.

Господство Наполеона продолжалось, однако, недолго. Ватерлоо окончательно рѣшило его судьбу, и благодаря пруссакамъ и англичанамъ снова воцарился Людовикъ XVIII.

Никакихъ измѣненій въ Хартіи по интересующему насъ предмету не произошло какъ за остальные годы царствованія Людовика XVIII, такъ и за кратковременное царствованіе Карла X, наслѣдовавшаго своему брату въ 1824 году. Пользуясь злополучной 14 статьей Хартіи, Карлъ X издавалъ самые произвольные ордоннансы. Вслѣдъ за изданіемъ ордоннансовъ 25 іюля 1830 года (одинъ—измѣнялъ избирательный законъ, другой—уничтожалъ всѣ признаки свободной печати) вспыхнула іюльская революція, послѣ которой власть перешла въ руки Людовика Филиппа Орлеанской династіи.

V.

7 августа 1830 г. была издана «Декларація Палаты Депутатовъ», въ которой объявлялось о низложеніи съ престола и удаленіи съ французской территоріи Карла X съ другими членами его семьи, объ уничтоженіи вступленія къ Хартіи 1814 года, «оскорбляющаго національное достоинство дарованіемъ французамъ правъ, которыя принадлежатъ имъ по существу (essentiellement)», и объ измѣненіи нѣкоторыхъ статей той же Хартіи. Далѣе, декларація объявляетъ недѣйствительными «всѣ назначенія и новыя возведенія въ достоинство пэровъ, сдѣланныя въ царствованіе Карла X». Тутъ же объявлялось, что «ст. 27 Хартіи будетъ подвергнута новому обсужденію въ сессію 1831 г. (статья эта касается назначенія пэровъ Королемъ въ неограниченномъ числѣ, съ правомъ дѣлать ихъ пожизненными или наслѣдственными). Въ концѣ концовъ декларація призываетъ къ занятію престола Людовика Филиппа Орлеанскаго, при чемъ приглашаетъ его принять всѣ указанныя измѣненія въ конституціи.

Черезъ два дня была изготовлена и обнародована Хартія 9 августа 1830 года, со включеніемъ всѣхъ предположенныхъ измѣненій. Самымъ существеннымъ изъ нихъ являлось уничтоженіе исключительнаго права правительства предлагать законы. Ст. 15 новой Хартіи гласитъ: «предложеніе законовъ принадлежитъ Королю, Палатѣ Пэровъ и Палатѣ Представителей». Это нововеденіе имѣетъ очень важное значеніе въ исторіи французскихъ конституцій, такъ какъ оно впервые поставило право иниціативы въ надлежащее положеніе. До 1830 года это право принадлежало то исключительно—правительственной власти, какъ это было въ консульской конституціи VIII года, императорской 1804 года и въ Хартіи 1814 года (здѣсь, впро-

чемъ, какъ мы видѣли, это право было нѣсколько смягчено), то исключительно—органамъ законодательной власти, какъ въ конституціяхъ 1791, 1793 и 1795 г.

Что касается организаціи Палаты Пэровъ, то она почти буквально воспроизведена съ Хартіи 1814 года. Различіе заключается: 1) въ оговоркѣ, дозволяющей Палатѣ Пэровъ собираться не во время засѣданій Палаты Депутатовъ, а именно, когда Палата отправляла свои судебныя функціи; 2) пэры вступали въ Палату 25 лѣтъ, получая рѣшающій голосъ въ 30 лѣтъ; 3) засѣданія Палаты Пэровъ становились публичными.

Требованіе декларації Палаты депутатовъ относительно пересмотра 27 ст. Хартіи (по Хартіи 1830 г. ст. 23) было принято Людовикомъ Филиппомъ и включено въ ст. 68 Хартіи. Этотъ пересмотръ былъ сдѣланъ въ первую же сессію Палатъ, и 29 декабря 1831 года обнародованъ «законъ, замѣняющій ст. 23 Хартіи».

Закономъ 29 декабря произведено коренное преобразованіе Палаты Пэровъ. Отнынѣ она переставала быть наслѣдственной: «званіе пэра», говорилось въ законѣ, «жалуется пожизненно и не переходитъ по праву наслѣдованія». Далѣе, «на будущее время никакое вознагражденіе, никакая пенсія, никакое пожалованіе не могутъ быть соединяемы съ званіемъ пэра». Это постановленіе было вызвано тѣми крайностями, до которыхъ дошелъ Наполеонъ въ своихъ щедрыхъ «пожалованіяхъ» членамъ Сената, на сохраненіи которыхъ такъ сильно настаивали сенаторы, принимавшіе участіе въ составленіи проекта конституціи при возареніи Людовика XVIII. Этотъ же законъ представилъ длинный списокъ тѣхъ категорій, изъ которыхъ Король могъ назначать пэровъ. Въ видахъ удобства изложенія мы воспользуемся распредѣленіемъ этихъ категорій на три главныя, предложеннымъ Росси въ его «Cours de

droit constitutionnel» [1]). Къ первой изъ этихъ трехъ категорій относятся лица, оказавшія важныя услуги странѣ; ко второй лица «интеллектуальной знати», по выраженію Росси; къ третьей—лица «денежной знати».

Къ первой категоріи принадлежатъ: президенты Палаты Депутатовъ и другихъ (прежде бывшихъ) законодательныхъ собраній. Депутаты, участвовавшіе въ трехъ законодательныхъ періодахъ. Маршалы и адмиралы; генералъ-лейтенанты и вице-адмиралы, черезъ два года по возведеніи ихъ въ эти званія. Министры. Посланники послѣ трехъ лѣтъ и полномочные министры послѣ шести лѣтъ отправленія этихъ обязанностей. Члены Государственнаго Совѣта—послѣ десяти лѣтъ службы. Префекты тоже спустя 10 лѣтъ. Губернаторы колоній—послѣ пяти лѣтъ службы Члены общихъ избирательныхъ совѣтовъ, бывшіе въ теченіе трехъ выборовъ предсѣдателями этихъ совѣтовъ. Мэры городовъ съ 30 т. и выше населеніемъ, послѣ по крайней мѣрѣ двухлѣтняго пребыванія ихъ въ званіи членовъ муниципалитета и пятилѣтняго отправленія обязанностей мэра. Президенты кассаціоннаго и счетнаго судовъ. Генеральные прокуроры при этихъ судахъ, послѣ пяти-лѣтняго отправленія этой службы. Члены этихъ судовъ—послѣ 5 лѣтъ; генеральные адвокаты—послѣ 10 лѣтъ. Старшіе предсѣдатели королевскихъ судовъ—послѣ 5 лѣтъ. Генеральные прокуроры при тѣхъ судахъ—послѣ 10 лѣтъ. Президенты коммерческихъ судовъ въ городахъ съ 30 т. и болѣе населеніемъ, послѣ четырехъ назначеній на эту должность. Наконецъ, граждане, которымъ за особенныя заслуги будетъ выражена признательность націи.

Ко второй группѣ—интеллектуальной знати—относятся: члены четырехъ академій Института [2]).

[1]) Rossi. Cours de droit constitutionnel, Paris 1867. т. II. с. 66 сл.

[2]) Высшее ученое учрежденіе „Институтъ“ состоялъ тогда изъ четырехъ академій: Французская Академія, Академія Наукъ, Ака-

Наконецъ, къ третьей категоріи—денежной знати—относятся: собственники, главные представители мануфактуры, коммерческихъ и банковыхъ домовъ, платящіе не менѣе трехъ тысячъ франковъ прямыхъ налоговъ.

Проектъ этого закона былъ представленъ Палатѣ Депутатовъ Казиміромъ Перье, министромъ внутреннихъ дѣлъ и президентомъ Совѣта министровъ. Противъ уничтоженія наслѣдственности пэріи выступили такъ называемые «доктринеры», поклонники англійской конституціи—Ройе-Колларъ, Шарль Ламетъ, Гизо, Беррье и Тьеръ. Но они остались въ меньшинствѣ: Палата высказалась за уничтоженіе наслѣдственности громаднымъ большинствомъ 324 противъ 26 голосовъ. Законъ въ цѣломъ былъ принятъ 386 противъ 40 и затѣмъ отправленъ въ Палату Пэровъ. Чтобы обезпечить принятіе послѣднею этого закона, правительство, пользуясь еще не уничтоженнымъ правомъ, назначило 36 новыхъ пэровъ, раздѣлявшихъ правительственные взгляды, и законъ былъ принятъ пэрами 102 противъ 68 человѣкъ.

Законъ 29 декабря имѣетъ большое значеніе въ исторіи французской верхней палаты. Значеніе это обусловливается особенно тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ былъ составленъ послѣ 16-лѣтняго существованія наслѣдственной Палаты Пэровъ. Законъ этотъ служитъ весьма характернымъ свидѣтельствомъ того, что во Франціи нѣтъ и уже не можетъ быть тѣхъ условій, которыя необходимы для прочнаго существованія верхней палаты съ сословнымъ наслѣдственнымъ характеромъ. Тамъ, гдѣ нѣтъ строгаго дѣленія населенія на аристократію и не-аристократію, не можетъ быть и органовъ той и другой. Въ періодъ 1815—1831 гг. была сдѣлана первая серьезная попытка создать во Франціи

демію надписей и изящной словесности и Академія изящныхъ искусствъ. Вскорѣ затѣмъ образовалась пятая—Академія политическихъ и нравственныхъ наукъ.

палату пэровъ по образцу англійскаго House of Lords, но эта попытка окончилась полнѣйшею неудачею, и съ тѣхъ поръ мы не видимъ уже сколько-нибудь серьезныхъ стремленій создать во Франціи наслѣдственную сословную палату.

VI.

Преобразованная закономъ 29 декабря 1831 года Палата Пэровъ просуществовала безъ дальнѣйшихъ измѣненій до 1848 года, когда произошла февральская революція, окончившаяся провозглашеніемъ республики подъ девизомъ «liberté, égalité, fraternité». Передъ составителями конституціи снова явился вопросъ, должна ли законодательная власть быть распредѣлена между двумя палатами или быть сосредоточена въ одной. Въ пользу двупалатной системы говорили Одилонъ Барро и Дювержье де Гораннъ, приводя уже извѣстные доводы. Противъ нихъ выступилъ Ламартинъ, требовавшій одной палаты во имя единаго народа и нераздѣльности законодательной власти. Наконецъ, третья группа, во главѣ которой стоялъ Дюпенъ, ратовала также за одну палату, но нѣсколько иначе мотивируя это, а именно, что хотя двупалатная система и болѣе разумна, но она въ высшей степени опасна при томъ революціонномъ состояніи, въ какомъ находилась въ то время Франція, что при такомъ состояніи возможное сосредоточеніе государственной власти дѣлается особенно необходимымъ условіемъ общественнаго самосохраненія.—Это послѣднее мнѣніе одержало верхъ, и одна полата принята большинствомъ 530 противъ 289 голосовъ.

Но не на долго установилась во Франціи республика. Президенту ея, Людовику Наполеону, были ненавистны дѣятели февральской революціи: 14 февраля 1849 года онъ распустилъ Національное Собраніе. Выборы 13 мая пода-

рили Францію собраніемъ, составленнымъ главнымъ образомъ изъ монархическихъ элементовъ. Новое Національное Собраніе считало въ своей средѣ около 420 монархистовъ, до 200 соціалистовъ — демократовъ (во главѣ которыхъ стоялъ Ледрю-Ролленъ) и около 80 умѣренныхъ республиканцевъ. Такой результатъ народнаго голосованія (правда, не безъ вліянія на избирателей) послужилъ Людовику Наполеону залогомъ будущаго его успѣха на пути къ возстановленію Имперіи. Обстоятельства такъ хорошо сложились для него, что черезъ два года онъ счелъ своевременнымъ сдѣлать знаменитый переворотъ 2 декабря 1851 года.

Отвѣтомъ Франціи на этотъ переворотъ былъ плебисцитъ 20 декабря того же года, делегировавшій учредительную власть Людовику Наполеону. «Французскій народъ желаетъ удержанія власти за Людовикомъ Наполеономъ Бонапартомъ и делегируетъ ему власть, необходимую для установленія конституціи на основаніяхъ, предложенныхъ въ его прокламаціи 2 декабря». Такой отвѣтъ былъ данъ 7,439,216 голосами противъ 640,737.

Составленная тотчасъ же коммиссія изъ пяти членовъ, подъ предсѣдательствомъ самого Наполеона, въ нѣсколько засѣданій выработала новую конституцію 14 января 1852 года. Конституція эта была построена на слѣдующихъ пяти основаніяхъ, одобренныхъ плебисцитомъ:

1) Отвѣтственный глава правительства, назначаемый на 10 лѣтъ.

2) Министры, зависящіе только отъ главы исполнительной власти.

3) Государственный Совѣтъ, образуемый изъ лицъ, наиболѣе выдающихся, изготовляющій законы и поддерживающій ихъ передъ Законодательнымъ Корпусомъ.

4) Законодательный Корпусъ, обсуждающій и вотирующій законы, избираемый всеобщей подачей голосовъ.

5) Второе собраніе, образуемое изъ всѣхъ знаменитостей

(illustrations) страны, власть умѣряющая, хранительница основного договора и общественной свободы.

Такимъ образомъ конституція 1851 года какъ бы признаетъ двупалатную систему. Но это признаніе было только номинальнымъ: упоминаемое въ 5 пунктѣ «второе собраніе» было лишено всякой самостоятельности, и Сенатъ 1852 года сталъ такимъ же послушнымъ орудіемъ въ рукахъ правительства, какъ и знаменитый «Sénat conservateur» Наполеона I.

Вотъ его организація. Число членовъ не свыше 150 (на первый годъ—80). Составъ Сената: 1) кардиналы, маршалы и адмиралы; 2) граждане, которыхъ президентъ республики сочтетъ нужнымъ возвысить въ званіе сенатора. Сенаторы несмѣняемы, званіе ихъ пожизненно. Президентъ республики созываетъ и пророгируетъ Сенатъ. Засѣданія его непубличны. Сенатъ—хранитель основного договора и свободы. Ни одинъ законъ не можетъ быть обнародованъ прежде, чѣмъ будетъ представленъ Сенату.

Сенатъ противится изданію законовъ: 1) которые противорѣчатъ конституціи, религіи, нравственности, свободѣ вѣроисповѣданія, личной свободѣ, равенству гражданъ передъ закономъ, неприкосновенности собственности и принципу несмѣняемости магистратуры; 2) которые угрожаютъ цѣлости территоріи. Это—такъ сказать, отрицательная компетенція Сената. Что же касается до положительной, то она ограничивалась слѣдующими предметами. Сенатъ регулируетъ: 1) конституціи колоній и Алжира; 2) все, что не предусмотрѣно конституціей и что необходимо для надлежащаго приведенія ея въ дѣйствіе; 3) смыслъ статей конституціи, которыя даютъ поводъ къ различнымъ толкованіямъ. Кромѣ того Сенатъ сохраняетъ въ силѣ или объявляетъ недѣйствительными всѣ акты, которые докладываются ему, какъ конституціонные, правительствомъ, или на которые, какъ на таковые, указываютъ петиціи гражданъ.

Сенату не принадлежитъ иниціатива закона, которая, по ст 7, составляетъ исключительную принадлежность президента республики; но онъ можетъ въ докладѣ, обращаемомъ къ президенту, полагать основанія законопроекта особеннаго національнаго интереса; равнымъ образомъ онъ можетъ предлагать измѣненія въ конституціи, на что̀ однако нужно согласіе президента.

Если ближе всмотрѣться въ организацію Сената 1852 года, то нельзя не прійти къ заключенію, что онъ представляетъ сколокъ съ двухъ учрежденій Наполеона I—Трибуната и Охранительнаго Сената, что̀ и обезпечило за нимъ требуемую слабость. Онъ имѣлъ значеніе не самъ по себѣ, а лишь поскольку это угодно было правительственной власти. Сенатъ очень скоро воспользовался предоставленнымъ ему правомъ дѣлать измѣненія въ конституціи, предпочтя это свое право главнѣйшей своей обязанности—быть хранителемъ основныхъ положеній конституціи. 7-го ноября онъ издалъ «сенатусконсультъ, вносящій измѣненія въ конституцію»: въ силу него возстановлялась Имперія. Впрочемъ иниціатива этого измѣненія всецѣло принадлежала правительству. Во время путешествій по провинціямъ принцъ-президентъ почти всюду былъ встрѣчаемъ криками: vive l'Empereur!.. Послѣ этого, конечно, не оставалось ничего, какъ пригласить Сенатъ къ соотвѣтственнымъ измѣненіямъ въ конституціи. Въ три дня все было готово, и 86 голосовъ противъ 1 рѣшили возстановить Имперію. Народное голосованіе дало опять-таки утвердительный отвѣтъ въ плебисцитѣ 21 ноября 1852 года (7,824,000—да; 253,000—нѣтъ; 63,000 бюллетеней пустыхъ).

Характеризуя конституцію 1852 года, Бидерманъ[1]) совершенно справедливо замѣчаетъ, что она есть «не что

---

[1]) „Конституціоное начало", сборникъ изд. Гакстгаузеномъ; переводъ Б. Утина и К. Кавелина Спб. 1866; стр 61.

иное, какъ полная и всецѣлая автократія, рядомъ съ которой конституціонныя формы, которыя Императору угодно было удержать, служатъ не столько ограниченіемъ, сколько болѣе удобнымъ орудіемъ для выполненія его личной воли».

Въ 60-хъ гг. начались либеральныя измѣненія въ конституціи, которыя обѣщали съ теченіемъ времени сдѣлать изъ нея болѣе или менѣе близкое подобіе свободному государственному строю. Измѣненія эти коснулись и интересующихъ насъ органовъ законодательной власти. Такъ, по сенатусконсульту 8 сентября 1869 года инціатива законовъ перестала быть исключительнымъ правомъ правительства: она дарована была Законодательному Корпусу. Кромѣ того засѣданія Сената стали публичными. Сенатъ могъ, указывая на необходимость измѣненій въ законѣ, отсылать его на новое обсужденіе Законодательнаго Корпуса. Онъ могъ противиться обнародованію закона. Всякій членъ Сената получалъ право обращаться съ интерпелляціями къ правительству. Наконецъ, Сенатъ получилъ право регулировать свой внутренній порядокъ.

Дальнѣйшія измѣненія еще болѣе обезпечили конституціонныя формы. Такъ, по сенатусконсульту 21 мая 1870 г. инціатива законовъ была предоставлена и Сенату. Число сенаторовъ могло быть доведено до двухъ третей числа членовъ Законодательнаго Корпуса. Императоръ не могъ назначать болѣе 20 сенаторовъ въ годъ. Кромѣ того Сенатъ получилъ право обсуждать и вотировать законы.

VII.

Затѣянная Наполеономъ III война съ Пруссіей окончилась, какъ извѣстно, капитуляціей Седана и взятіемъ въ плѣнъ виновника этой войны. Извѣстіе объ этомъ страшно возмутило французовъ, которые и раньше-то мало были

расположены къ цезарской затѣѣ и съ напряженнымъ чувствомъ опасенія ожидали извѣстій съ театра войны. Узнавъ о роковомъ событіи, толпа бросилась въ залу засѣданій Законодательнаго Корпуса и потребовала низложенія Императора и провозглашенія Республики. Народное желаніе было исполнено: 4 сентября 1870 года провозглашена Республика и учреждено временное правительство, извѣстное подъ названіемъ Правительства національной обороны (Gouvernement de la défense nationale) [1]).

Но условія для дѣятельности новаго правительства были въ высшей степени неблагопріятны. Война еще не окончена. Просить постыднаго мира не позволяла національная гордость. Вполнѣ отвѣчая народному чувству, Жюль Фавръ писалъ въ своемъ циркулярѣ представителямъ Франціи за границей: «мы не уступимъ ни клочка нашей территоріи, ни камня нашихъ крѣпостей». Французы рѣшились защищаться до послѣдней возможности, и только послѣ пятимѣсячной осады непріятелю удалось войти въ Парижъ и продиктовать унизительный миръ съ пяти-милліардной контрибуціей. Ивбранное для ратификаціи мирнаго трактата Національное Собраніе составилось изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ, и тутъ-то началась сильная, долго продолжавшаяся борьба партій. Главою исполнительной власти былъ избранъ Адольфъ Тьеръ. Имѣя въ виду, что Тьеръ открыто заявилъ себя въ своей политической дѣятельности и въ сочиненіяхъ монархистомъ-конституціоналистомъ, монархическіе элементы сильно разсчитывали на скорое паденіе республики и возстановленіе монархіи. Къ тому же двухмѣсячное господство коммуны очень сильно подѣйствовало на французскую націю и обез-

---

[1]) Въ составъ его вошли слѣдующія лица. Эм. Араго, Крэмье, Жюль Фавръ, Ж. Ферри, Гамбетта, Гарнье Пажесъ. Блэзъ-Бизуенъ, Пелльтанъ, Пикаръ и Ж Симонъ.

печило вліяніе за болѣе консервативнымъ направленіемъ. Сумѣй монархисты сплотиться, сдѣлай они уступки въ своихъ требованіяхъ, — быть можетъ, имъ и удалось бы возстановить монархію. Но они дѣйствовали въ разбродъ, многіе открыто заявляли презрѣніе ко всѣмъ завоеваніямъ политической свободы со временъ революціи 1789 года, и стремленія ихъ окончились ничѣмъ: они лишь нѣсколько затормозили конституированіе республики, свергнувъ Тьера и сдѣлавъ президентомъ маршала Макъ-Магона.

Но надо было такъ или иначе покончить съ безплодною борьбой партій и перейти къ составленію конституціи. Актомъ 20 ноября 1873 года, по которому исполнительная власть вручалась на семь лѣтъ маршалу Макъ-Магону, Національное Собраніе постановило, что «черезъ три дня по обнародованіи настоящаго закона будетъ назначена въ публичномъ засѣданіи, голосованіемъ по запискамъ, коммиссія изъ тридцати членовъ для выработки конституціонныхъ законовъ». Въ составъ этой коммиссіи вошли наиболѣе выдающіеся политическіе дѣятели и ученые — политики того времени, каковы Эдуардъ Лабулэ, Вашеро́, Батби, Дюфоръ, Ваддингтонъ и др. Болѣе года эта коммиссія посвятила на выработку основаній будущей конституціи. Къ концу 1874 года важнѣйшіе законопраекты были готовы, оставалось обсудить ихъ въ Національномъ Собраніи и обратить ихъ въ конституціонные законы.

5 января 1875 года Президентъ Республики обратился къ Національному Собранію съ посланіемъ, въ которомъ онъ говорилъ, что «настало время покончить съ важнымъ обсужденіемъ конституціонныхъ законовъ». Въ этомъ же посланіи онъ предлагалъ поставить на очередь законъ, установляющій вторую палату. «Это», говорилъ онъ, «учрежденіе, котораго наиболѣе настоятельно требуютъ консервативные интересы, которые вы мнѣ довѣрили и отъ защиты которыхъ я никогда не отступлюсь». Въ настоящее

время»—продолжаетъ онъ,—«отношенія между собраніемъ и властью, изъ нея истекшею, незатруднительны: но можетъ быть иначе, когда вы, опредѣливъ срокъ вашихъ полномочій, уступите мѣсто новому собранію. Тогда могутъ возникнуть пререканія, а для ихъ прекращенія необходимо вмѣшательство второй палаты, своимъ составомъ дающей прочныя гарантіи. Эта необходимость не менѣе велика и тогда, когда для прекращенія этихъ пререканій—какъ и требовало мое правительство — исполнительная власть будетъ облечена правомъ прибѣгать къ мнѣнію страны путемъ роспуска. Пользованіе этимъ крайнимъ правомъ было бы опасно, и я самъ затруднился бы воспользоваться имъ, если въ такомъ критическомъ положеніи власть не будетъ чувствовать себя опирающеюся на участіе умѣряющаго собранія» [1]) и т. д.

Затѣмъ началось параллельнное обсужденіе двухъ законопроектовъ коммиссіи тридцати: объ организаціи государственныхъ властей и объ организаціи Сената,—обсужденіе, продолжавшееся полтора мѣсяца. Наконецъ, 24 февраля былъ вотированъ, большинствомъ 435 противъ 234 голосовъ, законъ объ организаціи верхней палаты—Сената; на слѣдующій день подвергнутъ былъ голосованію другой конституціонный законъ объ организаціи государственныхъ властей, принятый 425 голосами противъ 254.

Къ этимъ двумъ основнымъ законамъ надо присоединить еще третій «конституціонный» законъ 16 іюля 1875 года объ «отношеніяхъ государственныхъ властей». Проектъ этого закона выработанъ «второю коммиссіей тридцати», которая была составлена 25 и 26 мая, послѣ того какъ первая коммиссія, вслѣдствіе возникшаго между нею и большинствомъ Національнаго Собранія разногласія, подала

---

[1]) Alfred Devin. Commentaire de la Constitution du 25 fevr 1875; P. 1875, стр. 36 и 37.

въ отставку. Эта же вторая коммисія выработала еще два такъ называемыхъ «органическихъ» закона объ избраніяхъ сенаторовъ и депутатовъ, вотированные Національнымъ Собраніемъ—первый 2 августа, второй—30 ноября 1875 г. Эти послѣдніе вмѣстѣ съ указанными тремя конституціонными законами и составляютъ республиканскую конституцію 1875 г. [1]).

Прежде, чѣмъ перейти къ изложенію организаціи Сената по конституціи 1875 года, считаемъ нелишнимъ сдѣлать маленькое отступленіе. Какъ мы видѣли изъ предшествующаго изложенія, понятія «республика» и «двѣ палаты не уживались одно съ другимъ: единая палата считалась непремѣннымъ условіемъ республиканскаго строя. Теперь мы видимъ не то. Республика установилась, и тѣмъ не менѣе громадное большинство Національнаго Собранія высказалось за раздѣленіе законодательной власти между двумя палатами. Было ли это только результатомъ присутствія въ Національномъ Собраніи сильнаго монархическаго элемента, или также и продуктомъ дѣйствительнаго сознанія необходимости второй палаты? Мы склонны думать, что послѣднее обстоятельство играло не малую роль при установленіи второй палаты въ новой республикѣ.

---

[1]) При разграниченіи понятій „конституціонныхъ“ и „органическихъ“ законовъ, коммиссія руководствовалась опредѣленіемъ, даннымъ Литтрэ. См. Poudra et Pierre. Organisation des pouvoirs publics. P. 1881; стр. 99 прим.).

„Законъ конституціонный“, говоритъ Литтрэ, „есть тотъ, который регулируетъ природу, объемъ и отправленіе государственныхъ властей; законы же органическіе суть тѣ, которые имѣютъ своимъ предметомъ регулированіе способа и дѣйствія учрежденій, основаніе которыхъ освящено предыдущимъ закономъ“. Замѣтимъ здѣсь, кстати, что измѣненія въ конституціонныхъ законахъ требуютъ особо устанавливаемой для этого процедуры; органическіе же законы могутъ быть измѣняемы при посредствѣ процедуры, установленной для законовъ вообще.

Въ подкрѣпленіе этой мысли мы приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ сочиненій Эдуарда Лабулэ, одного изъ виднѣйшихъ республиканцевъ того времени — сочиненій, прекрасно выражающихъ убѣжденія большинства въ Національномъ Собраніи.

Разбирая условія, необходимыя для упроченія новаго правленія, Лабулэ говоритъ: «есть, однако, одно препятствіе къ установленію конституціонной республики, одна опасность, угрожающая свободѣ. Большинство нашихъ республиканцевъ стараго закала допускаетъ лишь единую палату и требуетъ ослабленія, если не полнаго уничтоженія исполнительной власти. Это — ошибка, составляющая особенность Франціи и уже издавна осужденная какъ въ Америкѣ, такъ и въ Голландіи, Бельгіи и Швейцаріи. Эти ложныя идеи погубили Францію въ 1791, 1793 и въ 1848 годахъ. Настаивать на нихъ—значитъ идти къ пропасти. Можно положительно утверждать, что съ одной палатой и безсильной исполнительной властью республика 1871 года погибнетъ такъ же, какъ ея предшественницы, и погибнетъ по ошибкѣ законодателя» [1]).

Замѣтимъ здѣсь, что Лабулэ писалъ это въ маѣ 1871, когда страшное недовольство, вызванное второй Имперіей, еще не улеглось и когда упоминаемые имъ республиканцы «стараго закала» еще давали себя чувствовать: вспомнимъ, что май 1871 года былъ мѣсяцемъ разгара коммуны; но въ послѣдующіе годы образовалась тѣсно сплоченная партія умѣренныхъ республиканцевъ, республиканцевъ-конституціоналистовъ, которые и создали республику 1875 года.

«Раздѣленіе законодательнаго корпуса», продолжаетъ Лабулэ, «есть существенное условіе свободы. Это — единственная гарантія, обезпечивающая націю отъ узурпаціи ея уполномоченныхъ» «Установить двѣ палаты», говоритъ

---

[1]) Questions constitutionnelles, P. 1872.

этотъ писатель въ другомъ мѣстѣ, «обезпечить независимость исполнительной власти, поставить національный суверенитетъ въ безопасность отъ узурпацій, которымъ онъ подвергался столько разъ—вотъ дѣло законодателя» [1]).

Мы могли бы указать еще на нѣкоторыхъ выразителей господствовавшаго въ то время направленія, но считаемъ возможнымъ ограничиться однимъ Лабулэ, такъ какъ другіе писатели лишь такъ или иначе варьировали коренное убѣжденіе, по которому однимъ изъ существеннѣйшихъ условій прочности республиканскаго строя признавалась двупалатная система.

Переходимъ теперь къ самой организаціи второй палаты—Сената.

«Законодательная власть», говоритъ статья 1 конституціоннаго закона объ организаціи государственныхъ властей, «отправляется двумя собраніями: Палатою Депутатовъ и Сенатомъ». — Сенатъ состоитъ изъ 300 членовъ: 225-ти избираемыхъ отъ департаментовъ и колоній, и 75, избранныхъ пожизненно Національнымъ Собраніемъ (въ случаѣ смерти, выхода въ отставку и т. д. «несмѣняемаго», вакансія замѣщается, въ двухмѣсячный срокъ, самимъ Сенатомъ). Сенаторомъ можетъ быть только французъ, по крайней мѣрѣ, 40-лѣтняго возраста, пользующійся гражданскими и политическими правами. Особая статья распредѣляетъ число сенаторовъ (225) по департаментамъ; maximum сенаторовъ, приходящихся на одинъ департаментъ—5, minimum—1. Сенаторы отъ департаментовъ и колоній избираются посредствомъ двустепенныхъ выборовъ (*élection à deux degrès*), особой избирательной коллегіей, составляемой:

1) Изъ депутатовъ.

2) Изъ генеральныхъ совѣтниковъ.

3) Изъ окружныхъ совѣтниковъ.

---

[1]) Questions constitutionnelles. стр. 362.

4) Изъ делегатовъ, избираемыхъ по одному каждымъ муниципальнымъ совѣтомъ среди избирателей коммуны.

Сенаторы (225) отъ департаментовъ и колоній избираются на 9 лѣтъ; черезъ каждые три года третья часть ихъ (75) выходитъ и замѣщается вновь избираемыми. Остальные (75) сенаторы, избранные Національнымъ Собраніемъ и затѣмъ восполняемые самимъ Сенатомъ, несмѣняемы.

Что касается до предметовъ вѣдомства Сената, то они—быть можетъ, и вопреки строгому проведенію принципа раздѣленія властей,—могутъ быть сведены къ тремъ категоріямъ. Сенатъ, во-1-хъ, имѣетъ законодательную власть: ему принадлежитъ, наравнѣ съ Палатой Депутатовъ, право иниціативы и участія въ составленіи законовъ. Что касается до законовъ финансовыхъ, то они, какъ и по всѣмъ предшествовавшимъ конституціямъ, вотируются прежде Палатой Депутатовъ. Во 2-хъ, Сенатъ облеченъ судебною властью: онъ судитъ президента республики и министровъ, его же суду подлежатъ и покушенія на безопасность государства [1]). Наконецъ, въ 3-хъ, функціи Сената распространяются отчасти и на исполнительную власть: статья 5 закона объ организаціи государственныхъ властей гласитъ, что «президентъ республики можетъ, *съ соотвѣтствующаго согласія Сената*, распустить Палату Депутатовъ до законнаго прекращенія ея полномочій». Такое ограниченіе права исполнительной власти распускать представительное собраніе впервые введено конституціей 1875 г. и имѣетъ большое значеніе, являясь весьма дѣйствительнымъ предохранительнымъ средствомъ отъ возможныхъ злоупотребленій высшей исполнительной власти.—Кромѣ

[1]) Впослѣдствіи, въ 1879 году, особый законъ оттѣнилъ судебныя функціи Сената постановленіемъ, по которому въ томъ случаѣ, когда „Сенатъ будетъ призванъ конституироваться въ судъ, онъ назначаетъ городъ и мѣсто, гдѣ будутъ происходить его засѣданія“ (§ 3 статьи 3-й закона 22 іюля 1879 г.).

того, Сенатъ пользуется одинаковымъ съ Палатой Депутатовъ правомъ объявлять надобность въ пересмотрѣ (révision) конституціонныхъ законовъ и участвовать въ избраніи президента республики (въ обоихъ этихъ случаяхъ Сенатъ соединяется съ Палатой Депутатовъ въ Національное Собраніе или Конгрессъ).

Такова организація Сената по конституціи 1875 года. Не входя въ подробное разсмотрѣніе органическаго закона 2 августа (регламентирующаго порядокъ избранія сенаторовъ), отмѣтимъ тѣ измѣненія, какія произведены въ организаціи Сената за послѣдующее время.

Уже давно начали раздаваться энергическіе голоса въ пользу уничтоженія принципа несмѣняемости, который былъ введенъ въ новую конституцію лишь вслѣдствіе особенныхъ, случайныхъ обстоятельствъ, и который плохо гармонировалъ съ демократическимъ строемъ третьей республики. Послѣ цѣлаго ряда неудачныхъ попытокъ къ реформированію Сената, сторонникамъ реформы удалось наконецъ провести въ 1884 году законъ 9 декабря «объ организаціи Сената и избраніи сенаторовъ». Этимъ закономъ упраздняется принципъ несмѣняемости 75 сенаторовъ и установляется вполнѣ однородный составъ верхней палаты (впрочемъ, нынѣ засѣдающіе «несмѣняемые» сенаторы сохраняютъ свое положеніе, такъ что окончательно однородный составъ Сенатъ получитъ лишь послѣ того, какъ сойдутъ въ могилу или оставятъ политическую арену теперешніе «inamovibles).

Другой существенной реформой въ организаціи Сената является установленіе пропорціональности по отношенію къ числу делегатовъ отъ коммунъ, избираемыхъ муниципальными совѣтами. Въ основу ея положены сравнительная населенность различныхъ коммунъ и количество членовъ, входящихъ въ составъ муниципальныхъ совѣтовъ. По закону 1875 года, какъ мы видѣли, въ составъ избирательныхъ

коллегій входитъ, между прочимъ, по одному делегату отъ каждаго муниципальнаго совѣта, независимо отъ числа членовъ этого послѣдняго. Закономъ же 9 декабря 1884 года устанавливается градація въ числѣ делегатовъ, смотря по количеству членовъ муниципальнаго совѣта. Такъ, совѣты, состоящіе изъ 10 членовъ, избираютъ одного делегата; изъ 12 членовъ—2 делегатовъ и т. д., до 24 делегатовъ—число, которое посылаютъ совѣты, имѣющіе въ своемъ составѣ 34 членовъ. Муниципальный же совѣтъ города Парижа будетъ выбирать 30 делегатовъ.

Всматриваясь въ вышеизложенную организацію Сената, мы прежде всего останавливаемся на томъ принципѣ, который лежитъ въ основѣ ея, а именно на принципѣ избранія. Какъ видно изъ предшествующаго изложенія, французы испробовали всѣ возможные способы организаціи второй палаты, и всѣ они оказались не отвѣчающими тѣмъ задачамъ, которымъ должна служить вторая палата. Наслѣдственность ея окончательно канула въ вѣчность, просуществовавъ на французской почвѣ всего какихъ нибудь 15—16 лѣтъ. Пожизненность членовъ верхней палаты, практиковавшаяся болѣе продолжительное время, также не акклиматизировалась во Франціи; перейдя отчасти и въ послѣднюю конституцію, она была наконецъ уничтожена закономъ 9 декабря 1884 года. Остается третій способъ—избраніе, который и является единственно отвѣчающимъ современнымъ условіямъ французскаго государственнаго строя. Въ основаніе его положена не прямая и всеобщая подача голосовъ, а такъ называемая «двустепенная» система, «*système à deux degrés*», такъ какъ иначе, при прямой и всеобщей подачѣ голосовъ, Сенатъ легко могъ бы явиться вторымъ экземпляромъ Палаты Депутатовъ.

Другой особенностью французскаго Сената, обращающей на себя вниманіе, является участіе его въ роспускѣ Палаты Депутатовъ: безъ согласія Сената президентъ Рес-

публики не можетъ распустить палату. Едва ли нужно распространяться о важномъ значеніи этой функціи современнаго Сената. Она лучше всякихъ надеждъ на благоразумное пользованіе правомъ распускать Палату предохраняетъ республику отъ тѣхъ опасностей, которыя, какъ-то показалъ длинный рядъ историческихъ опытовъ, сопряжены съ неограниченнымъ правомъ высшей исполнительной власти распоряжаться собраніемъ народныхъ представителей.

ПЕЧАТЬ ВО ФРАНЦІИ

ПРИ НАПОЛЕОНѢ I.

H. Welschinger — La censure sous le premier Empire, avec documents inédits. Paris. 1882.

Въ этой книгѣ весьма подробно и ярко изображены условія, въ которыхъ находилась французская печать въ первыя пятнадцать лѣтъ XIX столѣтія. До сихъ поръ эта сторона французской жизни въ эпоху Наполеона I была сравнительно мало изслѣдована: все, что писалось о ней, ограничивается нѣсколькими монографіями объ отдѣльныхъ явленіяхъ этого періода французской литературы да немногими указаніями историковъ этой эпохи вообще. Вниманіе послѣднихъ было обращено главнымъ образомъ на богатую событіями внѣшнюю исторію Консульства и первой Имперіи. Это и понятно, такъ какъ Франція того времени жила преимущественно международной жизнью. Войны, завоеванія, стараніе удержать за собою побѣжденныя области и даже цѣлыя государства, необыкновенно оживленныя дипломатическія сношенія — вотъ куда были направлены силы и энергія Наполеоновскаго правительства. И все же, несмотря на страшный застой внутренней жизни, она представляетъ огромный интересъ, тѣмъ

болѣе, что въ ней, между прочимъ, лежитъ ключъ къ объясненію послѣднихъ неудачъ и паденія Наполеона.

Не одни военныя дѣйствія союзныхъ государствъ обусловили собою плачевный конецъ его. Далеко не послѣднюю роль играло здѣсь и то обстоятельство, что эгоистическія стремленія Наполеона къ міровому господству, непрерывный рядъ разорительныхъ войнъ извнѣ и административный произволъ внутри—вызвали во французской націи полное охлажденіе, почти ненависть къ своему повелителю. Даже отказъ его (по возвращеніи съ Эльбы) отъ прежней политики, открыто и торжественно выраженное имъ обѣщаніе служить отнынѣ лишь интересамъ свободнаго развитія французскаго народа не могли вернуть къ нему прежняго довѣрія и любви. Изданіе либеральнаго Дополнительнаго Акта 1815 г., по словамъ историка Реставраціи Віель-Кастеля, «сдѣлалось сигналомъ для такого гнѣвнаго взрыва, который едва ли могъ бы быть вызванъ даже обнародованіемъ кодекса деспотизма».—Все это дѣлаетъ въ высшей степени интереснымъ сочиненіе, изображающее одну изъ важнѣйшихъ сторонъ внутренней жизни Наполеоновской эпохи. Въ немъ мы видимъ чрезвычайно яркую и характерную картину борьбы власти, власти сильной съ однимъ изъ основныхъ началъ свободнаго развитія,—борьбы, въ которой окончательная побѣда остается за послѣднимъ. Мало того: побѣжденная сторона открыто сознается въ своемъ пораженіи, заявляя, что нѣтъ силъ, способныхъ задержать естественное движеніе впередъ, что поставленныя ему преграды всегда обрушиваются на голову ставящаго ихъ...

Книга г. Вельшингера состоитъ изъ пяти главъ и «прибавленія». Глава первая, «La censure», посвящена постепенному развитію цензурнаго законодательства въ эпоху Консульства и первой Имперіи. Во второй главѣ, «Les censeurs», авторъ изображаетъ личный составъ учрежденій,

въ вѣдѣніи которыхъ находились дѣла о печати и театральная цензура. Въ слѣдующихъ трехъ главахъ г. Вельшингеръ весьма подробно останавливается на отношеніи Наполеоновскаго правительства къ различнымъ отраслямъ печати—газетамъ, книгамъ и брошюрамъ и, наконецъ, къ театрамъ. Прибавленіе, которое занимаетъ треть всего сочиненія, заключаетъ въ себѣ множество весьма интересныхъ и большею частью неизданныхъ до сихъ поръ матеріаловъ, которые авторъ нашелъ въ національныхъ архивахъ. Оно разбито на два отдѣла: въ первомъ напечатаны документы, касающіеся цензуры вообще, второй—посвященъ исключительно г-жѣ Сталь—перепискѣ о ней и распоряженіямъ различныхъ должностныхъ лицъ, донесеніямъ префектовъ и т. д.

Не входя въ подробности и оставляя въ сторонѣ театральную цензуру, мы постараемся представить общую картину положенія французской печати при Наполеонѣ I.

Предшествовавшіе вступленію Бонапарта на политическую сцену годы лихорадочнаго возбужденія французской націи, годы разнузданнаго владычества наиболѣе крайнихъ якобинскихъ элементовъ и, далѣе, неумѣлой политики Директоріи какъ нельзя лучше приготовили почву для быстрыхъ и смѣлыхъ шаговъ геніальнаго полководца на пути къ водворенію безграничнаго самовластія. Слава «непобѣдимаго», которую стяжалъ молодой Бонапартъ еще въ эпоху революціонныхъ войнъ и къ которой прибавились новые лавры только-что окончившейся экспедиціи въ Египетъ, обезпечила ту легкость, съ какой ему удалось совершить переворотъ 18 брюмера VIII (1799) г. Необыкновенная популярность его среди войскъ и народныхъ массъ обусловила собою возможность создать соотвѣтствовавшую его планамъ конституцію. Отвергши проектъ Сіейса, въ которомъ главная роль выпадала на долю одного изъ законодательныхъ собраній, Бонапартъ озаботился созданіемъ

такой политической системы, въ которой центръ тяжести лежалъ бы всецѣло въ правительственной власти, иначе говоря—въ его рукахъ. По конституціи 13 декабря 1799 г. первый консулъ былъ все, а такъ называемыя законодательныя собранія (Трибунатъ и Законодательный Корпусъ) обезличены до невозможности, и Наполеонъ впослѣдствіи самъ же издѣвался надъ ними, называя ихъ «глухонѣмыми». Кромѣ этихъ двухъ собраній конституція 1799 года создавала «Охранительный Сенатъ» (Sénat Conservateur), задача котораго состояла въ охраненіи конституціи въ ея чистотѣ и неприкосновенности. Но Сенатъ съ первыхъ же шаговъ отступилъ отъ своего прямого назначенія и явился самымъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ Бонапарта, съ необыкновенной готовностью удовлетворяя малѣйшимъ желаніямъ его по части измѣненія въ духѣ абсолютизма и безъ того далеко не-либеральной конституціи.

Обезпечивъ себя такимъ образомъ отъ возможности встрѣтить какое-либо сопротивленіе, Наполеонъ немедленно же сталъ приводить въ осуществленіе свои завѣтныя мечты. А мечты эти заключались, по его же собственному выраженію, въ *l'empire du monde*. Благо Франціи стояло въ сторонѣ: хорошо, если ея интересы совпадали съ личными цѣлями Наполеона, въ противномъ случаѣ они приносились въ жертву безграничнымъ позывамъ къ славѣ, къ міровому господству ея владыки. Во вступленіи къ Дополнительному Акту онъ самъ открыто заявляетъ, что цѣлью его было созданіе «европейской федеративной системы», конечно, съ нимъ во главѣ. Въ извѣстномъ разговорѣ съ Бенжаменомъ Констаномъ, который онъ имѣлъ по возвращеніи съ Эльбы, еще яснѣе выступаютъ цѣли его политики. «Я стремился», говорилъ онъ, «къ міровому господству и для того, чтобы достигнуть его, мнѣ нужна была безграничная власть». Идя къ этой цѣли, онъ употреблялъ и соотвѣтствующія средства, т.-е. устранялъ все, что стояло

ему на пути, все, что было способно пробудить націю отъ того самообмана, въ который повергъ ее ослѣпительный блескъ военной славы. Онъ хорошо понималъ, что независимыя законодательныя собранія и свободная печать скорѣе всего могли привести къ этому пробужденію, къ сознанію истиннаго положенія дѣлъ и затѣмъ—къ стремленію свергнуть съ себя иго автократа. А потому на эти именно стороны и была обращена внутренняя политика Наполеона. Законодательныя собранія уже въ силу своей организаціи были почти нулемъ, но и та крупица оппозиціи, которая сохранялась въ нихъ, не давала ему покоя. Чтобы уничтожить послѣднюю тѣнь ея, предпринимается рядъ измѣненій въ конституціи, заканчивающійся полнымъ упраздненіемъ особенно безпокойнаго Трибуната (въ 1807 году). Что же касается до Законодательнаго Корпуса, то не въ цѣляхъ Наполеона было совершенно уничтожать его. «Я хочу», говорилъ онъ по поводу перемѣнъ въ конституціи, «имѣть такой законодательный корпусъ, который ничего не требовалъ бы отъ меня; тѣмъ не менѣе не надо его дѣлать еще болѣе слабымъ, чѣмъ каковъ онъ теперь, ибо въ такомъ случаѣ онъ не могъ бы служить мнѣ».

Параллельно съ политикою по отношенію къ законодательнымъ собраніямъ, развиваются не менѣе крутыя и рѣшительныя мѣропріятія Наполеоновскаго правительства въ области печати. Въ конституціи 1799 года, учреждавшей консульство, весьма искусно и не безъ задней мысли былъ обойденъ вопросъ о печати и гарантіяхъ ея свободы, которая послѣ безпокойнаго времени господства якобинцевъ и первыхъ годовъ правленія Директоріи была возстановлена не за долго до 18 брюмера. Это умолчаніе истолковывалось первымъ консуломъ въ томъ смыслѣ, что регулированіе положенія печати принадлежитъ правительственной власти и не требуетъ участія законодательныхъ собраній, что судьба печати и ея дѣятелей можетъ рѣшаться адми-

нистративными распоряженіями и циркулярными предписаніями. И вотъ, 4 января 1800 года появляется «консульскій указъ о газетахъ». Принимая во вниманіе, что многія газеты являются лишь «орудіемъ въ рукахъ враговъ Республики» и что правительство облечено французскимъ народомъ обязанностями «заботиться объ его безопасности», консулы сочли за благо закрыть *шестьдесятъ* газетъ изъ 73, издававшихся въ Парижѣ и Сенскомъ департаментѣ [1]). На министра полиціи возлагалась обязанность слѣдить, чтобы «не печаталось ни одной новой газеты какъ въ Сенскомъ, такъ и въ другихъ департаментахъ». Собственники и редакторы сохраненныхъ тринадцати газетъ должны были явиться въ министерство полиціи для удостовѣренія своего званія французскихъ гражданъ, «сообщенія своего мѣстожительства и подписи и обѣщанія вѣрности конституціи». Немедленное закрытіе угрожало, по этому указу, всѣмъ газетамъ, которыя напечатаютъ «статьи, противныя уваженію общественнаго договора (pacte social), народнаго суверенитета и славѣ французскаго оружія».

Черезъ нѣсколько времени послѣ изданія этого указа первый консулъ пригласилъ министра полиціи Фуше озаботиться, чтобы «редакторы газетъ были неподкупной нравственности и патріотизма», въ видахъ чего и было учреждено при министерствѣ полиціи бюро о печати, которое должно было слѣдить за газетами и книгами. Полицейскимъ агентамъ поручалось наблюдать, чтобы разнощики не выкрикивали названій «недозволенныхъ листковъ и памфлетовъ», чтобы торговцы эстампами «не выставляли ничего противнаго добрымъ нравамъ и принципамъ правительства»;

---

[1]) Всѣ эти 60 газетъ были политическими изданіями. Газеты и журналы, посвященные интересамъ науки, литературы, искусства, торговли, не подлежали закрытію.

въ парижскихъ театрахъ могли даваться лишь тѣ пьесы, на представленіе которыхъ получалось особое разрѣшеніе министра внутреннихъ дѣлъ, и т. д.

Этими мѣропріятіями открывается длинный рядъ декретовъ, указовъ, гласныхъ и тайныхъ циркуляровъ, путемъ которыхъ Наполеонъ и его сподвижники старались прибрать къ рукамъ печать, въ особенности періодическую. По присущему такимъ распоряженіямъ и циркулярамъ свойству, печать очутилась въ крайне неопредѣленномъ положеніи. Правильно организованной цензуры не существовало вплоть до 1810 года, наблюденіе за прессой и постигавшія ее кары сосредоточивались почти исключительно въ рукахъ полиціи, во главѣ которой стоялъ извѣстный Фуше.

Наполеонъ, особенно въ первое время, питалъ сильное нерасположеніе къ цензурѣ и избѣгалъ самаго названія ея, боясь, какъ бы открытое возстановленіе этого ненавистнаго учрежденія временъ стараго порядка не вызвало явнаго недовольства. Но, съ другой стороны, онъ всѣми силами старался водворить самый строгій контроль надъ тѣмъ, что̀ печаталось, особенно же въ области политики. Чтобы согласить эти стремленія, ему очевидно оставалось предоставить самый широкій просторъ административному усмотрѣнію сильнаго въ то время министерства полиціи. «Нужно», говорилъ онъ, «чтобы газеты были подчинены строгой полиціи». Онъ постоянно самъ читалъ ихъ, и малѣйшее проявленіе «неблагонадежности» навлекало кару на смѣлую газету и нерѣдко вызывало со стороны Наполеона упреки въ бездѣйствіи полиціи, которая съ новымъ рвеніемъ обращалась къ преслѣдованію вредныхъ «листковъ».

Что касается книгъ, брошюръ и вообще непериодическихъ изданій, то въ первые годы Консульства они продолжали пользоваться еще нѣкоторою свободой: книги печатались безъ предварительнаго просмотра и разрѣшенія

полиціи. Но уже въ 1803 году была учреждена при министерствѣ юстиціи особая «коммиссія для просмотра», въ которую, «въ видахъ обезпеченія свободы печати», книгопродавцы обязаны были представлять всѣ сочиненія, и затѣмъ уже эта коммиссія разрѣшала продажу и свободное обращеніе ихъ.

18 мая 1804 года Бонапартъ сдѣлался Императоромъ французовъ. Какъ бы въ видѣ уступки либеральнымъ элементамъ и, съ другой стороны, желая замаскировать произвольныя мѣры правительства по отношенію къ печати, Наполеонъ озаботился включеніемъ въ «органическій сенатусконсультъ 18 мая четырехъ статей, которыя должны были гарантировать свободу печати. Этими статьями создавалась «Сенатская коммиссія о свободѣ печати», изъ семи членовъ, избираемыхъ сенаторами изъ ихъ среды. Коммиссіи этой поручалось «пещись о свободѣ печати». Къ ней могли обращаться авторы, издатели и книгопродавцы съ жалобами на «стѣсненія къ напечатанію и свободному обращенію сочиненій». Если коммиссія признавала, что «стѣсненія» не оправдываются «государственнымъ интересомъ», она приглашала министра отмѣнить его распоряженія. Если послѣ трехъ послѣдовательныхъ «приглашеній», стѣсненія не прекращаются, коммиссія черезъ посредство президента Сената созываетъ общее собраніе его, и послѣднее, «въ случаѣ надобности», постановляетъ: «имѣются серьезные признаки, что свобода печати нарушена». Но, замѣчаетъ по этому поводу Вельшингеръ, «было болѣе, чѣмъ вѣроятно, что это послѣднее постановленіе никогда не будетъ примѣнено и что высшее государственное учрежденіе ни въ какомъ случаѣ не рѣшится объявить министру, т.-е. въ концѣ концовъ самому суверену: вы нарушили конституцію!... И дѣйствительно, такого случая не было ни разу во все время существованія Имперіи». Ничтожность подобныхъ гарантій свободы печати выступитъ еще рель-

ефнѣе, если мы примемъ во вниманіе оговорку, что «въ вѣдѣніе сенатской коммиссіи не входятъ абонементныя и періодическія изданія».

Эти послѣднія были предоставлены безграничному произволу. Декретомъ 10 іюля 1804 г. была сдѣлана первая попытка создать правильную цензуру, хотя это слово все еще не было произнесено: при министерствѣ полиціи учреждалось особое «консультаціонное бюро», на которое и возложена была обязанность просматривать газеты, политическія и литературныя изданія, а также театральныя пьесы. Въ своей дѣятельности этому бюро приходилось сообразоваться съ весьма широкими требованіями Наполеона, который по поводу преслѣдованій «Journal des Débats» заявлялъ, что «газеты всецѣло должны быть преданы царствующей династіи», что онъ готовъ «сохранить «Journal des Débats», но лишь подъ условіемъ, что во главѣ этой газеты станутъ люди, которымъ онъ могъ бы довѣрять». Весьма своеобразно относился онъ также къ сообщенію новостей, составлявшихъ главный матеріалъ газетъ. «Всякій разъ», говорилъ онъ, «какъ появится непріятное правительству извѣстіе, оно не должно быть опубликовываемо до тѣхъ поръ, пока въ справедливости его не убѣдятся настолько, что не будетъ надобности говорить о немъ, ибо оно станетъ извѣстнымъ всѣмъ». Нечего и говорить, что подобныя желанія Императора развивали въ агентахъ, слѣдившихъ за прессой, крайнюю подозрительность и неудержимую страсть преслѣдовать безъ разбора все, что, по ихъ мнѣнію, носитъ на себѣ печать неблагонадежности.

Стремленіе Наполеона подавлять все, что казалось ему противоправительственнымъ, доходило до того, что даже такое консервативное и благонамѣренное учрежденіе, какъ Академія, навлекала на себя неудовольствіе Императора. Однажды члены Академіи рѣшили заняться дѣятельностью Мирабо съ политической точки зрѣнія. «Когда же

мы станемъ благоразумны»? писалъ по этому поводу Наполеонъ къ Фуше. «Когда мы воодушевимся истинной христіанской любовью? И когда, въ особенности, каждый будетъ благоразумно оставаться въ предѣлахъ своихъ обязанностей? Что̀ имѣетъ общаго Французская Академія съ политикой? Не болѣе того, что грамматическія правила по отношенію къ военному искусству»...

Безпорядочность того режима, въ которомъ находилась печать съ самаго начала Консульства, неопредѣленность компетенціи тѣхъ органовъ, которые слѣдили за прессой, породили наконецъ потребность въ систематическомъ законѣ о печати, который и былъ выработанъ Государственнымъ Совѣтомъ въ 1808—1810 гг. Декретъ 5 февраля 1810 года «создалъ систему, грозную и для журналистовъ, и для писателей, издателей и книгопродавцевъ. Ограниченіе числа типографій изъ опасенія, что, за недостаткомъ работы, онѣ станутъ печатать опасныя правительству сочиненія; строгое и непрестанное наблюденіе за прессой, ввѣренное агентамъ министерствъ внутреннихъ дѣлъ и полиціи; право главноуправляющаго дѣлами о печати уничтожать типографскіе станки, конфискаціи, штрафы, тюремное заключеніе, аресты—вотъ чѣмъ дышетъ декретъ 5 февраля 1810 г.». Укажемъ главнѣйшія постановленія его.

При министерствѣ внутреннихъ дѣлъ учреждалось «главное управленіе по дѣламъ печати и книжной торговли» (Direction générale de l'imprimerie et de la librairie). Число типографій въ Парижѣ и департаментахъ ограничивалось, при чемъ первыя могли имѣть четыре станка, вторыя—только два. Право на содержаніе типографій выдается лишь тому, кто докажетъ свою «правоспособность, добрые нравы и преданность отечеству и суверену». Воспрещалось печатать все, что̀ противно «обязанностямъ подданныхъ къ суверену и государственному интересу». Содержатель типографіи долженъ сообщать префекту о каждой книгѣ, кото-

рую онъ намѣренъ напечатать; префектъ же каждый разъ даетъ знать объ этомъ министру полиціи. Главноуправляющій можетъ, въ случаѣ если найдетъ нужнымъ, потребовать къ себѣ сочиненіе и отсрочить его печатаніе. Въ такомъ случаѣ оно посылается одному изъ назначенныхъ верховною властью цензоровъ, и затѣмъ, сообразно его заключенію, главноуправляющій предлагаетъ автору сдѣлать нужныя сокращенія и измѣненія; въ случаѣ отказа автора сдѣлать ихъ, онъ запрещаетъ продажу сочиненія и уничтожаетъ уже напечатанные экземпляры.

Такимъ образомъ, декретъ 5 февраля не установляетъ обязательной цензуры, а предоставляетъ рѣшать вопросъ о томъ, должна ли быть цензурована книга, доброй волѣ главноуправляющаго. Другая статья въ видѣ «гарантіи авторовъ и содержателей типографій» предоставляетъ имъ право отдать сочиненіе, до его напечатанія, на предварительный просмотръ.—На свободную продажу каждаго сочиненія должно быть особое разрѣшеніе; если такового нѣтъ, сочиненіе подлежитъ изъятію изъ обращенія. Впрочемъ, той же участи можетъ подвергнуться и разрѣшенное сочиненіе, такъ какъ слѣдующая статья предоставляетъ министру полиціи право задерживать «продажу и свободное обращеніе всякаго сочиненія», хотя бы авторъ или издатель и представили установленное разрѣшеніе.

Какъ видно изъ этого изложенія основныхъ статей декрета, дѣла о печати и книжной торговлѣ сосредоточивались въ особомъ управленіи, хотя въ то же время за полиціей сохранялась весьма широкая власть; такое раздвоеніе сдѣлало еще болѣе несноснымъ положеніе авторовъ, издателей и книгопродавцевъ. Недовольные тѣмъ, что кругъ вѣдомства ихъ значительно съузился съ созданіемъ спеціальнаго учрежденія по дѣламъ печати, органы полиціи самымъ безцеремоннымъ образомъ злоупотребляли оставшеюся въ ихъ рукахъ властью. Задержаніе полиціей сочиненій, прошед-

шихъ черезъ цензуру и получившихъ право свободнаго обращенія, было заурядным явленіемъ.

Не въ мѣру ревностное преслѣдованіе малѣйшихъ признаковъ неблагонамѣренности, какъ цензурой, такъ и полиціей, и вызванное ими недовольство побудили, наконецъ, Наполеона обратиться къ главному управленію съ «совѣтомъ, чтобы оно проникло болѣе либеральными идеями». Въ этомъ духѣ и былъ составленъ въ 1812 г. главноуправляющимъ, барономъ де Поммрѣль, циркуляръ, разосланный цензорамъ. Но вскорѣ наступили первыя серьезныя неудачи Наполеона, которыя снова ожесточили его противъ книгъ и газетъ. Дѣло дошло до того, что постигшія его неудачи онъ сталъ приписывать вредному вліянію распространяемыхъ ими идей. Вотъ что говорилъ онъ въ отвѣтъ на адресъ Государственнаго Совѣта: «идеологіи, этой туманной метафизикѣ, которая, съ особеннымъ стараніемъ отыскивая первыя причины, хочетъ на этихъ основахъ построить законодательство народовъ, вмѣсто того, чтобы приноравливать законы къ требованіямъ человѣческаго сердца и урокамъ исторіи,—вотъ чему надо приписать всѣ бѣдствія, постигшія нашу милую Францію». Понятно, что цензура и полиція еще ревностнѣе стали преслѣдовать все, что казалось имъ вреднымъ, несогласнымъ съ желаніями Императора, и тѣмъ не менѣе постоянно встрѣчали съ его стороны упреки въ слабости и непредусмотрительности.

Большее довѣріе питалъ Наполеонъ къ своимъ «частнымъ цензорамъ», секретнымъ корреспондентамъ, которые сообщали ему обо всемъ, что дѣлалось въ мірѣ печати. Но и они нерѣдко вызывали негодованіе своего повелителя. Любопытный фактъ сообщаетъ по этому поводу г. Вельшингеръ. Одинъ изъ этихъ корреспондентовъ «обвинялъ Мерсана, издавшаго сборникъ «Pensées de Balzac», въ томъ, что онъ будто бы назвалъ Наполеона «бичемъ Божьимъ» (fléau de Dieu). Впослѣдствіи оказалось, что инкриминируе-

мое мѣсто принадлежитъ Бальзаку и направлено противъ Ришельё. «Дуралеи!» воскликнулъ Наполеонъ: «развѣ можетъ это относиться ко мнѣ?.... Нѣтъ, цензура, и доброхотная и оффиціальная, рѣшительно негодна ни на что».

Вскорѣ послѣ произнесенія такого приговора надъ своимъ же созданіемъ Наполеонъ долженъ былъ отречься отъ престола и удалиться на островъ Эльбы. Черезъ годъ послѣ этого онъ сдѣлалъ попытку снова вернутьсл къ власти, но отчасти благодаря военнымъ дѣйствіямъ союзныхъ государствъ, отчасти же вслѣдствіе полнаго охлажденія къ нему наиболѣе вліятельныхъ слоевъ населенія, вторичное правленіе Наполеона продолжалось весьма недолго и извѣстно въ исторіи подъ названіемъ періода Ста Дней. Желая снова утвердиться на французскомъ престолѣ, Наполеонъ рѣшилъ отказаться отъ своей прежней политики, сдѣлать огромныя уступки либеральному духу времени, вступить въ сдѣлку съ своими заклятыми врагами. Вотъ что говорилъ онъ извѣстному публицисту Бенжамену Констану, вожаку либераловъ того времени, которому онъ поручилъ составить новую конституцію: «Я стремился къ міровому господству, и для того, чтобы достигнуть его, мнѣ нужна была безграничная власть. Для того же, чтобы управлять одной Франціей, конституція будетъ пригоднѣе.... Дайте мнѣ ваши идеи: политическія обсужденія, свободные выборы, отвѣтственность министровъ, свободу печати, я хочу всего этого—особенно же свободу печати. Подавлять ее—нелѣпо. Я въ этомъ убѣдился». «Отнынѣ», говорилъ Наполеонъ въ Дополнительномъ Актѣ, «наша цѣль—пріумножить благоденствіе Франціи путемъ водворенія общественной свободы».... Едва ли имѣетъ существенное значеніе вопросъ о томъ, насколько искрененъ былъ онъ въ этихъ обѣщаніяхъ. Важенъ самый фактъ, что Наполеону пришлось отказаться отъ политики произвола и признать себя пораженнымъ въ борьбѣ съ естественнымъ развитіемъ сво-

бодныхъ учрежденій. Вотъ что̀ говорилъ онъ послѣ своего вторичнаго паденія, на островѣ Св. Елены, т.-е. когда для него была отрѣзана всякая возможность снова вернуться къ власти и когда, слѣдовательно, его уже нѣтъ основанія подозрѣвать въ неискренности: «есть въ настоящее время учрежденія—и въ томъ числѣ свобода печати,—о которыхъ не можетъ быть и рѣчи, хороши ли они, а только—возможно ли отказать въ нихъ теченію общественнаго мнѣнія». «Мой сынъ», говорилъ онъ также на островѣ Св. Елены: «обязанъ будетъ царствовать съ свободой печати. Это въ настоящее время необходимо»....

Мы старались въ возможно краткомъ очеркѣ представить общую характеристику того положенія, тѣхъ внѣшнихъ условій, въ которыхъ находилась печать при Наполеонѣ I. Мы не безъ цѣли приводили его взгляды и пожеланія, такъ какъ онъ принималъ самое дѣятельное участіе въ наблюденіи за прессою: съ орлиною зоркостью слѣдя за всѣмъ, что̀ говорилось и писалось, въ особенности въ періодическихъ изданіяхъ, онъ имѣлъ возможность близко видѣть и на себѣ испытать тѣ послѣдствія, къ которымъ приводятъ крутыя мѣры по отношенію къ мысли и ея выраженію; у него, въ концѣ концовъ, накопился богатѣйшій матеріалъ для рѣшенія вопроса о свободѣ печати, и мы видѣли, въ какомъ смыслѣ рѣшилъ онъ его.—Теперь посмотримъ, какъ отражался изображенный нами порядокъ на дѣйствительности, что̀ именно дѣлалось съ газетами и книгами.

Мы уже видѣли, чѣмъ ознаменовался первый годъ консульства Наполеона: изъ 73 издававшихся въ Сенскомъ департаментѣ политическихъ газетъ *шестьдесятъ* были закрыты. Оставшіяся тринадцать сдѣлались предметомъ самыхъ жестокихъ каръ, назойливыхъ преслѣдованій. До декрета 1810 г. не существовало никакой общей нормы, которою руководилось бы правительство въ своей карательной дѣятельности. Печать была предоставлена произволу мини-

стерства полиціи, стоявшаго подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ самого Наполеона, произволу, который становился тѣмъ несноснѣе, что полицейскіе агенты своими неумѣлыми дѣйствіями нерѣдко вызывали неудовольствіе Наполеона и дѣлались еще болѣе подозрительными ко всему «неблагонадежному», еще болѣе ожесточались въ его преслѣдованіи.

Особенное вниманіе правительства было обращено на наиболѣе распространенныя въ то время газеты: *Citoyen Français*, *Journal des Débats*, *Mércure* и др. Статьи первой изъ нихъ о Варѳоломеевской ночи вызвали слѣдующее обращеніе Наполеона къ Фуше: «эта гнусная газета, повидимому, только и дѣлаетъ, что валяется въ крови. Вотъ уже цѣлую недѣлю она занимаетъ насъ Варѳоломеевскою ночью. Каковъ редакторъ ея? Съ какимъ наслажденіемъ этотъ несчастный смакуетъ преступленія и ошибки нашихъ предковъ! Мое желаніе—чтобы этому былъ положенъ конецъ. Перемѣните руководителя этой газеты или закройте ее». Въ отвѣтъ на это внушеніе Фуше писалъ, что «данное газетамъ направленіе произвело на большинство ихъ дѣйствіе, благопріятное видамъ Вашего Величества и благу государства. Остаются лишь три, которыя еще сохраняютъ партійную окраску, это—*Citoyen Francais*, *Journal des Débats* и *Mércure*». Вскорѣ послѣ этого *Citoyen Fransais* долженъ былъ преобразиться во «Французскаго Курьера», такъ какъ слово «гражданинъ» слишкомъ напоминало время революціи. Черезъ нѣсколько времени и названіе «Débats» было признано опаснымъ, ибо слово «дебаты» возбуждало тѣ же воспоминанія: *Journal des Débats* былъ переименованъ въ *Journal de l'Empire*.

Однажды газеты *Débats*, *Publiciste* и *Gazette de France* имѣли неосторожность преувеличить нѣсколько издержки императорскаго двора, и вотъ Наполеонъ снова пишетъ Фуше: «укротите газеты, пусть тамъ появляются хорошія статьи. Дайте понять редакторамъ газетъ *Dèbats* и *Publiciste*, что

не далеко то время, когда я, замѣчая, что онѣ безполезны мнѣ, закрою ихъ вмѣстѣ со всѣми остальными... что я никогда не потерплю, чтобы мои газеты говорили и дѣйствовали противъ моихъ интересовъ, что редакторы могутъ выпускать ядовитыя статейки, но пусть знаютъ, что въ одно прекрасное утро имъ замкнутъ рты». Спустя нѣкоторое время Наполеонъ уже не довольствовался тѣмъ, чтобы газетѣ не вредили ему, онъ сталъ требовать отъ нихъ положительныхъ услугъ: «скажите редакторамъ», писалъ онъ къ тому же Фуше, «что вы уже не будете дѣлать имъ замѣчанія по поводу мелкихъ статей, что теперь вопросъ уже не въ томъ, чтобы ихъ газеты не были дурны, а что онѣ должны быть вполнѣ хороши (tout à fait bons), ибо имъ не позволятъ пользоваться хорошими доходами и не оказывать никакихъ услугъ, а напротивъ еще—вредить».

Угрозы эти вскорѣ же стали приводиться въ исполненіе. Первымъ шагомъ на пути сокращенія газетныхъ доходовъ за «безполезность» было установленіе налога съ нихъ. Сначала это было сдѣлано въ видѣ частной мѣры по отношенію къ *Journal des Débats*, изъ доходовъ которой Наполеонъ приказалъ отчислять три-двѣнадцатыхъ части. Но вскорѣ эта мѣра была распространена на всѣ вообще газеты, при чемъ размѣръ налога опредѣлялся по закону—сообразно доходности изданія, а на практикѣ—по степени благосклонности министерства полиціи къ той или другой газетѣ. Чтобы придать этому налогу болѣе приличный видъ, Наполеонъ приказалъ изъ получавшихся такимъ образомъ суммъ выдавать пенсіи и пособія литераторамъ, — конечно «благонадежнымъ».

Налогъ этотъ взимался и съ департаментскихъ газетъ. Въ то время провинціальная пресса, возникшая въ эпоху революціоннаго оживленія, достигла уже довольно высокой степени развитія: по даннымъ 1807 года во всѣхъ департаментахъ (89) издавалось 170 газетъ. Но наполеоновскій ре-

жимъ сильно задержалъ ея быстрое развитіе. Нерѣдко самыя невинныя сообщенія о мѣстныхъ нуждахъ, разъ только они наводили мысль на то, что не вездѣ и не все «обстоитъ благополучно», навлекали кару на этихъ вѣрныхъ служителей провинціальныхъ интересовъ. Такъ, наприм., газета *Républicain démocrate d'Auch* была закрыта за то, что имѣла неосторожность поднять рѣчь о дороговизнѣ хлѣба.—Почти одновременно съ обложеніемъ провинціальныхъ газетъ министръ полиціи пригласилъ префектовъ «воспретить журналистамъ печатать въ ихъ листкахъ какія-либо статьи о политикѣ, кромѣ тѣхъ, которыя они могутъ перепечатывать изъ оффиціальнаго Монитера». Черезъ два года новый ударъ постигъ департаментскую прессу. Генеральный секретарь министерства полиціи представилъ министру докладъ, въ которомъ между прочимъ говорилось: «Его Величество полагаетъ, что одной газеты, которая занималась бы политическими новостями, будетъ достаточно для каждаго изъ 28 военныхъ округовъ. Въ настоящее время ихъ насчитывается 132; слѣдовательно 104 подлежатъ закрытію». Въ осуществленіе желанія Наполеона тотчасъ же былъ изданъ декретъ, предписывавшій, чтобы въ каждомъ департаментѣ издавалось не болѣе одной политической газеты.

Въ результатѣ всѣхъ этихъ мѣропріятій, говоритъ г. Вельшингеръ, «мысль была изгнана изъ политической прессы, сколько-нибудь талантливые люди оставили ее. Литературная критика, сохранявшая еще нѣкоторое подобіе свободы, также утратила ее. Отнынѣ малѣйшая крупица независимости, самый незначительный грѣшокъ стали уголовными преступленіями», даже хуже—прибавимъ мы—такъ какъ уголовныя преступленія караются судомъ и по закону, а «грѣшки» печати предоставлены были ничѣмъ не ограниченному произволу администраціи. Взамѣнъ честныхъ самостоятельныхъ органовъ общественнаго мнѣ-

нія развилась цѣлая система оффиціозной лжи, разсѣять которую не было никакой возможности, ибо самый ничтожный проблескъ независимости немедленно же навлекалъ кару на смѣльчака.

Казалось бы, что намѣченныя правительствомъ цѣли достигнуты, что ему остается только наслаждаться благотворными результатами принятыхъ мѣръ. Но нѣтъ: министръ полиціи Савари, преемникъ Фуше, находилъ, что газеты все еще представляютъ немалую опасность, что ихъ было слишкомъ много, и вотъ въ пространномъ докладѣ Наполеону онъ рекомендуетъ сократить число парижскихъ газетъ. Интересны мотивы, приведенные въ этомъ докладѣ. Взгляды парижскихъ газетъ, говорилъ Савари, принимаются за-границей за взгляды правительства, а потому и надо озаботиться, чтобы онѣ были дѣйствительно правительственными органами. Достигнуть же этого возможно лишь тогда, когда «содержаніе газетъ будетъ подлежать строгому просмотру передъ напечатаніемъ». Но число ихъ въ Парижѣ дѣлаетъ эту мѣру почти невозможной, а посему министръ и предлагаетъ сократить ихъ до шести [1]).

Проектъ Савари не встрѣтилъ возраженій со стороны Наполеона и въ октябрѣ 1811 года обратился въ законъ. Съ этого времени трудъ наблюденія за періодической печатью значительно облегчился—въ Парижѣ осталось всего три «опасныхъ» газеты: *Journal de l'Empire*, *Gazette de France* и *Journal de Paris*.

Почти одновременно съ сокращеніемъ числа политическихъ газетъ произведена была конфискація права соб-

[1]) Любопытно слѣдующее мѣсто доклада, въ которомъ Савари отмѣчаетъ благотворное вліяніе предлагаемой мѣры на положеніе газетныхъ сотрудниковъ: „что касается до писателей, живущихъ газетнымъ трудомъ, то эта мѣра только улучшитъ ихъ судьбу, снявъ съ нихъ зависимость отъ нѣсколькихъ частныхъ лицъ и обративъ ихъ къ правительству“.

ственности на нихъ. Мотивами къ ней были выставлены слѣдующія обстоятельства: доходы съ газетъ могутъ стать собственностью лишь вслѣдствіе особой концессіи верховной власти, но такой концессіи не было сдѣлано ею, и предприниматели получали большіе барыши, которые сдѣлали нечувствительными постигавшія ихъ кары; наконецъ «не только цензура, но и всякое воздѣйствіе на направленіе газеты должно принадлежать людямъ надежнымъ, извѣстнымъ своей преданостью намъ».. Въ силу этихъ соображеній, право собственности на повременныя изданія было отобрано у законныхъ владѣльцевъ и веденіе газетъ было «пожаловано» (concedée) акціонернымъ обществамъ лицъ вполнѣ «надежныхъ», ибо они составлялись самимъ правительствомъ. Первою подверглась конфискаціи газета *Journal de l'Empire* (бывшая *Débats*).—Полиція, извлекшая изъ конфискаціи газетъ немалую для себя матеріальную выгоду, не стѣсняясь, высказывала восторгъ отъ этой дикой, беззаконной мѣры верховной власти, говоря, что эта «реорганизація газетъ дала его величеству возможность награждать значительное количество людей полезныхъ». Изъ отобранныхъ такимъ путемъ у законныхъ собственниковъ 1,502,000 фр., треть шла въ руки акціонеровъ, остальная же сумма представляла государственный доходъ.

Этими двумя мѣропріятіяии—ограниченіемъ числа газетъ и конфискаціей права собственности на нихъ—политика произвола по отношенію къ печати достигла своего кульминаціоннаго пункта: дальше идти было некуда. «Послѣдняя тѣнь свободы исчезла», говоритъ г. Вельшингеръ. «Доходы, собственность, управленіе газетами, редакторы—все стало принадлежностью правительства. Газеты независимыя были закрыты или присоединены къ оффиціальнымъ. Создавать новыя было воспрещено. Оставшіяся газеты являлись не болѣе, какъ орудіемъ въ рукахъ власти и ея

служителей. Ихъ политика, ихъ убѣжденія были тѣмъ, чѣмъ угодно было ихъ сдѣлать повелителю Франціи. Слова Наполеона «ils ne disent que ce que je veux» нашли себѣ полное осуществленіе, печать была совершенно порабощена»...

Лишивъ газеты всякой возможности быть честными выразителями общественныхъ нуждъ и желаній, обезцвѣтивъ ихъ [1]) до послѣдней степени, правительственные органы сочли своей обязанностью придать хотя бы нѣкоторый интересъ «этимъ печальнымъ листкамъ» и стали придумывать различныя средства, чтобы занять «праздную» публику. Особенный восторгъ главнаго заправителя дѣлами о печати, министра полиціи Савари, вызвала блестящая идея цензора Лемонте, который задумалъ устроить «борьбу между французской и итальянской музыкой». «Въ настоящее время», говорилъ онъ въ своемъ докладѣ, «ощущается сильный недостатокъ въ литературныхъ и театральныхъ новинкахъ. Это—лучшая пища для праздныхъ парижанъ; будучи лишены ея, они устремляются въ политику... Есть одна вещь, которая легко можетъ занять всѣ умы, это—музыка. Нѣтъ въ Парижѣ ни одного человѣка, который не мѣшался бы въ эту область; даже люди, ничего не понимающіе, разсуждаютъ о ней. Итальянская и французская музыка на лицо. Консерваторія имѣетъ своихъ хвалителей. Опера-Буффъ—своихъ поклонниковъ. При первомъ же сигналѣ потекутъ чернильные потоки, и произойдетъ смертный поединокъ между гармоніей и мелодіей... Эта маленькая война можетъ продолжиться нѣсколько времени и отвлечетъ умы отъ большой». Дѣло было наканунѣ войны съ Россіей. *Approuvé très fort*, написалъ на докладѣ Савари...

[1]) Какъ столичнымъ, такъ и провинціальнымъ газетамъ воспрещено было даже печатать, безъ особаго разрѣшенія судебной власти, отчеты о процессахъ въ гражданскихъ и уголовныхъ судахъ.

Чтобы дополнить печальную картину положенія печати при Наполеонѣ I, мы должны остановиться на другой области печатнаго слова—книгахъ. Вскорѣ послѣ учрежденія Консульства былъ изданъ указъ, обязывавшій книгопродавцевъ представлять сочиненія, до выпуска ихъ въ продажу, въ особую коммиссію. Немного времени спустя полиція стала уже требовать сообщенія ей корректурныхъ листовъ. Съ установленіемъ Имперіи авторы, издатели и книгопродавцы получали, повидимому, нѣкоторую гарантію отъ произвола, въ видѣ Сенатской коммисіи, которая должна была «пещись о свободѣ печати». Между тѣмъ, какъ мы замѣтили уже, покорный Наполеону Сенатъ ни разу не воспользовался дарованнымъ ему правомъ объявлять ее въ опасности. Да это и не удивительно, такъ какъ всѣ произвольныя дѣйствія полиціи по отношенію къ печати опирались на согласіе, а иногда и на прямое предписаніе самого Наполеона. Не помогло печати и учрежденіе особаго о ней вѣдомства, такъ какъ за полиціей все же сохранялась весьма широкая карательная власть. Съ декретомъ 1810 г. положеніе авторовъ, издателей и книгопродавцевъ еще ухудшилось вслѣдствіе зависимости ихъ отъ двухъ боровшихся между собою учрежденій. Полиція нерѣдко задерживала даже прошедшія черезъ цензуру книги, а авторовъ подвергала самымъ назойливымъ преслѣдованіямъ и арестамъ.

Особенно жестокія кары обрушивались на трактаты и памфлеты политическаго содержанія, преимущественно же на тѣ, въ которыхъ сказывалось недовольство абсолютизмомъ Наполеона или желаніе вернуть Бурбоновъ. Вслѣдъ за провозглашеніемъ Бонапарта пожизненнымъ консуломъ нѣкто Камиллъ Жорданъ издалъ брошюру—«Истинный смыслъ національнаго вотума о пожизненномъ консульствѣ», въ которой онъ, объявляя себя сторонникомъ этого вотума, дерзнулъ намѣтить рядъ гарантій, въ родѣ прекра-

щенія произвольныхъ арестовъ, отвѣтственности должностныхъ лицъ, свободы печати. Брошюра тотчасъ же была задержана.—Та же участь постигла еще болѣе невинную книгу подъ заглавіемъ «Историческій очеркъ римскаго права». Какую опасность могло представлять подобное изслѣдованіе? «Сочиненіе это», по мнѣнію цензора, «могло повести къ сравненію развитія власти Августа съ тѣмъ, что произошло въ царствованіе Наполеона, и такимъ образомъ произвести вредное дѣйствіе»... Если бы мы не знали, что въ числѣ цензоровъ были довольно извѣстные литераторы, говоритъ г. Вельшингеръ, то «мы могли бы подумать, что просмотръ книгъ былъ порученъ грубымъ невѣждамъ».

Самыя невинныя произведенія, разъ они трактовали или даже просто упоминали о Бурбонахъ, подвергались задержанію или сильнымъ передѣлкамъ. Такъ, полицейскій префектъ Дюбуа счелъ невозможнымъ допустить продажу книги «Муропомазаніе и коронованіе Людовика XVI» и предложилъ дать ей новое заглавіе: «Изслѣдованія о муропомазаніи и коронованіи французскихъ королей со временъ Хлодвига, съ историческимъ очеркомъ того, что происходило въ Реймсѣ 11 іюня 1775 года».—Серьозное препятствіе со стороны цензуры встрѣтила также «Исторія герцога Альбемарль, извѣстнаго подъ именемъ генерала Монка», такъ какъ «одна только наша старая династія заинтересована въ восхваленіи генерала, возвратившаго престолъ Карлу II». «По моему мнѣнію», говоритъ цензоръ, «не слѣдуетъ допускать изданіе этого сочиненія».—«Отрывки изъ Сюлли, содержащія въ себѣ разговоры съ Генрихомъ IV, также найдены были опасными. «Единственная цѣль автора», по заключенію цензора, «это—напомнить французамъ о государѣ, память о которомъ всегда была дорога имъ. Быть можетъ, намѣреніе это и не злобно, но послѣдствія будутъ несомнѣнно дурныя».

Уже приведенные факты достаточно краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о томъ, какъ ограниченъ былъ кругъ предметовъ, о которыхъ можно было говорить, не рискуя подвергнуться карѣ. Честное обсужденіе текущаго положенія дѣлъ стало рѣшительно невозможнымъ; почти столь же невозможнымъ сдѣлались и историческія изысканія, такъ какъ вездѣ полиція и цензура умѣли находить вредныя мысли, коварные намеки. Даже хвалебные гимны въ честь Наполеона, и тѣ не всегда проходили безъ рѣзкихъ замѣчаній со стороны цензуры. Такъ, аббатъ Айлльо написалъ историческую поэму «Эгиптіаду», во славу египетской экспедиціи. «Авторъ заимствовалъ свой планъ изъ «Освобожденнаго Іерусалима», замѣчаетъ цензоръ. «Не такими плохенькими сочиненьицами долженъ быть восхваляемъ Его Величество. Ему нуженъ Гомеръ».

Обсужденіе вопросовъ религіи и философіи было тоже до нельзя стѣснено. Послѣ заключенія конкордата въ 1802 году жестокія кары обрушивались на всѣхъ, кто осмѣливался высказывать сколько-нибудь критическое отношеніе не только къ догматамъ вѣры, но и къ мелочамъ обрядовой стороны католицизма.—Однимъ словомъ, не было такой сферы въ области литературы и науки, куда не проникало бы бдительное око полиціи и цензуры, не оставалось ни одного предмета, который можно было бы подвергнуть честному, безпристрастному изслѣдованію. Неудивительно поэтому, до какого поразительно низкаго уровня упала французская литература за пятнадцатилѣтній періодъ господства «сильной власти».

Въ заключеніе нѣсколько словъ о личныхъ преслѣдованіяхъ, которымъ подвергались особенно неблагонадежные писатели и писательницы.—Всѣ государственныя тюрьмы: Тампль, Бисетръ, Форсъ, Сент-Пелажи и др. заключали въ себѣ немалое количество литераторовъ и публицистовъ. Еще чаще подвергались они высылкѣ изъ Парижа, огра-

ниченіямъ мѣстожительства, полицейскому надзору. Укажемъ, для примѣра, на извѣстнаго Шатобріана, который въ періодъ Консульства заслужилъ большое расположеніе Наполеона (своимъ сочиненіемъ «Le génie du Christianisme»), но впослѣдствіи навлекъ на себя сильный гнѣвъ его. Дѣло въ томъ, что, будучи избранъ въ Академію, Шатобріанъ долженъ былъ произнести традиціонную discours de réception. Наполеонъ, желая получить отъ него благопріятную правительству рѣчь, посулилъ Шатобріану мѣсто главнаго директора императорскихъ библіотекъ съ чрезвычайно большимъ окладомъ. Но тотъ составилъ такую рѣчь, что академикамъ пришлось отказаться выслушать ее, такъ какъ новый сочленъ ихъ показалъ себя ревностнымъ сторонникомъ свободы мысли и печати, къ искорененію которой были направлены всѣ усилія правительства. Въ результатѣ—Шатобріанъ былъ высланъ въ Діеппъ.

Съ особенной рельефностью личныя преслѣдованія «вредныхъ» писателей выступаютъ въ исторіи съ г-жею Сталь. Первымъ поводомъ къ учрежденію надзора за нею послужило то обстоятельство, что вслѣдъ за брюмеровскимъ переворотомъ въ салонѣ ея стали собираться оппозиціонные члены Трибуната и между прочими—Бенжаменъ Констанъ. Этого было достаточно, чтобы «всякій шагъ, поступки, слова г-жи Сталь сдѣлались предметомъ самаго тщательнаго надзора правительственныхъ агентовъ». Въ 1803 году, во время своего отсутствія изъ Парижа, она получаетъ приказъ тайной полиціи о запрещеніи ей въѣзда въ столицу. Нечего и говорить, какъ тяжело отозвалось это изгнаніе на г-жѣ Сталь, съ ранняго дѣтства (она была дочь Неккера) привыкшей жить въ самомъ центрѣ интеллектуальной жизни. Несмотря на безукоризненное поведеніе ея, несмотря на заявленія мѣстныхъ префектовъ, что «она не обнаруживаетъ никакого чувства, никакого желанія, про-

тивнаго интересамъ страны и славѣ французскаго оружія», правительство Наполеона было неумолимо и ни подъ коимъ видомъ не разрѣшало ей въѣзда въ Парижъ. Всюду, гдѣ бы ни бы ла она, ее окружалъ самый бдительный, самый назойливый полицейскій надзоръ мѣстныхъ властей, которыя должны были сообщать въ Парижъ о всѣхъ желаніяхъ и помышленіяхъ «опасной дамы». Въ 1808 году старшій сынъ г-жи Сталь добился аудіенціи у Наполеона, надѣясь выхлопотать для матери разрѣшеніе вернуться въ Парижъ. Узнавъ, что она въ Вѣнѣ, Наполеонъ сказалъ: «ей вѣроятно хорошо тамъ; она должна быть довольна. Ваша мать не зла. Она умна, очень умна, но она совершенно не привыкла ни къ какой субординаціи. Она не прожила бы и полугода въ Парижѣ, какъ мнѣ пришлось бы отправить ее въ Бисетръ или Тампль. Мнѣ было бы это очень непріятно, такъ какъ это надѣлало бы много шуму и повредило бы мнѣ въ общественномъ мнѣніи. Скажите вашей матери, что пока я живъ, она не вернется въ Парижъ. Въ Парижѣ, видите ли, живу я, и я желаю, чтобы тамъ были только преданные мнѣ люди».

Вынужденныя странствованія по чужимъ и преимущественно по нѣмецкимъ землямъ дали возможность г-жѣ Сталь собрать на мѣстѣ богатѣйшій матеріалъ для задуманнаго ею сочиненія о Германіи. Когда оно было совершенно закончено, книгопродавецъ Мамъ взялся издать его и представилъ корректурные листы въ главное управленіе по дѣламъ печати и книжной торговли. Просматривавшіе книгу цензоры высказались въ пользу изданія ея, если только г-жа Сталь согласится на нѣкоторыя измѣненія. Согласіе было дано, и авторъ «Allemagne» уже наслаждалась при мысли, что въ скоромъ времени плодъ ея шестилѣтнихъ упорныхъ трудовъ появится въ свѣтъ, и даже просила редакторовъ *Journal de l'Empire* дать отзывъ объ ея книгѣ. Но полиція воспользовалась предоставлен-

нымъ ей по декрету 1810 года правомъ задерживать прошедшія черезъ цензуру книги и произнесла смертный приговоръ надъ произведеніемъ г-жи Сталь. Напечатанные экземляры были сожжены; той же участи подверглась и рукопись, но къ счастью не оригиналъ, который хранился въ вѣрныхъ рукахъ, а лишь копія съ него.—Въ то же время г-жѣ Сталь было приказано уѣхать въ Соединенные Штаты. «Мѣра эта», по словамъ приказа объ отъѣздѣ, «вызвана дурнымъ направленіемъ, которое эта дама не переставала обнаруживать въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ». Г-жа Сталь отказалась отъ поѣздки въ Америку и немедленно же удалилась въ Коппе, гдѣ и прожила до паденія Наполеона въ апрѣлѣ 1814 года. Что же касается до ея сочиненія «Allemagne», то оно, къ великой досадѣ Наполеоновскаго правительства, было издано въ Лондонѣ въ 1813 году.

Крутая политика «сильной власти» Наполеона во всѣхъ вообще сферахъ внутренней жизни, и въ частности по отношенію къ печати, привела, какъ и слѣдовало ожидать и какъ это всегда бываетъ, къ полному упадку авторитета этой власти среди наиболѣе вліятельныхъ слоевъ населенія. Вмѣсто искренней благонамѣренности и преданности, на обезпеченіе которыхъ была разсчитана политика произвола, она достигла какъ разъ обратнаго — глубокой ненависти къ правительству со стороны тѣхъ именно, въ комъ желали видѣть эту благонамѣренность и преданность. Въ концѣ концовъ Наполеонъ, наученный жизненнымъ опытомъ, и самъ убѣдился, что нельзя безнаказанно преграждать свободное развитіе народовъ, что «есть въ настоящее время учрежденія, а въ томъ числѣ и свобода печати, о которыхъ не можетъ быть и рѣчи, хороши-ли они, а только —возможно-ли отказать въ нихъ теченію общественнаго мнѣнія»...

КОНСТИТУЦІЯ ТРЕТЬЕЙ РЕСПУБЛИКИ.

Статья эта была написана въ 1888 году. Поводомъ къ напечатанію ея было возбужденіе вопроса о пересмотрѣ конституціонныхъ законовъ Франціи, изданныхъ въ 1875 г. Этотъ вопросъ привлекалъ къ себѣ въ то время большое вниманіе, и авторъ статьи, желая оріентировать въ немъ читателей «Русскихъ Вѣдомостей», поставилъ себѣ задачею дать анализъ дѣйствующей во Франціи конституціи, преимущественно тѣхъ ея элементовъ, которые имѣли въ виду сторонники пересмотра. Анализъ этотъ предваренъ очеркомъ условій и обстоятельствъ, при которыхъ создалась эта конституція.

Вопросъ о пересмотрѣ ея выдвинутъ былъ въ началѣ 1888 года монархистами и радикалами. Обѣ эти группы усматривали въ его возбужденіи средство добиться осуществленія своихъ желаній: монархисты мечтали нанести республикѣ рѣшительный ударъ и возстановить монархію, а радикалы стремились внести въ конституцію 1875 г. коренныя измѣненія въ духѣ требованій своей партіи. Резолюція Палаты депутатовъ о необходимости немедленнаго пересмотра конституціи была принята большинствомъ, которое составилось вслѣдствіе соединенія, по этому вопросу,

голосовъ монархистовъ и радикаловъ. Ближайшимъ послѣдствіемъ этого голосованія былъ выходъ въ отставку умѣренно-республиканскаго кабинета Тирара. Мѣсто его заняло радикальное министерство, во главѣ котораго явился Флоке. Будучи вынужденъ сосредоточить вниманіе свое главнымъ образомъ на борьбѣ съ агитаціею Буланже [1]), кабинетъ Флоке только въ октябрѣ 1888 г. внесъ въ Палату депутатовъ свой проектъ пересмотра конституціи. Однако проектъ Флоке, возбудившій недовольство со стороны умѣренныхъ республиканцевъ, которые признавали несвоевременными какія бы то ни было измѣненія въ конституціи, не удовлетворилъ и крайнихъ радикаловъ. Коммиссія Палаты депутатовъ высказалась противъ проекта, который и не получилъ затѣмъ дальнѣйшаго движенія. Съ обостреніемъ проявленій «буланжизма», борьба съ которымъ отодвинула въ сторону всѣ другіе интересы, сошелъ съ очереди и самый вопросъ о пересмотрѣ конституціи, явившійся такимъ образомъ мимолетнымъ эпизодомъ въ исторіи третьей Республики.

Въ предлагаемомъ этюдѣ, который печатается здѣсь съ незначительными сокращеніями сравнительно съ первоначальнымъ текстомъ, данъ очеркъ исторіи конституціи третьей Республики, съ анализомъ основныхъ предположеній упомянутаго проекта Флоке.

I.

Съ паденіемъ второй Имперіи и провозглашеніемъ 4 сентября 1870 года Республики, во главѣ управленія ею стало временное «Правительство національной обороны» [2]).

---

[1]) См. ниже, очеркъ „Буланже и буланжизмъ".

[2]) См. выше, стр. 232 и сл.

Трудна была задача, выпавшая на его долю — задача ликвидаціи тяжелаго наслѣдія наполеоновскаго режима, приведшаго Францію къ острому кризису. Гамбетта съ тѣсно сплоченною группою патріотовъ энергически работалъ надъ организаціею національной обороны, стараясь ободрить населеніе и вызвать рѣшимость защищаться до послѣдней возможности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ надеждѣ встрѣтить поддержку со стороны великихъ державъ, правительство уполномочило Адольфа Тьера совершить поѣздку по Европѣ и склонить иностранные кабинеты въ пользу Франціи. Но ни въ Лондонѣ, ни въ Петербургѣ, ни въ Вѣнѣ, ни во Флоренціи Тьеръ не встрѣтилъ ничего, кромѣ болѣе или менѣе искреннихъ фразъ соболѣзнованія и сочувствія къ бѣдствіямъ Франціи: самое большее, чего онъ могъ достигнуть, это—обѣщаніе содѣйствовать веденію переговоровъ о мирѣ.

Тьеръ вернулся съ твердымъ убѣжденіемъ въ необходимости немедленно начать переговоры о перемиріи, которое дало бы возможность произвести выборы, составить Національное Собраніе и образовать правильное управленіе. Временное правительство, понимая свою отвѣтственность, также сознавало необходимость перемирія и упроченія извѣстнаго порядка, и это тѣмъ болѣе, что въ Парижѣ уже начинали вспыхивать революціонные элементы. Съ другой стороны, и Бисмаркъ не прочь былъ вступить въ переговоры, отчасти, быть можетъ, подъ вліяніемъ желанія нейтральныхъ державъ, отчасти же изъ личнаго стремленія поскорѣе кончить. На первыхъ порахъ успѣхъ переговоровъ казался обезпеченнымъ. Но извѣстіе о капитуляціи Меца (26-го октября) и дальнѣйшія событія быстро измѣнили положеніе дѣлъ. Измѣна Базена вызвала въ Парижѣ сильное возбужденіе. Коммунары и соціалисты съ криками: «Vive la Commune!» ворвались въ Hôtel de Ville и сдѣлали попытку провозгласить новое соціалистическое правительство, коми-

тетъ общественнаго спасенія. Черезъ нѣсколько дней послѣ того попытка эта была повторена. Эти событія, а также горячая прокламація Гамбетты по поводу сдачи Меца, сдѣлали Бисмарка упорнымъ и несговорчивымъ. Правительство національной обороны не признало возможнымъ согласиться на предложенныя Бисмаркомъ условія.

Между тѣмъ военныя дѣйствія продолжались. Французы испытали рядъ новыхъ неудачъ. Осажденный Парижъ терпѣлъ и холодъ и голодъ, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе теряя надежду. Наконецъ, послѣ двадцатиоднодневнаго бомбардированія правительство капитулировало (21-го января 1871 года). Соціалисты въ этотъ и слѣдующіе дни сдѣлали новыя попытки къ возмущенію. 28-го января заключено было перемиріе, срокъ котораго истекалъ 21-го февраля.

8-го февраля состоялись выборы членовъ Національнаго Собранія, первое засѣданіе котораго имѣло мѣсто 12-го. Избранное при столь ненормальныхъ условіяхъ, Національное Собраніе составилось изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ, давшихъ преобладающее большинство монархистамъ (изъ 768 членовъ — республиканцевъ было лишь около 250).

Первою задачею Собранія было избраніе главы правительства, представителя и руководителя его въ трудномъ дѣлѣ веденія переговоровъ съ непріятелемъ и водворенія порядка въ странѣ. Голосъ народа въ величественной манифестаціи указалъ на того, кто можетъ явиться такимъ человѣкомъ: Адольфъ Тьеръ былъ избранъ членомъ Національнаго Собранія, подавляющимъ большинствомъ, въ двадцати шести департаментахъ. Глава либеральной молодежи въ эпоху Реставраціи, первый министръ Монархіи 1830 г., одинъ изъ видныхъ дѣятелей консервативной партіи въ 1848 г., искренній и дальновидный патріотъ въ эпоху второй Имперіи, человѣкъ, обладавшій замѣчательнымъ умомъ

и знаніемъ дѣла, уважаемый всѣми кабинетами Европы, Тьеръ являлся, быть можетъ, единственнымъ человѣкомъ, который могъ благополучно вывести Францію изъ тяжелаго кризиса.

Національное Собраніе избрало его главою правительства, съ званіемъ «Главы исполнительной власти Французской республики»; своимъ президентомъ Собраніе избрало Жюля Греви.

II.

Первыми дѣйствіями Національнаго Собранія, которое, какъ я сказалъ, имѣло монархическое большинство, были—вотумъ низверженія Наполеона III и принятіе прелиминарій мира. Между тѣмъ роялисты и клерикалы поспѣшили начать свои подкопы подъ Республику. Собраніе, открывшееся въ Бордо, не могло, однако, продолжать засѣданія въ этомъ далеко не центральномъ городѣ, избранномъ лишь по необходимости, вслѣдствіе соображеній военнаго характера. Монархическое большинство отказалось засѣдать въ Парижѣ,—городѣ, преданномъ свободѣ и республикѣ,—подъ тѣмъ предлогомъ, что тамъ еще не улеглось вызванное осадою и дальнѣйшими событіями возбужденіе. По предложенію Тьера, рѣшено было перенести засѣданія въ Версаль и собраться 20-го марта.

Между тѣмъ въ Парижѣ обострилось революціонное броженіе, которое съ начала марта стало сказываться все сильнѣе и сильнѣе. 18-го марта въ Hôtel de Ville водворилось новое революціонное правительство—«центральный комитетъ національной гвардіи». Тьеръ отправился въ Версаль, вслѣдъ за нимъ министры и регулярныя войска также оставили Парижъ. Правительство обратилось къ національной гвардіи съ призывомъ примкнуть къ правительству Республики и Національному Собранію. Въ свою оче-

редь и центральный комитетъ издалъ свою прокламацію. Въ Парижѣ установилось коммунальное правительство—антагонистъ версальскому, которое предоставило столицу страны въ руки коммунаровъ, чтобы тѣмъ временемъ собрать остатки регулярной арміи. Попытки мирнаго соглашенія между центральнымъ комитетомъ и Національнымъ Собраніемъ были безплодны. 22-го мая коммуна имѣла послѣднее засѣданіе. Версальскія войска были уже въ Парижѣ... 28-го мая главнокомандующій маршалъ Макъ-Магонъ опубликовалъ прокламацію, въ которой между прочимъ говорилъ: «Жители Парижа! Французская армія пришла спасти васъ. Парижъ освобожденъ... Сегодня борьба окончена; порядокъ и спокойствіе возстановлены». Печальные результаты междоусобія выразились въ слѣдующихъ цифрахъ: армія потеряла до 5.000 челов., коммунары — около 25.000 убитыхъ и раненыхъ. Передъ военными судами предстало около 45.000 (изъ нихъ 875 женщинъ); къ различнымъ наказаніямъ приговорены 10.137 человѣкъ.

Во время междоусобія Національное Собраніе почти бездѣйствовало; но и по прекращеніи смуты заботы Собранія были направлены, къ сожалѣнію, не исключительно на уврачеваніе ранъ. Тенденціи его большинства далеко не удовлетворяли республиканцевъ, даже наиболѣе умѣренныхъ; онѣ не разъ ставили Тьера въ затруднительное положеніе, хотя онъ и старался привлечь на сторону Республики нѣсколькихъ выдающихся монархистовъ, предоставивъ имъ высокіе посты. Дѣлая эти уступки, Тьеръ охранялъ Республику, поддерживаемую общественнымъ мнѣніемъ страны, ясно сказавшимся въ муниципальныхъ выборахъ. Между тѣмъ Собраніе, исходя изъ того, что ему принадлежатъ права учредительнаго собранія, «существенный аттрибутъ верховной власти, коею оно облечено», постановило: «глава исполнительной власти приметъ титулъ Президента французской Республики». Тотъ же актъ, из-

вѣстный подъ названіемъ Constitution Rivet (31-го августа 1871 г.), установилъ отвѣтственность министровъ и президента.

Національное Собраніе и органы исполнительной власти продолжали пребывать въ Версалѣ, несмотря на ясно выражавшееся желаніе парижскаго населенія, вполнѣ успокоившагося. Это обстоятельство значительно увеличило дальнѣйшія затрудненія. Собраніе отсрочило свои засѣданія до 18-го сентября, а въ октябрѣ выборы въ генеральные и окружные совѣты снова дали доказательство расположенія населенія къ республикѣ. Клерикальная реакція потерпѣла на выборахъ неудачу. По возобновленіи засѣданій Тьеръ прочелъ передъ Собраніемъ свое посланіе, въ которомъ приглашалъ его, какъ верховную власть, «конституировать страну».

Между тѣмъ все чаще и чаще стали обнаруживаться несогласія между Тьеромъ и Собраніемъ, особенно по вопросамъ экономическимъ и финансовымъ. 19-го января 1872 года по вопросу о налогахъ на предметы необходимости Тьеръ получилъ меньшинство и подалъ въ отставку, которую впрочемъ тотчасъ же согласился взять обратно.

Не отчаяваясь передъ возникавшими затрудненіями, Тьеръ неуклонно шелъ къ главной, ближайше намѣченной имъ цѣли—освобожденію территоріи отъ непріятеля. Военные законы, заемъ для уплаты непомѣрной контрибуціи, реорганизація арміи, новыя укрѣпленія въ Парижѣ и на восточной границѣ,—все доказывало дѣятельность энергическаго правительства. Заслуги Тьера были велики. Онъ съ честью выполнилъ великую роль, выпавшую на его долю. Несмотря на легитимистскія манифестаціи, происки бонапартистовъ, на петиціи въ пользу папы Пія IX, Тьеръ дѣйствовалъ: онъ не только реорганизовалъ армію,— онъ уравновѣсилъ бюджетъ.

Во время новой отсрочки засѣданій Собранія Тьеръ

переселился въ Парижъ, въ Елисейскій дворецъ. Въ то же время Гамбетта объѣзжалъ различные департаменты и своимъ могучимъ словомъ велъ успѣшно пропаганду въ пользу Республики. Между тѣмъ старыя монархическія партіи открыто выражали надежду на перемѣну формы правленія. Лишь только Тьеръ осмѣливался говорить, что Республика—прежде всего существующій фактъ, что ему ввѣрена эта форма правленія, монархисты Собранія поднимали бурю: «Нѣтъ, нѣтъ, никогда! Вамъ не ввѣряли формы правленія!.. Республика временна!.. Вы не имѣете права навязывать намъ респусблику!..» На это Тьеръ отвѣчалъ: «Если вы можете возстановить монархію, — возстановляйте, вы имѣете права на это. Если это возможно, докажите это мнѣ. Если вы думаете, что интересы страны требуютъ созданія монархіи,—прогоните меня съ трибуны, возьмите власть; не я буду оспаривать ее...»

Монархисты прибѣгали къ самымъ неблаговиднымъ пріемамъ пропаганды, распространяя въ провинціи, въ огромномъ количествѣ, брошюры противъ Тьера и его министровъ, обвиняя ихъ въ сдѣлкахъ съ революціонерами и съ коммуною!.. Къ счастью, среди республиканцевъ различныхъ оттѣнковъ и даже просто либераловъ все болѣе и болѣе упрочивалось сознаніе необходимости оказать рѣшительное противодѣйствіе монархистамъ и клерикаламъ.

13-го ноября 1872 года Тьеръ лично прочелъ передъ Собраніемъ свое посланіе, которое произвело огромное впечатлѣніе. Оно уничтожило всякое сомнѣніе въ его искренности, отдалило отъ него окончательно монархистовъ, хотя и не привлекло къ нему людей крайняго направленія. «Республика существуетъ», — говорилъ онъ: она—законное правленіе страны; желать чего-либо другого означало бы революцію, и революцію самую ужасную изъ всѣхъ. Не будемъ тратить время на провозглашеніе республики; займемся приданіемъ ей направленія, желатель-

наго и необходимаго... Всякое правительство должно быть консервативнымъ, и ни одно общество не можетъ жить безъ правительства, которое не будетъ таковымъ. Республика будетъ консервативной, или ея не будетъ вовсе... Два года, прошедшіе передъ вашими глазами, подъ вашимъ вліяніемъ, подъ вашимъ контролемъ, въ почти полномъ спокойствіи, могутъ дать намъ надежду создать эту консервативную республику, но—только надежду. И пусть никто не забываетъ, что малѣйшей ошибки достаточно для того, чтобы эта надежда исчезла передъ горькой дѣйствительностью...».

Тьеръ сдѣлалъ новыя уступки большинству: онъ предложилъ одинъ изъ портфелей роялисту Фурту; но большинство не удовлетворилось. Насколько умѣренные республиканцы одобряли образъ дѣйствій президента Республики, настолько реакціонеры негодовали. Тьеръ отвергъ ихъ! Тьеръ утверждаетъ, что онъ республиканецъ по убѣжденію. Съ трудомъ прощали они ему даже просто его либерализмъ. Его называли «узкимъ умомъ», обуреваемымъ «старческою болтливостью». Иные готовы были даже заподозрѣть его патріотизмъ.

Собраніе, наконецъ, назначило для выработки конституціи «коммиссію тридцати», но она, вмѣсто того, чтобы установить взаимоотношенія между государственными властями и опредѣлить ихъ функціи, въ теченіе шести недѣль занималась изысканіемъ лишь новыхъ затрудненій, съ цѣлью сломить вліяніе Тьера. Она ограничила право президента участвовать въ засѣданіяхъ Собранія, въ которыхъ онъ могъ говорить не иначе, какъ послѣ предупрежденія наканунѣ, при чемъ по окончаніи рѣчи онъ долженъ былъ немедленно оставить залу, а отвѣтъ на нее долженъ даваться ему лишь на слѣдующій день. Эта безсмысленная мѣра вызвала массу насмѣшекъ и каррикатуръ, одна изъ которыхъ остроумно замѣчала, что отнынѣ

президентъ Республики будетъ сообщаться съ Собраніемъ лишь при помощи голубей.

4-го марта 1873 года Тьеръ снова категорически объяснился по поводу своего посланія. «Во время Имперіи я требовалъ необходимой свободы, теперь я требую необходимыхъ учрежденій... Я—президентъ искренній, лояльный, чего?—Республики... Отъ васъ требуютъ лишь нѣсколькихъ учрежденій, лишь нѣсколькихъ необходимыхъ законовъ»...

8-го апрѣля Собраніе снова отсрочило свои засѣданія до 19-го мая. Монархисты за это время сплотились, а роялистская печать выступила съ открытыми нападками на Тьера. Когда Собраніе возобновило засѣданія, въ странѣ господствовало чрезвычайное безпокойство; многіе депутаты ожидали роспуска Собранія... 24-го мая 1873 года монархистамъ удалось наконецъ свергнуть Тьера большинствомъ 360 противъ 344 голосовъ. Онъ подалъ въ отставку въ тотъ же день, въ 8 часовъ вечера. Въ 10 часовъ вечера президентомъ Республики сталъ маршалъ Макъ-Магонъ.

III.

Монархисты Національнаго Собранія считали Тьера главнымъ, а многіе даже единственнымъ тормозомъ на пути къ возстановленію монархіи и были вполнѣ убѣждены, что его паденіе—серьезный шагъ, обезпечивающій за ними скорое достиженіе завѣтной цѣли. Дальнѣйшія событія не замедлили показать, что они сильно ошибались и что Тьеръ былъ правъ, считая монархическую реставрацію невозможною и стараясь убѣдить въ этомъ членовъ правой. «Когда я обращаюсь въ вашу сторону,—говорилъ онъ въ Національномъ Собраніи,—я вижу консерваторовъ, я это знаю; но въ то же время я вижу тамъ представителей трехъ династій... Если вы можете возстановить монархію, почему вы не дѣлаете

этого теперь же? Вы этого не дѣлаете; вы этого не можете сдѣлать, потому что вы тотчасъ же разъединитесь! Тронъ одинъ, и его нельзя занимать троимъ!..» Тьеръ являлся сознательнымъ противникомъ монархической реставраціи, и прежде всего потому, что противъ нея сила вещей, наличныя обстоятельства и потребности времени.

Президентство маршала Макъ-Магона въ глазахъ многихъ являлось преддверіемъ монархіи. Спокойный, ровный, примирительный режимъ Тьера быстро смѣнился режимомъ борьбы. Подъ флагомъ идей «нравственнаго порядка» новое министерство герцога де- Бройля, объявившее себя «рѣшительно консервативнымъ», немедленно по вступленіи во власть начало войну съ республиканцами, не только крайними, но и умѣренными. Особенное вниманіе обращало на себя вліяніе клерикализма, рѣзко сказавшееся въ цѣломъ рядѣ мѣропріятій новаго кабинета.

Глава кабинета говорилъ, что онъ не тронетъ существующихъ учрежденій; Макъ-Магонъ, съ своей стороны, также заявилъ, что «пока онъ у власти, не будетъ сдѣлано ничего противозаконнаго». Это однако не мѣшало производить тенденціозныя перемѣщенія должностныхъ лицъ и принимать крутыя мѣры по отношенію къ печати; на эту послѣднюю обращено было особенное вниманіе. Секретный циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ затребовалъ у представителей администраціи подробныхъ свѣдѣній о положеніи печати и намекалъ на различные, весьма неприглядные способы воздѣйствія на нее. Этотъ циркуляръ, сдѣлавшійся извѣстнымъ благодаря Гамбеттѣ, ставилъ въ крайне неловкое положеніе кабинетъ Бройля, который не разъ въ эпоху Второй Имперіи рѣзко порицалъ мѣры правительственнаго воздѣйствія на прессу. Президентское посланіе очень кстати закрыло сессію, отстрочивъ засѣданія Собранія на три мѣсяца, до 5-го ноября 1873 года.

Продолжительныя вакаціи были посвящены главнымъ образомъ попыткѣ соглашенія между монархическими партіями—легитимистами и орлеанистами. Главою первыхъ являлся въ то время послѣдній представитель старшей линіи Бурбоновъ графъ Шамборъ [1]), именовавшій себя Генрихомъ V. Вѣрный идеямъ и традиціямъ старой королевской Франціи, онъ говорилъ: «ma naissance m'a fait votre roi» (я вашъ король по рожденію). Онъ одинаково отвергалъ и народный суверенитетъ, и равенство передъ закономъ, и свободу совѣсти, и свободу печати. Орлеанисты же, имѣя во главѣ своей графа Парижскаго, прямого потомка короля Людовика Филиппа, признавали принципы 1789 г. и, будучи сторонниками конституціонной монархіи, допускали широкое участіе народа въ дѣлахъ управленія.

Достаточно вникнуть въ эти существенныя различія, чтобы признать рискованной попытку слить въ одну группу представителей двухъ партій, столь рѣзко расходящихся въ основныхъ принципахъ. Тѣмъ не менѣе попытка была сдѣлана, и очень многіе сильно надѣялись на ея успѣшность.

Выразивъ желаніе посѣтить графа Шамбора, графъ Парижскій говорилъ въ письмѣ къ нему, что «онъ намѣревается не только привѣтствовать главу Бурбонской династіи, но и признать принципъ, представителемъ котораго является графъ Шамборъ. Онъ желаетъ, чтобы Франція искала свое спасеніе въ возвращеніи къ этому принципу, и является предъ графомъ Шамборомъ съ цѣлью увѣрить его, что тотъ не встрѣтитъ себѣ соперника ни въ комъ изъ членовъ его семьи». 5-го августа 1873 года графъ Парижскій лично засвидѣтельствовалъ передъ Генрихомъ V (въ его резиденціи — Фрошдорфѣ) выраженныя имъ въ письмѣ чувства.

---

[1]) Онъ умеръ десять лѣтъ спустя, въ августѣ 1883.

Монархическая реставрація казалась обезпеченною; и въ самомъ дѣлѣ—примиреніе между главными представителями двухъ прежде враждовавшихъ между собою династій было большимъ шагомъ на пути къ ней. Начались оживленные переговоры; монархисты всѣхъ оттѣнковъ, легитимисты, конституціоналисты принялись за изготовленіе программы мѣропріятій, долженствовавшихъ привести къ реставраціи; составились коммиссіи изъ представителей различныхъ группъ правой; между Версалемъ и Фрошдорфомъ или Зальцбургомъ происходили непрерывныя сношенія уполномоченныхъ. Говорятъ, уже были приготовлены кареты и королевскій бѣлый конь для торжественнаго въѣзда Генриха V въ Версаль.

И что́ же? Все это было напрасно. Письмо графа Шамбора къ г. Шенелонъ (Chenelong), въ концѣ октября, разсѣяло всѣ иллюзіи, еще разъ доказавъ безплодность всякихъ попытокъ примирить непримиримое—традиціонныя идеи главы старой королевской династіи съ понятіями и потребностями современной Франціи. «Отъ меня требуютъ писалъ графъ Шамборъ,—чтобы я принесъ въ жертву свою честь. Что́ могу я отвѣтить? Лишь то, что я не отрекаюсь ни отъ одного изъ моихъ прежнихъ заявленій»... Глубоко честный, искренній и прямой, послѣдній изъ Бурбоновъ не рѣшился пожертвовать своими убѣжденіями, до гробовой доски сохранивъ безусловную вѣрность имъ. Какъ бы то ни было, но—въ глазахъ однихъ упрямство, по мнѣнію другихъ—твердость графа Шамбора нанесла сильный ударъ монархистамъ, отнявъ у нихъ послѣднюю надежду на немедленное возстановленіе монархіи. Третья Республика получила новый шансъ на упроченіе.

Между тѣмъ герцогъ де-Бройль удвоилъ строгости по отношенію къ своимъ противникамъ, направляя ихъ главнымъ образомъ противъ общественныхъ учрежденій (муниципальныхъ совѣтовъ) и республиканской печати; монар-

хисты же, въ виду невозможности немедленной реставраціи, придумали новую мѣру, такъ сказать, выжидательнаго характера. Рѣшено было добиться отъ Національнаго Собранія упроченія за Макъ-Магономъ власти на возможно болѣе продолжительное время и надѣлить его по возможности диктаторскими полномочіями. Эта идея нашла себѣ полное сочувствіе какъ въ рядахъ орлеанистовъ, которые такимъ путемъ надѣялись дождаться лучшихъ дней для монархіи, такъ и среди бонапартистовъ, которые находили, что тѣмъ временемъ юный сынъ Наполеона III (умершаго въ началѣ 1873 года) успѣетъ подрости и съ истеченіемъ срока полномочій Макъ-Магона выступитъ передъ всеобщимъ голосованіемъ серьезнымъ претендентомъ на французскій престолъ.

Попытка монархистовъ удалась, хотя и не вполнѣ: законъ 20-го ноября 1873 г. закрѣпилъ за Макъ-Магономъ власть не на десять лѣтъ, какъ то проектировалъ герцогъ де-Бройль, а на семь, при чемъ власть эта должна проявляться въ тѣхъ же условіяхъ «впредь до измѣненій, какія могутъ быть привнесены конституціонными законами». Вторая статья этого закона постановляла, что черезъ три дня по его обнародованіи должна быть назначена коммиссія изъ тридцати членовъ для выработки конституціонныхъ законовъ.

Актъ 20-го ноября 1873 года долженъ былъ, по плану его иниціаторовъ, явиться лишь началомъ дальнѣйшихъ законодательныхъ мѣръ съ цѣлью организовать систему временнаго управленія на семилѣтній срокъ. Но тутъ монархисты потерпѣли рядъ неудачъ. Такъ, въ мартѣ 1874 г. былъ представленъ проектъ избирательнаго закона, который сокращалъ число избирателей на три милліона, но онъ не былъ принятъ. Въ маѣ герцогъ де-Бройль выступилъ съ проектомъ организаціи «Верхней палаты», въ составъ которой предполагалось ввести возможно большее число орлеа-

нистовъ, подъ предсѣдательствомъ герцога Омальскаго, что̀ могло бы привести послѣдняго къ президентству Республики, а затѣмъ, черезъ его посредство,—и къ реставраціи орлеанской монархіи. Но и этотъ проектъ не былъ принятъ.

Произвольныя мѣры по отношенію къ печати, рядъ мѣропріятій, проникнутыхъ клерикальнымъ духомъ, удержаніе осаднаго положенія, при полномъ спокойствіи страны, въ сорока двухъ департаментахъ — все это создавало правительству все новыхъ и новыхъ враговъ. 23-го мая 1874 г. министерство герцога де-Бройля пало передъ коалиціей бонапартистовъ, легитимистовъ и республиканцевъ, которые, надо замѣтить, одерживали блестящія побѣды на частныхъ выборахъ. Но все министерство Фурту, которымъ Макъ-Магонъ имѣлъ въ виду угодить бонапартистамъ, нимало не успокоило общественнаго мнѣнія и, не продержавшись и двухъ мѣсяцевъ, уступило свое мѣсто кабинету, составленному изъ людей, безусловно преданныхъ президенту и получившему названіе «Ministère mac-mahonien».

Въ теченіе 1874 г. Макъ-Магонъ снова напомнилъ Собранію о необходимости дополнить законъ 20-го ноября и организовать управленіе страны. Въ іюлѣ Казиміръ Перье внесъ предложеніе, имѣвшее цѣлью окончательно установить республиканскую форму правленія. Оживленные дебаты, въ которыхъ приняло участіе и правительство, привели къ отклоненію предложенія Перье большинствомъ 374 противъ 333 голосовъ. Видя полное безсиліе Собранія и безцѣльность продолжать безплодную борьбу партій, республиканцы потребовали роспуска Собранія. Но это требованіе, за которое вмѣстѣ съ другими высказался и Тьеръ, было отвергнуто 369 противъ 340 голосовъ. Ничего не сдѣлавъ, Собраніе снова отсрочило свои засѣданія почти на четыре мѣсяца.

Между тѣмъ страна нетерпѣливо ожидала изданія конституціонныхъ законовъ, которые прежде всего должны

были разрѣшить особенно жгучій вопросъ о формѣ правленія. Въ ожиданіи открытія засѣданій Національнаго Собранія Макъ-Магонъ рѣшилъ стоять на почвѣ парламентаризма и 5-го января 1875 г. обратился къ Собранію съ посланіемъ, въ которомъ между прочимъ говорилъ, что «настало время покончить съ важнымъ дѣломъ обсужденія конституціонныхъ законовъ». Онъ предлагалъ прежде всего обсудить законопроектъ, устанавливающій вторую палату. «Это,—говорилъ онъ,—учрежденіе, котораго наиболѣе настоятельно требуютъ консервативные интересы, которые вы мнѣ ввѣрили и отъ защиты которыхъ я не отступлюсь». Несмотря однако на всевозможныя интриги, парламентскія и внѣ-парламентскія, Собраніе дало пріоритетъ законопроекту объ организаціи и преемствѣ государственныхъ властей, находя, что прежде нужно установить форму правленія, а затѣмъ уже, сообразно съ нею, можно организовать и Сенатъ.

21-го января началось обсужденіе законопроекта объ организаціи государственныхъ властей. При второмъ обсужденіи Лабулэ, извѣстный профессоръ и публицистъ, предложилъ слѣдующую редакцію первой статьи. «Управленіе французской Республики составляется изъ двухъ Палатъ и Президента». Предложеніе это, означавшее превозглашеніе республики безъ какихъ бы то ни было ограниченій и условій, было отвергнуто. Требовался компромиссъ, сдѣлка: многіе монархисты, пришедшіе къ сознанію необходимости, въ виду невозможности реставраціи, сохранить существующую форму правленія, не хотѣли однако принять республику безъ нѣкоторыхъ ограниченій. Необходимы были уступки какъ съ той, такъ и съ другой стороны: республиканцы должны были согласиться на присвоеніе президенту почти королевскихъ прерогативъ; монархисты же цѣною этой уступки—признать республиканскую форму правленія.

Вывести собраніе изъ затруднительнаго положенія до-

велось Валлону (Wallon), до тѣхъ поръ весьма мало извѣстному члену праваго центра. Предлагая свою редакцію законопроекта, предлагая, чтобы президентъ Республики избирался Сенатомъ и Палатою депутатовъ, соединенными въ Національное Собраніе, Валлонъ сказалъ: «Я не говорю вамъ: провозгласите Республику! Я говорю: конституируйте правленіе, которое существуетъ въ настоящее время и которое есть правленіе республиканское... Монархія невозможна! Никто ея не предлагаетъ болѣе... Республика будетъ создана противъ васъ, если вы не создадите ея сами». Поправка Валлона была наконецъ принята большинствомъ одного голоса. Такъ 30-го января 1875 года получилъ свое окончательное признаніе принципъ республиканскаго правленія.

Рубиконъ былъ перейденъ. Не болѣе мѣсяца понадобилось для параллельнаго обсужденія двухъ основныхъ конституціонныхъ законовъ. Первымъ былъ вотированъ 24-го февраля 1875 г., большинствомъ 435 голосовъ противъ 234, законъ объ организаціи Сената. На слѣдующій день, 25-го февраля, подвергнутъ былъ голосованію законъ объ организаціи государственныхъ властей (главнымъ образомъ власти президента), принятый 425 голосами противъ 254. Къ этимъ двумъ основнымъ законамъ нужно присоединить еще третій конституціонный законъ 16-го іюля 1875 г., объ отношеніяхъ между государственными властями. Проектъ этого закона выработанъ новою коммиссіею тридцати, которая была составлена (въ маѣ мѣсяцѣ) послѣ того, какъ первая коммиссія, вслѣдствіе возникшаго между нею и Національнымъ Собраніемъ разногласія, подала въ отставку. Эта же вторая коммиссія выработала еще два такъ называемыхъ органическихъ закона объ избраніи сенаторовъ и депутатовъ, вотированные Національнымъ Собраніемъ,— первый 2-го августа, второй—30-го ноября 1875 года.

Эти послѣдніе вмѣстѣ съ указанными тремя конституту-

ціонными законами и составляютъ республиканскую конституцію 1875 г.

IV.

Конституціонные законы 1875 года дали третьей Республикѣ слѣдующую организацію.

На вершинѣ ея стоятъ два законодательныя собранія—Палата депутатовъ и Сенатъ, и глава исполнительной власти—Президентъ Республики. Оба органа законодательной власти—избираемы, при чемъ избраніе ихъ покоится на одномъ основаніи—всеобщемъ голосованіи. Способъ избранія представляетъ однако существенное различіе. Тогда какъ Палата депутатовъ избирается прямою подачею голосовъ, по отношенію къ избранію сенаторовъ примѣнена такъ называемая двустепенная система выборовъ при помощи особыхъ избирательныхъ коллегій. Различіе это обусловливается тѣмъ соображеніемъ, что если бы Сенатъ избирался тѣмъ же порядкомъ, какъ и Палата депутатовъ, то онъ легко могъ бы явиться учрежденіемъ тождественнымъ съ нею. Этимъ же объясняются и различныя условія возраста для депутатовъ и сенаторовъ.

Палата депутатовъ состоитъ изъ 557 человѣкъ, въ избраніи которыхъ имѣютъ право участвовать всѣ совершеннолѣтніе (21-го года) граждане, пользующіеся гражданскими и политическими правами и проживающіе въ данной мѣстности не менѣе полугода (военные, находящіеся на дѣйствительной службѣ, не участвуютъ въ выборахъ). Право быть избраннымъ въ депутаты принадлежитъ всѣмъ полноправнымъ гражданамъ, имѣющимъ не менѣе 25-ти лѣтъ отъ роду. Срокъ депутатскихъ полномочій—четырехлѣтній, по истеченіи котораго производятся общіе выборы всѣхъ членовъ Палаты. Депутаты получаютъ содержаніе въ размѣрѣ 9,000 фр. въ годъ. Президентъ Палаты депутатовъ

сверхъ того получаетъ еще 72,000 фр., что̀ вызывается довольно значительными расходами на представительство (оффиціальные пріемы, обѣды и т. п.).

Сенатъ состоитъ изъ 300 человѣкъ, изъ которыхъ 75 являлись, по конституціи 1875 года, несмѣняемыми пожизненными сенаторами. Принципъ несмѣняемости членовъ представительнаго собранія находится въ явномъ противорѣчіи съ республиканскимъ строемъ и введенъ былъ въ новую конституцію вопреки желаніямъ республиканцевъ, какъ уступка монархическому большинству Собранія 1871 г. Послѣ ряда неудачныхъ попытокъ къ реформированію Сената республиканцамъ удалось наконецъ провести въ 1884 года законъ 9-го декабря, упразднившій принципъ несмѣняемости и установившій вполнѣ однородный составъ верхней палаты. Съ тѣхъ поръ всѣ сенаторы одинаково избираются особыми избирательными коллегіями каждаго департамента, въ составъ которыхъ входятъ: 1) депутаты даннаго департамента, 2) члены мѣстнаго генеральнаго совѣта, 3) члены окружныхъ совѣтовъ и 4) делегаты, особо избираемые по одному отъ каждаго муниципальнаго совѣта. Сенаторомъ можетъ быть избранъ каждый полноправный гражданинъ, имѣющій не менѣе 40 лѣтъ отъ роду. Срокъ полномочій—девятилѣтній. Составъ Сената возобновляется не интегрально, а по частямъ: черезъ каждые три года третья часть ихъ выходитъ и замѣщается вновь избираемыми. Содержаніе членовъ Сената и его президента—то же, что̀ и депутатовъ.

Обѣ палаты имѣютъ слѣдующія одинаковыя функціи: a) предложеніе, обсужденіе и вотированіе законовъ, включая сюда и законы финансовые, которые однако прежде вотируются Палатою депутатовъ; b) выраженіе согласія или отказа по объявленію войны; c) санкціонированіе мирныхъ, торговыхъ, финансовыхъ трактатовъ; d) контроль надъ общею политикою правительства; e) заявленіе необ-

ходимости пересмотра конституціи. Сверхъ того, Палата депутатовъ имѣетъ спеціальное полномочіе возбуждать преслѣдованіе противъ Президента Республики и министровъ, но судъ надъ ними составляетъ прерогативу Сената, которому принадлежитъ также санкціонированіе или отверженіе предложенія Президента Республики о роспускѣ Палаты депутатовъ.

Президентъ Республики избирается абсолютнымъ большинствомъ голосовъ Національнаго Собранія или Конгресса, составляемаго изъ всѣхъ членовъ Сената и Палаты депутатовъ. Срокъ полномочій Президента—семилѣтній, по истеченіи котораго онъ можетъ быть избранъ на новый срокъ. Нельзя не отмѣтить разумности этого порядка, созданнаго Собраніемъ 1871 г., которое не повторило роковой ошибки конституціи 1848 года. Эта послѣдняя установила избраніе президента Республики прямымъ всеобщимъ голосованіемъ, что не мало помогло Наполеону III въ его плебисцитарной кампаніи.

Президенту Республики принадлежитъ право созывать законодательныя собранія въ экстраординарныя сессіи, отсрочивать сессіи и распускать, однако съ согласія Сената, Палату депутатовъ. Ему принадлежитъ, совмѣстно съ палатами, законодательная иниціатива, а черезъ посредство министровъ—и участіе въ обсужденіи законопроектовъ. Онъ обнародовываетъ законы и наблюдаетъ за ихъ исполненіемъ; назначаетъ на всѣ гражданскія и военныя должности; имѣетъ высшее распоряженіе военною силою; ведетъ переговоры о трактатахъ и ратификуетъ ихъ. Ему принадлежитъ также право помилованія. Президентъ Республики—верховный представитель Франціи передъ иностранными государствами. Онъ высшее должностное лицо Республики и является отвѣтственнымъ лишь въ случаѣ государственной измѣны (cas de haute trahison). Каждый изъ его актовъ долженъ быть контрассигнованъ кѣмъ-либо

изъ членовъ министерства, которое и несетъ отвѣтственность передъ палатами и страною.

Таковы основныя черты политической организаціи, созданной конституціей 1875 г. «Вотируя ее, какъ сдѣлку съ приверженцами конституціонной монархіи, — говорилъ Эдуардъ Лабулэ, — республиканцы принесли немалыя жертвы; принесли они ихъ изъ любви къ отечеству, повинуясь той потребности въ согласіи и единеніи, которую чувствовалъ народъ, измученный войною, истомленный революціями... Революціи научили насъ не относиться черезчуръ довѣрчиво къ конституціямъ. Конституція, вотированная нами, далека отъ совершенства, но, въ общемъ, она обезпечиваетъ за страною гарантіи свободнаго управленія. Если Франція, обезпеченная въ своихъ правахъ и наиболѣе дорогихъ интересахъ, будетъ дорожить самоуправленіемъ, конституція мало-по-малу усовершенствуется. Реформа ея незатруднительна. Если же, наоборотъ, страну испугаетъ республика, то самая лучшая изъ конституцій будетъ безсильна сохранить режимъ, который всю силу свою черпаетъ въ общественномъ мнѣніи. Мы сдѣлали то, что позволили сдѣлать намъ обстоятельства; нельзя требовать отъ законодателя бо̀льшаго. Ваша работа закончена, остальное предстоитъ сдѣлать Франціи. Чтобы упрочить Республику, мы взываемъ къ благоразумію правительства, мудрости нашихъ преемниковъ, патріотизму гражданъ, и—да не прогнѣваются тѣ, кто разсчитываетъ на наши раздоры — мы вѣримъ въ будущее». — «Результатъ работы,—говорилъ Гамбетта,—вышелъ лучше, чѣмъ обстоятельства, ее породившія; если мы пожелаемъ усвоить его себѣ и сдѣлать его нашимъ, воспользоваться имъ, особенно же хорошо узнать его, чтобы хорошо примѣнить его на дѣлѣ, то легко можетъ случиться, что эта конституція, которой наши враги страшатся тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе они издѣваются надъ нею, которой наши собствен-

ные друзья еще не знаютъ достаточно,—что эта конституція явится для республиканской демократіи лучшимъ изъ орудій освобожденія, какое только оказывалось въ нашихъ рукахъ...»

Вникая въ конституцію 1875 г. и сравнивая ее съ прежними французскими конституціями, нельзя не отдать ей предпочтенія передъ многими изъ нихъ. Предшественницы ея страдали прежде всего тѣмъ, что онѣ считали себя совершенными и окончательными, стараясь все предвидѣть, все предусмотрѣть. Конституція Третьей Республики коротка и нимало не считаетъ себя совершенствомъ, предоставляя самой жизни вносить въ нее тѣ поправки и улучшенія, на которыя укажетъ опытъ. Многіе не безъ основанія указываютъ, какъ на одно изъ ея достоинствъ, на то обстоятельство, что она не послѣдовала примѣру многихъ своихъ предшественницъ и ни словомъ не упомянула объ общихъ «правахъ человѣка и гражданина». Этимъ устранены изъ конституціи тѣ абстрактныя идеи, тѣ для многихъ спорные общіе принципы, которые со временъ революціи 1789 года дѣлятъ населеніе на рѣзкія группы, ожесточенно враждующія между собою, въ ущербъ спокойствію страны и устойчивости политическаго строя. Конституція 1875 года сказала лишь то, что̀ необходимо было для опредѣленія формы управленія, его органовъ и способовъ ихъ дѣйствія.

Подъ дѣйствіемъ этой конституціи во Франціи впервые прочно установилась система управленія, приближающая ее къ той, которая составляетъ силу и существеннѣйшую черту управленія въ классической странѣ свободы—Англіи. Я говорю о такъ называемомъ управленіи кабинета. Кабинетъ, это — группа министровъ, назначаемыхъ главою государства, но въ дѣйствительности зависящихъ отъ парламента и управляющихъ страною подъ руководствомъ одного изъ членовъ министерства. Для управленія необхо-

дима поддержка обѣихъ палатъ. Теряя ее, министерство выходитъ въ отставку. На практикѣ неблагопріятный кабинету вотумъ верхней палаты не влечетъ за собою его отставки; но неблагопріятный вотумъ Палаты депутатовъ заставляетъ его или уйти, или просить главу исполнительной власти о роспускѣ Палаты. При этомъ министерство обыкновенно рѣшается на послѣднюю мѣру лишь тогда, когда оно убѣждено, что палата не отвѣчаетъ настроенію общественнаго мнѣнія и что новые выборы дадутъ палату, благопріятную министерству.

Ясно, что при такой системѣ народная воля, общественное мнѣніе находятъ себѣ наиболѣе полное выраженіе. Населеніе избираетъ депутатовъ, депутаты же избираютъ правительство, — не de jure, а de facto, такъ какъ глава государства назначаетъ министрами тѣхъ, кто являются выразителями политическихъ взглядовъ большинства Палаты депутатовъ. Во всѣхъ парламентскихъ кризисахъ рѣшающій голосъ принадлежитъ въ концѣ концевъ избирателямъ, т-е. націи.

Важнѣйшая роль въ политическомъ механизмѣ Третьей Республики принадлежитъ такимъ образомъ Палатѣ депутатовъ. Роли Сената и Президента — второстепенныя, но тѣмъ не менѣе необходимыя: они умѣряютъ, уравновѣшиваютъ проявленія главной силы механизма. Сенату принадлежатъ контроль надъ законодательствомъ и активное въ немъ участіе; Президенту—формированіе исполнительнаго правительства; имъ обоимъ—право роспуска Палаты депутатовъ. Это право нимало не угрожаетъ свободѣ; оно, напротивъ, — лучшая гарантія для избирателей, являясь единственнымъ средствомъ обратиться къ суду страны въ эпоху парламентскихъ кризисовъ.

Дѣйствующая конституція дѣлаетъ почти невозможными конфликты, погубившіе, напримѣръ, конституціи 1791 и 1848 гг. Ни одинъ изъ органовъ государственной власти

не можетъ дѣйствовать въ ущербъ другимъ или игнорировать общественное мнѣніе. Если бы Палата депутатовъ пожелала сосредоточить въ своихъ рукахъ всю полноту власти, подобно Конвенту, или проектировала пагубные законы, Сенатъ можетъ воспротивиться этому, отвергнувъ ея предложенія или вступивъ съ Президентомъ въ соглашеніе объ ея роспускѣ. Если бы Сенатъ проникся мятежнымъ духомъ, то онъ во всякомъ случаѣ не могъ бы остановить теченіе дѣлъ, такъ какъ кабинетъ не зависитъ отъ него. Президентъ Республики также не можетъ вести политику произвола и покуситься на свободу, такъ какъ министры въ правѣ отказываться контрассигновать его акты, а Палата депутатовъ—отказать въ бюджетѣ; онъ не можетъ круто и самолично распорядиться съ этою послѣднею, такъ какъ для ея роспуска необходимо согласіе Сената; къ тому же, его полномочія—срочныя.

Многолѣтнее примѣненіе конституціи 1875 года обнаружило на дѣлѣ многія достоинства ея. Она дала странѣ возможность благополучно пережить опасный кризисъ 1877 года [1]), когда монархическая реставрація казалась неизбѣжною. Несмотря на то, что Макъ-Магону удалось получить согласіе Сената на роспускъ Палаты депутатовъ, Республика уцѣлѣла: на новыхъ выборахъ населеніе избрало представителей, давшихъ въ палатѣ республиканское большинство, — и Сенатъ и Президентъ должны были преклониться передъ волею страны.

Практика дѣйствующей конституціи показала также, что при ней вполнѣ возможно прогрессивное развитіе политической и общественной жизни. Въ сентябрѣ 1875 года А. Накэ, одинъ изъ видныхъ въ то время членовъ ради-

---

[1]) А впослѣдствіи и другой кризисъ, развившійся до значительныхъ размѣровъ на почвѣ „Буланжизма“. См. ниже очеркъ „Буланже и буланжизмъ“.

кальной партіи, формулировалъ программу желательныхъ реформъ. И что же? Изъ четырнадцати пунктовъ ея шесть осуществлены вполнѣ, три—въ значительной мѣрѣ.

Несмотря, однако, на это, въ 1880-хъ годахъ все чаще и чаще стали раздаваться голоса, рѣзко осуждающіе конституцію 1875 г. и требующіе радикальнаго пересмотра ея. Голоса эти громче всего идутъ изъ радикальной партіи и затѣмъ, особенно въ послѣднее время, изъ среды остатковъ монархическихъ партій. Мотивы тѣхъ и другихъ глубоко различны: первые стремятся къ улучшенію существующаго строя, вторые—къ его ниспроверженію. Чьи надежды оправдаются, покажетъ будущее.

Въ 1888 году глава радикальнаго кабинета Флоке выступилъ съ проектомъ весьма существенныхъ измѣненій конституціи 1875 г., совокупность которыхъ имѣетъ въ виду устранить три главные порождаемые ею недостатка.

Прежде всего Флоке, въ объяснительной запискѣ къ своему проекту, указываетъ на медленность и нерѣдко безплодность законодательной дѣятельности, что̀ и приписывается имъ, во-первыхъ, тому, что всѣ законопроекты проходятъ дважды однѣ и тѣ же стадіи въ обѣихъ палатахъ, которыя, будучи различны по своему происхожденію и темпераменту, одинаково обсуждаютъ ихъ во всѣхъ деталяхъ; во-вторыхъ, тому, что Палата депутатовъ возобновляется интегрально, сразу, что̀ влечетъ за собою перерывъ, а нерѣдко и полное оставленіе работъ начатыхъ, иногда на половину законченныхъ. Въ виду необходимости упростить организацію законодательной власти, Флоке проектируетъ установить частичное возобновленіе Палаты депутатовъ, по третямъ, черезъ каждые два года; это, по его мнѣнію, позволитъ уничтожить право роспуска и отсрочекъ. Сенатъ также подлежитъ возобновленію по третямъ въ тѣ же періоды, что и Палата депутатовъ, при чемъ Флоке рекомендуетъ сохранить за нимъ лишь

власть контролирующую по отношенію къ совокупности законопроектовъ (une autorité de contrôle sur l'ensemble des lois); по финансовымъ законамъ за Сенатомъ сохраняется лишь право дѣлать замѣчанія на законопроекты, которые, если Палата депутатовъ несогласна со сдѣланными замѣчаніями, вступаютъ въ законную силу.

Вторымъ недостаткомъ дѣйствующей конституціи въ глазахъ Флоке являются отчасти исключительно политическій характеръ занятій палатъ и особенно отсутствіе у нихъ компетентности, дѣловыхъ знаній по многимъ вопросамъ. Этотъ недостатокъ Флоке предлагаетъ устранить созданіемъ или, вѣрнѣе, реформою существующаго Государственнаго Совѣта, которому проектируется дать «роль консультативную въ приготовленіи, обсужденіи и редакціи законовъ съ юридической стороны».

Наконецъ, третьимъ недостаткомъ Флоке признаетъ частые министерскіе кризисы, неустойчивость исполнительной власти, компрометирующую дѣло администраціи въ ущербъ общимъ интересамъ внутреннимъ и внѣшнимъ. Во избѣжаніе частыхъ кризисовъ проектируется назначать министровъ на извѣстный періодъ, соотвѣтствующій частичному возобновленію палатъ, съ тѣмъ однако, что за Палатою депутатовъ сохраняются во всякое время какъ право возбуждать противъ министровъ преслѣдованіе передъ Сенатомъ, такъ и право въ извѣстныхъ случаяхъ объявлять, что они утратили довѣріе.

Внимательное разсмотрѣніе проектируемыхъ Флоке измѣненій приводитъ къ убѣжденію, что далеко не всѣ они нужны, полезны и цѣлесообразны. Возобновленіе Палаты депутатовъ по частямъ представляетъ, правда, значительныя удобства и можетъ имѣть хорошія послѣдствія, внося большее спокойствіе въ жизнь представительнаго собранія, обезпечивая за нимъ наличность извѣстныхъ традицій и опытности, хранителемъ которыхъ будутъ, въ моментъ

каждаго возобновленія, остающіяся двѣ трети собранія. Но намъ кажется болѣе чѣмъ сомнительною возможность, установивъ частичное возобновленіе, упразднить право роспуска. Это нововведеніе вовсе не устранило бы возможности несоотвѣтствія настроенія большинства Палаты съ общественнымъ мнѣніемъ и остраго антагонизма между отдѣльными группами членовъ Палаты, а слѣдовательно и парламентскихъ кризисовъ, разрѣшеніе которыхъ всего удобнѣе достигается обращеніемъ къ странѣ. Роспускъ Палаты позволилъ бы въ извѣстныхъ случаяхъ производить общіе выборы, такъ какъ нерѣдко является безусловно необходимымъ прислушаться къ голосу цѣлой страны, что конечно не можетъ быть при упраздненіи права роспуска.

Нельзя не признать также вполнѣ неудачнымъ проектируемаго уменьшенія власти Сената, который является лучшею гарантіей зрѣлости законодательныхъ мѣропріятій, особенно въ виду признаваемыхъ самимъ Флоке горячности, неподготовленности и некомпетентности многихъ членовъ Палаты депутатовъ. Сенатъ Третьей Республики, какъ показываетъ ея прошлое, едва ли можно упрекнуть въ томъ, что онъ являлся помѣхою или тормозомъ въ законодательной дѣятельности. Вмѣстѣ съ тѣмъ объяснительная записка Флоке даетъ очень неопредѣленное представленіе о томъ, что̀ собственно онъ проектируетъ въ этой области, что̀ онъ разумѣетъ подъ терминомъ «контроль за совокупностью законовъ» и въ чемъ будетъ выражаться этотъ контроль, если въ Сенатѣ каждый законопроектъ не будетъ проходить тѣ же необходимыя стадіи обсужденія, какъ и въ Палатѣ депутатовъ?

Весьма сомнительна и цѣлесообразность мѣропріятій по отношенію къ Государственному Совѣту. Во всякомъ случаѣ созданіе новаго учрежденія съ подготовительными законодательными функціями едва ли есть надлежащее орудіе противъ медленности законодательнаго механизма.

Что касается наконецъ надежды устранить частые министерскіе кризисы вышеуказанною мѣрою, то она является, по нашему мнѣнію, довольно призрачною, ибо нимало не устраняетъ тѣхъ причинъ рѣзкаго дѣленія на борющіяся между собою партіи, готовыя нерѣдко вступать между собою въ коалиціи съ цѣлью свалить непріятное имъ министерство, которыя вызывали кризисы, особенно частые въ послѣдніе годы.

Въ виду этихъ соображеній проектъ Флоке представляется далеко не удовлетворительнымъ. Онъ стремится излечить нѣкоторые существующіе недостатки далеко не надлежащими средствами. Медленность законодательной работы, нерѣдко ея безплодность существуютъ несомнѣнно; налицо и частые министерскіе кризисы, вредно отражающіеся на самыхъ существенныхъ интересахъ. Но эти явленія обусловливаются прежде всего не какими-либо недостатками конституціи 1875 г., какъ совокупности извѣстныхъ законоположеній. Причина ихъ лежитъ гораздо глубже, а именно въ общихъ политическихъ условіяхъ и прежде всего въ чрезвычайной партійности. Населеніе Франціи и особенно ея представители въ законодательныхъ палатахъ дробятся на цѣлый рядъ партій, рѣзко-непримиримыхъ, вѣчно враждующихъ между собою и въ этой враждѣ нерѣдко забывающихъ о наиболѣе крупныхъ общихъ интересахъ страны. Бѣда въ томъ, что въ основаніи различія между партіями лежатъ идеи и идеалы, трудно или даже совсѣмъ непримиримые. Вся страна дѣлится на республиканцевъ и враговъ республики. Республиканцы въ свою очередь дробятся на двѣ большія группы, крайне враждебныя другъ къ другу—умѣренныхъ оппортюнистовъ и радикаловъ, не считая мелкихъ подраздѣленій въ предѣлахъ каждой изъ нихъ. Враги Республики дѣлятся на орлеанистовъ, которые со смертью графа Шамбра въ значительной степени поглотили прежде сильную партію ле-

гитимистовъ и имперіалистовъ, дробящихся въ свою очередь на сторонниковъ принца Жерома и принца Виктора. наконецъ недавно зародилась новая партія «буланжистовъ» [1]).

Въ основѣ различія между партіями лежитъ прежде всего вопросъ о самой формѣ правленія, затѣмъ — преданность той или другой изъ царствовавшихъ династій. Ни одна изъ партій не идетъ ни на какія уступки; всѣ онѣ съ ожесточеніемъ борются между собою и на выборахъ, и въ законодательныхъ собраніяхъ, особенно въ Палатѣ депутатовъ, дѣлая засѣданія ея ареною мелкихъ, иногда чисто личныхъ пререканій, вслѣдствіе чего и самая законодательная работа ея становится не только медленною, но и безплодною. Вслѣдствіе этого такъ часты и министерскіе кризисы.

Противъ этого коренного недостатка французской политической жизни безсильны какія бы то ни было законодательныя мѣропріятія. Это—зло, унаслѣдованное Третьею Республикою отъ всей прошлой исторіи Франціи. Искоренить его могутъ лишь время и трудъ, направленный на спокойное общественное и политическое развитіе Оно исчезнетъ лишь тогда, когда поднимется общій уровень политической зрѣлости во Франціи, когда обломки стараго строя проникнутся пониманіемъ требованій времени и разумнаго прогресса, когда различныя группы населенія будутъ преслѣдовать не мелкіе партійные интересы, а высшія задачи всесторонняго культурнаго развитія.

---

[1]) Статья эта была написана въ 1888 г

БУЛАНЖЕ И БУЛАНЖИЗМЪ [1]).

Самоубійство генерала Буланже, покончившаго съ собою (въ октябрѣ 1891 г.) при столь романической обстановкѣ [2]), снова сосредоточиваетъ всеобщее вниманіе на этой личности, которой довелось въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ играть такую видную роль въ жизни французской Республики. Какъ ни близко къ намъ то время, когда онъ былъ «героемъ дня», моментъ, пережитый Франціей въ эпоху буланжизма, такъ важенъ, что мы считаемъ нелишнимъ остановиться на характеристикѣ его, въ связи съ

---

[1]) Статья была напечатана въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ (21 октября 1891 года).

[2]) Упоминаемая въ телеграммахъ г-жа Бонмменъ (Bonnemains), на могилѣ которой застрѣлился Буланже, находилась въ связи съ нимъ и умерла въ Брюсселѣ 4-го іюля 1891 года. Связь между ними въ теченіе нѣкотораго времени была покрыта тайною и сдѣлалась общеизвѣстною только послѣ извѣстной дуэли Буланже съ Флоке (въ іюлѣ 1888 г), когда г-жа Бонмменъ ухаживала за раненымъ генераломъ. Вліяніемъ ея объясняли въ свое время бѣгство Буланже въ Брюссель, но *Gaulois*, говоря о смерти г-жи Бонмменъ, отрицаетъ это, увѣряя, что она, слѣдуя настоянiемъ Деруледа и другихъ буланжистовъ, уговаривала генерала остаться въ Парижѣ, но убѣжденія ея оказались безуспѣшными.

данными о личности такъ плачевно кончившаго генерала Буланже.

Жоржъ-Эрнестъ-Жанъ-Марія Буланже родился въ городѣ Реннъ 29-го апрѣля 1837 года. По окончаніи курса въ лицеѣ въ Нантѣ, онъ вступилъ въ военную Сенъ-Сирскую школу (въ 1855 г.), откуда вышелъ въ чинѣ подпоручика (sous-lieutenant) и былъ посланъ въ Алжиръ (въ 1857 г.), гдѣ подъ начальствомъ маршала Ронолонъ участвовалъ въ одномъ изъ походовъ. Впослѣдствіи онъ принималъ участіе въ Итальянской войнѣ (въ 1859 г.) и особенно отличился въ сраженіи при Ребеккетто, получивъ тамъ серьезную рану, за что и былъ награжденъ крестомъ Почетнаго Легіона. Повышенный въ слѣдующій чинъ въ 1860 году, онъ былъ посланъ въ экспедицію въ Кохинхину и тамъ въ 1862 году произведенъ въ капитаны. Война 1870 года застала его въ должности инструктора въ Сенъ-Сирской школѣ. Назначенный батальоннымъ командиромъ, онъ между прочимъ участвовалъ въ защитѣ Парижа во время осады его пруссаками. Въ ноябрѣ онъ снова былъ раненъ и отличился особеннымъ мужествомъ въ сраженіи при Шампиньи. По окончаніи войны ему былъ пожалованъ командорскій крестъ Почетнаго Легіона. Въ 1874 г. онъ былъ произведенъ въ чинъ полковника, а въ 1880 г.— бригаднаго генерала, какъ оказалось впослѣдствіи, благодаря протекціи герцога Омальскаго, котораго черезъ 6 лѣтъ послѣ того Буланже, въ качествѣ военнаго министра, вычеркнулъ изъ списковъ арміи. Въ 1882 г. Буланже занялъ постъ завѣдующаго департаментомъ пѣхоты (direction de l'infanterie) въ военномъ министерствѣ и проявилъ себя хорошимъ и предпріимчивымъ администраторомъ. Въ 1884 г. Буланже, въ чинѣ дивизіоннаго генерала, поручено было командованіе оккупаціоннымъ отрядомъ въ Тунисѣ, но уже черезъ годъ, вслѣдствіе несогласій его съ мѣстнымъ гене-

радъ-губернаторомъ, онъ былъ отозванъ въ Парижъ и снова занялъ видный постъ въ военномъ министерствѣ.

Таковы небогатыя внутреннимъ содержаніемъ данныя карьеры Буланже, предшествовавшей назначенію его на постъ военнаго министра. Онъ считался хорошимъ, способнымъ, дѣятельнымъ и храбрымъ офицеромъ, но это и все. Впрочемъ, уже и прежде въ немъ замѣчены были качества непріятныя—заносчивость и страшное честолюбіе. Одинъ изъ самыхъ почтенныхъ генераловъ французской арміи, герцогъ Омальскій, еще задолго до начала политической карьеры Буланже выразился о немъ слѣдующимъ образомъ: «il est bon officier, mais c'est un homme mal élevé» (онъ хорошій офицеръ, но человѣкъ невоспитанный).

7-го января 1886 г., при образованіи кабинета Фрейсинэ, генералу Буланже, благодаря старачіямъ Клемансо, былъ врученъ портфель военнаго министерства, сохраненный за нимъ и въ новомъ кабинетѣ Гобле, образованномъ въ концѣ того же 1886 г. Но, когда черезъ полгода послѣ этого (въ маѣ 1887 г.) произошелъ новый министерскій кризисъ и во главѣ кабинета сталъ Рувье, то за Буланже не признано было возможнымъ сохранить портфель военнаго министра. Такимъ образомъ активное участіе въ правительствѣ онъ принималъ въ теченіе полутора года.

За это время Буланже успѣлъ составить себѣ репутацію самаго дѣятельнаго члена правительства и быстро завоевалъ себѣ широкую популярность въ арміи и низшихъ слояхъ парижскаго населенія. Популярности этой особенно сильно содѣйствовали различныя мелкія нововведенія въ арміи, свидѣтельствовавшія о заботливомъ вниманіи военнаго министра къ нуждамъ солдатъ; таковы напр. распоряженіи о свободномъ ношеніи бороды, объ отмѣнѣ смотровъ въ воскресные дни, объ улучшеніи пищи, объ облегченіи отпусковъ солдатамъ и т. д. Всѣ эти мѣры объявлялись съ шумомъ и трескомъ и дѣлались предметомъ настоящей рекламы въ пользу ге-

нерала, друзья котораго съ успѣхомъ хлопотали о поддержаніи постояннаго вниманія къ его личности. Этому въ сильной степени помогали безпрестанные запросы въ палатахъ со стороны членовъ монархическихъ партій, которые выступали съ энергическими протестами противъ того, что́ они называли внесеніемъ политическихъ страстей въ жизнь арміи, и которыхъ особенно раздражило отношеніе Буланже къ вопросу объ изгнаніи изъ предѣловъ Франціи претендентовъ на французскій престолъ.

Популярности энергическаго и молодцоватаго генерала не повредило въ то время даже оглашеніе документовъ, свидѣтельствовавшихъ о томъ, что Буланже прежде сильно заискивалъ передъ герцогомъ Омальскимъ и пользовался его протекціей. Не повредило ему и извѣстное столкновеніе его съ парижскимъ губернаторомъ, генераломъ Соссье, лѣтомъ 1886 года. Буланже, узнавъ, что Соссье не одобряетъ проектируемыхъ имъ военныхъ мѣропріятій, счелъ нужнымъ сдѣлать ему выговоръ, при чемъ извѣстіе объ этомъ огласилъ въ печати и перемѣнилъ личный составъ штаба парижскаго губернатора. Тогда ген. Соссье, признавъ себя оскорбленнымъ, рѣшилъ подать въ отставку, но послѣ усиленныхъ настояній, особенно со стороны Греви, взялъ свое прошеніе назадъ. Инцидентъ этотъ однако на многихъ произвелъ неблагопріятное впечатлѣніе, показавъ Буланже человѣкомъ въ высшей степени заносчивымъ. Безтактное обращеніе его съ любимымъ и всѣми уважаемымъ генераломъ Соссье было истолковано въ смыслѣ тревожнаго признака еще болѣе опасныхъ стремленій Буланже, а *Journal des Débats* напечаталъ по этому поводу рѣзкую статью, въ которой говорилось о стремленіи моднаго генерала совершить coup d'état...

Между тѣмъ образъ дѣйствій Буланже и его друзей становился все болѣе и болѣе подозрительнымъ. Мало-помалу обнаружилось, что по всей странѣ ведется самая

дѣятельная агитація въ пользу привлеченія симпатій населенія къ личности генерала: повсюду, вплоть до самыхъ незначительныхъ деревушекъ, распространялись портреты Буланже и брошюры, посвященныя прославленію его боевыхъ подвиговъ и дѣятельности его въ качествѣ военнаго министра. Въ массахъ населенія на него стали смотрѣть какъ на посланное Провидѣніемъ орудіе будущаго реванша, мысль о которомъ возродилась снова подъ вліяніемъ памятныхъ осложненій въ отношеніяхъ между Франціей и Германіей въ началѣ 1887 года. Теперь ни для кого не тайна, что вызывающій образъ дѣйствій ген. Буланже легко могъ вызвать войну, еслибы воинственный пылъ его не встрѣтилъ рѣшительнаго отпора со стороны другихъ членовъ кабинета и въ особенности Гоблэ, а также самого Греви. Въ концѣ-концовъ Буланже окончательно дискредитировалъ себя въ глазахъ парламентскаго большинства, выразители котораго дали понять, что оставленіе его на видномъ и отвѣтственномъ посту военнаго министра является крайне нежелательнымъ. Когда въ маѣ 1887 г. составлялся новый кабинетъ Рувье, то, несмотря на всѣ усилія сторонниковъ Буланже, онъ все-таки не былъ включенъ въ новую комбинацію. Въ этомъ отношеніи Греви нашелъ себѣ особенную поддержку со стороны Сената: президенты трехъ группъ лѣвой въ Сенатѣ, явившись къ нему, заявили, что отставка военнаго министра будетъ условіемъ *sine qua non* ихъ поддержки; эту послѣднюю обѣщалъ Президенту Республики и баронъ де-Мако, отъ лица правой Сената, подъ условіемъ составленія болѣе умѣреннаго кабинета, безъ участія въ немъ Буланже. Удаленіе его было рѣшено, несмотря на угрозы сочувственныхъ Буланже органовъ печати, *Intransigeant* и *Lanterne*, которые заявляли, что это удаленіе явится общественнымъ бѣдствіемъ и что оно непремѣнно вызоветъ серьезные безпорядки въ странѣ.

По образованіи кабинета Рувье новый военный министръ Ферронъ назначилъ Буланже командиромъ 13-го корпуса, главная квартира котораго находится въ гор. Клермонъ-Ферранъ. Покидая свой постъ, Буланже издалъ прощальный по арміи приказъ, въ которомъ, между прочимъ, заявлялъ, что онъ «первый будетъ показывать всѣмъ примѣръ дисциплины и военной, и республиканской». Но эти благія намѣренія встрѣтились съ крайне развитымъ честолюбіемъ молодого и популярнаго генерала, которое не нашло себѣ удовлетворенія, несмотря на всю важность и почетность его новаго поста. Ему, привыкшему къ шумнымъ овиціямъ парижской толпы, было тѣсно въ скромномъ провинціальномъ городѣ. Онъ безпрестанно ѣздилъ въ Парижъ, гдѣ небольшая, но крикливая кучка его поклонниковъ торжественными встрѣчами и проводами все болѣе разжигала въ немъ честолюбивые инстинкты.

Въ печати отъ времени до времени стали появляться намеки на политическія интриги корпуснаго командира, поведеніе котораго становилось все болѣе подозрительнымъ. Обнаруженъ былъ наконецъ рядъ весьма существенныхъ нарушеній дисциплины, выразившихся притомъ въ формѣ, крайне странной для лица, занимающаго такой высокій постъ: извѣстна, напр., его поѣздка, вопреки разрѣшенію начальства, въ Парижъ, гдѣ, въ цѣляхъ скрытія своего пребыванія, онъ прибѣгнулъ къ школьническимъ выходкамъ—ходилъ по Парижу переодѣтый, въ синихъ очкахъ и стараясь прихрамывать. Оставить безнаказаннымъ такое явное нарушеніе дисциплины признано было немыслимымъ, и противъ генерала Буланже наряжено было слѣдствіе. Оно подтвердило основательность ходившихъ слуховъ, и Президентъ Республики (это было уже послѣ избранія Карно), согласно съ заключеніемъ слѣдственной коммиссіи, издалъ декретъ объ исключеніи Буланже изъ дѣйствительной службы (въ мартѣ 1888 г.).

Съ этого момента Буланже получилъ возможность уже открыто выступить на поприще политическихъ интригъ и стать во главѣ того движенія, которое подготавливалось его сторонниками и которое теперь достигло своего апогея. Вожаки этого движенія, получившаго названіе «буланжизма», удвоили свои усилія въ цѣляхъ воспользоваться благопріятными условіями. Въ нѣсколькихъ департаментахъ предстояли выборы въ Палату депутатовъ. Сторонники опальнаго генерала рѣшили выставить его кандидатуру въ нѣсколькихъ мѣстахъ, въ разсчетѣ на то, что одновременная въ различныхъ пунктахъ подача голосовъ за него произведетъ на страну болѣе сильное впечатлѣніе. Дѣятельная агитація въ пользу его избранія увѣнчалась полнымъ успѣхомъ: Буланже былъ избранъ депутатомъ въ двухъ департаментахъ—въ Дордони за него было подано около 60,000 голосовъ (противъ 35,000), а въ Сѣверномъ департаментѣ—172,000 (противъ 75,000).

Въ эпоху этой агитаціи вполнѣ обнаружился истинный характеръ буланжизма. Движеніе это, которымъ руководили лица, выдававшія себя за искреннихъ республиканцевъ, на самомъ дѣлѣ явилось однако движеніемъ явно противореспубликанскимъ. Подъ его флагомъ сгруппировались всѣ враги республики и современнаго парламентскаго режима. У всѣхъ партій, готовыхъ воспользоваться малѣйшимъ замѣшательствомъ, явились свои надежды. Бонапартисты рѣшились забыть на время свои внутренніе раздоры и, опытнымъ взоромъ провидя въ Буланже всѣ задатки смѣлаго авантюриста, первые подали ему руку помощи и не мало помогли успѣху его избранія, надѣясь съ теченіемъ времени эксплоатировать обстоятельства въ свою пользу. Приверженцы орлеанской монархіи также подняли головы и примкнули къ движенію противъ Республики. Буланжисты въ собственномъ смыслѣ, стремясь образовать такъ называемую «національную партію», заявляли, что только

она, подъ предводительствомъ Буланже, способна излечить недостатки современнаго режима, упрочить республику и дать ей демократическій характеръ.

Всѣ эти надежды людей и партій, не имѣвшихъ ничего общаго между собою, сгруппировались вокругъ имени Буланже, опираясь на популярность безвинно будто бы пострадавшаго генерала. Ихъ объединялъ общій лозунгъ: роспускъ Палаты и пересмотръ конституціи, которымъ каждый изъ элементовъ буланжизма разсчитывалъ воспользоваться въ своихъ цѣляхъ.

Положеніе дѣлъ принимало дѣйствительно опасный характеръ. Тріумфальная поѣздка, предпринятая Буланже въ Сѣверный департаментъ и сопровождавшаяся грандіозными манифестаціями, позволяла думать, что буланжизмъ дѣлаетъ серьезные успѣхи въ странѣ и дѣйствительно угрожаетъ Республикѣ. Подъ вліяніемъ этого сознанія все болѣе и болѣе крѣпло убѣжденіе въ томъ, что республиканскія партіи должны сплотиться во-едино и общими усиліями сломить опаснаго врага. Одна за другою стали возникать различныя лиги и ассоціаціи, поставившія себѣ задачею выяснить передъ населеніемъ истинный смыслъ буланжизма, показать всю его опасность для интересовъ мирнаго развитія страны. Въ самомъ Парламентѣ предложеніе о пересмотрѣ конституціи, съ которымъ выступилъ Буланже (въ іюнѣ 1888 г.), встрѣтило рѣшительный отпоръ, что̀ явилось первымъ сильнымъ ударомъ буланжизму. За нимъ вскорѣ послѣдовала новая неудача буланжистовъ на выборахъ въ Шарантѣ, гдѣ кандидатура Деруледа потерпѣла полное пораженіе. Въ іюлѣ ихъ ожидала новая непріятность, которая постигла самого Буланже и не мало поколебала его личный престижъ: мы говоримъ объ извѣстной дуэли его съ Флоке, который нанесъ ему довольно серьезную рану. Всѣдъ за этими неудачами послѣдовалъ однако рядъ новыхъ успѣховъ буланжизма, ознаменовавшихся

троекратнымъ избраніемъ Буланже депутатомъ въ августѣ 1888 г. и особенно блестящимъ избраніемъ его въ Парижѣ въ январѣ 1889 г.

Но торжество это не смутило враговъ буланжизма, противъ котораго рѣшено было, наконецъ, принять особенно энергичныя мѣры: противъ Буланже и ближайшихъ его сотрудниковъ возбуждено было обвиненіе въ попыткѣ произвести государственный переворотъ и въ растратѣ казенныхъ суммъ въ бытность его военнымъ министромъ. Рѣшеніе это имѣло благодѣтельныя для страны послѣдствія. Подъ вліяніемъ его Буланже самъ нанесъ себѣ рѣшительный ударъ: подъ угрозою процесса онъ бѣжалъ изъ Парижа сначала въ Бельгію, а затѣмъ въ Англію. Это бѣгство послужило сильнымъ толчкомъ къ разложенію, которое началось въ средѣ буланжистовъ и получило очень быстрое развитіе. Отрезвленію людей, увлекавшихся новымъ движеніемъ, не мало помогъ блестящій успѣхъ всемірной выставки 1889 г., подъ вліяніемъ которой заочное разбирательство процесса Буланже прошло малозамѣченнымъ. Успѣхъ выставки былъ торжествомъ Республики, которая передъ всѣмъ міромъ показала великіе результаты своего плодотворнаго развитія.

Осенью 1889 года состоялись общіе парламентскіе выборы, которые доставили новое убѣдительное доказательство пораженія буланжизма, засвидѣтельствовавъ, что большинство избирателей желаетъ сохраненія республиканской формы правленія и отказывается слѣдовать за ея явными и скрытыми врагами. Коалиція орлеанистовъ, бонапартистовъ и буланжистовъ потерпѣла полную неудачу въ своихъ ожиданіяхъ: изъ 576 округовъ ей удалось восторжествовать только въ 211. Съ тѣхъ поръ внутреннее умиротвореніе сдѣлало, какъ извѣстно, огромные успѣхи, и теперь эпопея буланжизма представляется уже чѣмъ-то давно пережитымъ и не оставившимъ по себѣ никакихъ особенно серьезныхъ слѣдовъ...

КЛЕМАНСО.

По политической карьерѣ своей, Клемансо—ровесникъ Третьей Республикѣ, съ судьбою которой тѣсно переплетены обстоятельства его жизни и проявленія его публичной дѣятельности. Характеръ этой дѣятельности,—по крайней мѣрѣ, въ общихъ чертахъ,—болѣе или менѣе извѣстенъ всѣмъ, кто хоть сколько-нибудь внимательно слѣдитъ за положеніемъ дѣлъ во Франціи. Но тѣмъ бо̀льшій интересъ, какъ намъ кажется, можетъ получить связный очеркъ политической дѣятельности талантливаго руководителя радикальной партіи [1]), начиная съ самыхъ раннихъ проявленій ея.

По происхожденію своему Жоржъ-Бенжаменъ Клемансо—вандеецъ, уроженецъ той сѣверной провинціи, въ которой въ эпоху первой революціи данъ былъ энергическій отпоръ революціонному движенію. Но чѣмъ крѣпче держались здѣсь преданія стараго режима, тѣмъ упорнѣе и энергичнѣе развивался здѣсь духъ новаго времени въ тѣхъ семьяхъ, въ которыя проникли республиканскія идеи. Въ одной изъ такихъ семей и родился будущій предводитель радикальной партіи, которому еще въ дѣтствѣ довелось

[1]) Статья эта была напечатана въ „Русской Мысли“, въ январьской книгѣ за 1893 годъ.

увидѣть своего отца арестованнымъ послѣ наполеоновскаго переворота 2 декабря 1851 года.

Клемансо родился 28 сентября 1841 г. въ Мулльеронъ-ан-Паредъ. Получивъ дома первоначальное воспитаніе, «которому,—по выраженію одного изъ біографовъ Клемансо и ближайшаго его сотрудника, Камилла Пельтана [1]),—были чужды какія-либо мистическія идеи», онъ былъ отданъ въ нантскій лицей, а по окончаніи его поступилъ въ мѣстный медицинскій факультетъ (École de médecine et de pharmacie de Nantes). Для завершенія своего медицинскаго образованія онъ въ 1865 г. переѣхалъ въ Парижъ. То было время полнаго расцвѣта режима Второй Имперіи и оживленнаго движенія противъ его крайностей и злоупотребленій. Здѣсь у Клемансо впервые проявился горячій интересъ къ политическимъ вопросамъ, и онъ принялъ дѣятельное участіе въ оппозиціонныхъ волненіяхъ университетской молодежи. Ближайшимъ результатомъ этого было то, что онъ вынужденъ былъ оставить свои занятія при парижской медицинской школѣ и отложить на время свои планы относительно врачебной профессіи.

Онъ предпринялъ путешествіе въ Америку и пробылъ тамъ около четырехъ лѣтъ. Столь продолжительное пребываніе въ этой республиканской демократической странѣ не могло не оказать огромнаго вліянія на весь складъ убѣжденій, вкусовъ и стремленій Клемансо. Внимательное наблюденіе условій политической жизни Соединенныхъ Штатовъ, представлявшихъ столь разительный контрастъ съ наполеоновскимъ режимомъ, еще болѣе укрѣпило въ немъ республиканскія идеи и страстное желаніе увидѣть, наконецъ, торжество ихъ въ родной странѣ.

Вернувшись во Францію въ 1869 г., Клемансо завер-

---

[1]) *George Clémenceau*, par Camille Pelletan. Paris, 1883 (въ серіи *Célebrités contemporaines*).

шилъ свои медицинскія занятія и получилъ степень доктора медицины. Въ то время онъ, повидимому, не имѣлъ серьезнаго намѣренія выступить на арену политической дѣятельности и всецѣло посвятилъ себя врачебной практикѣ, поселившись на вершинѣ Монмартра, въ самомъ центрѣ этого рабочаго квартала. Въ качествѣ врача онъ вскорѣ составилъ себя значительную извѣстность среди обывателей своего округа, чему не мало способствовали его доступность и особенно внимательное, участливое отношеніе къ неимущимъ паціентамъ, для которыхъ у него всегда былъ открытъ безплатный пріемъ.

Франція, между тѣмъ, переживала критическую эпоху въ своемъ развитіи. Въ перипетіяхъ безумной войны, предпринятой Наполеономъ, Вторая Имперія доживала свои послѣдніе дни, пока, наконецъ, пораженіе подъ Седаномъ не нанесло ей окончательнаго удара. Какъ ни тяжки были испытанія, выпавшія на долю Франціи, не малымъ утѣшеніемъ въ нихъ служилъ конецъ ненавистнаго режима, взамѣнъ котораго провозглашена была Республика.

Къ этому времени относятся и первые шаги Клемансо въ сферѣ политической дѣятельности. Видя въ его лицѣ человѣка, искренно преданнаго республиканскимъ идеямъ, и зная, что онъ пользуется большою популярностью среди населенія Монмартрскаго квартала, временное правительство, образованное послѣ провозглашенія Республики 4 сентября 1870 г., назначило Клемансо мэромъ XVIII округа Парижа. Въ то время, благодаря труднымъ, исключительнымъ обстоятельствамъ военнаго положенія, въ какомъ находился осажденный пруссаками Парижъ, роль муниципалитета была очень велика и отвѣтственна, такъ какъ на органахъ его лежали самыя разнообразныя функціи по обезпеченію населенія продовольствіемъ, вооруженіемъ и т. п. Проявивъ въ этомъ отношеніи большую энергію и распорядительность, Клемансо вмѣстѣ съ другими товарищами своими не мало

поработалъ и надъ тѣмъ, чтобы дать практическое осуществленіе идеямъ новаго режима. Вскорѣ, однако, не раздѣляя образа дѣйствій временнаго правительства, которое, обѣщавъ произвести муниципальные выборы, тормозило ихъ, Клемансо подалъ въ отставку; но когда черезъ нѣсколько дней выборы эти состоялись, онъ огромнымъ большинствомъ избранъ былъ мэромъ того же XVIII округа.

Популярность его оказалась уже настолько значительною, что и на выборахъ въ Національное Собраніе (8 февраля 1871 г.) кандидатура Клемансо имѣла полный успѣхъ: 95,188 голосами онъ былъ избранъ однимъ изъ сорока трехъ представителей Парижа въ Собраніи, на которое выпадала задача установленія новаго режима и выработки конституціи. Здѣсь онъ сразу же занялъ видное мѣсто въ группѣ крайней лѣвой, тогда еще очень малочисленной группѣ, состоявшей изъ кучки горячихъ и стойкихъ республиканцевъ.

Въ то же время Клемансо сохранялъ за собою и должность мэра, которая въ ту критическую эпоху требовала отъ него особенной энергіи и находчивости. Положеніе дѣлъ въ Парижѣ замѣтно обострялось и возможность внутреннихъ междоусобицъ, подготовлявшихся въ теченіе злополучной осады столицы Франціи, становилась съ каждымъ днемъ вѣроятнѣе. Опасность ихъ сдѣлалась особенно чувствительною послѣ того, какъ, благодаря небрежности администраціи, значительное количество артиллерійскихъ орудій попало въ распоряженіе національной гвардіи, устроившей при помощи ихъ импровизированное укрѣпленіе на вершинахъ Монмартра съ намѣреніемъ воспользоваться имъ въ случаѣ какой-либо попытки къ монархическому перевороту. Клемансо отлично понялъ грозящую опасность и употребилъ всѣ мѣры къ ея предотвращенію. Находя необходимымъ, чтобы пушки, поставленныя на вершинахъ Монмартра, были безъ сопротивленія переданы въ распоряженіе военнаго начальства, онъ старался достигнуть

этого путемъ доводовъ, обращенныхъ имъ къ лицамъ, охранявшимъ орудія. «Клемансо,—говоритъ Жюль Симонъ въ своей книгѣ *Le gouvernement de M. Thiers*,—удалось убѣдить офицеровъ батальона (національной гвардіи) своего округа въ томъ, что они совершатъ актъ патріотизма и благоразумія, передавъ пушки въ распоряженіе правительства; онъ извѣстилъ объ этомъ правительство и указалъ день, когда батальонъ этотъ будетъ дежурить у орудій. Въ назначенный день и часъ явились повозки, но, по какому-то недоразумѣнію или вслѣдствіе скрытаго вліянія центральнаго комитета, пушки не были переданы». Эта неудача имѣла роковыя послѣдствія. Когда, черезъ нѣсколько дней послѣ этого, правительство рѣшило отобрать пушки силою, посланныя войска встрѣтили энергическое сопротивленіе, подъ вліяніемъ котораго и среди нихъ произошло смятеніе, такъ что многіе перешли на сторону сопротивлявшихся или отказывались вступать съ ними въ борьбу. Этотъ день, ознаменовавшійся, между прочимъ, разстрѣляніемъ двухъ генераловъ, Леконта и Клеманъ-Тома, явился началомъ коммуны (18 марта 1871 г.)

Роковыя проявленія междоусобицы съ поразительною быстротой слѣдовали одно за другимъ, и черезъ нѣсколько дней Парижъ былъ во власти инсургентовъ. На ряду съ законнымъ правительствомъ, члены котораго поспѣшили переселиться въ Версаль, въ парижскомъ Hôtel de Ville водворилось революціонное правительство, во главѣ котораго сталъ центральный комитетъ національной гвардіи. Въ теченіе нѣсколькихъ дней Клемансо и другіе мэры не теряли надежды добиться мирнаго исхода возникшихъ неурядицъ и на почвѣ взаимныхъ уступокъ достигнуть соглашенія между комитетомъ и регулярнымъ правительствомъ. Но задача эта оказалась черезчуръ трудною, такъ какъ съ обѣихъ сторонъ не было серьезнаго намѣренія пойти на уступки. Мало-по-малу въ средѣ консерва-

тивнаго большинства версальскаго Собранія на правительственную политику стали смотрѣть какъ на нѣчто предосудительное и даже преступное. При такихъ условіяхъ старанія мэровъ оставались безплодными, возбуждая противъ нихъ лишь одно раздраженіе съ обѣихъ сторонъ. Несмотря на энергическіе доводы ихъ относительно скорѣйшаго назначенія муниципальныхъ выборовъ, которыхъ требовала значительная часть парижскаго населенія, версальское правительство оттягивало ихъ. Это дало поводъ къ усиленію парижскихъ волненій, на почвѣ которыхъ революціонное правительство стало проявлять все бо́льшую энергію. Центральный комитетъ требовалъ производства выборовъ 22 марта и предписалъ мэрамъ организовать ихъ; но они, не желая подчиниться распоряженіямъ незаконнаго правительства, такъ какъ это означало бы, что они примыкаютъ къ инсургентамъ, категорически отказались. Отказъ этотъ вызвалъ въ членахъ комитета сильное раздраженіе, и тотчасъ же приняты были мѣры къ насильственному завладѣнію всѣми мэріями, что̀ и удалось при помощи національной гвардіи. Большинство мэровъ проявили рѣшительное сопротивленіе, оказавшееся, впрочемъ, безплоднымъ, и на слѣдующій же день опубликовали протесты противъ этого насилія.

Говоря объ этихъ событіяхъ, Жюль Симонъ приводитъ цѣликомъ протестъ Клемансо, какъ заслуживающій особеннаго вниманія. Вотъ онъ: «Граждане! Сегодня, 22 марта, въ полдень, въ мэрію XVIII округа ворвалась вооруженная толпа. Одинъ офицеръ національной гвардіи осмѣлился пригласить мэра и его помощниковъ передать мэрію въ руки делегата отъ центральнаго комитета національной гвардіи. Мэръ и его помощники, облеченные муниципальными инсигніями, въ присутствіи всѣхъ служащихъ въ мэріи, пригласили постового начальника удалить ворвавшихся. Этотъ послѣдній, переговоривъ со своимъ команди-

ромъ, заявилъ, что онъ отказывается подчиниться указанному распоряженію и что онъ, съ своей стороны, готовъ оказать содѣйствіе нарушителямъ закона. Тогда предводитель ихъ велѣлъ арестовать мэра и двухъ его помощниковъ, при чемъ они были отведены въ полицейскій участокъ подъ конвоемъ двухъ эшелоновъ національныхъ гвардейцевъ. Нѣсколько минутъ спустя мэру и двумъ помощникамъ, законно избраннымъ отъ населенія XVIII округа, объявлено было, что они свободны и могутъ удалиться. Граждане, мы горячо желали избѣгнуть конфликта, пагубныя послѣдствія котораго приводятъ насъ въ ужасъ. Вотъ почему мы уступаемъ насилію, не прибѣгая сами къ силѣ. Но мы энергически протестуемъ противъ покушенія, которое національная гвардія XVIII округа позволила себѣ по отношенію къ личности законно избранныхъ республиканскихъ магистратовъ, которые симъ свидѣтельствютъ объ исполненіи своего долга».

И послѣ этого какъ Клемансо, такъ и другіе товарищи его не теряли надежды на то, что благоразумная и болѣе спокойная часть населенія съумѣетъ отстоять интересы порядка. Осуществленіе этой надежды они разсчитывали увидѣть въ результатѣ муниципальныхъ выборовъ, производство которыхъ назначено было, по взаимному соглашенію депутатовъ и мэровъ Парижа и представителей центральнаго комитета, на 26 марта. Но въ выборахъ приняло участіе менѣе половины избирателей (всего 46%; остальные уклонились), и въ результатѣ ихъ — власть въ Парижѣ перешла въ руки наиболѣе крайнихъ элементовъ. Надежда на спокойное разрѣшеніе кризиса рушилась. Самъ Клемансо не былъ избранъ, при чемъ тотчасъ же (27 марта) счелъ нужнымъ сложить съ себя и депутатское званіе, мотивируя это рѣшеніе «глубокимъ убѣжденіемъ въ невозможности всякихъ дальнѣйшихъ стараній быть полезнымъ странѣ, оставаясь въ рядахъ Національнаго Собранія».

Намъ нѣтъ надобности слѣдить за подробностями позднѣйшихъ событій коммуны. Достаточно будетъ сказать, что и переставши быть мэромъ и депутатомъ, Клемансо не удалился въ область частной жизни, а продолжалъ дѣйствовать, руководствуясь все тѣмъ же стремленіемъ примирить обѣ борющіяся стороны, предотвратить бѣдствія междоусобицы, грозившія страшнымъ кровопролитіемъ. Въ этихъ видахъ онъ вмѣстѣ со своими единомышленниками принялъ дѣятельное участіе въ основаніи «Лиги единенія» («Ligue d'union pour les droits de Paris»), которая, по выраженію К. Пельтана, стремилась «стать между воюющими, умиротворить разгорѣвшіяся на обѣихъ сторонахъ страсти, положить конецъ гражданской войнѣ, прежде чѣмъ ей удастся одержать роковую побѣду». Но дѣятельность этой лиги была чрезвычайно затруднительна. «Встрѣчая подозрительное отношеніе со стороны парижской власти, которая боялась напасть на нее открыто только потому, что подъ ея знаменемъ группировалась значительная часть общества, она вызывала къ себѣ вражду и въ Версалѣ, откуда министръ юстиціи Дюфоръ разослалъ генеральнымъ прокурорамъ циркуляръ, создавшій новый проступокъ— «призывъ къ соглашенію». При такихъ условіяхъ всѣ усилія дѣятелей лиги оказывались тщетными, и они рѣшили искать поддержки въ провинціи, откуда многіе города стали посылать въ Парижъ и Версаль своихъ делегатовъ съ примирительною миссіей. Возникала даже мысль о созваніи особаго конгресса такихъ представителей съ цѣлью принудить воюющихъ сложить оружіе. Съ цѣлью лучшей организаціи общественнаго движенія въ этомъ направленіи, въ различные департаменты посланы были (въ началѣ мая) особые делегаты отъ лиги. Въ числѣ ихъ были Корбонъ, Флоке и Клемансо.

Между тѣмъ, версальское правительство, сконцентрировавъ въ своихъ рукахъ значительное количество войскъ,

дѣйствовало все болѣе рѣшительно и вскорѣ предприняло правильную осаду Парижа съ цѣлью энергическаго подавленія возстанія. О какомъ-либо мирномъ разрѣшеніи междоусобицы не могло быть и рѣчи. Регулярныя войска отвоевывали одинъ за другимъ различные пункты Парижа, и 28 мая прокламація маршала Макъ-Магона возвѣстила объ окончательномъ водвореніи порядка.

Клемансо вернулся въ Парижъ лишь черезъ нѣсколько часовъ послѣ того, какъ армія вступила въ Сенъ-Денисскія ворота. Вернись онъ раньше, его жизни угрожала бы опасность. «Въ отчаянной рѣзнѣ въ теченіе майской недѣли,—говоритъ Пельтанъ,—его, безъ сомнѣнія, не пощадили бы. Разсказываютъ, что какой-то человѣкъ, котораго приняли за Клемансо, едва уже не былъ подвергнутъ разстрѣлянію; къ счастью, ему во-время удалось удостовѣрить свою личность».

Черезъ полтора мѣсяца послѣ подавленія коммуны (въ іюлѣ 1871 г.) въ Парижѣ произведены были новые муниципальные выборы, и Клемансо опять былъ избранъ членомъ муниципальнаго совѣта отъ XVIII округа. Продолжая заниматься медицинскою практикой, Клемансо былъ очень дѣятельнымъ членомъ городского совѣта и былъ избираемъ послѣдовательно—секретаремъ, затѣмъ въ маѣ 1875 г. вице-президентомъ и въ ноябрѣ того же года—президентомъ муниципальнаго совѣта. Въ муниципальномъ совѣтѣ онъ также принадлежалъ къ крайней лѣвой; особенно дѣятельное участіе принималъ онъ въ обсужденіи вопросовъ финансовыхъ и народнаго образованія.

Но работы въ сферѣ городского управленія не могли дать ему полное удовлетвореніе; его манилъ къ себѣ болѣе широкій кругъ общегосударственныхъ вопросовъ. Чувствуя себя призваннымъ къ политической дѣятельности въ широкомъ смыслѣ, онъ воспользовался назначенными на февраль 1876 г. выборами, чтобы выступить

кандидатомъ въ члены Палаты депутатовъ, созданной конституціонными актами 1875 г., которые дали политическую организацію новому режиму. Важнѣйшими пунктами своей программы онъ намѣтилъ слѣдующіе предметы: полная амнистія всѣмъ осужденнымъ за участіе въ коммунѣ 1871 г., уничтоженіе смертной казни, снятіе осаднаго положенія, которое еще продолжало существовать въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Франціи, возвращеніе государственныхъ властей изъ Версаля въ Парижъ, введеніе безплатнаго, обязательнаго и свѣтскаго обученія въ начальныхъ школахъ, отдѣленіе церкви отъ государства, реформа податной системы, распространеніе на всѣхъ обязательной воинской повинности. На почвѣ этой программы Клемансо велъ дѣятельную борьбу съ своимъ умѣренно-республиканскимъ соперникомъ и одержалъ блестящую побѣду: 15,204 голосами онъ былъ избранъ депутатомъ все отъ того же XVIII округа.

Сдѣлавшись членомъ Парламента, Клемансо на первыхъ же порахъ проявилъ себя очень дѣятельнымъ депутатомъ и вскорѣ приступилъ къ осуществленію заявленной имъ программы. Первые дебюты его въ качествѣ парламентскаго оратора совершены были по вопросу о дарованіи амнистіи всѣмъ осужденнымъ за участіе въ коммунѣ 1871 г. Занявъ видное положеніе въ тогда еще очень немногочисленной группѣ крайней лѣвой, Клемансо былъ однимъ изъ 33-хъ депутатовъ, которые впервые выступили съ энергическими требованіями неограниченной амнистіи. Въ этомъ отношеніи особенно интересна пространная рѣчь его, произнесенная въ засѣданіи Палаты депутатовъ 16 мая 1876 года.

Сдѣлавъ подробный очеркъ происхожденія коммуны, указавъ на ея причины и самый характеръ движенія (съ этой точки зрѣнія рѣчь его весьма любопытна для исторіи печальной эпохи), Клемансо въ прочувствован-

ныхъ выраженіяхъ убѣждалъ Палату депутатовъ вотировать амнистію. «Прошу васъ, — говорилъ онъ, — оказать довѣріе странѣ, прошу васъ проявить вѣру въ самихъ себя, а лучшимъ доказательствомъ этой вѣры въ себя, этого сознанія собственной силы будетъ вотированіе амнистіи. Вы приглашаете вашихъ префектовъ къ дѣлу умиротворенія и взаимнаго примиренія; въ свою очередь мы призываемъ васъ къ тому же дѣлу. Вы говорите имъ, что Республика можетъ упрочиться лишь тогда, когда положенъ будетъ конецъ нашимъ раздорамъ. Но я боюсь, что, произнося эти слова, вы подумали только о такъ называемыхъ высшихъ классахъ, которыхъ вы вполнѣ основательно хотите привлечь на сторону Республики. Я же приглашаю васъ подумать, вмѣстѣ съ тѣмъ, и о такъ называемыхъ низшихъ классахъ, которыхъ также слѣдуетъ привлечь къ Республикѣ и умиротворить. Увѣряю васъ, что только путемъ примиренія всѣхъ классовъ, всѣхъ гражданъ вамъ удастся достигнуть того соціальнаго умиротворенія, котораго мы всѣ такъ горячо желаемъ. Провозгласите же амнистію еще тогда, когда это будетъ проявленіемъ сознанія собственной силы, а не ожидайте, пока этого потребуетъ общественное мнѣніе и когда съ вашей стороны это будетъ проявленіемъ безсилія, слабости. Не отказывайтесь отъ этого,—дѣйствуйте. Вамъ нечего опасаться. Вы всегда будете сильны, если будете управлять согласно съ волею и нуждами страны, и, наоборотъ, вы всегда будете слабы, если будете управлять противъ воли страны...» [1]).

Но всѣ эти доводы оставались тщетными, не находя сочувственнаго отклика въ большинствѣ тогдашней Палаты. Для умѣренныхъ республиканскихъ элементовъ этого большинства призывъ къ амнистіи представлялся преждевременнымъ и неумѣстнымъ требованіемъ людей, стремящихся

[1]) *Annales de la Chambre des députés*, séance du 16 mai 1876.

къ дешевой популярности, а враги Республики пользовались грознымъ призракомъ коммуны, какъ пугаломъ, которымъ они стремились подкопать довѣріе населенія къ новой формѣ правленія. Вообще въ тѣ годы, въ 1876 и 1877 гг., надежды на монархическую реставрацію были еще очень велики, благодаря въ значительной степени тому обстоятельству, что во главѣ Республики стоялъ маршалъ Макъ-Магонъ, не скрывавшій своихъ антипатій къ новому режиму. Враги Республики надѣялись воспользоваться имъ, какъ орудіемъ реставраціи, и своими ловкими интригами довели дѣло до того, что маршалъ рѣшился, наконецъ, сдѣлать попытку государственнаго переворота, заставивъ (16 мая 1877 г.), вопреки конституціи, республиканскій кабинетъ Жюля Симона подать въ отставку и замѣнивъ его министерствомъ монархической коалиціи, подъ предсѣдательствомъ орлеаниста, герцога де-Бройль.

Въ кратковременной еще исторіи Третьей Республики настала тревожная минута, долженствовавшая рѣшить капитальный вопросъ—быть или не быть Республикѣ. Сторонникамъ ея предстояло дать дружный отпоръ монархической коалиціи, дерзко поднявшей голову. И этотъ отпоръ былъ данъ республиканцами, сплотившимися въ тѣсные ряды подъ предводительствомъ Гамбетты. 363 депутата вотировали новому кабинету 16 мая свое порицаніе, заявивъ, что «министры не встрѣчаютъ довѣрія въ представителяхъ націи». Отвѣтомъ правительства на этотъ вотумъ былъ роспускъ Палаты, котораго ему не трудно было добиться отъ Сената, въ большинствѣ состоявшаго изъ сторонниковъ монархіи. Назначены были новые выборы, во время которыхъ населеніе должно было отвѣтить на грозный вопросъ о желательности той или другой формы правленія. Кабинетъ де-Бройля употребилъ всѣ усилія къ тому, чтобы обезпечить за собою побѣду на выборахъ. Но не бездѣйствовали и республиканцы, предпринявшіе по

всей странѣ энергическую агитацію въ пользу Республики. Истиннымъ героемъ ея былъ Гамбетта, достигнувшій зенита своей популярности и заслужившій трехмѣсячное тюремное заключеніе своимъ смѣлымъ вызовомъ, брошеннымъ по адресу Макъ-Магона въ памятномъ восклицаніи: «Quand la France aura fait entendre sa voix souveraine, croyez le bien, il faudra se soumettre ou se démettre»...

Выборы, произведенные въ октябрѣ 1877 года, дали результатъ, благопріятный Республикѣ: не только почти всѣ 363 депутата были вновь избраны, но къ нимъ въ новой Палатѣ прибавилось еще не мало новыхъ адептовъ Республики. Клемансо, принимавшій вмѣстѣ съ Гамбеттою дѣятельное участіе въ избирательномъ движеніи, былъ избранъ подавляющимъ большинствомъ 18,620 голосовъ изъ 18,820. А когда новая Палата собралась, онъ былъ избранъ членомъ «комитета восемнадцати», который былъ образованъ для веденія борьбы противъ какихъ-либо попытокъ монархической реставраціи.

Извѣстно, чѣмъ кончился этотъ знаменательный инцидентъ въ исторіи теперешней Французской Республики: при видѣ все болѣе ростущаго довѣрія страны къ новому режиму, маршалъ Макъ-Магонъ, бывшій оплотомъ всѣхъ монархическихъ надеждъ, заблагоразсудилъ (въ январѣ 1879 года) «se démettre» — сложить съ себя званіе президента Республики. И на его мѣсто былъ избранъ Жюль Греви, давно снискавшій себѣ репутацію честнаго и искренно убѣжденнаго республиканца и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ занимавшій важный постъ президента Палаты депутатовъ.

Съ избраніемъ Жюля Греви началось правильное функціонированіе республиканскаго режима. Свято почитая принципъ законности, новый президентъ не позволялъ себѣ ни малѣйшихъ уклоненій отъ строго-конституціоннаго образа дѣйствій. При немъ республиканская партія получила, на-

конецъ, возможность приступить къ практическому осуществленію своей программы. Клемансо, въ качествѣ виднаго дѣятеля передовой группы, уже въ февралѣ 1879 года выступилъ съ новымъ требованіемъ амнистіи. Резюмируя свою рѣчь по этому поводу, глава радикальной партіи сказалъ: «Мы желаемъ умиротворенія, мы твердо стремимся къ уничтоженію на будущее время всѣхъ тѣхъ взаимныхъ укоровъ, которые такъ опасны для установленія республиканскаго мира. Мы думаемъ, что настало время водворить въ нашей странѣ свободное управленіе, въ которомъ было бы мѣсто для всѣхъ французовъ, кто бы они ни были и каковы бы ни были ихъ убѣжденія. Это управленіе не можетъ установиться иначе, какъ при условіи полной амнистіи. Отсрочить амнистію значило бы отсрочить водвореніе свободы. На васъ лежитъ большая отвѣтственость. Еще есть время, отбросьте внушенія страха, пріучайте этотъ народъ къ свободнымъ правамъ, ведите мужественно борьбу съ вашими врагами, каковы бы они ни были, и, практикуя республиканскій режимъ, вы поможете Республикѣ упрочиться» [1]).

На этотъ разъ предложеніе Клемансо встрѣтило поддержку въ большинствѣ Палаты депутатовъ, которая и вотировала, въ мартѣ 1879 г., первый законъ объ амнистіи осужденнымъ за участіе въ коммунѣ; въ іюлѣ же 1880 года проведенъ былъ второй законъ объ амнистіи.

Въ ближайшіе затѣмъ годы политическая дѣятельность Клемансо принимаетъ все болѣе рѣшительный характеръ и, такъ сказать, индивидуализируется, ярко отражая на себѣ печать его личныхъ качествъ. До тѣхъ поръ, пока Республика находилась въ опасности и всѣ усилія республиканцевъ направлялись единственно на защиту ея отъ покушеній, Клемансо и руководимая имъ группа шли рука объ

---

[1]) *Annales de la Chambre des députés*, séance du 21 janvier 1879.

руку съ тѣмъ большинствомъ республиканской партіи, которое группировалось вокругъ Гамбетты и его ближайшихъ сотоварищей—Жюля Ферри, Спюллера и др. Но когда миновала опасность, грозившая прочности Республики, и когда власть въ странѣ перешла всецѣло въ руки республиканскаго большинства, въ парламентской тактикѣ Клемансо произошла рѣшительная перемѣна. Онъ порвалъ съ «оппортюнистами» и не разъ выступалъ съ энергическою оппозиціей противъ ихъ политики. Трудно сказать, въ какой мѣрѣ это вызывалось чисто-личными соображеніями, которыми многіе стремились объяснить размолвку Клемансо съ Гамбеттою. Очень вѣроятно, что они не оставались безъ вліянія на образъ дѣйствій самолюбиваго и честолюбиваго вождя радикаловъ, популярность котораго замѣтно возростала. Но нѣтъ сомнѣнія, что парламентская тактика его опиралась и на серьезныя принципіальныя основанія. Главнымъ изъ нихъ было опасеніе, чтобы руководители республиканскаго большинства, утомившись въ долгой борьбѣ и достигнувъ, наконецъ, власти, не опочили на лаврахъ побѣды и не отказались отъ осуществленія тѣхъ задачъ, которыя они указывали въ своей программѣ.

Клемансо пожелалъ предупредить возможность этого и образовалъ самостоятельную радикальную партію, которая сохраняла бы за собою полную свободу дѣйствій по отношенію къ другимъ республиканскимъ группамъ. Съ цѣлью болѣе активнаго проведенія своихъ взглядовъ, онъ призналъ нужнымъ создать собственный органъ печати—газету *Justice*, которая начала выходить съ 1-го января 1880 года. Не чувствуя въ себѣ публицистическаго призванія, самъ Клемансо ограничился лишь общимъ руководительствомъ этой газеты, а къ ближайшему завѣдыванію ею привлекъ группу молодыхъ и способныхъ сотрудниковъ, каковы Камиллъ Пелльтанъ, С. Пишонъ, Жюль Рошъ и др. Какъ

въ этой газетѣ, такъ и въ своихъ рѣчахъ Клемансо энергически воевалъ противъ одного изъ наиболѣе слабыхъ пунктовъ въ дѣятельности оппортюнистовъ, а именно недостаточно внимательнаго отношенія къ рабочему вопросу. Въ этомъ отношеніи особенно знаменательною явилась рѣчь, произнесенная имъ въ Марселѣ въ октябрѣ 1880 года; въ этой рѣчи онъ доказывалъ, что соціальный вопросъ не только существуетъ, но и настоятельно требуетъ самаго бдительнаго отношенія къ себѣ со стороны государственныхъ властей.

Борьба съ оппортюнизмомъ—таковъ девизъ, подъ которымъ Клемансо дѣйствовалъ, начиная съ 1880 года. Онъ безпощадно нападалъ и на равнодушіе оппортюнистовъ къ рабочему вопросу, и на недостаточно рѣшительную политику ихъ по отношенію къ клерикализму [1]), и на безплодныя затѣи колоніальной политики Ферри. Однимъ изъ средствъ, которыми Клемансо надѣялся одолѣть своихъ враговъ, являлся пересмотръ конституціи 1875 года въ болѣе демократическомъ духѣ. Но въ средѣ оппортюнистовъ идея пересмотра встрѣчала сильное противодѣйствіе, которое они старались оправдать нежеланіемъ населенія переживать новыя волненія, стремленіемъ его къ покою. По этому поводу въ 1883 году Клемансо имѣлъ случай выступить съ одною изъ своихъ блестящихъ репликъ. Напомнивъ выраженіе Жюля Ферри, что страна не хочетъ

[1]) Въ эпоху изданія знаменитыхъ декретовъ объ изгнаніи недозволенныхъ конгрегацій Клемансо выступилъ энергическимъ сторонникомъ полнаго отдѣленія церкви отъ государства. По этому поводу появилась забавная каррикатура, подъ заглавіемъ *Un enfant terrible*, въ которой изображены были глава оппортюнистовъ и глава радикаловъ. Гамбетта, подавая Клемансо тартинку съ надписью *Expulsion des jésuites*, говоритъ ему: „Voyons, soyez bien sage, mon ami, en voiçi un petit morceau“ Клемансо отвѣчаетъ ему: „Je veux toute la tartine, moi, na!“ См. *A. Challamel.* „Histoire de la liberté en France depuis 1789 jusqu'à nos jours“. Paris. 1886, стр 432 и 433

агитацій, а стремится къ покою, Клемансо сказалъ: «То, что̀ мы называемъ агитаціей въ свободной странѣ, есть регулированная дѣятельность; мы думаемъ, что для народа не существуетъ отдыха и что общій для всѣхъ организмовъ законъ, это — живая дѣятельность... Но мы отлично знаемъ, что всякій разъ, какъ во Франціи устанавливалась свобода, находились люди—прежде монархисты, теперь же республиканцы,—которые говорили: «а надо сознаться, республика не даетъ намъ покоя!» И вотъ на почвѣ этихъ стремленій къ покою страну отдавали въ руки какого-нибудь претендента... Я знаю, что это не входитъ въ виды г. Жюля Ферри, но просто говорю, что исторія видѣла такіе факты. И такъ, я снова заявляю, что ваша точка зрѣнія не вѣрна: то, что̀ вы называете агитаціей, есть порядокъ, а то, что̀ вы называете спокойствіемъ — безпорядокъ, монархическій безпорядокъ, ведущій къ революціи (на депутатскихъ скамьяхъ крики: «докажите!»). Это не трудно. Да, если французская демократія созрѣла для *selfgovernment*, если она достойна того, чтобы управлять собою, то она не будетъ болѣе знать покоя: она будетъ, наоборотъ, знать непрерывное и прогрессивное движеніе, живое проявленіе политической свободы, которая получитъ тѣмъ болѣе блестящія проявленія, чѣмъ шире разольется просвѣщеніе въ массѣ народной. Вмѣсто покоя, вмѣсто тишины безмолвія, которое вы ей рекомендуете, она будетъ знать политическую агитацію, демократическую жизнь свободныхъ странъ, она будетъ знать всѣ ея проявленія на почвѣ закона, подъ охраною закона, въ интересахъ всѣхъ, въ интересахъ правительства, парламента, въ интересахъ самого народа!..» [1]).

Въ борьбѣ съ оппортюнизмомъ окончательно сложилась физіономія Клемансо, какъ парламентскаго бойца и ора-

[1]) *Annales de la Chambre des députés*, séance du 6 mars 1883.

тора. Онъ очень краснорѣчивъ, но краснорѣчіе его отличается многими своеобразными чертами. Онъ не любитъ закругленныхъ періодовъ, красиво отдѣланныхъ и своею гармоніею ласкающихъ слухъ. Въ большинствѣ случаевъ рѣчи его состоятъ изъ ряда краткихъ, меткихъ фразъ, направленныхъ къ ближайшей цѣли; въ нихъ мало общихъ соображеній и незамѣтно слѣдовъ тщательной обработки. Но въ нихъ всегда выступаютъ неумолимая логичность, непреклонная энергія и чрезвычайная нервность, которую, однако, онъ подавляетъ своимъ самообладаніемъ. Въ общемъ Клемансо скорѣе блестящій діалектикъ, способный дѣйствовать на разумъ своихъ слушателей, чѣмъ ораторъ, увлекающій сердца аудиторіи красотою слова.

Едва ли не лучшимъ образцомъ ораторскихъ особенностей Клемансо является та рѣчь [1]), которую онъ произнесъ въ засѣданіи 30-го марта 1885 года, въ день паденія послѣдняго министерства Жюля Ферри послѣ неудачъ, постигшихъ тонкинскую экспедицію. Когда Ферри закончилъ свои замѣчанія по поводу тонкинскихъ событій и заявилъ требованіе новыхъ кредитовъ (200 милліоновъ) на военныя надобности, Клемансо сказалъ: «Господа! я не буду отвѣчать президенту совѣта. Я думаю, что въ настоящую минуту уже не можетъ быть никакихъ дебатовъ между министерствомъ, во главѣ котораго стоитъ онъ, и республиканскимъ членомъ Палаты» (рукоплесканія на скамьяхъ крайней лѣвой). *Полъ де-Кассаньякъ:* «Скажите, вообще, французомъ!» (шумъ). *Президентъ:* «Господа! прошу васъ сохранять за преніями всю ту серьезность, какой они требуютъ». *Клемансо* продолжаетъ: «Да! всякіе дебаты окончены между нами. Мы не хотимъ болѣе слушать васъ, мы не можемъ болѣе обсуждать съ вами великіе интересы родины. Мы васъ болѣе не знаемъ, мы не хотимъ васъ

[1]) *Annales de la Chambre des députés*, séance du 30 mars 1885.

знать. На все, что вы говорили и что вы сдѣлали, я въ настоящую минуту хочу набросить пелену забвенія (голоса на правой: *нѣтъ! нѣтъ!*). Дайте мнѣ говорить, господа!.. Я вижу передъ собою не министровъ, а подсудимыхъ!» (Новыя рукоплесканія на скамьяхъ крайней лѣвой и правой; въ центрѣ знаки неодобренія). Нѣкоторые члены, обращаясь къ министерскимъ скамьямъ, восклицаютъ: «Оставьте же министерскія скамьи!» *Графъ де Менъ:* «Въ Тонкинѣ не до смѣха, господинъ президентъ совѣта! Пусть вся Франція узнаетъ, что вы сейчасъ улыбнулись!» *Клемансо* продолжаетъ: «Это — обвиняемые въ государственной измѣнѣ («Да! Да!» на скамьяхъ крайней лѣвой и правой)... надъ которыми рука правосудія не замедлитъ подняться, если во Франціи живы еще начала отвѣтственности и справедливости...» Далѣе Клемансо касается вопроса о томъ, что предстоитъ предпринять въ виду происшедшихъ событій; но судьба Ферри была уже рѣшена...

Главному дѣятелю оппортюнистовъ, какимъ явился Ферри послѣ смерти Гамбетты, нанесенъ былъ жестокій ударъ. Въ теченіе нѣкотораго времени Ферри вынужденъ былъ совсѣмъ сойти съ политической сцены, и, во всякомъ случаѣ, онъ уже безвозвратно утратилъ то значеніе, какое ему принадлежало въ продолженіе многихъ лѣтъ. Паденіе главы оппортюнистовъ явилось, конечно, въ результатѣ неблагопріятнаго стеченія обстоятельствъ, но сила этого паденія, безъ сомнѣнія, не была бы такъ велика, если бы не старанія Клемансо, который своею непреклонною энергіей подкопалъ въ корнѣ основы оппортюнизма, заслуживъ себѣ репутацію «сокрушителя министерствъ» (кромѣ паденія кабинета Ферри, особенно громкимъ крушеніемъ, также благодаря, главнымъ образомъ, Клемансо, закончилъ свое кратковременное существованіе кабинетъ Гамбетты, ноябрь 1881 г.—январь 1882 г.).

Прозвище «сокрушителя министерствъ» дано было Кле-

мансо его врагами и недоброжелателями, которыхъ раздражало его неизмѣнно критическое отношеніе къ республиканскимъ дѣятелямъ, не шедшимъ на встрѣчу запросамъ французской демократіи. Но за предводителемъ радикаловъ несомнѣнно должна быть признана большая положительная заслуга: своею критикой и энергическою борьбой за интересы низшихъ слоевъ населенія онъ заставлялъ республиканскихъ правителей расширять программу и, конечно, не мало способствовалъ осуществленію тѣхъ реформъ, какія проведены были въ послѣдніе годы въ области рабочаго законодательства. И тѣ кабинеты, отъ которыхъ было основаніе ожидать такихъ реформъ, встрѣчали со стороны Клемансо сочувственную поддержку. Такъ было, наприм., съ министерствомъ Фрейсине въ 1886 году, съ кабинетомъ Флоке [1]) 1888 года, наконецъ, съ послѣднимъ министерствомъ Фрейсине въ теченіе большей части его существованія.

Вообще за послѣдніе годы стали рѣже слышаться жалобы противъ Клемансо и обвиненія его въ придирчивости. Между тѣмъ, политическое значеніе его возросло, проявившись и въ рядѣ министерскихъ комбинацій, и въ такомъ важномъ актѣ, какъ избраніе президента Республики. Когда въ декабрѣ 1887 года Греви вынужденъ былъ подать въ отставку и въ Версалѣ собрался Конгрессъ для избранія ему преемника, Клемансо употребилъ всѣ усилія для того, чтобы предотвратить возможность избранія Жюля Ферри. Въ этихъ видахъ онъ энергически поддерживалъ кандидатуру Карно и не мало способствовалъ тому, что при вторичномъ голосованіи за Карно подано было значительное

[1]) Когда Флоке, бывшій до того времени съ 1885 г. президентомъ Палаты депутатовъ, сталъ во главѣ кабинета, Клемансо едва не явился его преемникомъ по званію президента этой Палаты: за него при баллотировкѣ было подано столько же голосовъ (168), сколько и за Мелина, но послѣдній получилъ предпочтеніе, въ качествѣ старшаго по возрасту.

большинство голосовъ, а именно 616 изъ 852 (при первомъ голосованіи за Ферри подано было 212 голосовъ, а при вторичномъ только 11).

Въ печальной эпопеѣ буланжизма Клемансо также проявилъ себя независимымъ, энергическимъ и честнымъ республиканцемъ, готовымъ позабыть о мелкихъ раздорахъ и въ трудную минуту выступить въ дружную борьбу противъ общей для Республики опасности. Положеніе Клемансо въ отношеніи къ Буланже было особенно щекотливо: честолюбивый генералъ политическою своею карьерой обязанъ былъ, главнымъ образомъ, вождю радикаловъ. При образованіи въ январѣ 1886 года кабинета Фрейсине, Клемансо настоялъ на включеніи въ его составъ Буланже въ качествѣ военнаго министра. Сдѣлалъ онъ это потому, что считалъ Буланже способнымъ администраторомъ, убѣжденнымъ республиканцемъ радикальнаго оттѣнка и находилъ, что онъ въ составѣ кабинета можетъ быть полезнымъ для него орудіемъ въ борьбѣ съ традиціями оппортюнистской политики. Обстоятельства не замедлили, однако, обнаружить, что Буланже — человѣкъ ненадежный, крайне честолюбивый и готовый воспользоваться своимъ положеніемъ и популярностью въ явный вредъ Республикѣ. И когда сдѣлалось достаточно яснымъ, что народившійся «буланжизмъ», къ которому примкнули монархическія партіи, есть не что иное, какъ движеніе къ цезаризму и противъ Республики, Клемансо рѣшительно порвалъ со своимъ «protégé». Несмотря на то, что онъ самъ давно заявилъ себя сторонникомъ пересмотра конституціи, онъ выступилъ противъ извѣстнаго предложенія Буланже, сдѣланнаго имъ 4-го іюня 1888 года, и закончилъ свою рѣчь по этому поводу слѣдующими словами: «Вы воюете противъ парламентаризма, но парламентаризмъ есть не что иное, какъ представительное правленіе. Вы, слѣдовательно, хотите наложить руку на самую Республику; но этого мы не допустимъ. Мы сдѣ-

лали не мало ошибокъ, мы признаемъ это, но мы всѣ готовы тѣсно сплотиться вокругъ республиканскаго знамени. И когда увидятъ всѣхъ насъ сплотившимися для его защиты, никто ни во Франціи, ни въ Европѣ не усомнится въ устойчивости и силѣ нашего государства».

За нѣсколько дней передъ этою рѣчью, а именно 25-го мая 1888 года, Клемансо, энергически порицая своего бывшаго пріятеля за цезаріанскія наклонности, основалъ «Общество правъ человѣка и гражданина» (Société des Droits de l'homme et du citoyen) «съ цѣлью защиты Республики противъ какихъ-либо попытокъ реакціи или диктатуры». Подъ руководствомъ Клемансо Общество это проявило большую энергію и въ значительной степени помогло въ борьбѣ съ буланжизмомъ, особенно передъ общими выборами въ сентябрѣ 1889 г., когда буланжисты потерпѣли окончательное пораженіе [1]).

---

[1]) Очеркъ этотъ былъ напечатанъ, какъ сказано выше, въ 1893 году. — Съ тѣхъ поръ политическая дѣятельность Клемансо значительно сузилась и стала менѣе яркою. Съ конца 1893 г. онъ уже не входилъ въ составъ Палаты депутатовъ, будучи забаллотированъ на выборахъ этого года; эта неудача постигла его въ возмездіе за близкія его отношенія съ Корнеліусомъ Герцомъ, однимъ изъ главныхъ участниковъ Панамской эпопеи, хотя противъ самого Клемансо не было предъявлено какихъ-либо обвиненій. Послѣ этой неудачи Клемансо сосредоточилъ свою дѣятельность на публицистической работѣ. Въ послѣдніе годы онъ снова сдѣлался членомъ Парламента, будучи избранъ сенаторомъ.

Библіотека Коммунистической Академіи